

ОПРОКИНУТЫЙ
МИР

ЭОН

Грег БИР

АНТАСТИКА

Грег Бир
Эон
Серия «Эон», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158631

Эон: М.; 2001

ISBN 5-87917-113-2, 5-309-00191-3, 0-812-53174-4

Оригинал: GregBear, "Eon"

Перевод:

Кирилл Плешков

Аннотация

Начало 21 века. Земля разделена на два лагеря, и уже давно находится на грани ядерной войны. Напряжение растет. И тут, неожиданно в околоземном пространстве появляется гигантский (300 км в диаметре) астероид. На его разведку выслана совместная русско-американская и ООНовская экспедиция. Патриция Васкес, молодая ученая-математик, один из лидеров экспедиции, и именно она открывает тайну астероида. Оказывается астероид, названный «Пушинка», это космический корабль, попавший сюда из далекого будущего, да еще и с параллельной Земли. Внутри «Пушинки» находятся семь огромных камер, в шести из них находятся покинутые города, а в седьмой ученые обнаружили странное устройство, открывающее Путь – некий туннель, идущий вне времени и пространства через всю Вселенную...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	37
Глава 2	48
Глава 3	60
Глава 4	103
Глава 5	118
Глава 6	127
Глава 7	144
Глава 8	150
Глава 9	158
Глава 10	163
Глава 11	179
Глава 12	195
Глава 13	209
Глава 14	233
Глава 15	247
Глава 16	251
Глава 17	259
Глава 18	266
Глава 19	275
Глава 20	281
Глава 21	287
Глава 22	292

Глава 23	304
Глава 24	313
Глава 25	315
Глава 26	321
Глава 27	329
Глава 28	336
Глава 29	343
Глава 30	347
Глава 31	364
Глава 32	373
Глава 33	395
Глава 34	403
Глава 35	420
Глава 36	426
Глава 37	435
Глава 38	440
Глава 39	446
Глава 40	454
Глава 41	462
Глава 42	468
Глава 43	482
Глава 44	486
Глава 45	501
Глава 46	506
Глава 47	511
Глава 48	517

Глава 49	526
Глава 50	534
Глава 51	546
Глава 52	549
Глава 53	557
Глава 54	561
Глава 55	581
Глава 56	587
Глава 57	596
Глава 58	627
Глава 59	650
Глава 60	665
Глава 61	690
Глава 62	699
Глава 63	730
Глава 64	737
Глава 65	753
Эпилог	771

Грег Бир

Эон

Полу и Карен с великим уважением и любовью.

Пролог

Четыре начала

1. Канун Рождества 2000 года, Нью-Йорк

– Он выходит на широкую эллиптическую орбиту вокруг Земли, – сообщила Джудит Хоффман. – Перигей, примерно, десять тысяч километров, апогей – около пятисот тысяч. На каждом третьем витке он совершает оборот вокруг Луны.

Она отодвинулась от монитора, чтобы на него мог взглянуть Гарри Лэньер, сидевший на углу стола. Сейчас Камень все еще выглядел, как печеная картофелина без каких-либо отчетливых деталей.

За дверью кабинета слышался шум вечеринки, напоминающий об обязанностях хозяйки. Джудит привела сюда Лэньера лишь несколько минут назад.

– Ничего себе картошечка...

– Никакая это не картошка, – отрезала она.

Высокий, с короткими густыми темными волосами Лэньер напоминал бледнокожего индейца, хотя в нем не было ни капли индейской крови. Особенно выразительными Джудит Хоффман казались его глаза – глаза исследователя, привыкшего видеть на огромном расстоянии. Однако она не доверяла людям с первого взгляда.

Лэньер нравился ей, поскольку кое-чему научил ее. Некоторые считали его безжизненным, но для Хоффман это был просто компетентный, спокойный и исполнительный человек.

Гарри проявлял определенную терпимость к людским слабостям, благодаря чему весьма успешно справлялся с обязанностями менеджера. Казалось, он крайне редко обращает внимание на мелкие обиды и злословие, оценивая людей лишь с точки зрения их деловых качеств – или отсутствия таковых, – по крайней мере, судя по его внешней реакции. Он пытался заглянуть под внешнюю оболочку сотрудника, чтобы разглядеть подлинную его ценность. Хоффман узнала кое-что интересное о некоторых людях, наблюдая за их взаимоотношениями с Лэньером. Познакомившись с его манерой работы, она несколько изменила и свой собственный стиль.

До сих пор Гарри ни разу не был у нее дома, и теперь, в холодном свете дисплея, он рассматривал полки с блоками

памяти, большой пустой стол, компактный принтер рядом с дисплеем.

Как и большинство гостей на вечеринке, он испытывал некоторый трепет перед Джудит. В Капитолии ее называли Советником. Она выполняла официальные и неофициальные функции научного эксперта при трех президентах. Ее видеoprogramмы, возрождавшие науку, были популярны в конце 90-х годов, когда мир еще приходил в себя после потрясения, вызванного Малой Гибелью. Она была членом совета директоров как Лаборатории Реактивного Движения, так и МКСОК – Международного комитета по сотрудничеству в области космоса. Хотя ей и не удавалось скрыть свою плоноту, вкус ее в отношении одежды был безукоризненным. Однако Джудит Хоффан сознательно придерживалась некоторых ограничений: ногти ее были короткими и неокрашенными, тщательно ухоженными, но не элегантными, и она почти не пользовалась косметикой. Она позволяла своим каштановым волосам принимать естественную форму с минимумом вмешательства; казалось, ее голову окружает нимб из изящных кудряшек.

– Вы, должно быть, сейчас на связи с «Дрейком»? – поинтересовался Лэньер.

– Да, но это картинка Службы космического слежения. «Дрейк» до сих пор направлен на созвездие Персея.

– Они не собираются переориентировать его на Камень? Она с волчьей усмешкой покачала головой.

– У этих старых ублюдков жесткий график – они не повернут его даже для того, чтобы взглянуть на величайшее событие двадцать первого века.

Лэньер поднял брови. Камень, насколько он знал, был всего лишь астероидом. Продолговатый обломок скалы не собирался врезаться в Землю, но если он намеревался выйти на ее орбиту, то мог бы стать прекрасным объектом для научных исследований. Это было интересно, но вряд ли заслуживало такого энтузиазма.

– Двадцать первый век наступит лишь в следующем месяце, – напомнил он.

– И именно тогда у нас появится работа. – Джудит повернулась к нему, скрестив на груди руки. – Гарри, мы с вами уже какое-то время работаем вместе. Я очень вам доверяю.

Лэньер почувствовал, как что-то сжалось у него в груди. Весь вечер в ее поведении ощущалась некая напряженность. Он гнал беспокойство прочь от себя, считая, что это не его дело. Теперь же оказалось, что все-таки его.

– Что вы знаете о Камне? – спросила она.

Он на мгновение задумался, прежде чем ответить.

– СКС обнаружила его восемь месяцев назад. Он имеет около трехсот километров в длину и сто километров в поперечнике. Коэффициент отражения средний, ядро, вероятно, кремниевое с железо-никелевой оболочкой. Когда Камень впервые обнаружили, его окружало нечто вроде гало, но позже оно рассеялось, из-чего некоторые ученые предположи-

ли, что это необычно крупное древнее ядро кометы. Противоречивые сведения о низкой плотности возродили к жизни старую гипотезу Шкловского о спутниках Марса.

– Где вы слышали о плотности?

– Не помню.

– Это несколько обнадеживает. Если вы ничего больше не слышали, вероятно, не слышал и никто другой. В СКС имела место утечка информации, но сейчас мы заделали дыру.

Лэньер оказался близок к ее кругам, работая менеджером по связям с общественностью в «АТ и Т Орбиком Сервис». До «Орбиком» он прослужил шесть лет в военно-воздушных силах – сначала истребителем, потом – пилотом высотных заправщиков. Он летал по знаменитой трассе «Чарли Бейкер-Дельта» над Флоридой, Кубой и Бермудами во время Малой Гибели, заправляя самолеты Атлантического Патруля, бдительность которого сыграла решающую роль в прекращении военных действий.

После заключения перемирия он получил «добро» от ВВС на передачу своего опыта в области аэрокосмической техники «Орбикому», налаживавшему всемирную монополию.

Сначала последовало несколько звонков в штаб-квартиру «Орбиком» в Менло-Парке, Калифорния, затем – запрос досье и наконец внезапный и неожиданный перевод в Вашингтонский отдел «Орбиком», который, как позже узнал Лэньер, создала Хоффман. О каком-либо романе не было

и речи – как часто ему приходилось опровергать подобные слухи! – но их способность к совместной работе была просто удивительной в столичной атмосфере постоянных споров и мелочных ссор.

– Почему такая секретность? – спросил Гарри.

– СКС распорядилась скрывать от общественности все данные.

Имелась в виду научная общественность.

– Зачем, черт побери? Последние несколько лет взаимоотношения правительства и общественности были просто ужасными, и это уж точно не улучшит их.

– Конечно, но в данном случае я с ними согласна.

Очередной холодный душ – Хоффман относилась к общественности весьма своеобразно.

– Если все покрыто тайной, откуда об этом знаете вы? – поинтересовался Лэньер.

– Кое-какие связи в МКСОК. По недосмотру президента.

– О, Господи.

– Так или иначе, пока наши гости развлекаются, мне необходимо выяснить, могу ли я на вас положиться.

– Джудит, я всего лишь второразрядный эксперт по связям с общественностью...

– Ерунда. «Орбиком» считает вас своим лучшим координатором. Мне пришлось три месяца бороться с Паркером, чтобы вас перевели в Вашингтон. Вы знаете, что предполагалось ваше повышение?

Честно говоря, он надеялся избежать очередного повышения, чувствуя, что отходит от настоящей работы, поднимаясь все выше и выше по служебной лестнице.

– И вместо этого вы организовали мой перевод?

– Я потянула за большое количество ниточек, чтобы выглядеть так, как подобает кукловоду, которым меня считают. Вы можете мне понадобиться. Вы знаете, что я не останавливаюсь на кандидатуре, пока не буду уверена, что человек готов вытащить меня аж из пекла.

Гарри кивнул. Принадлежность к кругу Хоффман кое-что значила, хотя до сих пор он старался не воспринимать это как нечто особенное.

– Помните сверхновую, которая была обнаружена одновременно с Камнем?

Лэньер кивнул; информация об этом промелькнула в прессе, но он был слишком занят, чтобы обратить на нее серьезное внимание.

– Это была не сверхновая. Будучи яркой, она, однако, не имела ни одного из соответствующих признаков. Впервые она была обнаружена СКС в виде инфракрасного объекта за пределами Солнечной системы. Через два дня свечение стало видимым, и СКС зарегистрировала излучение на частотах, соответствующих межатомным переходам. Температура свечения, начав с миллиона градусов по Кельвину, превысила миллиард. К этому времени детекторы ядерных взрывов, расположенные на спутниках, обнаружили гамма-излу-

чение. Объект был отчетливо виден в ночном небе, так что СКС пришлось придумать для прикрытия правдоподобную историю – якобы система космической обороны обнаружила сверхновую. Но они не знали, что это такое на самом деле.

– И?..

– Шум утих, все успокоились, и затем в той части неба провели визуальные наблюдения. Это был Камень. Тогда все уже знали, что имеют дело не с простым астероидом.

Картинка на мониторе мигнула, раздался мелодичный звук.

– Ну, наконец-то. Объединенное космическое командование завладело «Дрейком» и развернуло его.

«Дрейк» был самым мощным орбитальным телескопом. На обратной стороне Луны сооружались и более солидные приборы, но ни один из них не мог сравниться с «Дрейком» по возможностям. Он не относился к Министерству обороны и официально не подпадал под юрисдикцию Объединенного космического командования – за исключением кризисов, угрожающих национальной безопасности.

Камень появился на экране, сильно увеличенный и окруженный цифрами и графиками. Теперь было видно значительно больше деталей – большой кратер на одном конце продолговатого тела, более мелкие кратеры по всей поверхности, своеобразная полоса, опоясывающая его по экватору.

– Он все еще похож на как астероид, – неуверенно пробормотал Лэньер.

– Несомненно, – поддержала его Хоффман. – Мы определили тип – очень большой мезосидерит. Мы определили состав, но ему недостает около сорока процентов массы. СКС подтвердила это сегодня утром. В среднем сечении глыба наминает геоид, а геоиды не встречаются в космосе, Гарри. Президент уже согласился с моей рекомендацией организовать разведку – еще до выборов, но думаю, нам удастся пробить это и с новой администрацией. Для надежности мы планируем шесть полетов шаттлов до конца февраля. Я заранее разрабатываю план действий. Нам потребуется научная команда, и мне хотелось бы рассчитывать на вашу помощь. Я уверена, что с «Орбикомом» можно договориться.

– Но почему такая секретность?

– Ну, Гарри, вы меня удивляете. – Джудит тепло улыбнулась. – Когда прилетают инопланетяне, правительство всегда стремится сохранить тайну.

2. Август 2001 года, аэродром Подлипки под Москвой.

– Майор Мирский, вы отвлекаетесь.

– У меня скафандр протекает, товарищ полковник.

– Это не имеет значения. Вы можете пробыть в бассейне еще минут пятнадцать-двадцать.

– Есть, товарищ полковник.

– Теперь соберитесь. Вы должны завершить маневр.

Мирский заморгал, стряхивая заливающий глаза пот, и напрягся, пытаясь разглядеть стыковочный узел американского типа. Вода в скафандре уже добралась до колен; он ощущал струйку, просачивающуюся сквозь поясной шов. Чувство это невозможно было описать; майор надеялся, что полковнику Маяковскому оно знакомо.

Он должен был вставить изогнутый металлический стержень в два зажима-датчика. Чтобы обеспечить себе необходимую опору, Мирский зацепился ногой и правым запястьем за круглое кольцо, окружающее люк, используя L-образные крючки на ботинке и перчатке. Потом левой рукой...

(...как они измывались над ним в школе, в Киеве, теперь не существующем, все эти учителя с их идеями девятнадцатого века; как они старались заставить его пользоваться исключительно правой рукой, пока наконец, когда ему было уже почти восемнадцать, не вышел указ, официально амнистировавший детей-левшей...)

...Мирский вставил стержень на место. Он отцепил запястье и ногу и оттолкнулся.

Вода уже доходила до пояса.

– Товарищ полковник...

– Прежде чем люк откроется, должно пройти три минуты.

Мирский закусил губу и попытался повернуть голову внутри шлема, чтобы посмотреть, чем заняты его товарищи

по команде. На расположенных в ряд стыковочных узлах работали двое мужчин и Ефремова. Где Орлов?

Вот он! Откинув голову назад, Мирский увидел Орлова, которого буксировали к поверхности бассейна три аквалангиста. Поверхность, чудесная поверхность, сладкий воздух и никакой заливающейся в скафандр воды. Сейчас он этого уже не чувствовал – уровень поднялся выше пояса.

Крышка люка сдвинулась с места. Послышался жалобный вой механизма, и крышка застыла, открывшись лишь на одну треть.

– Заело, – ошеломленно пробормотал он.

Мирский понимал, что упражнение будет считаться выполненным, когда он сможет войти в люк, а люк был в достаточной степени защищен от дурака и открывался лишь при определенных условиях – хваленая надежная американская техника...

– Очевидно, вы неправильно установили стержень.

– Все правильно! – настаивал Мирский.

– Майор!..

– Да, да! – Он снова ударил по стержню рукой в тяжелой перчатке, но не зацепился ногами и правой рукой, и его отнесло от люка; пришлось терять драгоценные секунды, подтягиваясь обратно с помощью фала. Зацепился. Ударил. Отцепился. Никакого результата.

Вода уже добралась до груди и, когда он наклонился, попала в шлем. Он случайно глотнул и закашлялся. «Ну вот,

полковник решит, что я тону, и сжалится!»

– Покачайте, – посоветовал полковник.

Перчатки с трудом могли втиснуться в выемку, где теперь лежал стержень, удерживаемый на месте частично открытой крышкой. Он нажал на стержень, чувствуя, как наполняются холодной водой рукава и немеют пальцы. Нажал еще раз.

Его скафандр уже не плавал в невесомости – он начал тонуть. Дно бассейна было в тридцати метрах, а все три аквалангиста занимались Орловым. Ничто не сможет спасти его, если он не справится с советской имитацией стыковочного узла своими собственными силами. Если он сейчас сдастся...

Но он не мог сдаться. С юности он стремился к звездам, и впасть сейчас в панику означало потерять их навсегда. С диким криком Мирский ударил по стержню; резкая боль пронзила руку, когда пальцы ударились о внутреннее покрытие и оболочку перчатки.

Крышка люка вновь сдвинулась с места.

– Просто заело, – сказал полковник.

– Я тону, черт побери! – крикнул Мирский.

Он уцепился руками за кольцо и выплюнул воду изо рта. Воздух выходил из скафандра сквозь неплотно прилегающие крепления шлема. Он уже слышал шипение и бульканье воды.

Свет прожекторов залил бассейн, осветив висящие в воде стыковочные узлы. Он почувствовал, как его подхватыва-

ют за руки и за ноги, и сквозь затуманенное стекло шлема увидел неясные очертания трех других космонавтов. Они оттолкнулись от тренировочного комплекса и тащили его все выше и выше – к благословенному небу.

Они сидели за отдельным столиком, вдали от двухсот других новобранцев, и им подали прекрасные толстые сардельки с кашей. В изобилии имелось холодное пиво, правда, кислое и водянистое, и ко всему этому – апельсины, морковь и капустные кочерыжки. А на десерт улыбающийся дежурный офицер поставил перед ними большую железную вазу со свежеприготовленным ванильным мороженым, недоступным в течение многих месяцев тренировок.

После обеда Ефремова и Мирский отправились на прогулку по территории Центра подготовки космонавтов, посреди которой располагался наполовину врытый в землю громадный черный стальной резервуар с водой.

Ефремова приехала из Москвы, и глаза ее были слегка повосточному раскосыми; киевлянина Мирского с одинаковым успехом можно было принять как за немца, так и за русского. Тем не менее, быть уроженцем Киева означало определенные преимущества. Человек, лишившийся родного города – этому русские могли сочувствовать, сопереживать.

Они очень мало разговаривали. Им казалось, что они влюблены друг в друга, но это было неважно. Ефремова была одной из четырнадцати женщин – участниц программы

Космического Десанта. До этого она проходила подготовку в качестве пилота войск ПВО, летая на учебных бомбардировщиках Ту-22М и на старых истребителях СУ. Мирский пришел в армию после окончания аэрокосмического инженерного училища. Ему повезло: вместо того чтобы быть призванным в армию в восемнадцатилетнем возрасте, он стал стипендиантом программы Новой Реиндустриализации.

В училище он получил отличную характеристику, в которой особо отмечались успехи в общественно-политических науках и организаторские способности, и немедленно был назначен на нелегкую должность замполита эскадрильи истребителей в Восточной Германии, но затем его перевели в силы космической обороны, созданные лишь четыре года назад. До перевода он никогда не слышал о них, но такое везение... Ему всегда хотелось быть космонавтом.

Отец Ефремовой был высокопоставленным московским чиновником. Безопасная, с его точки зрения, программа военной подготовки была предпочтительнее общества пользовавшихся дурной славой молодых московских хулиганов. Девушка оказалась очень способной; ее ожидало большое будущее, хотя и не такое, о каком мечтал ее отец.

Они принадлежали к разным кругам, и шансы их случайной встречи были крайне малы. Тем не менее, встреча состоялась.

– Смотри, – сказала Ефремова. – Сегодня он отчетливо виден.

– Да? – Майор сразу же понял, о чем речь.

– Вон там.

Она склонила голову к его плечу и показала на летнее голубое закатное небо, на крохотную светящуюся точку рядом с полной луной.

– Они доберутся туда раньше нас, – с грустью сказала Ефремова. – Впрочем, как всегда.

– Ты пессимистка.

– Интересно, как они его называют, – продолжала она. – Как назовут его, когда долетят туда.

– Наверняка не «Картошкой»! – усмехнулся Мирский.

– Нет, – согласилась Ефремова.

– Когда-нибудь... – начал он, прищурившись, чтобы лучше разглядеть объект.

– Когда-нибудь... что?

– Наверное, придет время, когда мы отнимем его у них.

– Мечтатель, – улыбнулась Ефремова.

На следующей неделе на окраине аэродрома взорвалась барокамера, рассчитанная на двух человек. Ефремова испытывала в ней новый образец скафандра. Она погибла мгновенно. Сначала возникли некоторые опасения по поводу политических последствий этого несчастного случая, но, как оказалось, ее отец повел себя благоразумно. Лучше иметь в семье мученика науки, чем хулигана.

Мирский взял внеочередное увольнение на сутки и провел все это время один в московском парке с тайком приве-

зенной из Югославии бутылкой брэнди, которую он даже не открыл.

Через год майор закончил подготовку и получил повышение. Он уехал из Подлипок и провел две недели в Звездном городке, где посетил музей Юрия Гагарина, ставший теперь чем-то вроде святилища для космонавтов. Оттуда он вылетел на секретный объект в Монголии, а затем... на Луну.

Все это время он не забывал о Картошке. Он знал, что когда-нибудь отправится туда, и притом отнюдь не в качестве советского представителя по программе обмена МКСОК.

Иначе это было бы недостойно его народа.

3. Канун Рождества 2004 года, Санта-Барбара, Калифорния

Патриция Луиза Васкес открыла дверцу машины, отстегивая ремень безопасности. Она торопилась домой на праздник. Психологическое тестирование в Ванденберге в течение последних нескольких дней полностью вымотало ее.

– Подожди, – сказал Пол Лопес. Он положил руку ей на плечо и уставился на приборную доску. Из стереомагнитофона неслась мелодия «Четыре времени года» Вивальди. – Твои старики вряд ли будут рады, если узнают...

– Не беспокойся, – ответила Патриция, откидывая на-

зад прядь темно-коричневых, почти черных, волос. Нижняя часть ее круглого лица была освещена оранжевым светом уличного фонаря, и светло-оливковая кожа казалась розовой. Она изучающе разглядывала Пола, заплетая волосы в две косы. Ее глаза напомнили ему взгляд кошки за мгновение до прыжка.

– Им это понравится, – заметила она, кладя руку на плечо Пола и поглаживая его по щеке. – Ты мой первый приятель – не англосакс.

– Я имею в виду, что мы живем вместе.

– То, чего они не знают, им не может повредить.

– Я как-то неловко себя чувствую. Ты все время говорила, что у тебя старомодные родители.

– Я просто хотела познакомить тебя с ними и показать тебе свой дом.

– Я тоже этого хочу.

– Послушай, на фоне сегодняшних новостей, никого не будет волновать моя девственность. Если мама спросит, насколько серьезны наши отношения, я позволяю тебе ответить.

– Великолепно!

Пол скорчил гримасу.

Патриция поднесла его руку ко рту и издала губами неприличный звук, затем открыла дверцу.

– Подожди.

– Что еще?

– Я не... Я имею в виду, ты знаешь, что я люблю тебя.

– Пол...

– Я только...

– Заходи в дом, познакомься с моей семьей. Успокойся.

И не надо волноваться.

Они заперли машину и открыли багажник, доставая продукты. Патриция с коробкой в руках направилась по дорожке к дому; в холодном вечернем воздухе из ее рта вырывались клубы пара. Она вытерла ноги о коврик у порога, широко распахнула дверь, придержала ее локтем и крикнула:

– Мама! Это я. И я привела с Пола.

Рита Васкес взяла у дочери коробку и поставила ее на кухонный стол. В свои сорок пять лет она была лишь чуть полновата, но ее одежда явно не соответствовала моде даже с точки зрения равнодушной к таким вещам Патриции.

– Что это, гуманитарная помощь? – спросила Рита, протягивая руки и обнимая дочь.

– Мама, где ты откопала костюм из синтетики? Я не видела таких уже много лет.

– Я нашла его в гараже, в чемодане. Твой отец подарил мне его еще до твоего рождения. Так где Пол?

– Он тоже несет коробки. – Патриция сняла пальто и вдохнула запах тамалес, дымящихся на кукурузных листьях, копченого окорока и сладкого картофельного пирога. – Пахнет, как дома, – заявила она, и мать засияла от радости.

В гостиной стояла алюминиевая елка с еще голыми ветвями – украшение елки в канун Рождества было семейной

традицией, – и ярко горел огонь в газовом камине. Патриция улыбнулась, глядя на знакомые барельефы под карнизом, в виде виноградных гроздьев, и тяжелые деревянные балки под потолком. Здесь она родилась, и куда бы она ни уезжала – неважно, насколько далеко, – это был ее дом.

– Где Джулия и Роберт?

– Роберт сейчас служит в Омахе, – ответила Рита из кухни. – В этом году он не смог приехать.

– О, – разочарованно сказала Патриция, возвращаясь в кухню. – А где папа?

– Смотрит телевизор.

В кухню вошел тяжело нагруженный Пол. Патриция взяла у него одну из коробок и поставила ее на пол рядом с холодильником.

– Мы ожидали встретить здесь целую армию, так что привезли кучу продуктов, – сказала она.

Рита взглянула на содержимое коробок и кивнула.

– Съедем. К нам придут наши соседи, мистер и миссис Ортис, и кузен Энрике со своей новой женой. Значит, это Пол?

– Угу.

Рита крепко обняла Лопеса, с трудом обхватив его спину. Потом взяла обе его руки в свои и отступила на шаг, разглядывая молодого человека. Высокий, стройный, с темными волосами и светлой кожей, Пол выглядел еще более англосаксом, чем другие. Тем не менее, разговаривая с ним, Рита

улыбалась. Пол умел держаться с достоинством.

Патриция прошла через холл и прошла в небольшой кабинет, где перед телевизором сидел ее отец. В семье никогда не водились большие деньги, и телевизор у них был двадцатипятилетней давности. На экране во время стереопередач постоянно появлялись радужные помехи.

– Папа! – тихо позвала Патриция, останавливаясь в полутьме позади него.

– Патти!

Из-за высокой спинки кресла показалось лицо Рамона Васкеса с широкой улыбкой под пепельно-серыми усами. Он был частично парализован после инсульта, случившегося три года назад. Патриция присела на диван рядом с отцом.

– Я пригласила к нам Пола, – сказала она. – Жаль, что Джулия на этот раз не приехала.

– Мне тоже. Но ВВС – это ВВС.

Рамон прослужил в авиации двадцать лет, прежде чем уйти в отставку в 1996 году. За исключением Патриции, вся семья имела отношение к самолетам. Джулия познакомилась с Робертом на вечеринке на военно-воздушной базе Марч шесть лет назад.

– Я хочу кое-что сообщить тебе и маме.

– О? Что же? – Стала ли его речь лучше с тех пор как они разговаривали в последний раз? Похоже, что так. Она надеялась, что это так.

Из кухни послышался голос Риты:

– Дочка! Помоги нам с Полом убрать весь этот хлам.

– Что ты смотришь? – спросила Патриция, которой не хотелось уходить.

– Новости.

Комментатор – и его весьма внушительное изображение – рассказывал о Камне. Патриция задержалась, хотя мать позвала ее еще раз.

– В то время, как все новые и новые исследователи отправляются к Камню, общественность и ученые требуют проведения открытого форума. Сегодня, через четыре года после начала объединенных исследований под эгидой НАТО и Еврокосмоса, Камень все так же окутан покровом тайны, и...

Значит, никакие это не новости.

– Требования секретности особенно огорчают русских участников проекта. Тем временем протестующие представители Планетарного общества, Общества Л-5, Друзей Межпланетных Связей и других групп собрались около Белого дома и так называемого Голубого Куба в Саннивейле, Калифорния, выступая против военного вмешательства и требуя предать гласности основные открытия, сделанные в Камне.

На экране появился серьезный, аккуратно подстриженный, строго одетый молодой человек. Он стоял перед Белым домом и говорил, преувеличенно жестикулируя:

– Мы знаем, что это искусственное тело инопланетного происхождения, и мы знаем, что внутри него находятся семь огромных камер. В каждой камере расположен город –

необитаемый город, – во всех камерах, кроме седьмой. Там имеется нечто невероятное, нечто такое, что невозможно себе представить.

– Что это, по вашему мнению? – спросил интервьюер. Молодой человек воздел руки к небу.

– Мы полагаем, они должны рассказать об этом. Что бы это ни было, мы как налогоплательщики имеем право знать!

Комментатор добавил, что представители НАСА и Объединенного космического командования воздержались от комментариев.

Патриция вздохнула и положила руки на плечи Рамона, машинально массируя их.

За обедом Пол внимательно наблюдал за ней, ожидая, когда она найдет подходящий момент, но она молчала, чувствуя себя неуютно в обществе друзей и соседей. Ее новость была предназначена лишь для ближайших родственников, и даже им Патриция не могла сказать всего.

Рита и Рамон, похоже, благосклонно приняли Пола. Это хорошо. В конце концов, они должны узнать об их отношениях, если уже не поняли того, что Патриция и Пол не просто назначают друг другу свидания, но живут вместе – насколько позволяют условия аспирантского общежития.

Столько секретов, предосторожностей... Возможно, родители не будут так шокированы, как она ожидала – или хотела? Ее немного смущала мысль о том, что отец и мать могут считать ее взрослой. Патриция не была с ними столь от-

кровенна, как большинство ее друзей и знакомых.

В конце концов, они с Полом поженятся – в этом она была уверена. Но оба они молоды, и Пол не собирается делать ей предложение, пока не почувствует, что может содержать семью. Или пока Патриция не убедит его, что сможет это делать сама. Но даже после защиты это будет маловероятно еще несколько ближайших лет.

Не считая, конечно, платы, которую она должна получить от группы Джудит Хоффман. Эти деньги пойдут на отдельный страховой счет, пока она не вернется.

Когда посуда была вымыта и все собрались вокруг елки, и принялись наряжать ее, Патриция сделала знак матери, чтобы та вышла на кухню.

– И приведи отца.

Рита помогла Рамону добраться до кухни на костылях, и они расселись вокруг потертого деревянного стола, принадлежавшего семье, по крайней мере, шестьдесят лет.

– Я хочу кое-что вам сказать, – начала Патриция.

– О, madre de Dios, – воскликнула Рита, всплеснув руками, и восторженно улыбнулась.

– Нет, мама, это не по поводу нас с Полом.

Лицо матери застыло, затем расслабилось.

– Так что же?

– На прошлой неделе мне позвонили, – начала Патриция. – Я не могу сказать тебе всего, но мне придется уехать на два-три месяца, может быть, даже больше. Пол знает об

этом, но я не могу сказать ему больше, чем только что сказала вам.

В кухню вошел Пол, толкнув качающуюся дверь.

– Кто тебе звонил? – поинтересовался отец.

– Джудит Хоффман.

– Кто это? – спросила Рита.

– Женщина, которую показывали по телевизору? – задал новый вопрос Рамон.

Патриция кивнула.

– Она – советник президента. Мне предложили поработать с ними, и это все, что я могу вам сказать.

– Почему они предложили это именно тебе? – спросила мать.

– Я думаю, они хотят, чтобы она построила машину времени, – улыбнулся Пол.

Каждый раз, когда он говорил это, Патриция приходила в ярость, но сейчас лишь пожала плечами. Она не могла ожидать, что Пол разберется в сути ее работы. Это было понятно очень немногим, и, уж конечно, не ее родителям и друзьям.

– У Пола есть и другие сумасшедшие теории, – бросила Патриция. – Но мои уста на замке.

– Она такая скрытная, – заметил Лопес. – С ней было трудно последние несколько дней.

– Если бы ты не пытался заставить меня говорить!.. – Она притворно вздохнула – в последнее время ей приходилось делать это достаточно часто – и посмотрела на молочно-бе-

лый потолок, потом повернулась к отцу. – Это должно быть очень интересно. Непосредственно связаться со мной будет невозможно. Можно писать по этому адресу. – Она подвинула к себе телефонную книгу и написала данные абонентного ящика.

– Это важно для тебя? – спросила мать.

– Конечно, – ответил за нее Рамон.

Но Патриция этого не знала. Даже сейчас это казалось ей безумием.

Когда гости разошлись, она вытащила Пола на ночную прогулку по окрестностям. В течение получаса они молча шагали мимо уличных фонарей.

– Я вернусь, ты же знаешь, – сказала наконец Патриция.

– Знаю.

– Я должна была показать тебе мой дом, поскольку для меня это очень важно. Рита, Рамон, дом...

– Да.

– Я думаю, что не смогу без них. Я столько времени провела в мире собственных мыслей и то, чем я там занимаюсь, столь непонятно и странно для большинства людей, что если бы у меня не было какого-то центра притяжения, какого-то места, куда можно вернуться, я не смогла бы жить.

– Я понимаю, – сказал Пол. – Очень приятный дом. Мне понравились твои старики.

Патриция остановилась, и они повернулись друг к другу, держась за руки.

– Я рада.

– Я тоже хочу, чтобы у нас с тобой был свой дом, – проговорил он. – Еще одно место, куда мы оба могли бы вернуться.

На лице девушки отразилось столь пылкое чувство, что, казалось, она готова прыгнуть на него.

– У тебя кошачьи глаза, – улыбнулся Пол.

Они повернули обратно и поцеловались на крыльце, прежде чем отправиться пить кофе и какао с корицей в компании ее родителей.

– Подожди, я сейчас, – бросила Патриция, когда они уже собрались ехать обратно в Калтех.

Она прошла через холл к ванной, мимо выпускных фотографий и окантованной страницы с оглавлением из журнала «Физикал ревю», где была опубликована ее первая статья. Она остановилась перед журнальной обложкой и пристально посмотрела на нее. Внезапно Патриции показалось, что сердце ее пропустило один удар, оставив своеобразную пустоту в груди – короткое, почти приятное ощущение падения, полета в никуда, – а потом все пришло в норму.

Она уже ощущала это раньше. Ничего серьезного – просто дуновение холодного ветра в груди, каждый раз, когда Патриция Васкес полностью отдавала себе отчет в том, куда она направляется.

4. 1174 год Путешествия, Аксис Надер

Премьер-министр Аксиса Ильин Таур Ингл стоял в просторном наблюдательном куполе, глядя на Путь, сквозь голубое сияние города, на дороги, ярко освещенные непрерывным движением между воротами. Позади него застыли два официальных фантома и делегат Нексуса Гексамона.

– Вы хорошо знаете Ольми, сер Франко? – изобразил премьер-министр на графречи.

– Нет, сер Ингл, – ответил делегат, – хотя в Нексусе он известен.

– Три воплощения. На одно больше, чем допускает закон – за выдающиеся заслуги. Ольми – один из наших старейших граждан, все еще сохраняющий материальность, – заметил Ингл. – Загадочная личность. Он давно лишился бы привилегий и отправился на пенсию в Память Города, если бы не был столь полезен Нексусу.

Премьер-министр дал команду распылителю выдать его любимую разновидность тальзита. Туман заполнил куб, окруженный слегка светящимся пурпурным полем. Ингл зашел внутрь и глубоко вдохнул.

Фантомы не шевелились; их изображения не двигались без вызова и существовали лишь для того, чтобы подтвердить, что личности, находящиеся в Памяти Города, сейчас

видят и слышат все происходящее.

– Он, кажется, из надеритов? – сказал материализованный помощник.

– Да. – Премьер кивнул. – Но он служит Гексамону независимо от того, кто находится у власти, и у меня нет оснований сомневаться в его лояльности. Крайне необычный человек. Он пережил великие перемены, великие страдания. Я помню его по событиям на отметке один и три экс девять. Ольми руководил там нашим наступлением на джартов. Но здесь он будет гораздо полезнее. Он – один из тех, на кого мы должны возложить эту миссию. Аксис Надер не может не согласиться с этим или обвинить нас в партизанских действиях; доклады, которые поступали от него, всегда отличались подробностью и точностью. Сообщите президенту, что мы понимаем задачу и потому посылаем Ольми.

– Да, сер Ингл.

– Я полагаю, фантомы получили ответы на свои вопросы?

– Мы слушаем, – сказал один из фантомов. Другой не пошевелился.

– Прекрасно. Теперь я намерен встретиться с сером Ольми.

Фантомы исчезли. Делегат Франко вышел, дотронувшись пальцем до ожерелья и создав над левым плечом флаг официальной службы.

Премьер-министр выключил поле, и помещение заполнилось тальзитом. Запах был своеобразным – резким, как ста-

рое вино. Вошел Ольми.

Он тихо приблизился, не желая прерывать состояние задумчивости, в котором находился Ингл.

– Входите, сер Ольми, – сказал Премьер-министр, поворачиваясь к Ольми, поднимавшемуся по ступеням платформы. – Сегодня вы хорошо выглядите.

– Вы тоже, сер.

– Да. Жена в последний раз устроила мне прекрасную чистку памяти, стерев кучу неприятностей из двадцатого года моей жизни. Это был не слишком удачный год, и, забыв его, я испытал облегчение.

– Прекрасно, сер.

– Когда вы женитесь, Ольми?

– Когда найду женщину, которая сможет стереть двадцать первый год моего первого воплощения.

Ингл добродушно рассмеялся.

– Я слышал, вы поддерживаете теплые отношения в Аксис Надере с... Как ее зовут?

– Сули Рам Кикура.

– Да, конечно... Она в свое время активно сглаживала конфликт между горячими головами Нексуса и фракцией Корженовского, верно?

– Мы редко говорили на эту тему.

Премьер глубоко вздохнул и сосредоточенно уставился на платформу.

– Значит, так. Вам предстоит трудная миссия.

– Рад служить Гексамону.

– На сей раз вряд ли. Это не обычное расследование по поводу контрабандной торговли через ворота. Каждые несколько десятилетий мы посылаем кого-нибудь на Пушкинку, чтобы проверить, как там обстоят дела. На сей раз это вдвойне необходимо. На Пушкинке появились обитатели.

– Кто-то пересек Запретную Зону?

– Нет. Еще загадочнее. Никто не проходил через наши посты у первого барьера. Видимо, они каким-то образом проникли туда извне; что еще более удивительно – это люди. Их немного, но они организованы. Бесполезно рассуждать о том, откуда они взялись – информация слишком противоречива. У вас, конечно, будут все необходимые полномочия и средства передвижения. Об остальном вам сообщит сер Алголи. Ясно?

Ольми кивнул.

– Хорошо. – Ингл перегнулся через ограждение и взглянул на простиравшуюся в двадцати километрах под ним поверхность, где бурлил водоворот света. – Похоже, у этих ворот затор. Время такое – сплошные беспокойства. Месяц Добрых Людей. – Он повернулся к Ольми. – Желаю успеха. Или, как говорили древние, да будут благосклонны к тебе Звезда, Судьба и Сила Духа.

– Спасибо, сер.

Ольми сошел с платформы и покинул купол. Поднявшись на лифте вдоль длинного узкого пилона в Центральный Го-

род, он начал приводить дела в порядок перед длительной отлучкой.

Новое назначение было привилегией. Возвращаться на Пушкинку запрещалось, если только этого не требовал Нексус. Ольми не был там больше четырехсот лет.

С другой стороны, конечно, это могло стать очень опасной миссией – особенно учитывая столь противоречивую информацию. Он мог бы увеличить вероятность успеха, взяв с собой франта.

Если на Пушкинке были люди, и не ренегаты из Города – а это наиболее правдоподобное объяснение, – то откуда же они появились?

Это не давало ему покоя.

Глава 1

Апрель 2005 года

На первом этапе путешествия – в пассажирском салоне шаттла – Патриция Васкес видела окутанный туманом диск Земли на экране монитора. А чуть раньше установленные снаружи камеры показали ей механических чудовищ, передававших огромный груз в поджидающие руки ОТМ – орбитального транспортного модуля. Это напоминало двух пауков с упакованной в кокон мухой. Операция заняла около часа, и захватывающее зрелище отвлекло ее от мыслей о том, где и зачем она оказалась.

Когда подошла ее очередь и она облачилась в «пузырь», чтобы преодолеть десять метров до шлюза ОТМ, ей с трудом удавалось сохранять спокойствие. Пузырь был сделан из прозрачного пластика, так что Патриция не страдала от клаустрофобии. Скорее, даже наоборот. Она ощущала бесконечную черноту за пределами корабля, хотя и не могла разглядеть звезды – их затмевало сияние Земли и ярко освещенная поверхность ОТМ, цепочки цилиндров, шаров и призм, соединенных алюминиевыми балками.

Экипаж модуля, состоявший из трех мужчин и двух женщин, тепло приветствовал девушку в узком туннеле, когда она «вылупилась» из оболочки. Затем ее проводили к крес-

лу, расположенному прямо за местами команды. Эта позиция давала хороший и ясный обзор, и она могла видеть отчетливые точки звезд.

Теперь, когда космос был прямо перед Патрицией и их не разделял экран монитора, казалось, что она находится в бесконечном усыпанном звездами зале. Она чувствовала себя так, словно могла войти туда и заблудиться среди созвездий.

На Патриции все еще был черный комбинезон, который ей выдали во Флориде всего шесть часов назад. Она чувствовала себя грязной; волосы, даже туго стянутые, торчали раздражающими клоками. Ей казалось, будто она ощущает запах собственного беспокойства.

Экипаж плавал вокруг, заканчивая последние проверки и вводя необходимые данные в компьютер. Патриция разглядывала разноцветные комбинезоны – красный и голубой у женщин, зеленый, черный и серый у мужчин – и лениво размышляла, кто из них кому подчиняется и кто кем командует. Субординация никак не проявлялась ни в голосе, ни в манере поведения, словно экипаж состоял из гражданских лиц. Но это было не так.

ОТМ был военным транспортном, соответствующим ограничениям, введенным после Малой Гибели. Один из десятков новых кораблей, построенных на земной орбите после появления Камня, он существенно отличался от транспортов, обслуживавших орбитальные защитные платформы Объединенных космических сил. Он был крупнее и мог ле-

тать на значительно большие расстояния; в соответствии с договором, ОТМ не мог доставлять грузы на орбитальные защитные платформы.

– Стартуем через три минуты, – объявила один из пилотов, блондинка, имя которой Патриция уже забыла. Она коснулась плеча девушки и улыбнулась. – Примерно полчаса здесь будет твориться нечто неопишное. Если вам нужно выпить воды или воспользоваться туалетом, самое время сделать это сейчас.

Патриция покачала головой и улыбнулась в ответ.

– Я прекрасно себя чувствую.

– Хорошо. Девственница?

Патриция изумленно уставилась на нее.

– Она имеет в виду первый полет, – пояснила вторая женщина.

Патриция вспомнила ее имя – Рита, как и у ее матери.

– Конечно, – подтвердила Патриция. – Иначе я не сидела бы здесь, словно корова на бойне?

Блондинка рассмеялась. Пилот – Джеймс или Джек, – с прекрасными зелеными глазами, оглянулся и посмотрел.

– Не волнуйтесь, Патриция, – успокаивающе сказал он.

Их профессиональная уверенность слегка пугала. Это были опытные космонавты, работавшие ранее на околоземных орбитальных платформах, а теперь обслуживающие рейсы между Землей, Луной и Камнем. Она же была всего лишь молодой женщиной, только-только закончившей аспиранту-

ру, и никогда прежде не покидала даже штат Калифорния – до того, как отправилась во Флориду, на космодром Кеннеди.

Интересно, думала она, что сейчас делают отец и мать у себя дома в Санта-Барбаре? Где, они предполагают, может быть их дочь? Патриция попрощалась с родителями всего неделю назад, и у нее до сих пор сжималось сердце при воспоминании о последних минутах, проведенных с Полом. Его письма дойдут до нее – это было гарантировано, – но что она сможет ответить? Скорее всего, ничего. А ей предстояло провести в космосе, как минимум, два месяца.

Она прислушалась к гудению механизмов ОТМ. Работали топливные насосы, слышались таинственные звуки, похожие на бульканье, словно большие водяные пузыри всплывали позади пассажирского салона. Затем – резкое завывание двигателей, уносящих транспортный модуль прочь от шаттла.

Они начали вращаться вокруг оси, совпадающей с центром грузового кокона, закрепленного на запасном шестиугольном резервуаре с горючим. ОТМ рванулся вперед с ускорением, которое придал ему первый импульс двигателя. Блондинка, не успевшая сесть в кресло, приземлилась на ноги у задней переборки, спружинила коленями и закончила вводить команды в процессор.

Затем все пристегнули ремни.

Второй импульс последовал через пятнадцать минут. Пат-

риция закрыла глаза, поудобнее устроилась в кресле и решила поработать над проблемой, отложенной более двух недель назад. На начальном этапе работы она вполне могла обходиться без бумаги. Сейчас в ее голове проплывали символы, разделенные знаками, изобретенными Патриция, когда ей было десять лет. Музыки не было – обычно во время работы она слушала Вивальди или Моцарта – но, тем не менее, она начала погружаться в море абстракций. Рука потянулась к диску и плееру, лежавшим в сумочке.

Несколько минут спустя Патриция открыла глаза. Все сидели на своих местах, внимательно глядя на приборы. Она попыталась задремать, но, прежде чем заснуть, вновь поставила перед собой Большой Вопрос:

Почему именно она была выбрана из списка математиков который километровой длины? То, что она получила премию Филдса, не являлось серьезной причиной; многие превосходили ее и опытом, и известностью...

Хоффман ничего, собственно, не объясняла. Вот, что она сказала: «Вы отправляетесь на Камень. Все, что вы должны знать, находится там, и информация эта секретна, так что я не имею права передавать вам документы на Земле. Вам многое предстоит узнать, и я уверена, что для такого ума, как ваш, это будет великолепное развлечение.»

Насколько было известно Патриции, ее опыт был ни при чем, и это ее вполне устраивало.

Она не сомневалась в своих способностях. Но сам факт,

что выбрали именно ее, что о ней знали (как там звучала тема ее диссертации? «Геодезия негравитационных искривлений n-пространственных относительных систем: подход к суперпространственной визуализации и распределение вероятностей»), лишь усиливал ее тревогу.

Шесть лет назад профессор математики в Стэнфорде сказал Патриции, что единственными, кто в состоянии в полной мере оценить ее работу, являются лишь боги или инопланетяне.

В полудреме, когда куда-то уплыли шум модуля и неприятное ощущение в желудке, она думала о Камне. Власти не препятствовали возникновению дискуссий вокруг этой проблемы, но и не поддерживали их. Русские, которых допустили на Камень лишь в прошлом году, тщательно скрывали, что увидели там их исследователи.

Астрономы-любители и немногие гражданские специалисты, не участвующие в проекте отмечали наличие трех правильных полос, опоясывающих Камень параллельно экватору, и странных углублений на каждом из полюсов, словно он был выточен на токарном станке. В итоге все знали, что это крупная сенсация, возможно, величайшая сенсация всех времен. Поэтому не было ничего удивительного в том, что Пол, сопоставив несколько странных фактов, сказал Патриции, что, по его мнению, она летит на Камень. «Ты слишком умна, чтобы отправиться куда-либо еще», – заметил он.

Боги и инопланетяне.

Ей все же удалось заснуть. Проснувшись, она на короткое время увидела Камень, когда ОТМ разворачивался перед посадкой. Он был очень похож на фотографии, которые она много раз видела в газетах и журналах – по форме напоминающий фасолину, густо покрытый кратерами между опоясывающими его искусственными каналами. Девяносто один километр в диаметре в самом широком месте, двести девяносто два километра в длину. Скала, никель, железо и много чего другого.

– Мы приближаемся к южному полюсу, – сообщила блондинка, поворачиваясь к Патриции. – Сейчас – небольшая лекция, на тот случай, если вас еще не просветили. Так сказать, слепой ведет слепого. – Она бросила многозначительный взгляд на своих коллег. – Прежде всего, несколько цифр и фактов, важных для навигаторов. Обратите внимание, что Камень вращается вокруг длинной оси. Ничего удивительного – все об этом знают, – но он совершает полный оборот за семь минут или около того...

– Каждые шесть целых восемьсот двадцать четыре тысячных минуты, – уточнил Джеймс или Джек.

– Это означает, – невозмутимо продолжала блондинка, – что все не закрепленное на поверхности сразу же улетит оттуда на хорошей скорости, так что сесть там мы не можем. Нам придется пройти через полюс.

– Там внутри что-то есть? – спросила Патриция.

– Там внутри есть много чего, если они сохраняют все –

и всех, – доставленных нами за последние несколько лет, – сообщил Джеймс или Джек.

– Камень имеет такое же альbedo, как и любой кремниевый астероид. Вероятно, таковым он и был когда-то. А вот и южный полюс.

Посреди большого полярного кратера находилось углубление – судя по размерам самого Камня, довольно маленькое, не более километра в глубину и трех-четырех километров в ширину.

Вращение Камня было отчетливо заметно. Когда ОТМ начал приближаться к нему по оси, кратер вырос и стали различимы детали. Почти без удивления Патриция обнаружила, что дно углубления выложено мелкими шестиугольниками, словно пчелиные соты.

В центре виднелось круглое черное пятно, примерно, ста метров в диаметре. Отверстие. Вход. Оно росло, но оставалось столь же интенсивно черным.

ОТМ скользнул внутрь.

– Нам придется задержаться на пять минут, пока вращающийся стыковочный узел не наберет нужную скорость, – пояснил Джеймс или Джек.

– Это сделали мы? – неуверенно спросила Патриция. – Всего за пять лет?

– Нет, дорогая моя, – сказала блондинка. – Это уже было здесь. Я уверена, вы слышали о том, что Камень внутри пуст в нем семь камер. У нас тут изрядное количество персона-

ла и тысячи тонн оборудования. Они занимаются Бог знает чем и находят такие вещи, что мы многое отдали бы ради того, чтобы их увидеть, уж поверьте. Но больше мы ничего не знаем, и нам приказано не распространять слухи. Однако вам это ни к чему.

– Мы принимаем стыковочный сигнал в течение семи минут, – объявил Джеймс или Джек. – Через несколько секунд будет прямая связь.

Послышался мелодичный сигнал вызова.

– ОТМ три-семь, – произнес спокойный мужской голос. – Стыковочный узел вращается в рабочем режиме. Двигайтесь вперед со скоростью одна десятая метра в секунду.

Рита щелкнула переключателем, и вспыхнули прожектора ОТМ, частично осветив внутренность серого цилиндра, внутри которого находился модуль. Впереди появились четыре ряда огней, слегка покачивающихся вперед и назад, пока регулировалась скорость вращения стыковочного узла.

– Поехали.

– ОТМ медленно двинулся вперед.

Патриция кивнула и зажала руки между коленями. Последовал едва различимый толчок – заработали двигатели ОТМ, – затем корабль остановился. Впереди открылся люк, и из него выплыли три человека в скафандрах с кабелями в руках. Пользуясь ранцевыми двигателями, они облетели модуль и закрепили его.

– Вы пришвартовались, ОТМ три-семь, – сообщил голос

по радио несколько минут спустя. – Добро пожаловать на Камень.

– Спасибо, – сказал Джеймс или Джек. – У нас большой и ценный груз. Обращайтесь с ним поаккуратнее.

– Импортный или местный?

– Местный. Лучших калифорнийских сортов.

Патриция не знала, говорят они о вине или о ней, но была слишком взволнована, чтобы спросить.

– Понял вас.

– Посвятите нас в какие-нибудь новые тайны, проводник. – попросила блондинка.

– Мои люди хотят получить груз через пять минут.

– Время пошло.

– Новые тайны? Посмотрим. Почему ворон похож на грифельную доску?

– Ублюдок. Я подумаю, – бросил Джеймс или Джек. Он отключил связь и взлетел над креслом, чтобы помочь Патриции отстегнуть ремни. – Они тут все держат язык за зубами, – сообщил он, ведя ее к выходу. – Оставляю вас на их милость. И обещайте нам когда-нибудь – обещаете? – Он отечески похлопал ее по плечу. – Когда все здесь образуется, и мы соберемся в баре в Саусалито... – Он улыбнулся, представив себе всю нелепость этой картины. – Расскажите нам, что, черт побери, здесь стряслось, шаг за шагом? Мы будем наслаждаться этим всю оставшуюся жизнь.

– Почему вы думаете, что мне об этом расскажут? – спро-

сила Патриция.

– Вы разве не знаете? – Рита присоединилась к ним у люка. – Вам даны неограниченные полномочия. Ваша задача – спасти их коллективную шкуру.

Патриция забралась в переходной пузырь, и люк за ней закрыли. Глядя в иллюминатор, она видела любопытство на лицах оставшихся. Шлюзовая камера открылась, и появились два человека в скафандрах, которые извлекли пузырь из ОТМ. Ее передали из рук в руки через круглое отверстие в темно-серой поверхности стыковочного узла.

Глава 2

На расстоянии двадцати пяти километров от оси вращения Камня создавало силу тяжести в шесть десятых земной. Гарри Лэньер ежедневно пользовался этим для гимнастических упражнений, которые были бы сложны или просто невозможны на Земле. Он раскачивался вперед и назад, с силой выдыхая воздух, и взлетал над брусьями и ямой с великолепным белым песком. Вертеться и переворачиваться было легко – нужен был только замах ногами.

Эта разминка освобождала его мозг от каких-либо мыслей – по крайней мере, на несколько минут – и вновь возвращала к тем дням, когда он был чемпионом колледжа по гимнастике.

Первая камера Камня в поперечном сечении напоминала короткий толстый цилиндр диаметром в пятьдесят километров и длиной в тридцать. Поскольку каждая из первых шести камер Камня была шире в диаметре, чем по длине, они напоминали глубокие долины. Их иногда так и называли.

Лэньер на секунду замер, вытянув пальцы ног, и посмотрел вверх на плазменную трубку. Кольца света проходили сквозь ионизированный газ, немногим более плотный, чем почти идеальный вакуум вокруг, и проносились по оси от одной стены камеры к другой с такой скоростью, что глаз воспринимал их движение как непрерывный прозрачный светя-

щийся луч или трубку. Плазменная трубка – и ее продолжения в других камерах – освещала внутренности Камня и делала это в течение двенадцати столетий с небольшим.

Лэньер спрыгнул на песок и вытер руки о трусы. Он посвящал гимнастике около часа – не больше, – как только предоставлялась такая возможность, что случалось нечасто. Его мускулы ощущали недостаток силы тяжести, но, по крайней мере, он привык к разреженному воздуху.

Гарри провел рукой по коротко подстриженным темным волосам, слегка встряхивая ногами, чтобы остудить их.

Вскоре ему предстояло снова вернуться в небольшой кабинет административного корпуса, снова составлять списки материалов для разнообразных экспериментов, наблюдать за тем, как сменяются научные группы в пяти тесных лабораториях, распределять оборудование и время центрального процессора... Снова к блокам памяти и информации, поступающим из второй и третьей камер...

И снова – к постоянным перебранкам на темы секретности, к постоянным жалобам русской группы на ограниченный доступ к информации.

Лэньер закрыл глаза. Со всем этим он был в состоянии справиться. Хоффман как-то раз назвала его прирожденным администратором, и он в этом не сомневался – умение руководить людьми, в особенности умными, способными людьми, было у него в крови.

Но ему предстояло вернуться и к маленькой фигурке в

верхнем ящике стола. Для него эта фигурка символизировала все, что было связано с Камнем.

Это было выполненное с большим искусством трехмерное изображение человека, заключенное в хрустальном кубе. У основания куба, высота которого не превышала двенадцати сантиметров, аккуратными округлыми буквами было выгравировано имя: КОНРАД КОРЖЕНОВСКИЙ.

Корженовский был главным инженером Камня – шестьсот лет назад.

Здесь начиналось то знание – Лэньер думал о нем как о Библиотечном Звере, угрожающем пожрать его, – которое каждый день отбирало частицу его сущности, приближая его, в некотором роде, к кризису личности. И ничего нельзя было поделать с тем, что знали только он и еще десять человек. Скоро должна прибыть одиннадцатая.

Лэньеру стало жаль ее.

Гимнастические снаряды находились в пятистах метрах от научного комплекса, на полпути между ним и барьером из колючей проволоки, обозначававшим границу, которую никто не мог пересечь без сопровождения и без зеленого значка.

Поверхность долины была покрыта мягкой, сыпучей почвой, не пыльной, хотя и сухой. Кое-где росли островки травы, но по большей части первая камера была бесплодной.

Сам научный комплекс – один из двух в первой камере – напоминал древнеримский военный лагерь с земляным валом и неглубоким сухим рвом, окружающим здания. На

столбах, установленных по верху вала через каждые пять метров, имелись электронные датчики. Все эти предосторожности вели свое начало с тех времен, когда вполне разумно было предполагать, что в камерах все еще могут находиться обитатели Камня и что они могут представлять определенную опасность. В силу привычки – а также ввиду того, что подобная возможность никогда не могла полностью исключаться – предосторожности сохранялись.

Лэньер прошел по солидному деревянному мосту, перекинутому через ров, и поднялся по ступеням на земляной вал, помахав своей карточкой перед одним из датчиков.

Пройдя мужского и женского бунгало, он вошел в административный корпус, мимоходом постучав пальцем по столу Энн Блейкли и помахав ей. Энн была его секретаршей и помощником уже более года. Она повернулась на стуле, подхватив блокнот.

– Гарри...

Он покачал головой, не глядя на нее, и начал подниматься по лестнице.

– Еще пять минут.

На втором этаже Лэньер вставил карточку в щель на двери своего кабинета, прижал большой палец к небольшой пластинке и вошел. Дверь автоматически захлопнулась за ним. Он снял спортивные трусы и рубашку, переодевшись в голубой комбинезон научной команды.

Кабинет был обставлен со всей возможной аккуратно-

стью, но в нем все же ощущался некоторый беспорядок. Небольшой стол, сделанный из перегородок контейнеров ОТМ, стоял рядом с хромированными ящиками, заполненными бумажными рулонами. Узкая полка с книгами соседствовала со стеллажами для блоков памяти, закрытыми прочными пластиковыми панелями. На стенах висели карты и диаграммы.

Широкое окно выходило на строения научного комплекса. На севере, на фоне безжизненной долины, покрытой песком, грязью и чахлой растительностью, неясно вырисовывались очертания далекого купола.

Гарри сел в легкое директорское кресло и положил ноги на подоконник. Его темные глаза, окруженные усталыми морщинами, глядели на далекую точку, где плазменная трубка пересекалась с куполом. Из-за рассеянного свечения трудно было разглядеть стометровое отверстие, которое вело во вторую камеру. Отверстие находилось в пяти километрах над атмосферой.

Через две минуты его личное время закончится. Он привел в порядок блоки памяти и электронные блокноты, просмотрел график дня, мысленно готовя себя к работе.

Под одним из ногтей была грязь. Гарри вычистил ее другим ногтем.

Если бы он только мог объяснить самые простые вещи – фигурку, колючую проволоку барьера, дерево, из которого сделан мост – все бы встало на свои места.

Камень мог бы объяснить все сам.

Единственное же объяснение, которое имелось сейчас, было слишком невероятным для того, чтобы считаться разумным.

Загудел зуммер интеркома.

– Да, Энн.

– Вы уже при исполнении, Гарри?

– Теперь – да.

– К нам приближается ОТМ.

– Наша спасительница?

– Полагаю, что да.

Хоффман сказала, что эта девушка – крайне важная персона, а слово Советника было одним из немногих, с чем Лэньер чувствовал необходимость считаться. За четыре года, прошедших с той вечеринки, он многое узнал о мировой политике и о том, как нации справляются с кризисами. Он осознал, насколько действительно неординарным человеком была Хоффман. Способная и с невероятной интуицией.

Но на той вечеринке она была абсолютно не права в одном: появление Камня не сигнализировало о прибытии инопланетян, во всяком случае – не в прямом смысле этого слова.

Гарри взял два блока памяти и процессор.

– Что-нибудь еще? – спросил он, стоя у стола Блейкли.

– Входящие и исходящие. – Энн протянула пачку сообщений.

Вдоль почти вертикального склона купола всегда дул мягкий холодный ветерок. Иногда падал снег, скапливаясь сугробами у железо-никелевых стен. Вход в лифт – идеальная полукруглая дуга – был, как и все туннели, служебные ходы и сважены, проложен в толще астероида с помощью мощных лазерных излучателей. Стены небольшого зала были гладко отполированы и протравлены кислотой, благодаря чему обнажились прекрасные треугольные узоры Видманштеттена, испещренные мелкими каменными вкраплениями.

Лифт представлял собой цилиндр размерами десять метров в диаметре и пять в высоту и использовался как для персонала, так и для грузов. По периметру шли поручни, а в полу имелись скобы для крепления груза. Наклонный туннель вел к скважине, выходящей на поверхность. По мере того как лифт поднимался, уменьшалась центробежная сила вращения Камня. Вблизи скважины сила тяжести составляла лишь одну десятую процента земной.

Путешествие заняло десять минут. Лифт мягко сбавил скорость и остановился; его противоположный выход вел в заполненный воздухом туннель.

С помощью электрической тележки, одной из двух десятков привезенных с Земли, Лэньер преодолел большую часть оставшегося пути по магнитному рельсу.

Тележка остановилась, и последние метры он проплыл, держась за направляющие канаты.

Первые причаливания в скважине были делом непро-

стым. В то время еще не было соответствующих мощностей для вращения входных камер и достаточного освещения. Пилоты ОТМ раз за разом демонстрировали свое искусство. Первые исследователи в скафандрах проявляли немалую смелость, покидая корабль и приближаясь к стенам скважины, вращавшейся со скоростью три четверти метра в секунду. Сейчас, когда механизмы входной камеры были отремонтированы и вновь приведены в действие, процесс причаливания стал намного легче.

Три посадочных дока были достаточно просто устроены и вполне эффективны. Цилиндры внутри скважин вращались сами, чтобы скомпенсировать вращение Камня, разгоняясь, словно ротор гигантского электродвигателя. Один инженер управлял всеми доками, открывая и закрывая люки, координируя высадку пассажиров и разгрузку грузов.

Зона вокруг скважины была хорошо оборудована; ее заполняли склады и ремонтные мастерские. Здесь грузы проверялись, переупаковывались и либо доставлялись с помощью лифтов вниз, в долину, либо отправлялись по оси к следующей скважине, в очередную камеру.

Руководитель инженерной группы, Лоренс Хайнеман разговаривал с хрупкой темноволосой девушкой, когда Лэньер всплыл в первый док. Они стояли в широком световом овале, держась за канаты, и смотрели, как отодвигается большая герметичная дверь, открывая кокон с грузом ОТМ, покоящийся на перекладинах. На его фоне они казались карлика-

ми.

Хайнеман, невысокий коротко остриженный специалист по аэрокосмической технике из Флориды, широко улыбался и размахивал руками, что-то объясняя девушке. Когда Лэньер приблизился к ним, Хайнеман повернулся, протянул руку и слегка поклонился.

– Патриция, это Гарри Лэньер, можно сказать, наш гражданский босс. Гарри, это мисс Патриция Луиза Васкес. – Он покачал головой и восторженно выдохнул: – Уфф!

Лэньер пожал руку Патриции. Она была маленькой и своей хрупкостью вызывала симпатию. Круглое лицо, шелковистые темно-каштановые волосы, тонкие запястья, узкие ноги, слишком широкие бедра. Совершенно непрacticalная внешность, подумал он. Глаза девушки были большими и круглыми, столь же черными, как и его собственные, нос – маленьким и острым; губы плотно сжаты. Она выглядела испуганной.

– Очень приятно, – улыбнулся Лэньер. – Ларри, что ты успел ей рассказать?

Хайнеман уклонился от ответа, широко улыбнувшись.

– Патриция, у меня пока что голубой значок – а вы я слышал, получите зеленый. Гарри опасается, что вы могли услышать от меня всякие невежественные предположения человека, болтающегося возле оси. Клянусь, я не сказал ничего лишнего. – Он поднял правую руку и приложил левую к груди. – Гарри, я читал некоторые статьи этой леди в математи-

ческих и физических журналах. Просто фантастика.

Однако на его лице был ясно выражен вопрос, который Лэньер понял однозначно: «Что, черт побери, она здесь делает?»

– Об этом я тоже слышан. – Он показал на кокон. – Что там?

– Наконец-то мой допуск к зеленому значку, наконец-то, – пояснил Хайнеман. – Судя по ярлыкам, это трубоход. А АВВП прибудет на следующем ОТМ, через несколько часов.

– Тогда давай распакуем его и посмотрим, что надо доделать.

– Ладно. Рад был с вами познакомиться, Патриция. – Хайнеман собрался было уходить, но внезапно остановился и обернулся с озадаченным выражением. – То, о чем вы пишете, для меня, скорее, хобби; это – за пределами моей специальности. – Он с надеждой поднял брови. – Может быть, мы все-таки сможем поговорить позже, когда я получу свой зеленый значок?

Патриция улыбнулась и кивнула. Мужчины и женщины в серых комбинезонах уже собирались вокруг кокона, словно муравьи, ухаживающие за маткой. Хайнеман присоединился к ним, отдавая распоряжения.

– Мисс Васкес... – начал Лэньер.

– Можно просто Патриция. Я не люблю официально.

– Я тоже – по мере возможности. Я – координатор научной команды.

– Мистер Хайнеман сказал мне. У меня столько вопросов!.. Мистер Лэньер, Гарри, это на самом деле космический корабль, звездолет – вся эта штука?

– Патриция взмахнула рукой, вследствие чего ноги ее сразу же оторвались от палубы.

– Да, – подтвердил он, испытывая знакомое своеобразное удовлетворение. Несмотря на то, что Камень за последние несколько лет почти свел его с ума своими бесконечными сюрпризами и потрясениями, он продолжал в немалой степени любить его.

– Откуда он взялся?

Лэньер поднял руки и покачал головой. Васкес внезапно заметила, сколь усталым он выглядел, и несколько умерила свой пыл.

– Прежде всего, я уверен, вы хотите отдохнуть и помыться. В долине – на поверхности камеры – у нас имеются все удобства. Потом вы можете посетить кафетерий, познакомиться с учеными из нашей команды, поговорить с ними. Всеу свое время.

Васкес внимательно разглядывала Гарри. Взгляд ее показался ему не слишком доброжелательным, даже агрессивным.

– Что-то не так? – Лэньер приподнял брови и посмотрел в сторону. – У нас есть название для того, что происходит здесь с человеком. Мы называем это – окаменение. Я просто немного окаменел, вот и все.

Она посмотрела вокруг и поэкспериментировала с центробежной силой, легким толчком пальца ноги подбросив себя вверх.

– Здесь все выглядит так знакомо! – заметила она. – Я ожидала увидеть таинственный артефакт инопланетного происхождения, но почти все знакомо, словно он построен на Земле, нами самими.

– Ну, – сказал Лэньер, – Хайнеман и его люди основательно здесь потрудились. Но не будем торопиться. Если вы последуете за мной, мы спустимся в первую камеру. Держитесь за канаты. И, если Ларри вам этого уже не сказал, добро пожаловать на Камень.

Глава 3

Патриция лежала на надувном матрасе, не шевелясь, чтобы не скрипели синтетические простыни о винил. Окутанная темнотой, она находилась в тепле и чистоте, была сыта – еда в кафетерии была более чем съедобной – и теперь лежала усталая, но заснуть не могла. Перед ее мысленным взором все еще вставали недавние впечатления.

Поверхность камеры тридцатикилометровой ширины – испещренный серыми и коричневыми пятнами ландшафт, ограниченный с каждой стороны бесстрастным камнем и металлическими стенами, пронизанными светящейся плазменной трубкой.

Она наблюдала своеобразную картину, стоя у входа в лифт на нулевом уровне и глядя на необъятный ландшафт вокруг, выглядевший плоским и нормальным, словно пустыня в светлый облачный день. Однако при взгляде в любую сторону – как по направлению вращения, так и против него – отчетливо видна была кривая. Патриции казалось, что она стоит под широким арочным мостом, перекинутым через яркую молочную реку плазменной трубки над головой. Прямо на севере поверхность изгибалась вверх, следуя очертаниям круглого купола. Наверху все выглядело искаженным, словно виднелось сквозь объектив «рыбий глаз» – поверхность камеры замыкалась в кольцо вокруг плазменной трубки.

Механизмы Камня все еще действовали, хотя его камеры опустели много столетий назад.

Лэньер не отвечал на многие ее вопросы, говоря Патриции, что она все увидит «в процессе», шаг за шагом. «Иначе, – сказал он, – вы не поверите в то, что мы вам расскажем». Это не было лишено смысла, но она все еще пребывала в растерянности. В чем, собственно, заключалась тайна? Камень производил величественное и потрясающее впечатление, но в нем не было ничего такого – насколько она могла судить, – что могло бы возбудить ее профессиональный интерес. Самая обычная физика, хотя и весьма совершенная.

Действительно, все было просто. Возьмем большой астероид, камень с железо-никелевым ядром – миллионолетний осколок первобытного планетного вещества – и запустим его на орбиту. Выдолбим внутри семь камер, соединенных вдоль оси скважинами, затем в оставшемся объеме сделаем сеть туннелей, транспортных путей, складских помещений и лифтов. Возьмем дополнительно несколько углеродных и ледяных астероидов и начнем транспортировать их составляющие в камеры. Отправим Камень в глубокий космос, и – вуаля!

Камень.

Пока что она узнала немного. Камеры соединялись туннелями, проложенными в толще астероида. Многие туннели были частью развитой транспортной системы. В то время, когда Камень был обитаемым, первая камера выполня-

ла роль вспомогательной и складской зоны. Седьмая, вероятно, использовалась для подобной же цели, что было логично – внешние камеры, кроме всего прочего, являлись буферами, предохранявшими от повреждений относительно тонкие концы астероида. Толщина стенки в некоторых местах составляла там лишь несколько километров.

Но с седьмой камерой было связано и нечто необычное. Патриция чувствовала это по голосу Лэньера и понимала по выражению лиц тех, с кем познакомилась в кафетерии. И кроме того, носились слухи еще на Земле...

Так или иначе, седьмая камера отличалась от остальных, и это было крайне важно.

Пока что она познакомилась с пятью учеными, и, с тремя из них – в кафетерии: со специалистом по формированию астероидов Робертом Смитом, высоким, худым, рыжеволосым, с чуть раскосыми глазами, из-за которых он выглядел грустным; с Хуа Линем, стройным красивым главой китайской команды, специалистом по физике плазмы, проводившим большую часть времени у южной полярной скважины, и Ленорой Кэрролсон, круглолицей пятидесятилетней блондинкой с неизменно дружелюбным, сочувственным выражением лица, глаза которой с тяжелыми веками были окружены улыбочными морщинками.

Кэрролсон отнеслась к Патриции с материнской заботой. Той потребовалось несколько минут, чтобы осознать, что это та самая Ленора Кэрролсон, лауреат Нобелевской премии,

женщина-астрофизик, открывшая и частично объяснившая эффект жемчужных звезд восемь лет назад.

Кэрролсон поняла намек Лэнгера на то, что ее задача – познакомить Патрицию с женским бунгало. Оно располагалось в длинном казарменного вида здании нав севере камеры. Комнаты были маленькими и скромными, но по-своему комфортабельными, несмотря на легкость и компактность мебели. В комнате отдыха Кэрролсон представила ее двум другим астрономам, Дженис Полк и Берил Уоллес. Обе – из Эбелл-Эррэй в Неваде. Они сидели, развалившись в креслах, которые, казалось, были собраны из металлолома в школьной мастерской. Полк больше напоминала манекенщицу, чем астронома – в представлении Патриции. Даже в комбинезоне ощущалась ее холодная, отстраненная красота, а выражение лица было не столько неодобрительным, сколько скептическим. Уоллес была достаточно привлекательна, но имела около двадцати фунтов лишнего веса. Казалось, ее что-то беспокоило.

Кэрролсон показала на список, висящий возле входной двери.

– В научной команде тридцать женщин и шестьдесят мужчин. Две супружеские пары, четверо помолвленных...

– Пять, – быстро добавила Патриция.

– И шесть замужних, но с мужьями на Земле. Я – одна из них. Это означает слабую надежду на успех для одиноких мужчин. Но, помолвлены вы или нет, вы становитесь закон-

ным объектом посягательств, если внесете свое имя в список. Есть одна старая поговорка, которая могла бы здесь подойти: «Не макай свое перо в официальные чернила». Поскольку здесь ничего нет, кроме официальных чернил, перо так или иначе обмакнуть придется, но злоупотреблять этим не следует. – Ленора Кэрролсон посмотрела на Дженис и Берил. – Верно, девочки?

– Рай, – бесстрастно бросила Полк, глядя в потолок широко открытыми глазами. – Лучше, чем в университете.

– Если будут какие-то проблемы, – обратилась Кэрролсон к Патриции, – немедленно скажите мне. Я здесь старшая, по крайней мере, по возрасту.

– Со мной все будет в порядке.

Она никогда не относила себя к категории ветрениц, легко и быстро влюблявшихся – и, как правило, без взаимности. Впрочем, подумав о Поле, она решила, что это меньше всего должно волновать ее здесь. Хотя – она улыбнулась в темноте, – Лэньер был приятным человеком, пусть и весьма беспокойным.

Интересно, подумала Патриция, как будет выглядеть она сама, когда разберется во всем?

Она не заметила, как заснула. Ее разбудил мелодичный звонок интеркома. Рядом с кроватью одновременно с сигналом загорелся янтарный огонек. Патриция заморгала при виде голых белых стен и сразу же вспомнила, где находится. Собственно, она чувствовала себя почти как дома и лишь

немного волновалась. Девушка села на кровати.

Патриция никогда не была любительницей приключений. Путешествия автостопом и поездки на природу присутствовали в ее жизни, но она никогда не питала особой склонности к активному отдыху, кроме, пожалуй катания на велосипеде. Каждые шесть-восемь месяцев она становилась заядлой велосипедисткой, ежедневно по два часа катаясь по университетскому городку. Это увлечение проходило через несколько недель, и она вновь возвращалась к сидячему образу жизни.

У нее всегда было много работы, которую следовало сделать – в уме или на бумаге. Умственной деятельностью можно было заниматься почти везде, но не взбираясь по крутым тропинкам или смертельно устав после долгого перехода.

Однако здесь...

В какой-то момент, ночью, Камень стал ее плотью и кровью. Пат было знакомо это ощущение, когда она с подобным же упорством пыталась решать математические проблемы. Ей стало весело, пульс участился, и она раскраснелась, как маленькая девочка.

Когда Лэньер постучал в дверь, она уже оделась и причесалась. За спиной Гарри стояла Кэрролсон.

– Завтрак? – спросил Лэньер. В форменном голубом комбинезоне научной команды девушка выглядит более практично, подумал он.

Бледный свет плазменной трубки никогда не менялся и

отбрасывал лишь слабые тени. В кафетерии, расположенном рядом с экспериментальной сельскохозяйственной станцией, завтракала смена, работавшая с 15 до 24 часов. «Ночь» для Патриции продолжалась с шести «утра» до двух «дня». Лэньер сказал, что он спит нерегулярно, а смена Кэрролсон только что закончилась.

Около двадцати членов научной команды собрались вокруг видеоэкрана в конце кафетерия. Лэньер на короткое время присоединился к ним, пока Ленора и Патриция сидели за обедом и завтраком, потом вернулся. Автомат выдавал подносы с едой; каждый сегмент был нагрет до соответствующей температуры, каждое блюдо было удивительно вкусным. Рядом с краном висела табличка со словами: «Настоящая КАМЕННАЯ вода – ощущение, которое невозможно забыть. H-2-O со звезд!» Вода была безвкусной, но приятной.

Лэньер показал на группу у экрана.

– Футбол, – объяснил он. – Хант и Тан соорудили возле скважины микроволновый приемник. Какая-то коммерческая компания передает закодированный телерепортаж для своих подписчиков, а мы сейчас как раз в этом же секторе неба. Они раскодировали сигнал.

– Разве это законно? – небрежно спросила Патриция, перекладывая кусочки завтрака на своем подносе.

– Большая удаленность имеет свои преимущества, – пояснила Ленора. – Никто никогда не придерется.

В достатке имелся свежий апельсиновый сок. Цитрусовые деревья пышно цвели в свете плазменной трубки. Кленовый сироп к блинам тоже был настоящий, но не местного производства. Лэньер заметил ее удивление.

– То, что мы не можем выращивать на Камне, с тем же успехом завозиться с Земли. Транспортные расходы весьма высоки, так что доли процента особой роли не играют – и мы убедили их, что нуждаемся в таком же усиленном питании, что и подводники и лунные поселенцы. Ешьте как следует – этот завтрак стоит две сотни долларов.

Кэрролсон дружески болтала в течение всего завтрака, рассказывая о своем муже, оставшемся на Земле – он был математиком и работал в департаменте науки и техники США. Лэньер говорил мало. Патриция, следуя его примеру, тоже молчала и наблюдала за ним краем глаза каждый раз, когда, как она думала, никто этого не замечал. Его индейские черты привлекали девушку, но из-за темных кругов под глазами он выглядел так, словно не спал несколько недель.

– ...будет, и в самом деле, вам полезно, – говорила Кэрролсон.

Патриция тупо посмотрела на нее.

– Я имею в виду плазменное свечение, – повторила Лено-ра. – Оно содержит все необходимое, и от него нет никакого вреда. Вы можете пролежать под ним много дней и не загореть, но зато получите дозу витамина Д.

– О! – сказала Патриция.

Кэрролсон вздохнула.

– Гарри, опять этот ваш эффект.

Лэньер выглядел озадаченным.

– Какой эффект?

– Посмотрите на девушку. – Астрофизик побарабанила пальцами по легкому металлическому столу, сооруженному из контейнера ОТМ, как и большая часть мебели в комплексе. – Будьте осторожны с ним, Патриция. Это известный разбиватель сердец.

Патриция переводила взгляд с Гарри на Ленору, открыв рот.

– Что?

– Я иду на работу – начинается моя смена, – заторопилась Кэрролсон, забирая поднос. – Просто помните, что Гарри несет за вас ответственность перед кое-кем на Земле – кое-кем весьма важным.

Она таинственно улыбнулась и направилась к посудомоечной машине.

Лэньер потягивал кофе.

– Я не уверен, что она сделала правильные выводы в отношении вас.

– Определенно нет.

– Она имеет в виду, что я отвечаю за вас перед Советником – перед Джудит Хоффман.

– Я с ней встречалась, – сказала Патриция.

– И меня нет в списке, потому что у меня здесь слишком

много дел и не слишком много времени. Кроме того, нужно учитывать положение, которое я занимаю.

Лэньер допил кофе и поставил чашку.

– Думаю, когда вокруг столько умных людей, положение не играет особой роли, – промямлила Патриция и почувствовала себя крайне наивной сразу же, как только произнесла последнее слово.

Лэньер скрестил руки на столе и пристально смотрел на девушку, пока она не отвела взгляд.

– Патриция, вы молоды, и это может показаться вам очень романтичным, но дело обстоит крайне серьезно. Мы работаем в соответствии с соглашениями, на выработку которых потребовались годы – не уверен, что они и сейчас окончательны. Мы – это научная команда, состоящая из ученых, инженеров и службы безопасности, и какую бы информацию мы ни обнаружили, она вовсе не обязательно должна стать доступной для каждого жителя земного шара, по крайней мере, на какое-то время. Поскольку вы имеете доступ практически ко всему, ваша ответственность особенно высока – столь же высока, как и моя. Пожалуйста, не тратьте свое время на... В общем, предлагаю вам остаться вне списка. В другое время, в другом месте – да, романтика и приключения. Но не на Камне.

Патриция сидела неподвижно, положив руки на колени.

– Я вовсе не собиралась туда записываться, – сказала она. Ее никто не вызывал на ковер, но все же она была подавлена.

– Хорошо. Давайте получим ваш зеленый значок и прогуляемся по долине.

Они сложили подносы в утилизатор и вышли из кафетерия. Лэньер шагал в нескольких шагах впереди, уставившись в землю, пока они не подошли к небольшому зданию на северной стороне комплекса. Коренастая широкоплечая женщина в черном комбинезоне с зеленым поясом и красными сержантскими нашивками на рукаве открыла им дверь и села за стол, сделанный все из тех же металлических переборок, чтобы заполнить бланки. Закончив, она открыла запертый ящик и достала зеленую пластинку с контуром Камня в углу, обведенным серебряным кругом.

– Здесь заключена наша безопасность, мисс Васкес, – объяснила она. – Надеюсь, вы знаете правила. Зеленый значок – это большая ответственность.

Патриция взяла несмываемый карандаш и поставила на значке свою подпись, затем приложила пальцы к идентификационной пластине, чтобы занести их отпечатки в компьютер системы безопасности. Женщина приколола значок к ее нагрудному карману.

– Рада, что вы среди нас. Я – Дорин Каннингэм, начальник службы безопасности научного комплекса первой камеры. Если возникнут какие-то вопросы или проблемы, заходите.

– Спасибо, – сказала Патриция.

Лэньер вышел из помещения охраны и поднялся по сту-

пенькам на вал.

– Если захотите поупражняться, по всему периметру комплекса проходит беговая дорожка, а ее продолжение ведет ко второму комплексу. Недалеко отсюда есть гимнастические снаряды. Рекомендую усердно тренироваться, как только представится возможность. Уменьшенная сила тяжести не слишком полезна для нас. Если бы я не упражнялся, мои мышцы стали бы слишком слабыми. Кроме того, тренировки помогут быстрее приспособиться к пониженному давлению.

– Думаю, низкая сила тяжести – это даже приятно, – сказала она, когда они подошли к большому сборному барaku из пластиковых листов. – Как будто плывешь.

Внутри барака стояли две машины, напоминающие большие вездеходы – но не на гусеницах, а на шести колесах с резиновыми шинами и металлическими спицами. Патриция наклонилась, заглянув под машину, затем выпрямилась.

– Очень массивные, – заметила она.

– Наши грузовики. Ими легко управлять – вы быстро научитесь. Но сегодня мы просто немного прокатимся. Смотрите побольше по сторонам.

Лэньер открыл дверцу и помог девушке усесться. Помедлив, он сказал:

– Извините, что я сразу на вас так накинулся. Я уверен, вы понимаете, как вы важны для нас, и...

– Я не понимаю, – возразила Патриция. – Я понятия не имею, чем могу быть полезна. – Лэньер кивнул и улыбнулся.

ся. – Но, так или иначе, вы правы. Если я такая важная пер-
сона, придется трудиться без отдыха.

– Похоже, принципы Камня становятся для вас естествен-
ными, – заметил Лэньер. Он взобрался на сиденье водите-
ля и, достав из кармана электронный блокнот, протянул его
Патриции. – Совсем забыл. Вероятно, это вам понадобится.

Он включил электродвигатель и вывел грузовик из гара-
жа.

– Сейчас мы поедem во вторую камеру – в первый город, –
проведем там несколько часов, а потом сядем на «Тридцатый
век лимитед».

– Один из поездов?

Грри кивнул.

– Третью камеру мы сегодня пропустим – слишком много
и слишком быстро для первого раза. Это может вас утомить.
Мы остановимся в комплексе безопасности четвертой каме-
ры, чтобы отдохнуть и пообедать, а потом отправимся прямо
в шестую.

Грузовик подъехал к заграждению, тянуемyся на
несколько километров в обе стороны.

– Сейчас уже можно задавать вопросы?

– С чего-то надо начинать, – улыбнулся Лэньер.

– Вот это – настоящая почва? На ней можно что-то выра-
щивать?

– Она умеренно плодородна. У нас ведется несколько

сельскохозяйственных проектов, в основном, в четвертой камере. По-большей части почва состоит из углеродистого астероидного вещества с кое-какими вкраплениями.

– Гм. – Патриция повернулась, разглядывая кустарник и низкие клубы пыли позади. – Камень все еще работает – я имею в виду, он может улететь?

– Он все еще работает, – подтвердил Лэньер. – но мы не знаем, может он улететь или нет.

– Интересно... Ведь мы можем оказаться в ловушке, если он решит улететь. Тогда придется заняться сельским хозяйством, верно?

– Мы занимаемся сельским хозяйством не поэтому.

Патриция ждала, что Гарри продолжит объяснения, но он смотрел прямо вперед, притормаживая перед воротами в заграждении.

– Двигатели очень старые. Некоторые инженеры считают, что они полностью износились, – комментировал он, наполовину слушая девушку и наполовину – следуя ходу своих собственных мыслей. Он достал из кармана электронный ключ, набрал код и открыл ворота. – Принцип работы двигателей пока непонятен. Последним их действием было замедление Камня для вывода его на нынешнюю орбиту. Горючим служили куски вещества, которые роботы брали с поверхности Камня – большей частью, в глубоких поясах. Затем куски перемещались в точку, расположенную прямо над северным кратером. Сейчас он закрыт – вы скоро поймете, почему.

Что происходило с ними дальше, мы не знаем; выяснить это непросто.

– Могу представить.

Грузовик проехал через ворота и пересек полосу, испещренную следами шин.

– Зачем колючая проволока? – спросила Патриция. – Вы тщательно проверяете всех прибывающих, неужели этого недостаточно? Чтобы доставить сюда заграждения, наверняка потребовались большие расходы. Вместо этого можно было бы привезти научное оборудование.

– Колючую проволоку сюда не привозили. Мы ее нашли.

– Забор из колючей проволоки?

– И фигурки, – добавил Лэньер.

– О чем вы?

– Камень построили люди, Патриция. Люди с Земли.

Она уставилась на него, потом попыталась улыбнуться.

– Построили двенадцать столетий назад. По крайней мере, возраст Камня составляет около двенадцати столетий.

– О, – протянула она. – Рассказывайте кому-нибудь другому.

– Я абсолютно серьезен.

– Не думала, что вы будете надо мной смеяться, – спокойно сказала она, выпрямляясь на сиденье.

– Я не смеюсь. Вы думаете, мы везли сюда восемь или девять километров колючей проволоки?

– Я, скорее, поверю в это, чем в то, что Карл Великий или

кто-то там еще построил Камень.

– Я не сказал, что он из нашего прошлого. Прежде чем мы продолжим разговор – Патриция, пожалуйста, наберитесь терпения. Подождите, – и вы все узнаете.

Патриция кивнула, но внутри у нее все кипело. Это было нечто вроде посвящения. Взять девушку с собой на прогулку, напугать ее, окунуть с головой в какую-то загадочную историю, вытащить обратно и хорошенько посмеяться. Теперь она – настоящий камнежитель. Великолепно!

Она не терпела, когда с ней обходились подобным образом, даже когда была школьницей.

– Посмотрите на растительность, – сказал Лэньер. – Трава. Мы не привозили ее с собой.

– Выглядит, как трава, – согласилась она.

Поездка через долину заняла тридцать минут. Они подъехали к грифельно-серому куполу. Вход в двадцатиметровый туннель украшала арка из серебристого металла. К ней вела наклонная насыпь. Лэньер въехал на нее.

– Как здесь обеспечивается воздухоснабжение? – спросила Патриция. В тишине ей было не по себе. Лэньер включил фары.

– Под тремя средними камерами вырыты большие бассейны. Они мелкие и заполнены несколькими разновидностями ряски, водяного гиацинта и водорослей. Плюс некоторыми другими растениями, которые нам не знакомы. Самый большой бассейн – в форме бублика – окружает четвертую каме-

ру. В куполах есть вентиляционные ходы шириной, примерно, в три километра – вы можете увидеть их в бинокль или даже невооруженным глазом, если у вас достаточно острое зрение. Собственно, Камень пронизан всякими шахтами и ходами.

Патриция кивнула, избегая его взгляда. Скоро Камень ее полностью доконает, подумал Лэньер. Возмущение – первый признак. Возмущаться и не верить намного легче, чем соглашаться. И самое осторожное знакомство с Камнем не могло этого предотвратить. Здесь каждый должен был сначала все увидеть собственными глазами. Остальное понимание приходило позже.

Через шесть минут езды по туннелю они оказались перед тяжелым заграждением из колючей проволоки, полностью перекрывавшим дорогу. Лэньер открыл своим ключом еще одни ворота, и они оказались во второй камере.

Насыпь, ведущая из туннеля, была укреплена с каждой стороны кирпичными стенами, между которыми было натянуто еще одно проволочное заграждение. Возле ворот стояла будка охраны. Три морских пехотинца в черных комбинезонах вытянулись по стойке смирно, когда грузовик подъехал к ним, шурша шинами по каменной насыпи. Лэньер остановил машину, выключил двигатель и соскочил на землю. Патриция осталась на месте, глядя на открывающуюся перед ней панораму.

За насыпью на два километра в глубину простиралась ши-

рокая долина, местами усеянная деревьями и многочисленными плоскими белыми каменными сооружениями, напоминающими высокие фундаменты. За долиной виднелось узкое озеро или река шириной около километра, простиравшаяся на запад и на восток и окружавшая камеру. Водную гладь пересекал подвесной мост с высокими стройными округлыми башенками, установленный между массивными каменными устоями.

За мостом раскинулся город.

Это мог бы быть Лос-Анджелес в очень ясный день или любой другой современный земной город, если брать в расчет его сюрреалистические размеры. Он был огромен, более претенциозен и упорядочен, более зрел архитектурно. И по всему городу, словно толкатели для игры во флиппер, были разбросаны самые грандиозные сооружения, какие ей только довелось видеть в своей жизни. Четырехкилометровой высоты, они напоминали высокие канделябры, сделанные из камня, стекла и сверкающего металла. Каждая грань ближайшего сооружения-канделябра была размером с обычное здание. Сходство с канделябрами усилилось, когда Патриция взглянула вверх и увидела их устремленными к куполу. Оттуда сквозь два слоя атмосферы, с расстояния в пятьдесят километров, город казался чудесно нереальным, словно макет за пыльным стеклом в музее.

Взгляд ее бегал из стороны в сторону, голова поворачивалась и поднималась, словно она видела неспешный теннис-

ный матч постепенно растущих игроков.

– Доброе утро, мистер Лэньер, – сказал старший офицер, подойдя, чтобы взглянуть на значок. – Новенькая?

Лэньер кивнул.

– Патриция Васкес. Неограниченный доступ.

– Да, сэр. Генерал Герхардт предупредил вчера о вашем приезде.

– Что сейчас происходит? – поинтересовался Лэньер.

– Исследовательская группа Митчелла сейчас направляется к «Мега К» на тридцатом градусе, шестом километре.

Лэньер наклонился к кабине.

– «Мега» – это большие здания, – пояснил он.

Патриция прикрыла глаза от света плазменной трубки, пытаясь более отчетливо рассмотреть противоположную сторону камеры. Она могла различить парки и маленькие озера, сеть улиц, расходящихся концентрическими кругами, и квадраты кварталов.

Она находилась от них на таком же расстоянии, как Лонг-Бич от Лос-Анджелеса. Несмотря на размеры, город был явно построен людьми.

Лэньер поднялся на ступеньку кабины и спросил, не хочет ли она размять ноги, прежде чем они поедут дальше.

– Как вы называете этот город? – спросила Патриция.

– Александрия.

– Это вы его так называли?

Лэньер покачал головой.

– Нет.

– Мы доберемся сегодня до седьмой камеры? – спросила она.

– Если вы в состоянии.

– Как долго мы здесь задержимся?

– Самое большее, на несколько часов. Я хочу, чтобы вы заглянули в библиотеку, прежде чем отправиться дальше.

– В библиотеку?

– Именно, – ответил Лэньер. – Это одна из местных достопримечательностей.

Патриция откинулась на спинку сиденья, широко открыв глаза.

– В городе никого нет?

– Большинство из нас считает, что нет. Поступают отдельные сообщения о том, что, якобы, кого-то видели, но я полагаю, это все от нервов. Группа безопасности называет их бужумами. Призраками. Нам ни разу не удалось увидеть живого камнежителя.

– А мертвых вы находили?

– Достаточное количество. В этой и в четвертой камерах есть мавзолеи. Главное кладбище Александрии находится на двадцать шестом градусе, десятом километре. Вам понятна эта система координат?

– Думаю, да, – кивнула Патриция. – Угловое расстояние по кругу, затем удаленность от купола. Но где нулевой угол, и от какого купола ведется отсчет?

– Этот мост – нулевая отметка, а расстояние измеряется от южного купола.

– Значит, это не шутка? Камень построили люди?

– Именно так, – подтвердил Лэньер.

– И куда же они девались?

Лэньер улыбнулся и погрозил ей пальцем.

– Знаю, – вздохнула Патриция. – Подождите и увидите сами. – Она спустилась с грузовика и потянулась, потом потерла глаза. – Впечатляет.

– Когда я впервые увидел Александрию, мне показалось, что я дома, – сообщил Лэньер. – Я вырос в Нью-Йорке, переехал в Лос-Анджелес, когда мне было пятнадцать – практически всю жизнь я провел в больших городах. Но, тем не менее, этот произвел на меня громадное впечатление. Здесь можно поселить двадцать миллионов человек, и им все же не будет тесно.

– Именно поэтому Камень имеет значение – как недвижимость?

– Нет, мы не собираемся продавать здесь участки. У нас пятнадцать археологов, и они готовы убить любого, кто только попробует высказать подобное предположение. Каждые несколько дней они проводят совещания – я уверен, вскоре вы попадете туда. Они работают круглые сутки, и так повелось с тех пор, как мы доставили их сюда три года назад. Они не позволяют нам притрагиваться к чему бы то ни было, за исключением тех случаев, когда кому-то из руководителей

группы безопасности или мне самому удастся их уломать. Но даже тогда приходится чертовски долго извиняться.

Патриция кивнула трем охранникам, которые радушно приветствовали ее в ответ; один из них коснулся рукой козырька фуражки. В помещении охраны загудело и затрещало радио. Старший офицер ответил. Патриция не могла разобрать сообщение, произнесенное гортанным голосом, но охранник ответил на языке, похожем на русский.

– Я могла бы поклясться, что все они – типичные американцы, – сказала она.

– Так оно и есть. Русские работают с Хуа Линем в скважине южного купола.

– Морские пехотинцы говорят по-русски?

– Этот, очевидно, да. И еще на трех или четырех языках.

Отборные кадры.

– Есть здесь кто-нибудь не столь умный?

– Такого мы себе позволить не можем. Каждому приходится работать за двоих и за троих. – Лэньер снова уселся на место водителя. – Когда будете готовы, мы переедем через мост и покатыл в библиотеку.

– В любое время, – сказала Патриция, садясь на свое место.

Лэньер нажал на рычаг, и ворота широко распахнулись перед ними, затем снова захлопнулись.

Они пересекли четырехпролетный мост, шурша шинами по асфальту. Патриция достала из кармана брюк электрон-

ный блокнот и, пользуясь десятиклавишной стенографической клавиатурой, напечатала:

«Прекрасная погода – или, скорее, ее отсутствие. Небо почти ясное. Перспектива, и в самом деле, удивительная. Вблизи поверхность земли кажется плоской, затем почти у горизонта (если смотреть на север) начинает искривляться, причем кривая становится чем дальше, тем круче. Над головой сквозь легкую дымку видно множество деталей».

Патриция просмотрела запись в поисках опечаток. Она научилась работать со стенографическим блокнотом в школе, но это было много лет назад, и она предпочитала писать от руки. Однако на Камне бумага явно была слишком дорогим удовольствием для того, чтобы неумеренно ее расходовать.

Она продолжила печатать, пока они ехали по широкой аллее.

«Улицы – около пятидесяти метров в ширину, посередине разделены тем, что когда-то было травой, и деревьями. Две полосы с каждой стороны. Ни одно из растений не выглядит здоровым. Система орошения разрушается – или вообще не действует? Окна витрин почти все разбиты. Вестибюли деловых контор и агентств – открыты. В одной из витрин – человекоподобный манекен. С длинной шеей. Целый, но голый».

Она заметила вывеску над тем, что когда-то было ювелирным магазином: «Кезар». Латинский алфавит, а на вывеске рядом увидела то же имя, написанное кириллицей. На неко-

торых магазинах были иероглифы – китайские и японские. На других вывесках виднелись лаосский и модифицированный вьетнамский алфавиты.

– Господи, – выдохнула Пат. – Я словно опять в Лос-Анджелесе.

В магазинах, вывесках, даже в некоторых витринах было что-то своеобразное. Патриция прищурилась, стараясь понять отличие.

– Подождите, – попросила она. Лэньер сбавил скорость. – Все это, видимо, сделано под старину, верно? Я имею в виду, как у нас дома в торговых районах, построенных так, чтобы мы думали, что находимся в Старой Англии. В старинном стиле.

– Столь же удачное наблюдение, как и многие другие, которые я слышал. – Лэньер пожал плечами. – Я никогда не обращал особого внимания на этот район.

– Гарри, я в полном замешательстве. Если Камень был построен тысячу лет назад, как объяснить все это?

Лэньер описал плавную кривую и остановил машину посреди улицы. Он показал на большое здание из темно-коричневого камня на северной стороне лужайки.

– Это библиотека – одна из двух, которые мы сейчас исследуем. Все остальные закрыты.

Патриция прикусила нижнюю губу.

– Следует ли мне волноваться? – поинтересовалась она.

– Вероятно. Я бы волновался.

– Мне кажется... У меня такое чувство, будто... – Она покачала головой. – Зачем мне идти туда? Я математик, а не инженер и не историк.

– Поверьте мне, никто не ходит в библиотеку из прихоти. У вас уникальная квалификация. Вы работаете в области, не имевшей никакой практической ценности – до настоящего момента.

– Я перестаю спрашивать, – вздохнула Патриция. – Я даже не знаю, какие вопросы надо задавать.

Вокруг здания были установлены электронные датчики и камеры, а ограждение из колючей проволоки усиливало впечатление от них. У входа стояло четверо охранников весьма крутого вида с «эпшлами» – лазерными ружьями – в руках. Когда Лэньер и Васкес подошли ближе, послышался усиленный громкоговорителем голос:

– Мистер Лэньер, остановитесь и позвольте вас проверить. Кто с вами?

– Патриция Васкес, член научной группы. По рекомендательному письму от генерала Герхардта.

– Да, сэр. Подойдите и предъявите значок.

Они вышли из машины и подошли к воротам.

– Мы привезли ограждения и датчики два года назад с Земли, – сообщил Лэньер Патриции, – когда начали понимать, что там находится.

Они предъявили свои значки и положили руки на пластинку, которую держала женщина в черном и сером. После

проверки они вошли в здание.

Окна первого этажа здесь тоже были разбиты. Не было видно никаких указателей или планов, но явно ощущался дух библиотеки – хотя обстановка и казалась странно искусственной. Внутри было темно и пусто.

– Внешняя охрана не имеет права входить в библиотеку – только специальные представители службы безопасности, в черно-серой форме. Внутри постоянно дежурит один человек с видеомонитором – его голос мы слышали.

– Весьма непросто, – заметила Патриция.

– Это необходимо.

Вспыхнула люминесцентная трубка, висящая под потолком на решетчатых направляющих. Следом за ней загорелись другие, прокладывая светящуюся дорожку по первому этажу и лестнице, расположенной ближе к центру.

– У нас установлены переносные генераторы в четырех местах Александрии, – сказал Лэньер, когда они шли к лестнице. Пол был голым и пыльным, и на нем отчетливо виднелись несколько хорошо расчищенных дорожек. – Большая часть энергосети города не функционирует. Мы пока не обнаружили источники энергии, и, вероятно, специальных энергостанций нет. По-видимому, сам Камень обладает запасом энергии, сконцентрированной в сверхохлажденных батареях.

Патриция наморщила лоб.

– Батареях?

– Типа стометровых ячеек в Аризоне и в Большой Африканской Оранжерее.

– О!

Она не слишком разбиралась в практической физике, но не хотела, чтобы Лэньер об этом знал.

– С другой стороны, электрическая сеть здесь самая обычная. Каналы управления и информации – оптические, примерно такие же, как и на Земле. В зданиях темно, потому что большая часть предохранителей – или того, что выполняло их функции – оказалась отключена, и никто не собирается вновь их включать, пока мы не выясним, насколько велика опасность возникновения пожара.

– Почему разбиты окна? – спросила Патриция, пока они поднимались.

– Стекло со временем становится хрупким и трескается под влиянием изменений атмосферного давления.

– Ветер?

– Что-то в этом роде. В камерах есть области высокого и низкого давления, бывают даже бури. Кое-где идет снег, хотя и не часто. Большая часть всего этого выглядит управляемой, но мы не знаем, где находится пульт.

В полутемных залах за пределами световой полосы на втором этаже она увидела металлические цилиндры в рост человека, расставленные рядами, уходящими в темноту.

– Мы извлекаем данные из этих банков памяти уже год, – сказал Лэньер. – Языки программирования были нам не зна-

комы, так что для получения копий и осмысленных изображений, потребовалось около шести месяцев. Как выяснилось, библиотека в следующей камере даже больше, и сейчас наше внимание сконцентрировано на ней. Но... я все же предпочитаю эту. На четвертом этаже есть обширный отдел печатных изданий. Именно там я занимался своими первыми исследованиями, и там вы будете заниматься некоторыми из ваших.

– Я чувствую себя, словно на «Марии Целесте».

– Подобное сравнение уже делалось, – заметил Гарри. – Так или иначе, здесь, как, впрочем, и везде, действует правило: не трогай ничего, что не сможешь поставить обратно точно так же, как и раньше. Археологи сейчас заканчивают крупномасштабные исследования и все еще весьма раздражительны. Нам приходится то и дело нарушать правила – чтобы отремонтировать необходимое оборудование, пообщаться с компьютерами, – но излишнее вмешательство не допускается. Если Камень – это «Мария Целеста», мы не можем позволить себе не выяснить, почему это так.

На четвертом этаже они вошли в зал, заполненный кабинетами, в каждой из которых находились аппарат для чтения и плоская серая панель, установленная на маленьком столике. Стояла там и недавно привезенная тензорная лампа, подключенная к источнику питания. Лэньер пододвинул Патриции стул. Она села.

– Я сейчас вернусь, – сказал он.

Он пересек зал и вышел, оставив Патрицию одну. Она потрогала аппарат на столе. Для чего он? Для видеокассет, микрофильмов? Трудно сказать. Экран был плоским и черным, толщиной не более четверти дюйма.

В стуле присутствовало нечто странное: посреди сиденья крепился небольшой цилиндр, доставляя некоторое неудобство. Возможно, раньше цилиндр закрывала обивка или стул сам создавал обивку, когда его включали.

Патриция нервно поглядывала на ряды пустых кабин, пытаясь представить тех, кто когда-то пользовался ими, и очень обрадовалась, когда Лэньер вернулся. Руки ее дрожали.

– Как в доме с привидениями, – слабо улыбнулась она.

Гарри протянул ей маленькую книжку в молочно-белом пластиковом переплете. Она перелистала страницы. Бумага – тонкая и плотная, язык – английский, хотя графика необычна – слишком много выступающих черточек. Патриция открыла титульный лист.

– Том Сойер, – прочитала она. – Сэмюэль Ленгхорн Клеменс, Марк Твен. Выпущена в 2110 году.

Она закрыла книгу и положила ее на стол, судорожно сглотнув.

– Ну? – мягко спросил Лэньер.

Патриция хмуро взглянула на него, потом, видимо, начав что-то понимать, открыла рот, но тут же его закрыла.

– Вы удивлялись, почему я выгляжу таким усталым, – сказал Лэньер.

– Да.

– Теперь понимаете?

– Из-за этой... библиотеки?

– Отчасти.

– Она из будущего. Камень – из нашего будущего.

– Мы в этом не уверены.

– Именно поэтому я здесь... Чтобы помочь вам понять, как такое может быть?

– Есть и другие загадки, столь же таинственные, и, возможно, все они взаимосвязаны.

Она снова открыла книгу.

– Опубликовано Главным издательством Большой Джорджии, в сотрудничестве с Тихоокеанским отделением Харперс.

Лэньер наклонился и взял книгу из ее рук.

– Пока достаточно. Мы уходим. Вы можете немного отдохнуть, или, если хотите, мы проведем несколько часов на базе службы безопасности.

– Нет, – сказала Патриция. – Я хочу дальше.

Она на несколько секунд закрыла глаза, пока Лэньер ставил книгу на место. Потом он вернулся и пошел впереди нее на первый этаж.

– Вход в подземку в двух кварталах отсюда, – сообщил он. – Мы можем добраться пешком. Прогулка прочищает мозги.

Она последовала за ним через парк, глядя на здания и вы-

вески на разнообразных земных языках, зная, что уже пересекла ту линию, за которой все кажется уже вполне обычным.

Они вошли под арку в форме полумесяца и спустились на станцию подземки.

– Вы предположили, что Камень – не из будущего, – заметила Патриция.

– Не из нашего будущего, – поправил Лэньер. – Он, возможно, не из нашей Вселенной.

Ее бросило в жар. Она быстро заморгала, не зная, плакать или смеяться.

– Черт побери.

– Такое же чувство было и у меня.

Они стояли на широкой платформе возле стены, которую украшали беспорядочно разбросанные по ней большие плоские розовые кристаллы. Под потолком висели указатели с полустершимися надписями: «Нексус-Центр, линия 5», «К Александрии», «Сан-Хуан Ортега, линия 6, 20 минут». Рядом с указателями помещались черные плоские экраны, все пустые.

Патриция ощутила легкую дрожь и головокружение. Действительно ли она там, где находится, или это лишь сон, вызванный переутомлением?

– Вы начинаете «каменеть», – подсказал Лэньер. – Следите за собой.

– Я слежу. Да. Слежу за тем, как «каменею».

– Обычно следующий этап – депрессия. Дезориентация, фантазии, депрессия. Через все это мне пришлось пройти.

– О? – Патриция посмотрела вниз, на белые плитки под ногами.

– Через пять-десять минут должен быть поезд, – сообщил Лэньер. Он сунул руки в карманы и тоже уставился в пол.

– Со мной все в порядке, – сказала Патриция, не веря сама себе. Но, с другой стороны, она значительно хуже чувствовала себя перед экзаменами, чем сейчас. Она продержится. Должна продержаться. – Мне просто интересно, есть ли другие способы для посвящения новичков. Этот кажется мне весьма надуманным.

– Мы пробовали и другие.

– Не сработало?

– Не лучше, иногда хуже.

Из туннеля повеяло ветерком. Патриция заглянула за край платформы, чтобы разобраться, каким образом ездят вагоны подземки. Путь был гладким, без рельсов или чего-то подобного.

Из туннеля вынырнула гигантская металлическая тысяче-ножка с носом без окон. Поезд резко остановился, с мягким шипением открылись двери. В головном вагоне стоял морской пехотинец с пистолетом в кобуре и с лазерным ружьем в руках.

– Мистер Лэньер! – ловко отсалютовал он.

– Чарли, это Патриция Васкес, еще один зеленый значок.

Патриция, это капрал Чарльз Вурц. Вы, вероятно, еще не раз встретитесь. Чарли – наш главный человек на нулевой транспортной линии.

– Гоняю буджумов, чтобы не катались бесплатно, – сообщил Чарли, улыбаясь и пожимая Патриции руку.

Лэньер знаком пригласил ее войти первой. В общих чертах внутренность вагона выглядела так, как и должен выглядеть любой новый скоростной поезд. Пластиковые сиденья и металлические крепления были в хорошем состоянии. Вагоны явно не были рассчитаны на большое число пассажиров: не было никаких ременных петель или поручней для стоящих, а сиденья стояли свободно, с большим пространством для ног между ними. И никакой рекламы. Собственно, внутри вагона вообще не было никаких надписей.

– Словно старое метро в Сан-Франциско, – вздохнула Патриция. Она не ездила на метро уже много лет.

Пассажиры откинулись на спинки сидений. Движение никак не ощущалось, пока она не взглянула на большие круглые окна, расположенные на неравных расстояниях по бокам. Мимо пронеслись расплывчатые очертания станции. Затем наступила темнота, нарушаемая вспышками вертикальных полос.

– Это вовсе не похоже на будущее, – сказала она. – Здесь все знакомо. Я всегда думала, что будущее должно быть другим, что его нельзя будет узнать. Особенно будущее, отстоящее на тысячу лет. Но здесь – здания, подземка... А почему

бы здесь не быть гиперпространственным передатчикам?

– Александрия и система подземных дорог намного старше, чем другие части Камня. Когда вы освоитесь и увидите подробности, то заметите большие различия между нашей техникой и этой. Кроме того... – Лэньер сделал паузу. – Нужно принимать во внимание историю. Задержки. Помехи. Пережитки прошлого.

– О которых я достаточно скоро узнаю?

– Верно. – Вы чувствуете сейчас какое-нибудь движение? Ускорение?

Патриция нахмурилась.

– Нет. Ну, может быть, мы медленно тронулись с места...

– Поезд двигается с ускорением четыре «же».

– Подождите. – Она повернулась к окну и посмотрела на проносящиеся мимо световые полосы, потом нахмурилась. – Александрия... Я хочу сказать, она неправильно спроектирована.

Лэньер терпеливо смотрел на девушку. О ее выдающемся уме было известно, но во многих отношениях она была слишком молода. Она усиленно пыталась внешне сохранять спокойствие, словно школьница.

– Камень должен ускоряться и замедляться, верно? Так же, как и этот поезд. Но я не чувствую никакого движения, и... в камерах должна быть наклонная поверхность, чтобы компенсировать боковое давление, прилив воды в озерах и прудах. Более высокие стены с одной стороны. Защита от

ускорения. Наклонные дороги для компенсации...

– В камерах ничего для этой цели не предусмотрено, – ответил Лэньер.

– Значит, они ускоряются медленно?

Он покачал головой.

– Но какой-то способ компенсации есть?

– Шестая камера, – произнес Гарри. – Но это тоже лишь часть общей картины.

– Вы заставляете меня разбираться во всем самостоятельно.

– По мере возможности.

– Вы словно проверяете меня.

– Нет, – подчеркнул Лэньер. – Советник сказала, что вы можете нам помочь, и я в этом не сомневаюсь. Но если бы это была проверка, вы бы успешно с ней справились.

У него, однако, были некоторые сомнения на этот счет.

Стены туннеля остались позади, и поезд вырвался на свет. Они мчались над водой со скоростью, самое меньшее, двести километров в час.

– Внизу, под вагонами, находятся три рельса; движение поезда основано на принципе магнитной индукции, – объяснил Лэньер.

– О!

Патриция перевела взгляд на море, волнующуюся голубовато-серую поверхность, простиравшуюся на север и скрывающуюся в полосе тумана возле стены. Над водой виднел-

ся полукруг камеры, а на северо-запад и северо-восток тянулись края туманной полосы и береговая линия.

Примерно в семи километрах от поезда красовалась шестиугольная вершина башни, нижняя часть которой скрывалась в белом тумане; в ней было около пятидесяти метров в высоту и вдвое меньше в ширину. Другая башня, до которой было не более километра, виднелась полностью и стояла на стройном круглом пилоне.

Туман рванулся им навстречу, и внезапно они оказались над землей. Внизу проносился густой еловый лес, казавшийся вполне нормальным – разве что слегка голубоватым – в свете плазменной трубки.

– Четвертая камера была базой отдыха, насколько мы поняли, – сказал Лэньер. – И, конечно, имеется водохранилище и система очистки воздуха. Здесь четыре отдельных острова, и на каждом – своя природная зона. А в водной среде – коралловые сады, пруды со свежей водой и речные системы. Курорт, заповедник дикой природы, рыбное хозяйство – все пришло в пербытное состояние, слегка одичало, но процветает.

Поезд замедлил ход и с легким шипением остановился у платформы. Два человека в черных комбинезонах подбежали к вагонам. Лэньер, а следом за ним и Патриция направились к дверям. Они открылись столь же тихо, как и прежде. Лес, вода, трава – смесь чудесных запахов.

– Пока, Чарли, – попрощался Лэньер.

Чарли ловко отдал честь и вытянулся по стойке смирно в дверном проеме позади них.

Охранник на платформе подошел к гостям, чтобы взглянуть на значок Патриции.

– Добро пожаловать в летний лагерь, мисс Васкес, – сказал он.

Она заглянула за ограждение платформы, находящейся в шести метрах над землей. Платформу окружал комплекс сооружений, почти такой же, что и в первой камере – с щитовыми домиками и земляными валами, но теплица – сельскохозяйственная лаборатория – была значительно больше.

Все в комплексе были одеты в черное, в сочетания черного и хаки, черного и зеленого, черного и серого.

– Служба безопасности? – поинтересовалась Патриция.

Спускаясь с платформы, Лэньер кивнул.

– Наша научная группа невелика, и мы позволяем сотрудникам проводить здесь отпуск или свободное время, когда оно появляется, что бывает нечасто. Эта камера имеет стратегическое значение: она отделяет относительно жилые части Камня от служебных.

– Системы двигателей?

– Да, и седьмой камеры. Так или иначе, у вас есть возможность размять ноги и переварить то, что вы успели увидеть.

– Сомневаюсь, что мне это удастся, – сказала Патриция.

Лэньер повел ее в кафетерий, который мало чем отличался от того, что был в первой камере. Они сели за столик вме-

сте с английским и немецким офицерами. Лэньер представил ее немцу – полковнику Хайнриху Беренсону.

– Через неделю он возглавит силы безопасности седьмой камеры. Вы какое-то время будете работать вместе.

Беренсон, полковник западногерманских ВВС, с песочного цвета волосами и веснушчатым лицом, одного роста с Лэньером, но более мускулистый, больше походил на ирландца, чем на немца. С его не слишком немецкой фамилией и утонченными манерами, он показался Патриции истинно интернациональным. Его манера поведения была дружеской, но слегка холодной.

Она заказала салат – свежую зелень из теплицы – и посмотрела на мужчин и женщин вокруг. Зеленые значки были не у всех.

– Как устроена система значков? – спросила она Лэньера.

Беренсон улыбнулся и покачал головой, словно это было больным местом.

– Красные значки предоставляют право доступа только в скважину первой камеры, – пояснил Лэньер, – и предназначены в основном, для технического персонала. Голубые позволяют передвигаться по Камню везде, за исключением шестой и седьмой камер. Но везде, кроме первой, только с сопровождающим и только для выполнения служебных обязанностей. Зеленые значки открывают доступ в любую камеру, но под постоянным контролем службы безопасности.

– Я здесь уже больше трех лет, – заявил Беренсон, – а по-

лучил зеленый значок лишь три месяца назад. – Он бросил взгляд на значок Патриции и понимающе кивнул. – К счастью, я нашел лазейку: можно считать, сопровождаю сам себя.

Лэньер улыбнулся.

– Поблагодарим Бога за то, что все пока идет столь гладко.

– Аминь, – поддержал его полковник. – Не хотел бы я столкнуться с настоящими неприятностями.

– Для зеленых значков существует три уровня допуска. Первый – самый низкий – без права доступа в определенные закрытые зоны. Второй уровень дает право ограниченного доступа туда для выполнения служебных обязанностей – специальная служба охраны имеет зеленые значки второго уровня. Третий уровень – это тот, что у нас.

– У меня второй уровень, – сообщил Беренсон.

Когда они вернулись к поезду, Патриция спросила:

– Раз у него второй уровень, он не сможет в точности узнать, что из себя представляет Камень?

– Когда попадаешь в седьмую камеру, волей-неволей узнаешь многое.

– Но не то, что в библиотеках?

– Нет, – сказал Лэньер.

Это ее отрезвило. У Беренсона был угрюмый вид, и он даже не знал о библиотеках.

Четверо солдат в скафандрах бежали длинными грациоз-

ными прыжками по лунной поверхности; лишь звезды и серп Земли освещали их путь. Мирский наблюдал за ними с вершины валуна – виднелся был лишь его белый шлем. В правой руке он держал электрический фонарь, направленный назад, в сторону его товарищей по команде, ожидающих в лощине, проложенной упавшей скалой миллионы лет назад. Когда четверка оказалась в нужном месте, он три раза мигнул фонарем.

Цель – имитация лунного бункера – находилась в ста метрах от валуна. Четверо защитников теперь были у воздушного шлюза. Мирский поднял свой АКВ-297 – автомат Калашникова, приспособленный для стрельбы в вакууме – и направил его на люк шлюза.

Люк открылся, и Мирский слегка приподнял оружие, целясь в мишень возле сигнальных огней. Пальцем в перчатке он нажал на расположенный сбоку спусковой крючок и почувствовал, как оружие трижды дернулось. В темноте на короткое время вспыхнул тонкий след выстрела. Пластиковая мишень разлетелась на куски.

Мирский услышал, как руководитель учений называет номера четверых солдат в скафандрах и приказывает им лечь. – Ваш шлюз выведен из строя, – лаконично добавил руководитель. – Отличная работа, подполковник... Можете продолжать.

Мирский и три его товарища направились к макету. Защитники лежали на лунном грунте возле открытого люка

неподвижные, если не считать скачущих цифр на дисплеях систем жизнеобеспечения в их ранцах. Мирский наклонился и подмигнул одному из них через стекло шлема. Тот посмотрел на него без тени удивления.

– Посмотрите назад, товарищ подполковник, – сказал один из его людей. Мирский обернулся и посмотрел туда, куда указывал вытянутый палец ефрейтора.

Картошка – яркая светящаяся точка продолговатой формы – только что появилась над лунным горизонтом.

Казалось, всю его жизнь все только и делали, что показывали на нее – первой была Ефремова, три года назад.

– Да, вижу, – согласился Мирский.

– Вот для чего мы тренируемся, да, товарищ подполковник?

Мирский не ответил. Вмешался руководитель учений и потребовал прекратить бесполезную болтовню.

– У звезд есть уши, ефрейтор, – заметил Мирский. – Давайте выполним нашу задачу и постараемся вовремя попасть на политзанятия.

Ефрейтор встретился с Мирским взглядом и скривился, но ничего не сказал.

Четыре часа спустя в бункере руководитель учений прошел по проходу между койками команды победителей, пожимая всем руки, тепло их поздравляя, а затем протягивая письма из дома. Письма получили все, хотя бы от секретаря партийной ячейки из какой-нибудь далекой деревни. Нако-

нец руководитель остановился возле койки Мирского.

– Вам только одно письмо, товарищ... полковник, – сказал он, протягивая Мирскому толстый тщательно запечатанный и заклеенный конверт. Мирский взял конверт и уставился на него, потом на командира.

– Откройте.

Он осторожно оторвал край конверта и вытащил пять сложенных листов бумаги.

– Повышение, – сообщил он, не желая демонстрировать эмоции.

– И ваше назначение, товарищ полковник, – добавил руководитель. – Друзья, хотите знать, куда отправляется наш новоиспеченный полковник Павел Мирский?

– Куда? – раздался голоса.

– Обрато на Землю, – сказал Мирский.

– Обрато на Землю! – повторил руководитель. – Это, кажется... ваши четвертые учения на Луне за два года? А теперь – обратно на Землю.

Все, улыбаясь, смотрели на полковника.

– На Индийский океан, – продолжал он. – На заключительные учения, в качестве командира батальона.

– На Индийский океан! – воскликнул руководитель, показывая пальцем на пол для символического обозначения пути на Землю, а потом, подняв обе руки, посмотрел вверх и кивнул в сторону потолка.

Раздались одобрителыне аплодисменты.

– Теперь звезды, к которым вы всегда так стремились, полковник, станут вашими, – закончил командир, крепко пожимая ему руку.

Глава 4

За окнами поезда быстро проносились четвертая камера – холмистая местность, маленькие озера и скалы, напоминающие гранитные.

– Путь заканчивается в шестой камере. Нас встретит Джо-зеф Римская и несколько человек из китайской группы.

– Римская? У нас в университете был преподаватель с такой фамилией.

– Вы оказались здесь именно благодаря Римская. Он вас рекомендовал.

– Но он ушел из университета в бюро математики и статистики.

– И там познакомился с Советником, когда работал в Вашингтоне, – добавил Лэньер.

Римская в свое время вел спецсеминар по математике. Он не очень нравился Патриции – высокий угловатый человек с жесткой рыжей бородой, шумный и напористый, профессор социологии и специалист по статистике и теории информации. Будучи строгим математиком, но не обладая, по ее мнению, необходимой интуицией для действительно ценных исследований, Римская всегда казался ей идеальным преподавателем: холодным, требовательным, лишенным воображения.

– Что он здесь делает?

– Советник считает, что он может быть полезен.

– Его специальность – статистическая теория поведения популяции. Он социолог.

– Правильно, – сказал Лэньер.

– Так что же...

В голосе Лэньера чувствовалось раздражение.

– Подумайте, Патриция, куда девались камнежители? Почему они ушли отсюда и откуда взялись здесь?

– Не знаю, – спокойно ответила она.

– И мы не знаем. Еще не знаем. Римская – руководитель группы социологов. Может быть, они смогут ответить на этот вопрос.

– Интересно, сколько же это займет у них времени?

– Я жду, подождите и вы.

Патриция помолчала.

– Мне бы очень хотелось, чтобы вас не слишком раздражали мои вопросы.

Лэньер поднял брови и кивнул.

– Пожалуйста, не принимайте это на свой счет.

«Он постоянно в напряжении, – подумала она. – Что ж, я тоже. Только у него было время, чтобы привыкнуть, если вообще можно привыкнуть к чему-либо вроде библиотеки... или самого Камня. Почти наверняка есть и многое другое...»

Она внезапно представила себе лабиринт из грифельных досок в седьмой камере, заполненный погруженными в свои мысли математиками, сообща работающими над ка-

кой-то большой проблемой. За ними с огромного видеозэкрана, словно Бог, терпеливо наблюдала Хоффман. Лэньер был ее наместником.

– Римская – наполовину русский, – продолжал Лэньер. – Его бабушка была вдовой-эмигранткой, и ее фамилия была указана в документах на въезд в США ее сына. Он говорит на русском, как на своем родном, и порой выступает переводчиком между русскими и нами.

Шум двигателей усилился, и они нырнули внутрь северной стены четвертой камеры.

В пятой камере было темнее, чем в предыдущих. В верхних слоях атмосферы висело покрывало серых облаков, поглощая половину света плазменной трубки. Под облаками раскинулся вагнеровский пейзаж из бесплодных гор, напоминающих иззубренные глыбы антрацита, смешанного с окрашенным в темные тона гематитом. Между горами простирались глубокие долины цвета ржавчины, изрезанные водопадами, вливающимися в серебристые реки. Ближе к середине камеры горы удивляли своей невероятной формой – арки, гигантские изрезанные кубы, пирамиды с отбитыми вершинами и ступени из неровно лежащих плит.

– Что это такое, черт возьми? – спросила Патриция.

– Мы полагаем, нечто вроде открытой горной разработки. Два наших геолога – вы уже знакомы с одним Робертом Смитом – предполагают, что когда в толще Камня выдалбливались камеры, пятая не была закончена. Ее оставили как

источник сырья, и Камнежители им пользовались. Это следы их деятельности.

– Отличное место для любителей фильмов ужасов, – заметила Патриция. – Вы не видите здесь замок Дракулы?

Они молча проехали через короткий туннель в шестую камеру. Когда шум поезда затих и за окнами посветлело, Лэньер встал.

– Конец линии.

Нижний терминал был похож на пещеру, облицованную плитами из красноватой породы и серо-черного астероидного камня. Платформа была расчерчена тонкими линиями, словно когда-то на ней стояли длинные извивающиеся очереди.

– Здесь когда-то находилась рабочая станция, – пояснил Лэньер. – Модифицированная шестая камера была конечной станцией. Вероятно, шестьсот лет назад.

– Как давно опустел Камень?

– Лет пятьсот.

Они поднялись по наклонному пандусу к зданию, построенному большей частью, из толстых прозрачных панелей, дающих обзор.

Долина была усеяна гигантскими массивными формами, цилиндрами, кубами и дисками, стоящими на ребре; все это напоминало чудовищных размеров монтажную плату. Прямо от здания терминала уходил к дальней стене ряд шарообразных резервуаров. Стена была, по крайней мере, сто мет-

ров в высоту, а диаметр резервуаров – вдвое меньше. Ниже, между сферами и лежащими на боку цилиндрами, лежал глубокий канал, заполненный сверкающей водой. Вдоль него выстроились циклопических размеров насосные агрегаты. Над всем этим плавали клочья густых черных облаков, неожиданно изливавшиеся дождем или снегом. Где-то что-то постоянно пульсировало, что, скорее, ощущалось, чем слышалось – словно инфразвуковые биения движущихся гор или далеких морских глубин.

Глядя вперед и вверх, сквозь облака, Патриция видела туманный образ противоположной стороны камеры, заполненной таинственными механизмами.

– Здесь нет никаких движущихся деталей, кроме больших насосов, а их немного, – сообщил Лэньер. – Строители рассчитывали на естественный погодный цикл. Идет дождь, поглощает тепло, вода собирается по каналам в неглубокие пруды, испаряется, и системы сохранения атмосферы забирают тепловую энергию – принцип нам все еще непонятен.

– Для чего все это?

– Когда Камень только проектировался, в шестой камере должен был быть еще один город. Но строители установили, что он может создавать тяготение лишь до трех процентов «же». Незадолго до того, как Камень был оборудован – и перед завершением разработки камер, – они нашли способ, как позволить Камню ускоряться за пределами его возможностей. Метод был сложным и дорогостоящим, но это

дало Камню такую подвижность, от которой проектировщики не могли отказаться. Так что шестая камера была оборудована специальной амортизирующей аппаратурой, и то, что мы видим, лишь малая ее часть. – Он кивнул на панораму за окном. – Вот почему ни в одной из камер поверхность не наклонена, и ни один пруд или река не имеет защитных барьеров. Они просто не нужны. Шестая камера может избирательно подавлять инерционные эффекты любого объекта внутри Камня. В общих чертах можно сказать, что она компенсирует эффект ускорения и замедления всего корабля. Вот почему в поезде отсутствовали инерционные эффекты. Система является саморегулирующейся, хотя мы еще не нашли ее мозг.

Дождь ударил по прозрачной крыше и залил сорокапятиградусный склон над лестничной клеткой. Лэньер замолчал, глядя на бисеринки и ручейки воды.

– С тех пор эта аппаратура модифицировалась и увеличивалась. Когда-то она занимала около трех квадратных километров, а остальная часть шестой камеры использовалась для производства и исследований, которыми нельзя было заниматься в городах. Теперь же она обслуживает и седьмую камеру.

Четыре человека в желтых непромокаемых плащах прошли по берегу канала рядом с терминалом. Их машина стояла в нескольких метрах отсюда на приподнятом дорожном полотне.

– Наш комитет по встрече, – пояснил Лэньер.

Они поднялись на верх здания. На лестнице было холодно, и Патриция поежилась под порывом ветра. Над головой мягко шумел дождь. Сквозь ручейки воды на стекле, сквозь разрыв в облаках, она увидела противоположный – северный – купол. Все остальные купола были фактически пусты, лишены каких-либо черт. Этот же пересекал ряд параллелепипедов, расположенных на равных расстояниях, словно крутой лестничный пролет. На поверхности каждого параллелепипеда виднелись очертания эллипса. Параллелепипеды, по ее оценке, были, по крайней мере, километровой ширины, а эллипсы – вдвое меньше.

Первый из четверки, поднимающейся по лестнице, откинул капюшон. Патриция узнала своего бывшего профессора; бородатое лицо его было румяным, глаза маленькими и подозрительными, словно из-за некой давно вынашиваемой обиды. Римская был в точности таким, каким она его помнила. Он взглянул на девушку с каким-то испугом, потом кивнул Лэньеру. Позади него высокая симпатичная блондинка и двое китайцев – мужчина и женщина в зеленых шапках – сняли плащи и стряхнули воду на пол.

Римская подошел к Патриции; каждый его жест выражал отчужденность, если не отвращение.

– Мисс Васкес, – сказал он. – Надеюсь, вы справитесь. Надеюсь, мне не придется чувствовать себя дураком из-за того, что я выбрал вас.

Она открыла и закрыла рот, словно рыба, потом слишком громко рассмеялась.

– Профессор, я тоже на это надеюсь!

– Не обращайтесь на него внимания, – сказала блондинка приятным и глубоким голосом с легким британским акцентом. – В течение четырех месяцев он не говорил о вас ничего, кроме хорошего. – Она зажала свой плащ под мышкой и протянула Патриции руку. Рукопожатие было крепким и теплым. – Я Карен Фарли, это Ву Чжи Ми, а это Цзян И Син. – Цзян широко улыбнулась Патриции из-под свисавшей на глаза, по последней китайской моде, прямой черной челки. – Мы из Пекинского технического университета.

Римская все еще изучающе разглядывал Патрицию. Его серые глаза сузились.

– Вы здоровы, не страдаете боязнью пространства, эмоциональными расстройствами?

– Я прекрасно себя чувствую, профессор.

– Хорошо. Тогда вы... – он показал на Фарли, Ву и Цзян – ...вы позаботитесь о ней. Я отправляюсь в первую камеру отдохнуть. Меня не будет неделю, может быть, больше. – Он протянул руку Лэньеру, и они обменялись крепким рукопожатием. – Я страшно устал, – сказал Римская, – в немалой степени, оттого, что понятия не имею, что все это означает. Мне никогда не хватало воображения, а здесь... – Он содрогнулся. – Может быть, вам это больше подойдет, мисс Васкес.

Он коротко кивнул своим коллегам, потом взял плащ и

направился к пандусу, ведущему на платформу.

Патриция в замешательстве смотрела ему вслед.

– Я ему завидую... слегка, – заметил Ву на отличном английском с калифорнийским выговором. Он был примерно одного с ней роста, в меру упитан, со стриженными ежиком волосами и детским лицом. – Я недавно прочитал некоторые ваши статьи, мисс Васкес.

– Зовите меня Патриция, пожалуйста.

– Боюсь, они вне пределов моего понимания. Цзян и я – электротехники. Карен – физик.

– Физик-теоретик. Я очень рада вас видеть, – сказала Фарли.

– Рада, – поправил Лэньер.

– Да. – Фарли улыбнулась, видя удивление Патриции. – Я тоже китайская гражданка. Большую часть времени мне удастся дурачить людей. Поправляйте меня, пожалуйста, когда я ошибаюсь.

Патриция осовело переводила взгляд с одного на другого. Она еще не чувствовала себя готовой к знакомствам с новыми людьми, ей не хватало открытости и общительности.

– Мы готовы сопровождать Патрицию в седьмую камеру, – объявил Лэньер. – Но, быть может, она хочет немного отдохнуть.

– Нет. – Патриция решительно покачала головой. – Я хочу сегодня же увидеть все.

– Таковы женщины, – заметила Фарли. – Самоубийствен-

ное упрямство. Нечто, чем я восхищаюсь. То же можно сказать и о Цзян. Однако Чжи Ми – мы называем его Счастливым, – Чжи Ми ленивый парень.

– И она, и профессор Римская – надсмотрщики над рабами, – пояснила Цзян. Ее английский был, явно, менее совершенен, чем у Ву и Фарли.

Она достала два пакета с дождевыми плащами из кармана своего собственного и протянула их Лэньеру и Патриции. Они быстро оделись и покинули свое укрытие.

В воздухе чувствовался запах дождя, свежести и металла. Дождь стих до мелкой мороси, снегопад кончился. Вода по наклонным металлическим скатам под приподнятой дорогой стекала в желоба, попадая затем в водосборный бассейн. Патриция заглянула туда и увидела исчезающий в темноте водоворот.

Машина на дороге была точной копией той, на которой они пересекли первую камеру. Фарли предложила Патриции место рядом с собой, остальные уселись сзади, сдвинув в сторону ящики с научной аппаратурой. Фарли тронула машину с места и плавно набрала скорость.

Дорога расширялась в широкую ленту, извивавшуюся между резервуарами и серыми сооружениями, скрытыми в быстро распространяющемся тумане. Ву наклонился вперед.

– Эта штука выглядит, как асфальт, но это не так. Это астероидная порода, из которой удалены все металлы, раздробленная и смешанная с растительным маслом. Очень

прочная, никаких трещин. Интересно, кто намерен это запатентовать?

Каким-то образом Патриция обнаружила, что однообразная картина придает ей силы. Из-за голубоватого оттенка тумана ей казалось, что она находится внутри кристалла сапфира. Дождь возобновился, и стук капель по крыше машины вместе с легким дуновением теплого воздуха из обогревателя, создавал ощущение безопасности. Казалось, что происходящее не более серьезно, чем фильм по видео.

Она быстро стряхнула с себя это ощущение. Лэньер наблюдал за ней. Патриция повернулась к нему, потом отвела взгляд. Как можно считать ее столь важной персоной? Что она, собственно, может сделать со столь монументальной тайной?

Достаточно масштабов окружающего, чтобы парализовать любую мысль. Глядя сквозь разрывы в облаках на противоположную сторону, она могла с тем же успехом смотреть в иллюминатор шаттла, входящего в атмосферу.

Машина проехала по плавно изгибающейся автостраде и за двадцать минут пересекла шестую камеру. Впереди появились знакомая арка и вход в туннель. Фарли включила фары, и туннель поглотил их.

После штормовой шестой камеры их встретил чистый, ничем не замутненный яркий свет плазменной трубки.

– Еще немного, и послышится пение птиц, – заметила Патриция.

– Хотелось бы, – поддержала ее Фарли.

Они съехали по пандусу. Впереди тянулась прямая, как стрела, дорога, примерно вдвое уже, чем шоссе шестой камеры, с покрытием из того же материала. По обеим сторонам ее на протяжении нескольких километров высились песчаные холмы, покрытые жесткой желтой травой. Невдалеке виднелась рощица невысоких корявых деревьев. На западе, выше по искривляющейся поверхности камеры, Патриция увидела маленькие озера и нечто вроде реки, вытекающей из одного из туннелей купола. Там же плавало несколько кудрявых облаков. Пейзаж был одинаково однообразен и мягок как на востоке, так и на западе – до самых крайних пределов, куда доходил свет плазменной трубки. Сама трубка ярким маяком вырывалась из центра купола.

Патриция чувствовала нараставшее в кабине ожидание, и центром его была она. Все ждали ее реакции.

Реакции на что? В любом случае, эта камера производила меньшее впечатление, чем первая. Спина Патриции напряглась. Так что же она должна сказать?

Лэньер протянул руку и коснулся ее плеча.

– Что вы видите? – спросил он.

– Песок, траву, озера, деревья. Реку. Несколько облаков.

– Посмотрите вперед.

Она посмотрела. Воздух был чистым, и видимость составляла, по крайней мере, тридцать километров. Северный купол, казалось, скрывался вдаль, и его нависающее серое при-

сутствие не ощущалось, как в других камерах. Она взглянула вверх и прищурилась, пытаясь разглядеть конец плазменной трубки.

Трубка конца не имела. Она продолжалась дальше, наверняка больше, чем на тридцать километров, становясь тусклее и тоньше, пока почти не сливалась с горизонтом.

Конечно, на неискривленной поверхности, каковой является цилиндр, если смотреть параллельно его оси, горизонт расположен значительно выше. На неограниченном расстоянии горизонт должен начинаться в действительно бесконечно удаленной точке...

– Эта камера длиннее, – сказала она.

– Да, – осторожно согласился Ву. Цзян кивнула, улыбаясь этому, словно какой-то шутке, и застенчиво сложила руки на коленях.

– Теперь дайте мне разобраться. Мы проехали около двухсот пятидесяти километров внутри Камня, длина которого составляет около двухсот девяноста километров. Значит, эта камера может иметь в ширину, скажем, пятьдесят километров. – Руки ее дрожали. – Но это не так.

– Посмотрите внимательнее, – посоветовал Лэньер.

– Это оптическая иллюзия. Я не вижу северного купола.

– Не видите, – сочувственно согласилась Фарли.

– Тогда что же? – Патриция окинула взглядом кабину. Лица ее спутников оставались непроницаемыми, за исключением таинственной улыбки Цзян. – Тогда что же, черт возьми,

я должна увидеть?

– Это вы сами должны нам сказать, – заметил Гарри.

Она начала быстро размышлять, глядя на противоположную сторону камеры – и пытаясь прикинуть расстояние в странной перспективе огромных цилиндров.

– Остановите машину.

Фарли притормозила машину, и Патриция, спустилась на дорогу. Потом она вскарабкалась по лесенке на платформу наверху кабины и посмотрела вниз, на прямую линию. Дорога уходила в бесконечность – никакого купола, никакого барьера. Выше остальная часть пейзажа выглядела примерно так же.

– Она больше, – сказала она. Фарли и Лэньер стояли возле машины, глядя на Патрицию. К ним присоединились Ву и Цзян. – Она больше, чем астероид. Она бесконечна. Именно это вы пытаетесь мне сказать?

– Мы ничего не говорим, – заметил Лэньер. – Мы показываем. Это единственный способ.

– Вы пытаетесь объяснить мне, что она не кончается, что она продолжается за его пределами? – Она услышала в собственном голосе нотки паники и восхищения.

Стэнфордский профессор, шесть лет назад оказался неправ. Кто-то еще, кроме инопланетян и богов, мог понять сущность ее работы. Теперь она знала, почему ее везли из Ванденберга на Камень на челноке и ОТМ.

Астероид внутри был длиннее, чем снаружи.

Седьмая камера уходила в бесконечность.

Глава 5

Патриция проспала, судя по времени, девять часов. Она лежала на койке, прислушиваясь к мягкому звуку хлопающей на легком ветру парусины.

По крайней мере, в этой части седьмой камеры не было никакой необходимости в солидных строениях. Климат был сухим и мягким, воздух теплым. Она посмотрела вверх – на тент, натянутый между алюминиевыми столбиками, на туманные очертания плазменной трубки, просвечивающей сквозь ткань.

«Я здесь. Все это – на самом деле».

– Ставка – жизнь, – прошептала Патриция. В палатке, занимающей около ста квадратных метров, приглушенно беседовали по-китайски Фарли и Цзян.

Первые несколько часов, пока для нее устраивали отдельную кабину и готовились к ужину, Патриция была активна сверх всякой меры, порхая всюду, словно мотылек, и задавая вопросы, порой не слишком осмысленные. Какое-то время Лэньер угрюмо наблюдал за ней, и у девушки возникло ощущение, что она чем-то его огорчает. Но затем он вместе с другими начал над ней смеяться – к смеху присоединилась и она сама – и удивил всех, достав бутылку шампанского.

– Чтобы окрестить ваше новое место работы, – пояснил Гарри.

Они попытались найти этому месту более подходящее название, поскольку до сих пор именовали его просто «седьмой камерой» или «коридором».

– Мир-спагетти, – предложила Фарли.

Нет, заметил Ву, скорее мир-макаронина, пустой внутри. Цзян предложила мир-трубу. «Туннель» уже использовался в других частях Камня. Слова и формы, казалось, отражались друг от друга, смешиваясь в беспорядке.

После нескольких бокалов шампанского Патриции отчаянно захотелось спать. И едва успели поставить под тентом койку, как она тут же уснула.

Она потянулась и приподнялась на локте, глядя на кустарник и песок, покрывающие гигантскую цилиндрическую поверхность, исчезающую в дымке. Вошла Фарли и присела возле койки.

– Мечтаете?

– Нет, размышляю.

– Когда Гарри полтора года назад организовал нам это грандиозное путешествие, я думала, что сойду с ума. Что вы думаете насчет внушения? Для вас это лишь начинается, но...

Карен отошла в сторону, разглядывая Патрицию очень голубыми глазами. Она была, примерно, на десять лет старше, и в уголках ее губ и глаз пролегли суровые морщинки. В манере поведения чувствовалась требовательная прямота – почти что женский вариант Лэньера, подумала Патриция.

– Увидеть – еще не значит поверить, – ответила она. – Так что лишь слышать об этом еще не достаточно.

– У нас появляется тенденция к благодушию, – продолжила Фарли, глядя на серо-зеленую дорогу. – Иногда это меня беспокоит. Когда прибывают новые люди и видят то, что мы видим каждый день, нас вновь потрясает, насколько это, в самом деле, странно и удивительно. Иногда я чувствую себя, словно жук, ползущий по сталелитейному заводу. Я что-то ощущаю, что-то вижу, но ничего не могу понять. – Она вздохнула. – Я не уверена, что Гарри с этим согласится, но, думаю, следует предупредить вас о буджумах.

– Он упоминал о них. Кто они такие?

– Некоторые видели буджумов. Привидения. Я не видела, и никто из нашей группы тоже. По общему мнению, они имеют психическую природу – это признак переутомления. Ни разу не появлялись какие-то действительно яркие видения, фотографии или что-то подобное. Так что будьте осторожны с тем, что увидите. Будьте вдвойне осторожны – никто еще не доказал, что Камень или коридор абсолютно безлюдны. Нас просто слишком мало, чтобы надлежащим образом исследовать и охранять все камеры. Так что если вы что-то увидите, сообщайте, но не верьте этому. – Карен улыбнулась. – Вам понятно?

– Нет, – сказала Патриция, спуская ноги с койки. – Должна ли я составить график, какой-то план того, чем собираюсь заняться, когда?

– Гарри расскажет вам обо всем, примерно, через полчаса. Сейчас он спит – выдохся. Я имею в виду, устал. Знаете, мы все немного беспокоимся за него.

– У вас у всех зеленые значки, но есть ли у вас допуск третьего уровня?

– Господи, нет, – засмеялась Фарли, откидывая назад длинные светлые волосы. – Мы – китайцы. Мы должны быть счастливы, что сумели забраться так далеко. Мы находимся здесь, благодаря любезности наших правительств, которые в этом десятилетии поддерживают дружеские отношения. Как бы то ни было, мы в значительно лучшем положении, чем бедные русские. Их подпускают к скважинам и плазменным трубкам, но больше почти никуда. Все полагают, что их специальность – физика плазмы, и потому они торчат возле оси. Американцы понятия не имеют, какие среди них прекрасные археологи. Что же касается их социологии... – Она печально покачала головой. – Я с рождения воспитывалась в духе марксизма, но не уверена, что камнежители приняли бы прямолинейные ленинистские догмы.

– Гарри ничего мне не рассказывал о деталях соглашений. Я читала об этом дома... Но я знаю, что нам всего не говорили.

– Корабли НАТО-Еврокосмоса первыми добрались до Камня и начали исследования. По соглашению с МКСОК, НАТО имеет все права на контроль за разработками, а над НАТО, естественно, господствуют США. Русские протесто-

вали особенно против этого, но пока им не удалось ничего добиться. Китайцев никогда сильно не интересовал дальний космос, так что мы согласились с тем небольшим, что нам разрешено. Будучи спокойными и исполнительными, мы сумели проникнуть значительно дальше русских. Как вы можете заметить, в седьмой камере их нет.

– Вы не похожи на китайянку.

Фарли рассмеялась.

– Спасибо. Все говорят, что у меня хорошее произношение, но иногда моя речь... Ладно. Я думаю, вы хотели сказать, что я не выгляжу как китайянка. Я – белая иммигрантка во втором поколении. Мои родители, англичане, эмигрировали из Англии в Чехословакию. Они были специалистами по сельскому хозяйству, и Китай принял их в 1978 году с распростертыми объятиями. Там я и родилась.

– Я провела всю свою жизнь в Калифорнии, – сказала Патриция, – и чувствую себя очень защищенной по сравнению с вами. Вне досягаемости реального мира.

– Мира интриг и международной политики? Я тоже. Я провела большую часть жизни на ферме в Хобэе – достаточно уединенное место. А теперь... мы обе здесь. – Она посмотрела на землю, качая головой. – По разным причинам, существует многое, о чем нам не следует беседовать. Гарри доверяет мне, и я уважаю его доверие. Мы изо всех сил стараемся быть вежливыми и заслуживающими доверия. Вот почему нам удалось добраться сюда. Так вот, технические

вопросы, непосредственно относящиеся к работе – с этим все в порядке. Но что касается проблем, лежащих вне компетенции Ву, Цзян и моей – никаких обсуждений. Вообще.

– Хорошо, – согласилась Патриция.

Фарли посмотрела на север – прямо вдоль коридора.

– Это сделали камнежители. Они были людьми, такими же, как вы и я. Может быть, когда-нибудь мы встретим их – или нечто еще более странное. – Она тонко улыбнулась. – У вас хорошее воображение?

Патриция кивнула.

– Давайте о чем-нибудь другом. Я уже вздрагиваю.

Фарли похлопала ее по плечу.

– Мне нужно возвращаться. Гарри скоро проснется.

Она вошла в основную палатку.

Патриция встала и разгладила на себе джемпер, потом прошла несколько десятков метров по песку, наклонилась и провела рукой по островку травы.

Длина коридора была столь удивительной и приковывающей внимание, что у нее перехватило дыхание. Он был скромным, экономичным, невероятно прекрасным. Ровное освещение, постепенно отдаляющиеся, но, тем не менее, четкие детали; песок, кустарники, озера и реки, текущие от южного купола...

Несмотря на слова Фарли, Патриция чувствовала себя в безопасности, пройдя еще несколько десятков метров на запад и собираясь увеличить это расстояние вдвое. Она добра-

лась до края карликового леса за десять минут, потом оглянулась, чтобы сориентироваться относительно по палатке и пандусу у туннеля.

Деревья напоминали чахлые сосны не более двух метров в высоту; их искривленные ветви сплетались в непроницаемые заросли. Она никогда не видела чего-то совершенно такого же на Земле, но их иглы напоминали иглы рождественских елок, которые они покупали до того, как перешли на алюминиевый заменитель.

Она наклонилась, чтобы заглянуть под низкий кустарник, но не обнаружила никаких признаков жизни.

Странно, что камнежители забрали все живое и движущееся с собой, оголив Камень. Куда они все девались?

Теперь это было очевидно. Она ощущала это каждый раз, когда смотрела в даль коридора. Они ушли к бесконечно удаленному северу, если коридор действительно бесконечен.

– Патриция! – позвал из палатки Лэньер. Она подпрыгнула, чувствуя легкую вину, но в его голосе не было упрека или тревоги.

– Да?

– Нас ждет работа.

– Иду.

Они сели за складной стол, стоявший под тентом. Лэньер достал электронный блокнот и вставил в него блок памяти, затем положил аппарат между ними.

– Теперь, вероятно, у вас уже пояаились кое-какие сооб-

ражения насчет того, зачем вы нам понадобились. Здесь множество тайн, которые ждут своей разгадки, и эта, – он показал на коридор, – быть может, еще не самая большая.

– Я так не думаю, – возразила Патриция.

– Я уже составил для вас примерный план. Вы отправитесь в город в третьей камере и сосредоточитесь на тамошней библиотеке. Этот город назывался Пушкинка – так же, как и сам Камень. Он на несколько веков моложе Александрии. Кроме того, вы должны несколько раз посетить библиотеку второй камеры. Это займет неделю или две – для начала. – Лэньер показал на блокнот и нажал кнопку «Пуск». По экрану побежали строчки инструкций. – Здесь рассказано, как пользоваться подземкой, приведены планы и меры предосторожности. Естественно, я не смогу сопровождать вас постоянно. У меня слишком много работы, и, вероятно, я скоро ненадолго вернусь на Землю. Все это время докладывайте о своих успехах Леноре Кэрролсон. Большая часть того, что вы должны знать о безопасности, содержится в этом блоке памяти. С кем можно разговаривать, с кем нельзя, протокол и тому подобное. Фарли, Ву и Цзян – прекрасные люди, но будьте осмотрительны. Будьте осмотрительны в отношении любого, кто не имеет тех же привилегий, что и вы.

– С кем я могу говорить, кроме вас?

– С Кэрролсон. Вы можете говорить с ней обо всем, кроме информации из библиотек. Я постараюсь, чтобы она получила допуск и к этим материалам, но не сейчас. Через несколь-

ко дней вы познакомитесь с другими учеными. У некоторых есть библиотечный допуск, и вы будете работать вместе, координируя и проверяя друг друга. Ясно? В течение следующих нескольких недель следует изучать, изучать, изучать.

– Как далеко от лагеря я могу уходить?

– Так далеко, как сможете, но берите с собой радио. У нас есть база службы безопасности в пятидесяти километрах отсюда по коридору. Ее датчики в состоянии обнаружить любую деятельность в радиусе нескольких сотен километров. Если они объявят тревогу, немедленно уходите в туннель.

– Какова вероятность такого?

– Небольшая, – пожал плечами Лэньер. – Возможно, ничтожная. Такого еще не бывало. Надеюсь, вы не в обиде на меня. Если с вами что-нибудь случится, у Советника весь пол будет покрыт новыми безволосыми шкурами.

Патриция улыбнулась.

– Так кто моя дуэнья?

– Пока не придет Кэрролсон – Фарли. Вопросы есть?

– Дайте мне начать, а потом уж будут вопросы.

– Достаточно честный ответ.

Лэньер встал. Патриция взяла блокнот и начала изучать первый блок.

Глава 6

Назавтра Лэньер уехал, сказав, что вернется через два дня, чтобы начать следующий этап ее образования. Через несколько часов появилась Кэрролсон и привезла с собой коробку с блоками памяти и более мощный процессор, недавно доставленный с Земли.

– По крайней мере, я всегда могу взять часть работы с собой, куда бы я ни направлялась, – сказала она. Фарли, Ву и Цзян немедленно начали вводить некоторые из своих задач в новый процессор.

Патриция изучала блоки, с информацией о коридоре. Длина его была неизвестна, но радарные сигналы, отправленные из скважины четыре месяца назад еще не вернулись. Предполагалось, что либо коридор не имеет конца, либо сигналы каким-то необъяснимым образом поглощаются.

Исследовательские команды совершили несколько вылазок в коридор, но до недавнего времени никто не продвинулся далее, чем на пятьсот километров. До этого места обстановка в коридоре ничем не отличалась от седьмой камеры: толстый слой почвы, атмосфера под обычным для Камня давлением – 650 миллибар – и нормальная интенсивность свечения плазменной трубки.

Коридор отличался от седьмой камеры лишь в одном отношении: на четыреста тридцать шестом километре его

окружали четыре башни искусственного происхождения, плавающие без видимой поддержки над широкими ямами. Они располагались по окружности на равном расстоянии друг от друга. Из чего они были сделаны – неизвестно, ибо вещество не соответствовало никаким земным характеристикам, кроме твердости. На восьмьсот семьдесят втором километре был еще один подобный круг, и сейчас там работала новая экспедиция.

Патриция достала из сумочки стереоприставку и диск с записью Моцарта. Приставка легко вошла в стандартное гнездо, и она продолжала читать дальше под музыку «Волшебной флейты».

Через полтора часа она выключила музыку и сделала перерыв.

Несмотря на заявления Кэрролсон, что она не нянька Васкес, для Патриции она была именно таковой. У Леноры не было непосредственных обязанностей в седьмой камере, и ее опыт ничего не добавлял к опыту Патриции. Тем не менее, она чувствовала себя спокойнее, если рядом был кто-то старший. Кэрролсон спокойна и уверена в себе, и с ней легко разговаривать, задавать вопросы, делиться мыслями.

В запутанной протокольной и организационной системе Камня нелегко было разобраться. Таблица в блоке памяти, который оставил ей Лэньер, ясно все описывала. Под наблюдением контрольной комиссии МКСОК НАТО-Еврокосмос, а точнее, НАСА и Европейское космическое агентство, ру-

ководили исследованиями Камня.

Объединенному космическому командованию принадлежало веское слово в определении направления исследований. Несмотря на внешне гражданский характер, это была, в большой степени, военная операция. Джудит Хоффман, номинально координировавшая деятельность гражданских и военных ведомств из офисов в Саннивейле и Пасадене, несколько смягчала ситуацию.

Силы безопасности Камня состояли из трехсот американцев (около половины численности), ста пятидесяти британцев и ста немцев; остальные пятьдесят прибыли из Канады, Австралии и Японии. Франция не являлась членом НАТО-Еврокосмоса и отклонила предложение прислать своих граждан на Камень. Это несомненно, было выражением протеста против действий НАТО, требовавшего от нее присоединиться к мероприятиям по перевооружению в первые два года двадцать первого века.

Через своих непосредственных командиров силы безопасности Камня получали приказы от капитана ВМФ США Бертрама Д. Киршнера – руководителя внешней безопасности – и бригадного генерала Оливера Герхардта, отвечающего за внутреннюю безопасность.

Шестьсот сотрудников службы работали на Камне, чтобы защитить гражданских от нападения. О том, кто мог на них напасть, не говорилось, но вначале, очевидно, атака ожидалась из седьмой камеры или из неисследованных городов

второй и третьей камер.

Лэньер выступал в качестве непосредственного представителя Джудит Хоффман на Камне. Он координировал науку, технику и связь. Кэрролсон была научным руководителем; Хайнеман отвечал за технику, Роберта Пикни – за связь.

Структура научной команды была достаточно ясна. В нее входили математики, археологи, физики, представители общественных наук (включая историков), специалисты по вычислительной технике и информатике, опытные медики и биологи, а также четыре юриста.

Техническая команда состояла из группы поддержки, включающей военное подразделение, и механиков. В группу связи также входило военное подразделение, отвечающее за кодирование информации. Пикни вместе со своим ассистентом Сильвией Линк курировала связь на Камне, а также системы связи Земля – космическая станция – лунное поселение.

Патриция подумала, что никогда не сможет запомнить даже самые важные имена. У нее никогда не было хорошей памяти на имена – лица она запоминала лучше.

Кроме персонала из Соединенных Штатов и Еврокосмоса, в научную команду входили представители России, Индии, Китая, Бразилии, Японии и Мексики. Вскоре должны были прибыть несколько австралийцев и один лаосец. Кэрролсон мельком упомянула о том, что с русскими связаны некоторые проблемы. Они находились на Камне только год –

после того, как наконец согласились на определенные ограничения. Несмотря на эту договоренность, они требовали (вполне разумно, подумала Патриция) доступа ко всей информации, включая библиотеки. Библиотеки же, как объяснила Кэрролсон, были чисто американским заповедником – по прямому указанию Хоффман и президента.

– Они бы избавили нас от множества ненужных проблем, если бы просто открыли все для всех, – добавила Ленора. – Терпеть не могу секретность.

Но приказы вышестоящего начальства приходилось выполнять.

– Кто же руководит научной командой, пока вы здесь, со мной? – спросила Патриция.

Кэрролсон улыбнулась.

– Я поручила это Римская. Он довольно ворчлив, но действует толково. И наверняка дважды подумаешь, прежде чем идти к нему жаловаться. Мне же порой все-таки нужно отдыхать.

В блоке памяти Лэньера четко указывалось, с кем Патриция может разговаривать о своей работе, а с кем нет. Если она хотела обсудить что-то, почерпнутое в библиотеке, она могла говорить только с Римская, Лэньером и еще одним членом научной команды, с которым не была еще знакома – Рупертом Такахаси. Сейчас он работал с экспедицией в коридоре.

Патриция пообедала с Кэрролсон и тремя китайцами,

полчаса вздремнула, потом взяла свой блокнот и, захватив складной стул, направилась через равнину к карликовому лесу, где села и начала делать собственные заметки. Кэрролсон присоединилась к ней через час, принеся термос с холодным чаем и несколько бананов.

– Мне нужны кое-какие инструменты, – сказала Патриция. – Циркуль, линейка, несколько карандашей, или... Мне нужно подумать. Может ли кто-нибудь из инженеров или электронщиков сделать для меня один прибор?

– Какой?

– Мне хотелось бы узнать, чему равно значение π в коридоре.

Ленора поджала губы.

– Зачем?

– Ну, судя по тому, что я до сих пор прочитала, коридор определенно состоит не из обычного вещества. Это нечто другое. Прошлой ночью – когда все спали – мы говорили с Фарли, и она рассказала о том, что ей известно. Сегодня утром я заглянула в некоторые из статей, которые подобрали Римская и Такахаси перед моим появлением.

– Снова к дилетанским временам гиперпространственной математики, – съязвила Кэрролсон. – Римская, похоже, замкнулся в своем собственном опыте.

– Возможно, но он высказал интересные предположения. Завтра Карен собирается взять меня с собой к скважине. – Она махнула вверх, в сторону плазменной трубки и оси юж-

ного купола. – Если к этому времени у меня будет пи-измеритель, может быть, я кое-что узнаю.

– Сделаем, – пообещала Кэрролсон. – Что-нибудь еще?

– Не знаю, возможно ли это, но еще мне хотелось бы измерить постоянную Планка, и гравитационную постоянную, и вообще все, что можно считать мировыми константами. Нечто вроде мультиметра.

– Вы считаете, что значения констант здесь иные?

– По крайней мере, некоторые из них.

– Постоянная Планка? Нас бы тогда просто не существовало.

– Возможна разница в соотношениях. Мне просто хочется знать.

Кэрролсон поднялась, захватив пустой термос и банановую кожуру, и вернулась к палатке. Через несколько минут они с Ву уехали на машине в шестую камеру.

Патриция смотрела в даль коридора, слегка нахмурившись.

Она обладала вполне реальной, хотя и ограниченной силой и только что резко подняла ставку – на величину Нобелевской премии.

Наиболее важные моменты своей жизни Патриция проводила в собственных мыслях, затерянная в мире, который был совершенно непонятен подавляющему большинству населения Земли. Сейчас, сидя возле карликового леса, слу-

шая Моцартовского «Юпитера» и глядя на коридор, она сначала волновалась, а потом начала раздражаться, что это состояние долгоне приходит.

Она знала, с чего начать. Если коридор состоит не из обычного вещества, тогда альтернатив немного. Либо это туннель, ограниченный силовым полем и ведущий за пределы астероида через какие-то гиперпространственные хитросплетения, либо нет. Если нет, то он, вероятно, сам состоит из гиперпространственных хитросплетений. (Она рассмотрела и отвергла как бессмысленное с точки зрения философии, на данный момент, предположение, что коридор – иллюзия).

Гиперпространственные хитросплетения были наиболее сложной концепцией. Если камнежители использовали технику шестой камеры, чтобы исказить пространство-время, должны были иметь место и соответствующие последствия. Когда появится мультиметр – если он устроит ее, – она сможет начать сопоставление параметров. Искривленное пространство в масштабах коридора могло, вероятно, вызвать флуктуации пи, поскольку диаметр круга в любом серьезно искаженном пространстве может изменяться относительно окружности. Другие константы меняются в зависимости от искажений более высокого порядка.

Вскоре она оставила попытки привести себя в рабочее состояние. Не хватало фактов, чтобы оправдать умственное напряжение.

На данный момент ей ничего не оставалось, кроме как расслабиться и читать. Она вставила в блокнот очередной блок памяти.

– Сколько вам потребовалось времени, чтобы привыкнуть к жизни без ночи? – спросила Патриция.

Фарли нетерпеливо постукивала пальцами по стене арки, ожидая лифта, ведущего к оси. Они стояли в пятидесяти метрах к востоку от пандуса туннеля, на гладкой блестящей железо-никелевой плоскости.

– Не уверена, что я к этому привыкла, – сказала Фарли. – Жить можно, но мне не хватает звездных ночей.

– Вы не думаете, что при их технологии камнежителю могли бы придумать что-то для создания темноты?

– Чтобы погасить плазменную трубку, требуются огромные затраты энергии, особенно в седьмой камере. Я говорю о том, что, похоже, она продолжается бесконечно, а как по-вашему можно погасить нечто подобное?

Патриция достала свой блокнот и напечатала:

«Плазменная трубка седьмой камеры – снабжение энергией? Поддержание работоспособности? Так же, как в других камерах?»

Двери лифта открылись, и они вошли в большую круглую кабину. Когда Фарли нажала кнопку, двери закрылись. Обе схватились за поручни, прикрепленные к стенам. Сначала ускорение лифта увеличивало их собственный вес, но

по мере приближения к оси эффект ослабевал. Лифт достиг постоянной скорости, пройдя около трети пути. К этому времени их вес значительно уменьшился. Вскоре они начали замедляться, мягко переходя в состояние, близкое к невесомости. Двери открылись, и прибывших встретил охранник черно-серой форме.

Помещения, окружающие осевую скважину седьмой камеры, снабжались воздухом и теплом, но во всех других отношениях оставались такими, какими их бросили камнежители столетия назад.

– Мы направляемся к монитору сингулярности, – объяснила Фарли.

Солдат жестом пригласил их сесть в тележку. Держась за канаты, они заняли свои места и пристегнулись ремнями.

– У меня такое чувство, что вы собираетесь показать мне нечто еще более удивительное, – укоризненно сказала Патриция. – А я ведь еще не успела привыкнуть к тем чудесам.

– Это вспомогательное чудо, – таинственно проговорила Карен. – Результат других чудес, если следовать теориям Римская и Такахаси. Но здесь вы – специалист по пространству-времени.

– Я уже не уверена в этом, – холодно заметила Патриция.

– Если коридор – матрица искривленного пространственного туннеля, что бы вы предположили обнаружить в его центре?

– Я думала об этом вчера вечером. – Патриция замолчала,

когда тележка приблизилась к краю площадки. – В центре не должны работать никакие законы.

– Точно.

– Сингулярность?

– Именно туда мы и направляемся, – сказала Карен.

Охранник подвел тележку вплотную к шлюзу, смонтированному в каменной стене. Фарли схватилась за поручень и помогла Патриции отстегнуть ремни. Охранник отдал честь и сказал, что подождет их.

Они вошли в шлюз. Фарли включила свет и сняла со стойки два мятых безразмерных скафандра.

– Вы можете подрегулировать длину рукавов и штанин этими ремешками. Подвижность и изящество здесь не требуются – лишь давление, температура и воздух. Это место не слишком часто посещается.

На задней стене шлюза находилась лестница с широкими ступенями, поднимавшаяся к люку, который открывался поворотным колесом. Как-то оборудование, очевидно, давно заброшенное, лежало кучами по углам и под лестницей.

– Смотрите под ноги. Делайте все медленно. Опасности нет, если вы будете осторожны. Если что-то случится с вашим скафандром – что маловероятно, – мы сможем вернуться в шлюз менее чем за две минуты.

Фарли проверила застёжки скафандра Патриции и нажала красную кнопку на панели рядом с лестницей. Воздух тихо вышел из помещения, и Патриция теперь могла слышать

лишь свое собственное дыхание. Фарли включила радио в скафандрах.

– Вверх по лестнице, – скомандовала она.

– Я никогда раньше не пользовалась скафандром, – сказала Патриция, взбираясь по ступеням следом за Карен.

– Судя по отзывам экипажа ОТМ, вы не страдаете космической болезнью.

– Невесомость – это забавно.

– Гм. Мне потребовалось три дня, чтобы привыкнуть.

Фарли повернула колесо на крышке люка и толкнула ее вверх. Она начала медленно открываться, затем остановилась, пока Фарли не поднялась еще на ступеньку и не толкнула еще раз. Крышка открылась, освобождая проход. В скважине были установлены компактные прожектора, хотя выход в седьмую камеру находился всего лишь в десяти метрах и всюду проникал молочный свет плазменной трубки.

Патриция повернулась, глядя на юг. Стены скважины – шершавые, покрытые неровными линиями – исчезали в чернильной темноте. В конце ее виднелся кружок света размером с долларовую монету, если смотреть на нее с расстояния вытянутой руки. Она посмотрела вверх, изо всех сил напрягая зрение, и увидела обширные вкрапления темного камня в астероидном металле.

– Плазменная трубка начинается в каждой камере заново, – сказала Фарли. – Она упирается в купола, поддерживаемая узким горлышком. Это горлышко также удерживает

внутри атмосфере – иначе она вся ушла бы через скважины.

– Разве воздух удерживается внутри камер не благодаря вращению? – спросила Патриция.

– Дело в относительной высоте. Без горлышка атмосферное давление у скважин все еще составляло бы около ста восьмидесяти миллиметров ртутного столба.

– Угу.

– Мы думаем, что по окружности трубки в материал куполов вмонтированы заряженные пластины, но это пока еще предложение. А трубка в коридоре значительно отличается от остальных, и у нас совсем мало идей насчет того, как она работает.

Они двигались вдоль стены, пользуясь протянутыми повсюду канатами и стойками. Возле края скважины стоял помост высотой примерно в пятьдесят метров. На него вела лестница в длинной цилиндрической клетке.

– Вы первая, – сказала Фарли. Патриция вошла в клетку и начала подтягиваться на руках; ноги ее бесполезно болтались, как у Фарли в шлюзе. – Когда окажетесь над клеткой, пристегните кольцо скафандра к канату. Если вдруг окажетесь, что вы в свободном полете, я буду сзади вас со страховочным фалом.

У вершины помоста, сориентированного в точности по оси Камня, Патриция пристегнулась к страховочному канату и подтянулась. На пять или шесть метров за край скважины выступала другая цилиндрическая клетка. Фарли мах-

нула рукой, и они выбрались наружу, на наклонную поверхность купола.

– Под этим углом плазма выглядит очень яркой, как видите, – сказала Фарли.

Отсюда открывалась невероятная панорама. Без очевидных признаков искажения перспективы ландшафт казался изображенным на поверхности огромного шара. Детали освещались тускло-молочным светом плазменной трубки, сходявшимся в яркий круг в центре дальнего купола.

– Русских сюда не пускают. Однако они работают в других скважинах.

В конце второй клетки было нечто, от чего Патриция ощутила боль в глазах. Фарли приблизилась к ней.

– Это то самое, – сказала она. – То место в коридоре, где все перемешивается.

Оно напоминало полуметрового диаметра трубу из ртути, тянущуюся до бесконечности, не по прямой и не по кривой, не движущуюся, но и не неподвижную. Если вообще можно было назвать ее отражающей, то она не вела себя, как зеркало, изображая едва узнаваемое подобие окружающего.

Патриция приблизилась к сингулярности, стараясь не смотреть прямо на нее. Здесь законы коридора завязывались в искусный продолговатый узел, нечто вроде пространственной пуповины.

Сингулярность искажала ее лицо как будто с радостным злорадством.

– Она не выглядит прямой, но это так. Она, конечно, сопротивляется попыткам проникнуть в нее, – заметила Фарли, протянула руку в перчатке и, коснувшись тупого конца, осторожно погладила ее. – Похоже, она генерирует силовое поле, которое действует в коридоре как сила тяжести. Чистый эффект – сила, которая отсутствует в седьмой камере, но начинает работать сразу же после соединения с коридором. Переход очень плавный. В коридоре чем дальше от сингулярности вы находитесь, тем больше сила, пока вы не достигнете стены. Отсюда создается впечатление, что стены притягивают. Вот вам и вес.

– Есть ли какая-нибудь разница между притяжением стен и отталкивающим полем сингулярности?

Фарли ответила не сразу.

– Если бы я знала. Сингулярность тянется посреди коридора внутри трубки. Есть предположение, что она имеет какое-то отношение к поддержанию плазмы, но... честное слово, мы все здесь невежды. Вам и карты в руки.

Патриция протянула руку. Искривленная зеркальная поверхность протянула навстречу ей нечто расплывчатое. Рука и ее отражение встретились. Она почувствовала покалывающее сопротивление и нажала сильнее.

Рука мягко входила внутрь, пока она не вытащила ее обратно. Патриция – в некоторой степени, к своему собственному удивлению – немедленно поняла принцип.

– Конечно, – сказала она. – Это словно прикосновение

к квадратному корню пространства-времени. Попробуйте войти внутрь сингулярности, и вы переместитесь на некоторое расстояние по пространственной координате.

– Будете скользить вдоль нее, – предположила Фарли.

– Верно.

Патриция подплыла к закругленному началу – или это был конец? – сингулярности, затем обхватила ее обеими руками, словно обнимая. Пальцы сжали искривленную поверхность, и девушку сначала притянуло к ней, а потом оттолкнуло.

– Прикоснитесь к ней, – сказала Патриция, – и она ответит на давление силой, параллельной оси. – Она продемонстрировала это. Кольцо и трос остановили последовавший рывок. – Если я нажму под этим углом, сингулярность отбросит меня к северу. Под противоположным углом – на юг. Момент вращения нет. Или меня отталкивает прямо в сторону, или перебрасывает вдоль линии.

Фарли завистливо улыбнулась под шлемом.

– Вы схватываете все на лету.

– Рада, что вы так думаете. – Патриция вздохнула и повернулась. – Ладно. Давайте возвращаться. Мне нужно все это обдумать.

Фарли взяла ее за плечо и направила обратно к клетке, по помосту и в шлюз. Патриция уже погрузилась в размышления, глаза ее остекленели.

Она едва ли заметила поездку на лифте, а в палаточном

лагере сразу села за стол с блокнотом и процессором Кэрролсон. Карен отошла на несколько минут, чтобы поесть, а когда вернулась, на экране процессора, соединенного с блокнотом, мигал очередной запрос. Васкес, похоже, спала. Фарли взглянула на дисплей блокнота.

«Из... будущего (?) Сингулярность. Длиннее – проходит сквозь стену астероида. Отталкивание по обратному квадрату возрастает. Куда ушли камнежители? В коридор, конечно.

Кривизны пространства возле искривленного зеркала нет. Нужен мультиметр, чтобы проверить – однако все кажется вполне вероятным, если рассматривать это как заранее спроектированную технологию, манипулирующую геометрией, использующую пространство и измененную метрику как инструмент. Сингулярность, возможно, бесконечно длинная, начинается здесь, на границе камеры и коридора.

Энергия для поддержания плазменной трубки в коридоре. Может ли это быть функцией отдельной Вселенной, каковой, очевидно, является коридор? Откуда появилось вещество – вся эта почва и атмосфера? Не из Камня – по крайней мере, не все; это очевидно».

Теплый воздух, шедший из коридора, шевелил ткань палатки, шелестел травой возле лагеря и смешивался с потоком холодного воздуха от купола, создавая пыльные облачка.

Цзян и Ву играли под тентом в шахматы.

Вскоре Фарли тоже заснула.

Глава 7

Хайнеман что-то раздраженно бормотал себе под нос. Медленно шагая по эстакаде, окружающей площадку, он просматривал грузовую декларацию на экране своего блокнота. Груз – освобожденный от кокона и собранный – удовлетворял всем требованиям, поставленным технической группой шесть месяцев назад. Это было сумасшедшее время, когда они пытались спроектировать устройство, обладающее нелепыми свойствами и предназначенное для работы, которую не понимал никто из технической группы. Но тогда зеленые значки были весьма редки.

Сейчас никто не мог оспаривать его право на зеленый значок. Он был единственным, кто мог испытать это устройство и обучить других им пользоваться.

Это было прекрасное произведение искусства: прозрачный цилиндр высотой двадцать метров и диаметром шесть, напоминающий гигантский реактивный двигатель, из которого удалены все внутренности. Хайнеман посмотрел вниз, в середину площадки, на серповидные металлические детали, которые должны были сомкнуться вокруг таинственного нечто, которое будет находиться внутри цилиндра. Сейчас зажимы покоились на пластиковых вставках, которые будут удалены, когда устройство окажется на своем месте.

Оно называлось трубоходом. Рядом с ним – привезенный

в трех коконах на следующем ОТМ – помещался модифицированный турбовинтовой летательный аппарат вертикального взлета и посадки «Боинг-Белл», сокращенно АВВП, модель номер НХВ-24Б.

Это был самый необычный летательный аппарат из всех, какие он видел. Первоначально разработанный для ВВС США и предназначенный для поисковых и спасательных операций, он мог поворачивать свои смонтированные на концах крыльев двигатели на сто двадцать градусов. Пять широких лопастей каждого пропеллера могли втягиваться внутрь. А в хвосте, располагаясь чуть выше центральной линии, находился реактивный двигатель, работающий на керосино-кислородной смеси, несомненно, для придания дополнительного ускорения – но при каких условиях?

Лихо изогнутые крылья были сдвинуты к задней части фюзеляжа, занимая три четверти его длины и почти касаясь раздвоенного хвоста. В воздух могли подняться восемнадцать пассажиров и экипаж из двух человек – при полной загрузке – или меньшее количество пассажиров и масса оборудования. Это был одновременно самолет, вертолет и ракета.

Он понравился Хайнеману сразу же, как только тот прочитал характеристики. У него всегда была слабость к игрушкам Руби Голдберга.

АВВП мог быть закреплен на трубоходе в трех положениях: словно стрела, торчащая сбоку бревна, причем его нос

и заправочная горловина входили внутрь цилиндра; в вставленный в цилиндр «со стороны задницы», как называл это Хайнеман – тогда ракетный двигатель перемещал трубоход вдоль плазменных трубок и скважин в седьмую камеру; или пристегнутый к цилиндру со стороны брюха.

Хайнеман не имел ни малейшего понятия о том, что будет делать устройство, когда окажется на месте. С точки зрения аэронавтики или авиации это было чистейшее безумие. Каким образом стабилизировать цилиндр на его траектории – какой бы она ни была – во время посадки АВВП? Цилиндр не имел маневровых двигателей. Всему сооружению едва хватало прочности лишь на то, чтобы двигаться вдоль оси с помощью реактивного двигателя...

«Это не мое дело», – подумал он, делая последнюю пометку в блокноте. Несмотря на первоначальный энтузиазм, Хайнеман чувствовал, что ни один летательный аппарат не может показаться ему действительно прекрасным, пока он сам не полетит на нем и при этом останется в живых.

В коконе также содержалась контрабанда. В декларации – во всяком случае, в официальной – не были указаны два металлических ящика, размером и формой напоминающие гробы. Хайнеман хорошо знал, что в них находится: скорострельные орудия Гатлинга с радарам.

Он догадывался, где они могут быть установлены и с какой целью. Это было имущество Объединенного космического командования, и единственным человеком, который

должен был знать об их прибытии, являлся капитан Киршнер. Эти ящики прямо нарушали правила МКСОК, разработанные для Камня.

Хайнеман привык служить двум хозяевам. Он знал, что у Киршнера и ОКК имеются причины нарушать правила. Он знал, что Лэньер и Хоффман согласятся с этими причинами, когда придет время.

Хайнеман убедился, что ящики доставлены на склад службы внешней безопасности, и тут же забыл о них.

Он проплыл мимо разгрузочной площадки и посмотрел на часы. Гарри опаздывал.

Лэньер добрался по канатам до помоста у третьего стыковочного узла. Трубоход и АВВП занимали его центр, словно театральные премьерши, ожидающие костюмеров.

Хайнеман без энтузиазма наблюдал за Гарри.

– Ты выглядишь усталым, – заметил он, протягивая блокнот. Лэньер вернул его, даже не взглянув и не сказав ни слова. – Скоро превратишься в привидение, появляющееся из камер – так, как сейчас.

– Ничего не поделаешь.

Хайнеман покачал головой и присвистнул.

– Что, черт побери, происходит внизу?

– Они готовы? – спросил Лэньер. Хайнеман кивнул и достал из поясной сумки коробку с блоками памяти.

– В настоящее время – да. На следующей неделе я отправ-

ляю их вдоль трубки. Если получу зеленый значок...

Лэньер достал из внутреннего кармана куртки зеленый значок и повертел его в руках, демонстрируя инженеру.

– Твой. Вторая степень. Отправляйся и выясняй все сам. Ты ведь такой нетерпеливый.

– Такова моя натура, – сказал Хайнеман, пристегивая значок к лацкану. – Как дела у девушки? Ей нужна помощь?

– Не знаю, – протянул Лэньер. – Она вполне довольна жизнью. – Он поднял брови и глубоко вздохнул. – Похоже, выживет. – Ему очень хотелось переменить тему. – У меня есть временные зеленые для твоего экипажа.

– Я собираюсь лететь один, – заявил Хайнеман. Он удивился, когда Лэньер просто кивнул, так как ожидал хоть какой-то реакции. – Кто пойдет со мной в пробный рейс?

– Я, если будет время.

– Ты не летал много лет.

Лэньер рассмеялся.

– Никто из нас так не летал. Кроме того, это не то умение, которое можно забыть. Ты должен бы знать.

Через площадку к ним плыла женщина-охранник. Лэньер взглянул в ее сторону, протянул руку и получил заклеенный конверт. Она скрылась, не обменявшись с ним ни словом.

– Ты ждал этого? – спросил Хайнеман.

– Да. – Он распечатал конверт, прочитал письмо и сунул его в карман, к значку Хайнемана. – Инструкции с Земли. Я проведу здесь еще несколько дней, потом улечу на следу-

ющем ОТМ. Ларри, выведи трубоход на исходную позицию, подготовь для испытательного полета, но больше ничего не делай, пока я не вернусь.

– Советник вызывает?

Лэньер похлопал рукой по карману.

– Начальство. Но я должен убедиться, что Васкес сможет решить задачу. – Он отправился к люку.

– Я буду ждать, – крикнул вслед Хайнеман.

Он смотрел на трубоход и АВВП горящими глазами.

Глава 8

Лэньер сопровождал Ленору Кэрролсон на грузовике в седьмую камеру. В туннеле Кэрролсон включила свет в кабине и вынула из футляра ящичек, который держала на коленях.

– Можете поставить электронщикам высший балл на этой неделе, – сказала она. – Патриция попросила их кое о чем, и они принесли мне это через двадцать четыре часа.

– Что это?

– Вы действительно хотите знать? Это может вас огорчить.

Гарри улыбнулся.

– Огорчаться – моя работа.

– Она попросила прибор для измерения локальных значений π , постоянной Планка и гравитационной постоянной. Электронщики добавили к этому скорость света, отношение массы протона к массе электрона и время распада нейтрона. Не знаю, воспользуется ли она всем, но она это получила.

– Для меня это звучит слишком научно.

– Я спросила, как они ухитрились запрятать все в такой маленький ящичек. Они улыбнулись и сказали, что много лет строили оборонные спутники для ОКК и мультиметр по сравнению с ними – совсем не сложная штука. Они сумели обойтись без кое-каких излишеств. Не знаю, как это все работает, но оно работает. По крайней мере, кажется, что ра-

ботаает. Смотрите.

Она нажала кнопку, на которой была изображена греческая буква «пи». На светящемся дисплее появилась надпись: «3,141592645 стабильно».

– Это может сделать и мой калькулятор.

– Он не сообщит, если пи изменится.

– Так к какой статье это отнести?

– К науке, естественно. Неужели в вашей душе нет поэзии – вы все сводите к статьям?

– Это у меня в крови. Так или иначе, переведите его из науки в новую, специальную, статью. И назовите эту статью «Васкес». Расходы держите в секрете.

– Есть, сэр. – Кэрролсон спрятала мультиметр обратно в футляр, когда они выехали по пандусу под свет плазменной трубки. – На нее потребуются большие расходы?

– Не знаю. Я хочу отделить науку, которой занимаются в первых шести камерах, от всего, что делается здесь. Через несколько дней я возвращаюсь на Землю и потрачу часть времени на то, чтобы убедить сенаторов и конгрессменов выделить деньги. Это непростая задача.

– Сдерживаю свое любопытство, – сказала Кэрролсон. – Вы думаете, она справится?

Лэньер бросил на нее раздраженный взгляд.

– Только не надо об этом. Дайте ей все, что потребуется, относитесь к ней благожелательно, мягко направляйте, когда меня не будет. Она прекрасно со всем справится.

– Потому что так говорит Советник?

Лэньер остановил машину возле палатки.

– Они с Фарли, кажется, неплохо ладят. Если какие-то важные дела отвлекут вас, что, если, опеку над ней возьмет на себя Карен? Ничего что она китаянка.

– Я не вижу здесь никаких проблем.

– Я тоже. Однако в библиотеки и обратно будете возить Васкес вы в сопровождении военных, а не Фарли. Это мое единственное условие.

– Прекрасно. Теперь о некоторых действительно больных вопросах, – сказала Кэрролсон.

– Что именно?

– Русские начинают требовать увеличения их группы. Если они этого добьются, мои источники сообщают мне, что того же могут потребовать и китайцы. Нормальная реакция. Они тоже будут жаловаться и не захотят, чтобы их считал более легковверными, чем русских.

– Черт возьми, Фарли кормит их сказками о седьмой камере уже много месяцев. Их это не удовлетворяет?

– Нет. Русские тоже знают основное.

– К черту их всех, – проворчал Лэньер. – На том и закончим.

– Замечательно, – улыбнулась Кэрролсон.

– Следите только, чтобы Патриция не разговаривала с кем не положено.

– Понятно.

– Включая вас.

Кэрролсон прикусила губу, перекрестилась и пылко трянула головой.

– Лучше умереть. Seriously, неужели я не заслужила повышения?

– Надеюсь привезти его с собой. Я буду говорить с Хоффман. Терпение.

– Значит, терпение, – повторила она.

Лэньер бросил на нее суровый взгляд, потом широко улыбнулся и, протянув руку, коснулся ее плеча.

– Это наш пароль. Спасибо.

– De nada, босс.

Когда Кэрролсон и Лэньер вышли из машины, к ним подошел Ву.

– Возвращается экспедиция ко второму кругу, – сообщил он. – Они примерно в шестидесяти километрах отсюда. Служба безопасности держит с ними связь, и сообщения передаются сюда.

– Хорошо, – сказал Лэньер. – Готовимся к встрече.

Вторая экспедиция состояла из двадцати шести человек на четырех грузовиках. Сидя на опушке карликового леса, Патриция наблюдала за столбом пыли, поднятой приближающимися машинами. Она взяла блокнот и процессор и направилась назад к лагерю.

Из туннеля шестой камеры появились еще две машины и, с грохотом спутившись с пандуса, остановились возле палат-

ки. Из одной вышел Беренсон, командир германских сил безопасности, в настоящее время отвечающий за безопасность в седьмой камере, из другой – Римская и Роберт Смит. Римская приветственно кивнул Патриции, проходя мимо. «Настроение у него улучшилось», – подумала она.

Из тени палатки появились Лэньер и Кэрролсон.

– Как далеко они продвинулись? – спросила Патриция у Лэньера.

– Девятьсот пятьдесят три километра – половина емкости батарей. – Он протянул ей прибор в фетровом футляре. – Мультиметр. Мы включили его в список оборудования, и теперь он ваш. Будьте с ним осторожны. Электронщики не смогут быстро сделать еще такой же.

– Спасибо. Патриция вынула прибор и сложенный листок с инструкцией. Ленора заглянула ей через плечо.

– Радиус действия – около десяти сантиметров, – заметила она. – Весьма локальный.

Римская подошел к ним сзади и откашлялся.

– Мисс Васкес.

– Да, сэр?

«Старые привычки умирают с трудом...»

– Как вам нравится проблема?

– Изумительно, – спокойно сказала она. – Потребуется время, чтобы ее решить, если ее вообще можно решить.

– Конечно, – согласился Римская. – Я полагаю, вы знакомы с нашими гипотезами?

– Да. Они могут помочь.

Они уже помогли, однако Патриция не хотела заострять на этом внимание.

– Хорошо. Вы были у сингулярности?

Она кивнула.

– Жаль, что тогда у меня не было мультиметра.

Девушка протянула ученому прибор, и он тщательно изучил его, качая головой.

– Отличная идея. Я вижу, вы делаете успехи. Значительно большие, чем я. Так и должно быть. Есть здесь один джентльмен, который, быть может, окажет вам помощь. Такахаси – заместитель начальника экспедиции, очень опытный теоретик. Полагаю, вы читали некоторые наши совместные статьи.

– Да. Очень интересно.

Римская посмотрел на нее строгим взглядом – секунд пять или десять, отчего ей стало неуютно – потом кивнул.

– Мне нужно поговорить с Фарли, – бросил он, уходя.

Экспедиционные машины остановились в двадцати метрах от лагеря. Лэньер пошел им навстречу. Кэрролсон задержалась около Патриции.

– Это самое большое расстояние, на которое мы смогли углубиться в коридор, – сказала она. – Судя по тому, что они сообщали по радио, им не слишком много удалось найти.

Возвращение проходило буднично. Из машин никто не вышел; одна за другой, по указаниям Лэньера, они проезжали мимо лагеря и поднимались по пандусу в туннель, исче-

зая в шестой камере.

Лэньер вернулся с тремя блоками памяти. Он дал по одному Леноре и Патриции, спрятав третий в карман.

– Отчет экспедиции, неотредактированный, – объяснил Гарри. – Ничего особо впечатляющего, судя по словам Такахаши, кроме...

Он обернулся, бросив взгляд на коридор.

– Да? – поторопила его Кэрролсон.

– Второй круг – не просто плавающие башни. Под ними есть отверстия, напоминающие своего рода колодцы. Им не удалось выяснить, куда ведут эти колодцы, но они определенно открыты.

– Значит, в коридоре есть дырки, – решила Кэрролсон. – Ладно, Патриция, пришло время спланировать поездку на первом кругу. Когда вы предполагаете освободиться?

Патриция вздохнула и покачала головой.

– В любое время. Я могу работать везде, где бы ни находилась.

– Сделаете это послезавтра, – подсказал Лэньер. – Нам с Патрицией нужно побывать в библиотеке. – Он незаметно сделал знак Кэрролсон, та извинилась и, еще раз обернувшись, ушла в палатку.

– Вторая часть посвящения начнется в следующую смену, – добавил он. – Самая трудная из всех. Вы готовы?

– Не знаю, – Патриция почувствовала, как что-то сжимается в груди. – Я должна быть готова. Пока что мне удалось

Остаться в живых.

– Хорошо. Встречаемся у пандуса через двенадцать часов.

Глава 9

С тех пор как пять веков назад был построен Аксис, он переместился вдоль коридора на миллион километров. Ольми и фронт преодолели это расстояние меньше чем за неделю, летя на своем аппарате по вытянутой спирали вокруг плазменной трубки.

За всю историю Пушинки и Пути никто и никогда не проникал в астероид снаружи.

Ольми и фронт наблюдали за новыми обитателями Пушинки две недели и многое узнали. Несомненно, это были люди, и даже сам Корженовский не мог предположить того, что знал теперь Ольми.

Пушинка совершила полный круг. Гешели предупреждали о возможном смещении, но никто не мог знать, каким оно будет и каковы будут результаты.

Завершив исполнение своих основных обязанностей перед Нексусом, Ольми отключил регистраторы данных и вернулся в третью камеру, в свой старый дом. Цилиндрическое многоквартирное здание, где жила когда-то его семья-триада и где он провел в детстве два года, стояло на самом краю Пушинки-города, не более чем в километре от северного купола. Когда-то в здании жило двадцать тысяч обитателей, главным образом, гешелей – техников и ученых, занятых в Проекте шестой камеры. Затем оно служило временным приста-

нищем для сотен ортодоксальных надеритов, изгнанных из Александрии. Сейчас дом, конечно, пустовал; не было никаких признаков и того, что его посещали новые обитатели астероида.

Ольми пересек вестибюль и, остановившись возле охранного автомата, несколько озадаченный, чуть прищурился. Он повернулся к широкому иллюзартовому окну и заметил во дворе франта, терпеливо сидящего на пустом пьедестале световой скульптуры. Через окно казалось, что франт расположился в роскошном земном саду, на фоне пылающего заката. «Франт бы это оценил», – подумал Ольми.

Он обратился к автомату на графореци и получил доверительный ответ: его квартира заблокирована так же, как и все в здании. Ни одну нельзя занять или даже увидеть, пока нынешний запрет не будет отменен.

Этот приказ отдали после того, как последняя семья надеритов была вывезена из города. Открыты были лишь общественные здания – для оставшихся ученых, которые завершали исследования. Люди Земли уже начали пользоваться некоторыми из этих зданий, главным образом – городской библиотекой Пушкинки.

Он ввел в автомат закодированную пиктограмму Нексуса и сказал:

- Я имею полномочия временно отменить запрет.
- Полномочия подтверждены, – ответил автомат.
- Открой и обставь квартиру семь девять семь пять.

– Какую обстановку вы желаете?

– Такую, какая была при триаде Ольми-Секора-Лири.

– Вы из этой семьи? – вежливо поинтересовался автомат.

– Да.

– Поиск. Обстановка завершена. Вы можете подняться.

Ольми поднялся на лифте. В круглом облачно-сером проходе, двигаясь в нескольких дюймах над полом, он испытывал незнакомое и неприятное эмоциональное напряжение – возрадилась оставшаяся далеко в прошлом боль утраты юношеских надежд, разрушенных политической необходимостью.

Он прожил столь долгую жизнь, что, казалось, в его память содержались мысли и ощущения многих людей. Но один набор ощущений все же преобладал над другими, и одно честолюбивое стремление оставалось превыше всего. В течение веков он работал в интересах правящих гешелей и надеритов, никогда не пользуясь особым расположением со стороны начальства.

Красный светящийся номер его квартиры в нижней части круглой двери был единственным светящимся номером в коридоре. Он вошел и какое-то время стоял среди знакомой с детства обстановки, испытывая легкую ностальгию. Мебель и интерьер отражали естественное желание отца воспроизвести их жилище в Александрии, которое пришлось покинуть. Они провели здесь два года, ожидая решения их судьбы, прежде чем семья смогла перебраться в только что по-

строенный Аксис.

Они были последней семьей, жившей здесь, и у Ольми имелась масса возможностей, исследовать память здания и поупражняться в программировании. Уже в детстве проявилась его склонность к технике, что пугало родителей – ортодоксальных надеритов. И то, что он обнаружил почти случайно в памяти здания пять веков назад, изменило всю его жизнь...

Он сел в голубое кресло отца перед квартирным блоком данных. Эти блоки сейчас уже устарели и в Аксисе воспринимались лишь как очаровательные старинные безделушки, но ребенком Ольми провел многие часы перед этим устройством и нашел его удобным для работы. Изображая свои собственные кодированные пиктограммы, он активировал блок и открыл специальный канал, ведущий к памяти здания. Когда-то память служила нуждам тысяч пользователей, сохраняя их записи и играя роль хранилища для миллионов возможных вариантов обстановки. Сейчас она была фактически пуста; у Ольми создалось впечатление, что он плывет в обширной темной пустоте.

Он изобразил номер стека и регистра и ждал, когда появятся закодированные вопросы. На каждый из них он отвечал точно и правильно.

В пустоте появилось нечто – фрагментарное, мучительно неполное, но даже при этом могущественное и узнаваемое.

– Сер Инженер, – проговорил Ольми.

«Друг мой.» Мысленный голос был ровным и сильным, хотя и беззвучным. Даже сейчас он отчетливо ощущал личность и присутствие Конрада Корженовского.

– Мы вернулись домой.

«Да? Как давно вы в последний раз говорили со мной?»

– Пятьсот лет назад.

«Я все еще мертв?..»

– Да, – мягко сказал Ольми. – Теперь послушайте. Есть многое, о чем вы должны узнать. Мы вернулись домой, но мы не одни. На Пушинке появились новые обитатели. Пришло время вам отправиться со мной...

Глава 10

Патриция Васкес и Лэньер, пройдя через ворота в ограждении и посты службы безопасности, вошли в библиотеку второй камеры, пересекли пустой вестибюль и, поднявшись по лестнице на четвертый этаж, оказались в читальном зале с темными кабинами. Лэньер усадил Патрицию и отправился к стеллажам, оставив ее одну; она снова ощутила странный холодок, ту мрачную атмосферу, которая, казалось, была присуща лишь библиотеке. Когда Гарри вернулся, в руках у него были четыре толстых книги.

– Это одни из последних книг, изданных для массового распространения, прежде чем все информационные службы были заморожены. Не на Камне, а на Земле. Их Земле. Полагаю, вы уже догадались, что это за библиотека.

– Библиотека-музей.

– Правильно. Старинная библиотека, приспособленная для тех, кто имеет старинные привычки, верно? Попав в библиотеку третьей камеры, вы познакомитесь с информационными системами камнежителей.

Он протянул первый том, изданный в том же стиле, что и Марк Твен, но в более тяжелом переплете и на толстом прочном пластике. На корешке стояло: Абрахам Деймон Фармер «Краткая история Гибели». Патриция открыла страницу с выходными данными и посмотрела на год издания.

– 2135 год. По нашему календарю?

– Да.

– Там говорится о Малой Гибели? – с надеждой спросила

Патриция.

– Нет.

– Значит, это что-то другое, – пробормотала она, читая хронологию в начале первой главы. – Декабрь 1993 – май 2005. – Она закрыла книгу. – Прежде чем читать дальше, я хочу задать вопрос.

– Задавайте.

Гарри ждал, но на то, чтобы сформулировать мысль, ей потребовалось некоторое время.

– Это исторические книги о некоем будущем, не обязательно о нашем собственном, так?

– Да.

– Но если эта хронология... верна, соответствует действительности... если это может быть нашим будущим... тогда меньше чем через месяц должна произойти катастрофа?

Он кивнул.

– Предполагается, что я должна ее предотвратить? Как? Что, черт возьми, я могу сделать?

– Я не знаю, что может сделать кто-либо из нас. Мы уже работаем в этом направлении. Если... большое если... это вообще должно произойти. В любом случае, когда вы будете читать эти книги, для вас должно быть очевидно, что Вселенная Камня отличается от нашей, по крайней мере, в од-

ном, очень существенном отношении.

– А именно?..

– В их прошлом никакой гигантский космический корабль-астероид в окрестностях Земли и Луны не появлялся.

– Это может иметь какое-то значение?

– Я думаю, что да, а вы?

Патриция перевернула страницу.

– Сколько у меня времени?

– Завтра я улетаю на Землю. Вы поедете к первому кругу днем позже.

– Два дня.

Он кивнул.

– Я останусь здесь?

– Если вас это устроит. За стеллажами есть помещение, оборудованное для сна, с запасом продуктов и переносной печкой. Охрана будет заходить к вам каждые несколько часов. Вы не должны говорить никому из них о том, что читаете. Но если вы почувствуете недомогание, немедленно дайте знать. Недомогание любого рода. Даже если у вас просто заболит живот. Понятно?

– Да.

– Пока я останусь здесь с вами. – Он мягко сжал ее руку. – Часа через два отдохнем вместе, хорошо?

– Ладно, – согласилась Патриция.

Она наблюдала, как Лэньер расположился в кабинке, достал из кармана электронный блокнот и начал что-то печатать.

тать.

Патриция перевернула первую страницу и начала читать, но не подряд. Вместо этого она перескакивала от середины книги к началу, затем к концу – в поисках страниц, где излагались главные события или делались выводы.

Страница 15.

«В конце 1980-х годов Советскому Союзу и его сателлитам стало ясно, что западный мир побеждает – или должен вскоре победить – в войне технологий и, соответственно, идеологий, как на Земле, так и в космосе с непредсказуемыми последствиями для будущего их народов и их системы. Рассматривалось несколько путей преодоления технологического отставания, однако ни один из них не выглядел практически осуществимым. В конце 1980-х, с разворачиванием первых американских оборонных систем космического базирования, Советы начали тратить все больше сил на добывание технологических секретов путем шпионажа и импорта товаров, на которые было наложено эбарго – компьютеров и другого высокотехнологичного оборудования, – но вскоре оказалось, что этого недостаточно. В 1991 году выяснилось, что советские оборонные системы космического базирования хуже с точки зрения конструкции и возможностей, и советскому руководству стало очевидно, что то, что предсказывалось уже многие годы, фактически свершилось: Советский Союз не может соревноваться со свободным ми-

ром в области технологий.

Большинство советских компьютерных систем было централизовано; персональные компьютеры запрещались (за небольшими исключениями – в частности, эксперимент «Агат»), а законы ужесточались. Молодые советские граждане не могли сравниться в технологической изобретательности со своими коллегами из Западного блока. Советский Союз вскоре должен был задохнуться под гнетом собственной тирании, оставаясь нацией двадцатого (или девятнадцатого) века в мире века двадцать первого. У них не оставалось иного выхода, кроме как попытаться совершить, пользуясь спортивной терминологией, «финишный рывок». Нужно было испытать смелость и решимость народов Западного блока. Если бы Советы потерпели неудачу, к концу века они оказались бы намного слабее своих соперников. Малая Гибель была неизбежна».

Патриция глубоко вздохнула. Ей не приходилось читать отчетов о Малой Гибели, сделанных со столь отдаленной – в историческом плане – перспективы. Она помнила те кошмарные дни, когда была еще девочкой пережила невероятное напряжение и страх, а потом увидела последствия по телевизору. С тех пор она научилась владеть собой, но эти холодные критические рассуждения – в столь авторитетном окружении – вновь вернули прежние страхи.

«В сравнении с этим Малая Гибель 1993 года была обычным конфликтом на низком технологическом уровне. Вызвавшая замешательство и ужас, она привела к лицемерно-международному соглашению, напоминающему притворные обещания маленьких детей. В страхе перед собственным оружием во время этого первого конфликта Западный блок и Советы постоянно сдерживали свои силы, основываясь на тактике и технологии прошлых десятилетий. Когда в дело пошло ядерное оружие – а командование отдавало себе отчет в том, что это должно случиться, – оборонные системы космического базирования, еще новые и неиспытанные, оказались весьма эффективными. Однако они не могли предотвратить запуск трех ракет с подводных лодок, уничтоживших Атланту, Брайтон и часть побережья Британии. Русские не смогли защитить Киев. Обмен ядерными ударами был ограничен: Советы и Запад капитулировали почти одновременно. Но репетиция состоялась, и Советы вышли из нее с меньшими потерями, чем их противники. Они лишь приобрели роковую уверенность в том, что не могут быть побеждены ни при каких обстоятельствах и история не в состоянии ликвидировать их ставшую анахронизмом систему.

Гибель, когда она наступила, была полностью честной и открытой. Каждое оружие использовалось так, как его и предполагалось использовать. Казалось, никто не сожалел о последствиях».

Страница 35.

«В ретроспективе кажется вполне логичным, что если оружие изобретено, оно должно быть использовано. Но мы забываем о слепоте и бестолковости конца двадцатого и начала двадцать первого века, когда наиболее разрушительное оружие рассматривалось как защитная стена и когда ужас Армагеддона считался сдерживающим средством, на которое не пошло бы ни одно разумное общество. Но народы не были разумными – рациональными, сдержанными, бдительными, но не разумными. Арсенал каждого народа включал в себя мощное недоверие и даже ненависть...»

Страница 3.

«Малая Гибель унесла четыре миллиона жизней, большей частью, в Западной Европе и Англии. Число жертв Гибели исчисляется примерно двумя с половиной миллиардами, но даже в отношении этого количества нельзя быть уверенным, поскольку когда подсчет трупов был «завершен», возможно, уже разложилось столько же тел, сколько было сосчитано. И, конечно, значительно большее число людей могло полностью испариться».

Патриция протерла глаза.

– Ужасно, – пробормотала она.

– Можете сделать перерыв, если хотите, – заботливо пред-

ложил Лэньер.

– Нет... еще нет. – Она продолжала листать страницы вперед и назад...

Страница 345.

«Подводя итоги, можно сказать, что морские бои оказались чудовищной шуткой технологии. При Малой Гибели подводные лодки преследовались (и в некоторых случаях потоплялись) вплоть до самой капитуляции и даже после нее, но крупные флоты вели лишь перестрелку. Во время основного конфликта, как только война развернулась по-настоящему, примерно через два часа после первых враждебных акций, флоты Востока и Запада оказались под огнем. В Персидском заливе, на северо-западе Тихого океана, в Северной Атлантике и Средиземном море (Ливия предоставила Советам морскую базу в 1997 году) сражения были жестокими и короткими. Победителей было немного. Морские сражения во время Гибели продолжались, в среднем, полчаса, а многие не заняли и пяти минут. В первый день, пока шла стратегическая разведка, перед широкомасштабной эскалацией военных действий, флоты Восточного и Западного блоков уничтожили друг друга. Это были последние крупные военно-морские силы, и их радиоактивные остатки все еще загрязняют воду 130 лет спустя».

Страница 400.

«Своеобразным феноменом второй половины двадцатого века было увеличение количества «отшельников». Эти люди – обычно группами в пятьдесят человек и меньше – заявляли свои права на изолированные территории в ожидании крупномасштабной катастрофы, которая уничтожит цивилизацию и приведет к анархии. С запасами пищи, оружием, «стремлением выжить» – желанием изолировать себя как морально, так и физически, – они воплощали худшие черты того, что Орсон Хэмилл назвал «консервативной болезнью двадцатого века». Здесь нет места для анализа причин болезни, когда личное здоровье и выживание ставились выше всех моральных соображений и когда способность к уничтожению превышала всякое душевное благородство, но об этом можно говорить лишь с грустной иронией.

«Отшельники» были правы – и неправы. Катастрофа наступила, и большая часть мира была уничтожена, но даже во время последовавшей за этим Долгой Зимы цивилизация не погрузилась в анархию. В действительности уже через год появились сплоченные сообщества. Жизнь каждого стала почти единственной ценностью – а все, пережившие Гибель, стали товарищами. Любовь и поддержка со стороны соседствующих групп играли существенную роль, поскольку никакая отдельная группа не имела средств и сил для того, чтобы долго прожить без посторонней помощи. Анклавы «отшельников» – вооруженные и опасно безразличные к тому, каким образом они защищают себя и кого убивают –

вскоре стали объектами ненависти и страха, единственным исключением из нового понимания братства.

В течение пяти лет после Гибели большинство анклавов «отшельников» было обнаружено и их полубезумные члены убиты или взяты в плен. (К несчастью, многие изолированные общины «выживших» также были уничтожены. Различие между этими двумя понятиями носит исторический характер и игнорировалось тогдашними властями.) Многие «отшельники» были отданы под суд за преступления против человечества – в частности, за отказ участвовать в восстановлении цивилизации. Со временем эти преследования распространились на всех, кто выступал за право носить оружие и даже, в некоторых сообществах, на всех, кто поддерживал высокие технологии.

Те военные, кому удалось выжить, были принудительно направлены на социальное перевоспитание.

Исторический трибунал 2015 года – когда высокопоставленные политики и военные как Восточного, так и Западного блоков были обвинены в преступлениях против человечества – увенчал эту мрачную, но вполне естественную реакцию на ужасы Гибели».

Это казалось нереальным. Патриция закрыла книгу и зажмурилась. Она сидела здесь, читая книгу о событиях, которые не произошли здесь – еще – и случились в другой Вселенной.

Она проглотила комок в горле. Если это было в действительности и должно случиться, нужно что-то делать. Она пролистала приложения.

На странице 567 нашлось то, что нужно. На следующих двухстах страницах были перечислены все города мира, подвергшиеся бомбардировке, вместе с приблизительным количеством жертв. Она искала Калифорнию: двадцать пять городов, по каждому нанесено от двух до двадцати трех ядерных ударов. Лос-Анджелес – двадцать три удара в течение двух недель. Санта-Барбара – два, Сан-Франциско, включая Окленд, Сан-Хосе и Саннивейл – двадцать в течение трех дней. Сан-Диего – пятнадцать. Лонг-Бич – десять. Сакраменто – один, Фресно – один. Космический центр в Ванденберге – двенадцать, равномерно распределенных вдоль побережья.

Разрушено пятьдесят три воздушных базы, расположенных в городах или около них, включая гражданские аэродромы, которые могли быть использованы в военных целях. Все космические центры во всем мире уничтожены – даже в странах, не участвовавших в войне.

Патриция почувствовала головокружение. Книга, казалось, уплывала от нее. Не было никакого туннельного видения, не было потери ощущений, лишь некая отстраненность. Она – Патриция Луиза Васкес, двадцати четырех лет, и поскольку она молода, ей предстоит долгая жизнь. Ее родители, так как она знает их всю свою жизнь, должны жить еще очень

долго – невообразимо долго. И Пол – поскольку они лишь недавно узнали друг друга, поскольку он был единственным человеком, который хотя бы попытался выяснить, чем она занимается, – Пол тоже должен быть в безопасности.

А ведь они живут в районах, которые должны быть (могут быть) стерты с лица Земли.

Действительно, все очень просто. Она может взять книгу с собой, когда будет улетать, что должно произойти скоро, быть может, через несколько дней. Она может взять ее с собой на Землю и показать людям. (Возможно, нечто подобное уже сделано.)

И если Вселенные настолько близки, что их будущее может оказаться схожим, человечество должно действовать быстро. Поставленные перед угрозой ядерной войны народы должны начать разоружаться, начать мирные переговоры...

«Боже, мне так жаль, что мы вплотную подошли к этому. Будем считать это благословением и...»

– О, ГОСПОДИ!

Патриция закрыла книгу и встала.

Лэньер прогуливался вместе с ней по чахлому парку возле библиотеки. Она минут пять поплакала, потом взяла себя в руки. Вопросы, которые она хотела задать, были слишком сложны, чтобы выразить их словами. И, узнав ответ, она могла сойти с ума...

– Кто-нибудь проводил сравнение? Я имею в виду, между их историей и нашей? – спросила она.

– Да, – сказал Лэньер. – Я занимался этим, и Такахаси тоже.

– Он знает столько же, сколько и мы?

Лэньер кивнул.

– Что вы обнаружили? Я спрашиваю, насколько они подобны?

– Отличия в исторических хрониках малы настолько, что их можно считать различными интерпретациями одного факта. Существенных расхождений нет – вплоть до Камня.

– А ситуации, описанные в книгах – они соответствуют тому, что происходит на Земле сейчас, да?

– Да.

– Малая Гибель никого ничему не научила?

– Видимо, нет.

Она присела на камень под мертвым деревом.

– На Земле знают?

– Знают одиннадцать человек, здесь и там.

– Что они предпринимают?

– Все, что могут, – ответил Гарри.

– Но Камень может изменить положение дел. Это решающее различие. Так?

– Надеемся, что так. В течение следующих нескольких недель мы должны получить все необходимые ответы – на вопросы об альтернативных временных линиях, о Вселенной, откуда прибыл Камень. Вы можете помочь?

– Вам нужно знать, почему Камень оказался здесь и на-

сколько схожи Вселенные, чтобы решить, будет ли на Земле война?

Лэньер кивнул.

– Это очень важно.

– Я не вижу, чем могу помочь.

– Хоффман считает, что если кто-то и способен дать ответ, так это вы.

Патриция кивнула и посмотрела вдаль.

– Хорошо. Могу я поставить некоторые условия?

– Какие?

– Я хочу, чтобы моя семья была эвакуирована. Я хочу, чтобы некоторые мои друзья были вывезены за город и укрыты в надежном месте. Укрыты вместе с генералами и политиками.

– Нет. – Лэньер медленно обошел вокруг дерева. – Я не сержусь на вас за вашу просьбу, но – нет. Никто из нас не просил ни о чем подобном. Хотя, конечно, все об этом думали.

– У вас есть семья?

– Брат и сестра. Мои родители умерли.

– Жена? Нет. Вы холостяк. Подруга, невеста?

– У меня нет постоянных привязанностей.

– Тогда вы, возможно объективны, чем я, – сердито бросила Патриция.

– Вы знаете, что ничего изменить нельзя.

– Я должна работать здесь, для вас, и ждать, пока мои родители, мой друг, моя сестра – все, кого я люблю – погибнут

в катастрофе, о которой я уже знаю?

Лэньер остановился перед Патрицией.

– Подумайте!

– Знаю, знаю. На Камне сотни людей. Если все узнают об этом и начнут задавать вопросы, будет страшная неразбериха. Вот почему ограничен доступ в библиотеки.

– Это одна из причин, – заметил Гарри.

– И чтобы не узнали русские?

– Это тоже.

– Как умно. – Голос ее был мягким, полная противоположность тому, чего ожидал Лэньер. Он звучал ровно и если не совсем спокойно, то по крайней мере не подавленно. – Что делать, когда я получу письмо из дома? – спросила она. – Что если я не отвечу?

– Это не будет иметь особого значения, верно? Осталось лишь несколько недель.

– Как я буду себя чувствовать, получая письма? Как я смогу работать?

– Вы будете работать, – сказал Лэньер, – зная, что если мы быстро получим ответ, то, возможно, сумеем что-либо сделать.

Она уставилась в землю, поросшую сухой желтой травой.

– Там говорится, что все космодромы были разбомблены.

В этой книге.

– Да.

– Если это случится, мы застрянем здесь, верно?

– Да. Большинство из нас. Впрочем, особого желания быстро вернуться у нас не возникнет.

– Вот почему вы начали заниматься здесь сельским хозяйством. Мы не будем ничего получать с Земли... как долго?

– Если начнется война и все будет так, как описано – возможно, лет тридцать.

– Я... я не могу сейчас идти в библиотеку. Ничего, если я еще немного побуду здесь?

– Конечно. Давайте вернемся в первую камеру и пообедаем. И помните: я уже давно живу с этой информацией. У вас нет никаких причин не выдержать этого.

Она молча поднялась на ноги. Ее руки и ноги уже не дрожали. Патриция была в удивительно хорошей форме.

– Идем, – сказала она.

Глава 11

Экспедиция собралась возле машины через два часа после начала утренней смены. Они походили на группу туристов, отправляющуюся на экскурсию. Машина была загружена до отказа.

Патриция села между Такахаси и мускулистым морским пехотинцем Рейнольдсом, вооруженным «эпплом» и компактным автоматом. Ленора Кэрролсон села рядом с водителем, лейтенантом американских ВМС Джерри Лейком, высоким парнем с песочного цвета волосами. Лейк бросил взгляд назад, убеждаясь, что все в порядке, кивнул Такахаси и улыбнулся Патриции.

– Моим людям приказано охранять мисс Васкес любой ценой. Так что не убегайте никуда без разрешения.

– Слушаюсь, сэр, – спокойно сказала Патриция.

Такахаси – наполовину японец, невысокий, крепко сложенный, с коротко подстриженными черными волосами и большими самоуверенными зелеными глазами – кивнул в ответ. Такахаси был единственным, кто носил здесь земную одежду – рубашку, ветровку и джинсы.

– Особое разрешение, – объяснил он. – У меня аллергия на краситель комбинезона.

Лейк тронул машину с места. Кэрролсон проверяла комплектность оборудования, а Фарли читала вслух список.

Всего в машине сидело восемь пассажиров – четверо военных и четверо «начальников», как Кэрролсон именовала ученых и Патрицию.

Патриция не отводила взгляда от спинки переднего сиденья. Там в кармане лежало письмо от Пола, которое ей передали в первой камере во время прошлой смены.

«Дорогая Патриция!

Где бы ты ни была, моя таинственная женщина, надеюсь, что у тебя все хорошо. Жизнь здесь достаточно буднична – особенно когда я думаю о том, где ты можешь быть, – но она идет своим чередом. Я постоянно общаюсь с твоими предками; Рита просто куколка, а с Рамоном у нас порой бывают весьма интересные беседы. Я многое о тебе узнал за твоей спиной. Надеюсь, ты не обидишься. Мое заявление о приеме на работу в фирму Престера и Минтона (два разработчика программного обеспечения), как я слышал, рассматривается, но дело отодвинули, пока не пройдет законопроект об ассигнованиях на Защитную Платформу. Ходят слухи об обструкции, а это может задержать решение вопроса на несколько месяцев.

Впрочем, хватит об этом. Мне отчаянно тебя не хватает. Рита спрашивает меня, собираемся ли мы пожениться, а я держу язык за зубами, как ты и просила. Я хочу этого, ты знаешь. Меня не интересуют твои странности: и то, где ты сейчас находишься; только возвращайся и только кивни мне.

Мы найдем для себя свой собственный дом. Не будь на этот раз столь упряма. Впрочем, довольно; у тебя, наверное, голова сейчас занята совсем другим, а наши объятия и поцелуи на берегу, куда ты меня вытащила – просто развлечение. (Ты же знаешь, я не могу закончить письмо без какой-нибудь бестактности.) Я люблю тебя. Целую.

Пол.»

Она написала длинный ответ, подвергнув его собственной цензуре, показала его Кэрролсон для одобрения и отправила на Землю со следующим ОТМ.

К ее удивлению, письмо далось ей легко. Патриция рассказала обо всем, что, по ее мнению, Пол хотел услышать, все, что ей необходимо было сказать, если Пола действительно не будет в живых через несколько недель. Нельзя утверждать, что она всерьез воспринимала подобную возможность. Этого не будет, иначе она не могла бы быть столь спокойной.

Лэньер сейчас на пути к Земле. Патриция завидовала ему. Она предпочла бы ожидать смерть на Земле, а не здесь, зная все наперед.

Нет, это не могло быть правдой. Патриция закрыла глаза и обругала себя. Это самая большая ответственность, какая когда-либо была на нее возложена. Она должна преодолеть безумное горе и страх и работать, делая все возможное, чтобы предотвратить катастрофу.

И, почти ненавидя себя за это, она действительно работала. В ее мозгу начали возникать возможные решения, являющиеся, словно поклонники, облеченные в уравнения, и каждое из них она отвергала, когда его неадекватность становилась очевидной.

Такахаси был умен и добросовестен, но у Патриции не возникло особого желания беседовать с ним, когда готовилась экспедиция, так что она почти ничего не знала о нем. С этого момента, как сказал Лэньер, Такахаси и Кэрролсон должны стать ее помощниками почти во всем.

Дорога заканчивалась в пятидесяти километрах от базового лагеря. Машина нырнула в глубокий овраг; ее шины издавали своеобразный шум при соприкосновении с почвой. Панорама по мере продвижения не менялась. Южный купол медленно и размеренно удалялся, становясь все менее впечатляющим. Патриции, однако, неудобно было оборачиваться, так что она бросала назад лишь короткие взгляды. Кэрролсон, Фарли и Такахаси играли на электронном блокноте в шахматы, а она между делом наблюдала за ними.

– Полпути пройдено, – сообщил Лейк два часа спустя.

Шахматисты записали свои ходы и очистили экран, в то время как грузовик, плавно замедлив ход, остановился. Дверцы открылись, и морские пехотинцы со вздохом облегчения выбрались наружу. Патриция выскользнула следом за ними и спустилась на сухую почву, потягиваясь и зевая. Кэрролсон обошла машину с противоположной стороны с тер-

мосом в руке и разлила напиток по чашкам.

– Все самое лучшее!.

– Пиво? – поинтересовался Рейнольдс.

– Чем не пожертвуешь ради науки, – заметила Ленора. –

Кто-нибудь голоден?

Патриция взяла из коробки бутерброд и отошла вместе с Такахаси на несколько десятков метров от машины. Какое-то время она испытывала неприятное ощущение беспокойства и тошноты, но оно прошло. Чего нужно бояться в этой бесконечной пустыне, лишенной даже насекомых?

– Море было мокрым, как обычно, песок же был сухим... – пробормотала она.

– Действительно, – согласился Такахаси.

Патриция присела на корточки; он опустился рядом с ней в позе лотоса.

– Вы знаете, зачем я здесь?

Такахаси выражался неуклюже прямо. Патриция отвернулась.

– Несомненно, для того, чтобы следить за мной.

– Да. Лэньер сказал, чтобы за вами прилежно наблюдали.

Как вы себя чувствуете?

– Вполне сносно.

– Библиотека... – Он понизил голос и оглянулся на купол. – Это нелегко.

– Очень скоро я буду чувствовать себя, словно принцесса, окруженная прислугой.

Такахаси усмехнулся.

– Все не так уж плохо. Хотя я понимаю беспокойство Лэньера. Но я хочу задать один важный вопрос. Вы можете работать?

Патриция знала, что он имеет в виду.

– Я уже работаю. Прямо сейчас.

– Хорошо.

Больше на эту тему говорить было нечего.

Она приподняла ветку куста, чтобы посмотреть, отличается ли здешняя растительность от той, что у лагеря. Отличий не было – маленькие листья, скользкая поверхность. Даже сухая трава была такой же.

– Не слишком обильная растительность, – сказала Пат. – По крайней мере, я ожидала больше карликовых лесов.

– С этим становится все хуже.

– Вы когда-нибудь думали о том, сколько почвы им пришлось нанести в коридор? – спросила Патриция, вставая. Она лишь слегка надкусила свой бутерброд, не испытывая голода уже два дня. – Если ширина покрытой почвой полосы составляет около четверти километра...

– Примерно так оцениваем и мы, – заметил Такахаси.

– И, предположим, длина коридора составляет миллиард километров...

– Почему именно столько?

– Просто предположение. – Это составляет около сорока миллиардов квадратных километров почвы.

– Если разбить всю Землю на кусочки и засыпать ими коридор – корой, магмой и ядром, – можно было бы покрыть около тридцати миллиардов квадратных километров. – Такахаши ткнул пальцем в песчаный островок.

– Что, если дальше горы? Тогда потребовалось бы еще больше земли и камня.

– Возможно, – согласился он. – Но самый главный вопрос – где они все это взяли? И не забудьте про воздух. Толщина атмосферного слоя составляет около двадцати километров, так что это получается... одна и шесть десятых триллиона кубических километров воздуха, чуть больше грамма на литр...

– Вы уже занимались этим раньше?

– Конечно, и много. Римская начал, а группа статистики продолжила. Я помогал советами. Столько вопросов технического плана... Каким образом обновляется воздух в коридоре? Системы регенерации Камня вряд ли могут с этим справиться, тем более если дальше имеется достаточно обширная популяция животных. Так что, может быть, здесь вполне достаточно воздуха, чтобы его хватило на несколько тысяч лет.

– Это кажется мне странным, – сказала Патриция. – Кто бы – или что – ни создал все это, оно рассчитано на вечное существование. У вас нет такого ощущения?

– Иногда. Но это предположение ничем не подкреплено.

– Так или иначе, но должна быть какая-то система жизне-

обеспечения коридора.

Такахаси кивнул.

Римская выдал теорию, что в коридоре должны быть отверстия, еще до того, как мы обнаружили колодцы.

Кэрролсон подошла к ним.

– Заметили, как пахнет в коридоре? – спросила она.

Патриция и Такахаси покачали головами.

– Как перед грозой. Все время. Но озоновый слой здесь не слишком велик. Еще одна загадка.

Патриция принялась. Воздух был свежим, но не как перед собирающейся грозой.

– Я выросла в стране гроз, – словно оправдываясь, сказала Кэрролсон. – Это именно тот запах, все правильно.

Снова очутившись в машине, Патриция занялась с микрокомпьютером, рассчитывая объемы и массы и сводя их в небольшую таблицу.

Через час Такахаси показал на первый круг – четыре колодца, расположенных по окружности на равных расстояниях друг от друга. Каждый колодец находился в углублении диаметром около пятисот метров, в центре которого располагалось перевернутое пятнадцатиметровое блюдце цвета бронзы, подвешенное в восьми метрах над колодцем. Блюдце висело в воздухе без видимой опоры.

Машина замедлила ход возле углубления. По требованию Такахаси, прежде чем остановиться, Лейк провез их вокруг колодца. Затем все выбрались из машины и подошли к краю.

– Мы ездили сюда раз двадцать, – заметил Такахаси. – Почти проторили дорогу.

Патриция держала перед собой мультиметр. Значение пи оставалось неизменным. Она встала на колени и опустила прибор в углубление. Значение – прежнее.

– Теперь спуститесь вниз, – предложил Такахаси.

Морские пехотинцы, Фарли, Кэрролсон и Такахаси сгруппировались у самого края. Патриция поморщилась.

– Еще одно посвящение? Тогда вы первый.

– Это испортит всю забаву, – объяснила Ленора. – Идите.

Патриция сделала шаг и поставила ногу на песчаный склон.

– Дальше, – поторопил Лейк.

Она вздохнула и начала спускаться. В десяти метрах от края, испытывая странное чувство, она обернулась. Ее тело располагалось совсем под другим углом к земле, чем остальные. Испытывая головокружение, Патриция попыталась выпрямиться и чуть не упала. Естественное перпендикулярное направление располагалось по-другому, однако мультиметр не фиксировал локальное искажение пространства.

Под плавающим блюдцем располагался чуть выступающий цилиндр того же цвета. Такахаси прошел по нему, демонстрируя, что это безопасно. Патриция последовала за ним, снова держа перед собой мультиметр. Никаких изменений.

– Есть какие-нибудь идеи насчет того, как держится эта

тарелочка? – спросила она.

Фарли и Кэрролсон пожали плечами. Морские пехотинцы устало расселись на песке вокруг колодца.

– Это, возможно, не очень удачный вопрос, – сказал Такахаши. – Взгляните на материал, из которого сделаны блюдце и цилиндр, вблизи. Насколько мы можем утверждать, это то же вещество, что и на стенах коридора.

Патриция присела и провела рукой по поверхности цилиндра. Цвет его не был ровным. Там, казалось, виднелись какие-то красные и зеленые полосы, даже черные пятна, сливавшиеся, разделявшиеся и извивавшиеся под верхним слоем, словно черви.

– Значит, это тоже какая-то геометрия? – спросила Патриция.

– Это не материя, – сказала Кэрролсон. – Мы определили это сразу же, как обнаружили колодцы.

– Нам потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к мысли об использовании пространства в качестве строительного материала, – заметил Такахаши. Фарли утвердительно кивнула.

– Вовсе нет, – холодно бросила Патриция. – Я писала об этом четыре года назад. Если вложенные вселенные каким-то образом не переходят в одно определенное состояние, в результате непрерывных противоположных пространственных преобразований формируется барьер.

Такахаши улыбнулся, но Кэрролсон и Фарли просто выта-

рашили глаза.

– Итак, – сказал Такахаси, – блюдце ни на чем не держится. Оно не существует реально. Это просто имеющая форму смесь вероятностей. Вполне разумно.

– О, – только и сказала Фарли.

Лейк уселся на середине цилиндра, положив «эплл» на колени.

– Я всего лишь парень из небольшого городка в Мичигане, – сказал он, – но могу с уверенностью сказать, что оно твердое. Оно даже не скользкое.

– Верно замечено. – Патриция наклонилась и потрогала цилиндр. – Видимо, здесь нет полного разделения вероятностных состояний. Допускается некоторое взаимодействие между материей и поверхностью. – Она положила мультиметр прямо на цилиндр. Значение пи начало быстро меняться, затем стабилизировалось: «3,141487233 постоянно». – Уменьшилось, – сказала она и проверила другие константы. – Гравитационная постоянная – норма, скорость электромагнитного излучения – норма, стабильно.

– Постоянная Планка? – спросила Кэрролсон.

– То же самое. Для чего эти колодцы?

– Кольцо закрыто, так что определить, для чего оно, мы не можем.

– Через колодцы может проходить путь куда-то за пределы коридора, – сказал Такахаси. – Мы решили не выяснять, куда они ведут. Но колодцы не закупорены, и силовое поле

неизвестной природы удерживает песок от попадания в центральное отверстие. Единственное, что мы можем видеть – красный свет, идущий из каждого отверстия. Мы отправили в один колодец маленький радиоуправляемый вертолет. Он не вернулся. Мы потеряли его из виду, уже в десяти метрах отсюда и решили никого за ним не посылать.

– Разумно, – заметила Ленора.

Лейк, все еще сидя, сообщил:

– Мои люди готовы отправиться так далеко, как вы пожелаете, и в любое время, когда потребуется.

– Мы ценим ваши слова, лейтенант, – сказала Кэрролсон, – но у нас хватает причин не торопиться.

– Дайте мне универсальный скафандр и оружие, пару человек в помощь...

Он усмехнулся.

– Вы действительно готовы спуститься? – недоверчиво спросила Патриция, повернувшись к офицеру.

Лейк скорчил гримасу.

– Если бы было точно известно, что там есть нечто, что стоит увидеть и исследовать, я бы пошел. Мы бы все пошли. – Морские пехотинцы дружно закивали. – Служба здесь не столь уж интересна, если не считать довольно живописной обстановки.

– Мы перекопали все вокруг. – сказал Такахаси, поднимаясь по склону, показывал расположение ям. Он поднял горсть земли и просеял ее между пальцами. – Почва во всех

колодцах сухая. Никаких микроорганизмов, крупных форм, растений.

– Никаких живых существ... кроме нас, – пробормотала Фарли.

– И никакой радиации, – продолжал Такахаси. – Никаких следов необычных химических веществ. Так что, быть может, эти закрытые колодцы – просто землемерные вешки.

– Божьи отметины, – нараспев произнесла Ленора Кэрролсон.

– Колодцы все одинаковы? – спросила Патриция.

– Насколько нам известно, да, – сказал Такахаси, – но пока исследованы только два кольца.

Рейнольдс встал и стряхнул песок с комбинезона.

– Эй, лейтенант! Может быть, именно отсюда выходят буджумы?

Лейк поворачивал глазами.

– Вы когда-нибудь видели буджума? – спросила Патриция, пристально глядя на морского пехотинца.

– Не думаю, что их вообще кто-нибудь видел, – сказала Кэрролсон.

– Мистер Рейнольдс?

Рейнольдс перевел взгляд с Лейка на Патрицию.

– Вы серьезно меня спрашиваете?

– Да, спрашиваю. – Патриция похлопала по своему значку, не будучи уверенной, что он имеет какое-то значение для морских пехотинцев.

– Я не видел ни одного. – Но другие видели – те, кому я доверяю.

– Мы все о них слышали, – сказал другой морской пехотинец, Хакл. – Некоторые парни рассказывали кучу историй.

– Должен заметить, – вступил Лейк, – что эти люди не склонны видеть того, чего нет. Сообщений немного, но они достаточно интересны.

Патриция кивнула.

– Вы собирались спуститься в колодец?

– Пока нет, – ответил Такахаси. – Перед нами стоят другие проблемы.

Патриция посмотрела на цилиндр, проведя ботинком по его поверхности.

– Я хотела бы ознакомиться с полным отчетом экспедиции, когда мы вернемся, – сказала она.

Еще когда они разговаривали, у нее в голове появилось возможное решение, выдержавшее первый уровень критики. Она посмотрела на перевернутое блюдце, на меняющиеся цвета.

– Тогда возвращаемся? – поинтересовался Такахаси.

– Думаю, да.

Франт использовал усовершенствованный пиктор, отражавший предметы и пейзаж вокруг них и маскирующий то, чем они занимались, внутри и около палатки. Двое охранников, в черном, могли слышать Ольми, если бы он слишком

расшумелся, но не увидели бы его. Всего полметра отделяли его от охранника на пути к ящику, служившему столом Патриции Луизе Васкес.

Его очень интересовала эта молодая женщина; судя по тому, что он слышал, она становилась лидером. И если это та самая женщина, о которой говорил Инженер...

На ящике было в беспорядке разбросано лист пятьдесят, испещренных записями. Многие заметки были перечеркнуты или густо замазаны; иногда целые страницы, за исключением нескольких квадратных сантиметров уравнений или диаграмм, были заполнены жирными карандашными пометками. Ольми спокойно пролистал бумаги, пытаясь разгадать придуманную Патрицией систему обозначений.

В углу лежал электронный блокнот, его серебристо-серый экран был пуст. С правой стороны, прямо над небольшой клавиатурой, был вставлен блок памяти. Ольми огляделся по сторонам, следя за охранниками, и, включив блокнот, склонился над ним. Научиться пользоваться этой древностью было несложно; он быстро просмотрел содержимое блока и скопировал файлы для последующего анализа; это заняло около четырех минут.

Насколько он смог разобраться, Патриция была чрезвычайно развита для человека своего времени.

Ольми укладывал бумаги в прежнем порядке, когда охранник зашел за угол палатки и уставился в его сторону. Ольми медленно встал, уверенный, что его камуфляж про-

должает действовать.

– Ты что-нибудь слышал, Норман? – спросил сержант Джек Тиг у своего коллеги.

– Нет.

– Ветер подул, что ли? Могу поклясться, я видел, как шевелились листки.

– Очередной буджум, Джек.

Тиг подошел к ящику и посмотрел на бумаги.

– Господи, – пробормотал он. – Хотел бы я знать, что все это значит.

Он наклонился и провел пальцами по одной из строк. Курсив перемежался жирными черными печатными буквами. Двойные вытянутые прямоугольники, напоминающие символы матриц, которые он изучал в летном училище, знаки интегралов, экспоненты, содержавшие готические немецкие и греческие буквы, спирали, треугольники, овалы с двумя точками посередине, буквы с одиночными и двойными точками вверху похожими на умляуты...

– Ну и мешанина. – Сержант Тиг выпрямился. Волосы у него на загривке поднялись дыбом. Слегка вздрогнув, он принялся.

Конечно, там ничего не было. И не могло быть!

Глава 12

Почти все двое суток полета на ОТМ Лэньер проспал; голова его была полна невесомых снов, в которых беспорядочно перемешивались Камень и Земля, прошлое и будущее.

Он посмотрел на часы, а потом на лицо охранника, сидящего рядом с ним в лимузине. Через восемнадцать часов после посадки в Ванденберге он должен явиться в кабинет Хоффман в Лаборатории реактивного движения. За дымчатым стеклом машины проносилась пустыня. Давление воздуха было высоким, а сила тяжести – угнетающей. Даже сквозь темные стекла солнце выглядело жарким и желтым.

Он оставил мысли о Камне.

– У меня есть немного времени?

– Да, сэр.

Агент смотрел прямо перед собой, лицо его было официально-вежливым.

– Вы, ребята, неразговорчивы.

– Да, сэр. Мы такие, – поддержал водитель. Охранник, сидящий впереди, обернулся к Лэньеру.

– Миссис Хоффман сказала, что мы в вашем распоряжении, но мы должны доставить вас в Пасадену живым и трезвым к восьми часам завтрашнего утра.

Лэньер подумал о том, как среагировала бы Хоффман на обращение «миссис».

– Джентльмены, – сказал он. – Я вел холостяцкую жизнь столько месяцев, что не могу сосчитать. Положение обязывает. Есть здесь в Лос-Анджелесе безопасное место, где можно было бы... – Он искал подходящее слово. – Расслабиться? Без огласки, приятно, чисто?

– Да, сэр, – сказал водитель.

Ему позволили выпить две рюмки в симпатичном, но древнем заведении, известном под названием «Поло» и окруженном старыми реликтами эпохи кабельного телевидения. К трем часам дня были заказаны два номера в «Бeverли-Хиллс» – друг напротив друга. Агенты тщательно проверили его номер, и кивнув друг другу признали комнаты безопасными.

Наконец у него появилась некоторая иллюзия уединения. Гарри принял душ, лег и почти задремал. Сколько времени потребуется, чтобы привыкнуть к дополнительному весу? Как это подействует на общее состояние?

Женщина, которая пришла в пять, была ошеломляюще красива, очень дружелюбна и, в конечном счете – хотя и не по своей вине, – его не удовлетворила. Он оценил свое состояние как вполне приемлемое, но все это доставило мало радости. В десять дама ушла.

Лэньер никогда прежде не прибегал к услугам проституток. Его увлечения, за некоторым исключением, никогда не были столь постоянны, как у других мужчин.

В десять пятнадцать в его дверь негромко постучали. Он

открыл, и агент-водитель вручил ему два блока памяти.

– Миссис Хоффман передает это вам вместе со своим при-
ветом, – сказал он. – Если вам что-то понадобится, мы – в
холле.

Блоки памяти, которые он привез с собой с Камня – более
ценные, чем сам Лэньер, – были перенесены для безопасно-
сти в другие машины и осторожно доставлены в тот же день в
Пасадену. Без всякого сомнения, Советник уже сейчас зна-
комилась с ними.

Гарри погасил свет и лег на кровать, глядя в потолок и
думая о том, скольких немолодых чиновников успела обслу-
жить девушка по вызову за свою жизнь.

У него никогда не возникало особых проблем с сексом.
Но на этот раз он испытывал не столько желание, сколько по-
требность плоти. После многих месяцев воздержания – фак-
тически, больше года – казалось, что его тело начало жить
отдельной жизнью с собственными требованиями.

Это, по крайней мере, говорило о его нормальности. Он
всегда чувствовал себя виноватым за свою холодность – если
это было подходящее слово. Виноватым и благодарным. Это
давало ему значительно больше времени для размышлений,
не рассеивая внимания и не отвлекая на ненужные мысли.

Именно из-за своей холодности он оставался холостяком.
Когда-то у него были любовницы, но работа и воспитание
всегда одерживали верх. Любовницы, как правило, станови-
лись просто друзьями и выходили замуж за его друзей.

Вполне цивилизованная ситуация.

Лэньер заснул. Ему снились тяжелые и мрачные сны. Он был капитаном большого роскошного лайнера в черном океане, и каждый раз, когда он глядел за борт, чтобы проверить уровень осадки, корабль погружался на метр или два. К концу сна он пребывал в панике. Сила притяжения Земли тянула корабль под воду, а он был капитаном, и это был самый прекрасный корабль, каким он когда-либо командовал. Гарри терял его и не мог покинуть, просто проснувшись...

В восемь часов утра Лэньер пересек каменный четырехугольник Лаборатории Реактивного Движения с дипломатом в руке в сопровождении двух новых агентов. Сейчас он уже больше радовался яркому солнцу и увеличившемуся тяготению и почти сожалел о том, что вынужден провести день в кондиционированном воздухе кабинетов. Первые два, возможно, три заседания должны были пройти в конференц-зале для очень важных персон.

Он проглотил пилюлю от насморка, попил воды из бронзового фонтанчика во вновь засаженном парке и замедлил шаг возле широкого черного стенда, на котором были представлены проекты ЛРД. Программы исследований Марса соперничали с отчетами по проекту «Солнечный парус» и голограммой зонда, который предполагалось отправить к Проксиме Центавра.

Никакого упоминания об исследовательском аппарате, стартовавшем два года назад к поясу астероидов, не встре-

тилось.

Лэньер и его тени в сером поднялись по лестнице – медленно, учитывая его утомление от земной силы тяжести – и прошли через охраняемые двери из толстого стекла. Он предъявил свою карточку монитору, и стальные створки широко распахнулись с приятным гудением. Агенты дальше не пошли. Впереди был коридор, вдоль стен которого стояли экспонаты. В пластиковых ящиках блестели уменьшенные копии прошлых достижений Лаборатории Реактивного Движения: «Вояджер», «Галилео», «Дрейк» и «Солнечный парус». Там были также модели ОТМ и диаграммы, поясняющие концепцию звездного зондирования.

Он поднялся на старом лифте на шестой этаж, глядя на светящиеся голубые цифры под потолком.

Когда дверь лифта открылась, Гарри уже ждал другой агент секретной службы, который снова потребовал пропуск. Лэньер достал карточку из кармана и приложил ее к своему значку. Агент поблагодарил и улыбнулся, а он пошел дальше – без сопровождения – в конференц-зал.

Хоффман сидела в конце длинного черного стола. Перед ней громоздились стопки бумаг, два электронных блокнота и груда блоков памяти. Слева сидел Питер Хейг, представитель президента в МКСОК, а по другую сторону – Элис Кронберри, советник по аэрокосмической безопасности и руководитель второго проекта исследований астероидного пояса. Лэньер обошел вокруг стола и обменялся рукопожа-

тиями сначала с Хоффман – тепло взяв ее руку в обе своих, – затем с Кронберри и Хейгом.

– Я вижу, здесь нет представителей Объединенного космического командования и Объединенного Комитета начальников штабов, – сказал он, садясь с противоположной стороны стола.

– Они вот-вот придут, – успокоила его Хоффман. Она постарела с тех пор, как он видел ее в последний раз: волосы еще больше поседели, а лицо из-за морщин приобрело хмурое выражение. – Вы хорошо выглядите, Гарри. – Она была вежлива.

– Однако чувствую себя не столь хорошо.

– Как дела у Патриции Васкес?

– Так, как и следовало ожидать. Меня вызвали сюда прежде, чем я смог как следует понаблюдать за ее работой, и до того, как она пришла к каким-то результатам.

– Мне кажется, – заметила Хоффман, – что вы в ней не уверены.

– Да, – сказал Лэньер. – Не потому, что сомневаюсь в ее способностях или в том, что она лучший специалист в своей области. Какова бы она ни была, Васкес молода. Библиотека повергла ее почти что в шок.

Кронберри положила на стол правую руку, слегка отклонившись назад.

– Это был шок для всех нас.

Хоффман передала ему листок бумаги.

– Мы изучили привезенные вами материалы и уже подготовили доклад президенту.

– Прежде чем Васкес скажет хоть что-то?

– Я сомневаюсь, что она скажет нам то, что мы хотели бы услышать. Можете называть это инстинктом, но я думаю, нас ждут большие неприятности. – Взгляд Хоффман сосредоточился на стене за спиной Лэньера. – Мы проверили часть информации из библиотеки.

Лэньер пристально изучал лица присутствующих. Все они были угрюмы; это было заметно даже несмотря на то, что люди пытались скрыть свои эмоции.

– И?

– Есть расхождения.

– Слава Богу.

Хоффман жестом остановила его.

– Расхождения не слишком велики. По общему мнению, судя по информации, полученной из библиотеки, и тому, что было обнаружено до сих пор, возможность войны вполне вероятна. Мы проверили исторические сведения, касающиеся Генерального секретаря ЦК КПСС Васильева. Он преобразовал Совет Обороны именно так, как сообщает библиотека. Русские развертывают СС-45 на авианосцах класса «Киев», крейсерах класса «Киров» и, конечно, суперсубмаринах «Тайфун» и «Дельта IV», соревнуясь с нашей программой «Морской дракон». Они действительно знают, как нарушить работу наших мультиспектральных лазерных систем связи.

Это является нарушением Соглашения 1996 года об ограничении вооружений, что, впрочем, несущественно, поскольку никакого ограничения вооружений на самом деле никогда не было.

Лэньер кивнул.

– Нам пришлось постараться, чтобы получить информацию о мультиспектральных системах у Объединенного космического командования, – сообщила Кронберри. – Это одна из причин, по которой на совещании отсутствуют представители Министерства обороны и Объединенного Комитета начальников штабов.

– Это не самое худшее, – заметила Хоффман. – Конгресс начинает задавать вопросы по поводу нашего бюджета. Мы вполне укладывались в рамки ассигнований, так что это не имеет смысла, если не принимать в расчет попытки дискредитировать библиотеку, Камень и всех нас. Президент убежден – с помощью нескольких членов его кабинета, – что Камень либо обман, либо нечто, не имеющее особого значения.

Лэньер крепко, до боли в скулах, стиснул зубы.

– Почему?

– Подозреваю, президент не в состоянии осознать, что мы обнаружили на Камне. Это либерал со Среднего Запада, весьма слабо разбирающийся в науке и технике. Администратор, лишенный всякого воображения. Он всегда был далек от космических материй; они всегда лежали вне пределов его понимания.

Кронберри достала из чемоданчика копию письма на бланке Белого дома и передала ее Лэньеру. По существу, там говорилось, что президент рассматривает возможность изучения результатов исследований, проводимых на Камне.

– Это было написано после того, как мы начали передавать в Белый дом данные, полученные с зонда в поясе астероидов, и после подтверждения информации, из библиотеки.

– Мы хотели в конце недели отвезти на Камень вице-президента, но он отклонил приглашение, – сообщила Хоффман.

– Что предпринимают русские в отношении Камня? – спросил Лэньер.

– Они тайно два года назад отправили в пояс астероидов свой собственный зонд. Зонд подтвердил информацию, примерно, в то же время, что и наш. Они знают, что действительно существует очень большой астероид, в точности совпадающий по форме с Камнем.

– Юнона?

– Да. Совпадение полное.

Лэньер до сих пор не слышал о подтверждении, полученном со второго зонда.

– Значит, Юнона и Камень – в самом деле, одно и то же?

Хоффман передала по кругу пачку фотографий, полученных с зонда. На одной из них была Юнона, картофелеобразный кусок первобытного планетарного вещества, покрытый

кратерами и рытвинами. Камень был идентичен ей, но пересечен каналами и испещрен углублениями скважин.

– Боже мой, – прошептал Лэньер.

– Не думаю, что это дело рук Бога, – заметила Хоффман. – Скорее, вашего Конрада Корженовского.

– Так или иначе, – сказал Хейг, – русские намерены отозвать свою команду в течение трех недель, а может быть, и раньше. Им не нравится, что они не имеют полного доступа, хотя китайцев мы не пускаем всюду вплоть до седьмой камеры. Такова официальная причина, честно говоря, вполне подходящая. Но это не объясняет всего.

– Они согласились с нами год назад, когда мы определяли сферы деятельности команд, – нахмурился Лэньер.

– Да, но, видимо, имеется утечка информации, – сказал Хейг.

– О, Господи.

«Кто?»

– И, – продолжал Хейг, – сейчас они заявляют, что мы ввели их в заблуждение относительно содержимого библиотек.

– Как оно и было, – слегка улыбнулась Хоффман.

– Может научная группа обойтись без русских? – спросила Кронберри.

– Да. Они, в основном, работают над вопросом энерго-снабжения плазменной трубки. Мы можем обойтись без них, однако многие важные исследования замедлятся, возможно,

даже остановятся. Как насчет Пекина?

Кронберри перелистала папку с личными делами. Хейг протянул руку и взял одно из них.

– Карен Фарли – китайская гражданка. Она занимается теоретической физикой, правильно?

– Да. Она приносит пользу во всех областях.

«Ради Бога, только не Фарли... не Ву и Цзян...»

– Она и ее коллеги должны быть отозваны, если русские уйдут.

– Какая между ними связь? – спросил Лэньер.

– Если русские чувствуют, – сказала Хоффман, – что их вводят в заблуждение и держат в стороне от важных проблем, у китайцев есть такие же основания для недовольства. Их присутствие более полезно для нас, чем для них.

– Никогда не поверю, что кто-то добровольно уйти с Камня. Я бы не ушел.

– И они не уйдут, – подхватила Хоффман. – У нас есть доказательства, что и русские, и китайцы имеют тайных агентов в службе безопасности, может быть, даже в научной группе. Кроме того, они повели себя энергичнее на орбите и на Луне. Не говоря уже о повышенной активности в Тюратаме и на стартовом комплексе в Индийском океане.

– Вторжение с Земли и Луны?

Хоффман покачала головой.

– Послушайте, все это мелочь по сравнению с главным вопросом. Удалось ли Васкес получить хоть какие-то результа-

ты? Что она может сказать по поводу параллельных миров, альтернативных историй?

– У нее не было времени, чтобы сделать многое, – спокойно ответил Лэньер. – Через несколько недель мы узнаем.

– Я понимаю точку зрения президента. Я тоже считаю, что в это очень трудно поверить, – сказала Кронберри. – По вашему мнению, Камень явился из нашего будущего?

– Нет, – отозвался Лэньер. – Камень пришел из другой Вселенной, не совпадающей в точности с нашей. Это можно утверждать определенно. Есть одна очевидная разница.

– В прошлом Камня не было Камня, – подсказал Хейг.

– Именно.

– И мы никак не можем узнать, в какой степени Камень повлияет на ход нашей истории.

– Он многое меняет, – заметила Хоффман. – Я бы сказала, меняет к худшему. – Она взяла блок памяти, надписанный «Изменения физиологии растений в условиях плазменной трубки». – Вы сделали эту копию сами? – Она передала блок Кронберри, затем Хейгу.

Лэньер кивнул.

– Запись сделана с-кодом, – сказал он. – Здесь обобщение лучших источников, в основном, из библиотеки третьей камеры. Васкес собирается туда через несколько дней.

– Что здесь обобщено? – спросил Хейг, взвешивая блок в руке.

– Первые две недели войны.

Кронберри вздрогнула.

Хоффман взяла блокнот, запрограммировала его на расшифровку с-кода, вставила блок и начала просматривать материал. Лицо ее посерело.

– Раньше я этого не видела, – призналась она.

– Это, в основном, фотоматериалы, отснятые вооруженными силами обеих сторон. И кое-что из хроник Долгой Зимы.

– Значит, это уже не просто теория, – прошептал Хейг.

Лэньер покачал головой.

– Как долго продлилась... продлится зима? – спросила Кронберри, с явной неохотой беря блокнот у Хоффман.

– Основные эффекты проявляются в течение года или двух.

Хейг взял блокнот у Кронберри.

– Вы гарантируете, что этот материал – из библиотеки третьей камеры?

Лэньер раздраженно сглотнул.

– Вряд ли я мог сам все это сочинить.

– Конечно нет, – поддержала его Хоффман. – Если информация из библиотек верна, если наши вселенные в этом отношении совпадают – тогда у нас остается дней шестнадцать?

– Так или иначе, но мы знаем об этом, – сказал Лэньер. – Хотя знание о предстоящих событиях почти наверняка окажет влияние на результаты. Если... если они вообще про-

изойдут.

– Мы планируем встретиться с русскими завтра днем, – сообщила Хоффман. – Абсолютно неофициально. Они просили, чтобы вы при этом присутствовали. Департамент мистера Хейга очень сильно надавил на Госдеп и Минобороны, чтобы получить согласие на эту встречу. Если переговоры пойдут успешно, будут и другие встречи, на другом уровне. И если нам удастся убедить президента до следующей недели, возможно, будет подготовлена встреча на высшем уровне. – Она медленно моргнула, опять глядя куда-то за плечо Лэнгера. Это не был устремленный на тысячу ярдов вперед взгляд утомленного битвами ветерана – но близко к тому.

Глава 13

Следующим этапом был город в третьей камере.

Побывав у первого кольца и вытянув максимум информации из книг Александрийской библиотеки, отобранных для нее Лэньером, Патриция испытывала приятное ощущение полного знакомства с темой. Это была игра, упражнение – не более реальное, чем необычные математические упражнения, которыми она занималась в детстве.

Она много раз проезжала под Пушинкой-городом, но третья камера наиболее тщательно охранялась, и поезда там никогда не останавливались – до сегодняшнего дня.

Руперт Такахаси сопровождал ее на поверхность.

Функции Такахаси в научной команде были необычайно широки. Его титул математика вряд ли в достаточной степени характеризовал то, чем он занимался; казалось, он постоянно менял свои интересы, работая сегодня с одной группой, завтра – с другой. Он был более чем универсалом; он был универсалом, задавшимся целью координировать различные математические и статистические методы, применяющиеся в научной команде. Именно поэтому он начал работать вместе с Римская над первоначальной теорией коридора; они успели обсудить эту тему, пока Такахаси знакомился с работами ученого по социологии.

Пушинка-город производил потрясающее впечатление;

он был построен на два века позже Александрии – после того, как Камень отправился в свое путешествие, – и подобный проект невозможно было себе представить, пока его обитатели не освоились, в достаточной степени, с тем, что их окружало. Здесь архитекторы Камня позволили себе полную свободу. Рассматривая камеру как гигантскую долину, они протянули кабели от купола до купола, и развесили на них вдоль изящных кривых здания. Используя изгиб поверхности, они соорудили арочные структуры десятикилометровой длины, где полосы стали и переработанного вещества Камня перемешивались в серебристо-белом узоре, отбрасывая вниз мягкие тени. Некоторые арки дотягивались до границ атмосферы; они были толще у вершины, чем у основания, словно лунки для гольфа.

Даже пустая Пушинка казалась живой. Достаточно лишь представить себе присутствие людей, чтобы город ожил, подумала Патриция; сотни горожан, движущихся от здания к зданию, одетых в разнообразные разноцветные одеяния, подходящие по стилю к кривым сводам и аркам, яркие цвета, контрастирующие с приглушенными кремовыми, белыми и металлическими оттенками.

Главная библиотека почти скрывалась под вытянутым отростком одной из небольших структур-лунок. Такахаси объяснил, что туда легко добраться пешком, поэтому они шагали через площади, по пешеходным мостикам, вдоль дорог, на которых когда-то оживленно двигались управляемые ком-

пьютерами машины.

– Все машины исчезли, – сказал Такахаси. – Мы знаем о том, как они выглядели, только по записям. Вероятно, ими воспользовались во время исхода.

Она пыталась представить себе десятки миллионов камнежителей – подобное население вполне мог вместить один Пушкинка-город, – движущихся по коридору в машинах-роботах.

Вход в библиотеку представлял собой монолитную плиту из материала, напоминающего черный мрамор. Когда они приблизились, усиленный динамиком голос попросил их остановиться для идентификации личности. Они стояли целых две минуты, прежде чем им позволили войти.

Широкий полуэллипс поплыл в сторону, открыв черное пространство. Внутри их ждали вездесущие сотрудники службы безопасности в сером и черном, проверившие пропуск еще раз. Внутренность библиотеки была ярко освещена; дополнительного подвесного освещения не требовалось.

– В Пушкинке нет выключателей, – пояснил Такахаси. – Мы в точности даже не знаем, как ток подается к лампам, а тем более откуда он берется.

Сама библиотека была меньше по объему, чем ее двоюродная сестра – или предшественница – в Александрии, и не было видно стеллажей с книгами. Пол представлял собой покрытую пастельно-голубым ковром площадку, над которой тянулся без видимой опоры лист из мягко светящегося бело-

го материала. На площадке стояла, по крайней мере тысяча лимонно-зеленых мягких кресел. Перед каждым сиденьем крепились на сером постаменте блестящая капля.

Здесь полностью отсутствовали признаки разрушения.

Такахаси подвел ее к креслу. Оно было окружено записывающим и контрольным оборудованием, выглядевшим явно не к месту и явно установленным научной командой.

– Обычно мы пользуемся этим, но выбор за вами.

Патриция покачала головой.

– Мне это не нравится.

Скользя между рядами кресел, она выбрала одно, примерно в двадцати метрах от края, и села.

Такахаси подошел к ней.

– Вы можете увидеть отсюда весь Камень – каким он был, – сказал он. – Хотите совершить путешествие по городам в то время, когда они были заселены? – Руперт отодвинул скрытую тканью крышку на подлокотнике кресла и показал, как пользоваться простым пультом управления. – Это лишь основы. Есть сотни других трюков. Чувствуйте себя свободно, экспериментируйте. Думайте об этом как об отдыхе. У меня здесь нет особых дел, так что я подожду снаружи. Присоединитесь ко мне, когда закончите – скажем, через час или около того.

Ей было не очень приятно оставаться одной, и она высоко ценила то, что Лэньер сопровождал ее в Александрийской библиотеке. Однако она кивнула в знак согласия и, мани-

пулируя пультом, поудобнее. Перед ней появилось простое круглое графическое изображение, столь же ясное и четкое, как некий твердый предмет. Такахаси объяснил не все, и Патриция случайно включила учебную программу. Та исправила ее ошибки и сообщила – на американском английском лишь с легким акцентом, – как правильно пользоваться оборудованием. Затем программа снабдила ее номерами и кодами других типов информации.

Она вызвала студенческий базовый справочник по городу второй камеры. В то же мгновение ее окружила Александрия. Казалось, что она стоит на балконе квартиры в нижней части одного из небоскребов, глядя вниз на оживленные улицы. Иллюзия была полной – она даже знала, как выглядит «ее» квартира. Она могла повернуть голову и посмотреть назад, если бы пожелала – собственно, она могла даже передвигаться, хотя знала, что сидит на месте.

Голос, звучавший в ушах – или где-то в голове, – объяснял, что именно она видит.

Она провела полчаса в Александрии, разглядывая одежду, которую носили люди, их лица, их прически, мимику и манеры. Некоторые из одеяний привлекали ее, другие были абсолютно пуританскими. Одним из наиболее популярных стилей для женщин было прозрачное платье – обычно розовое или оранжевое – со шляпкой, прикрытой сверху маленьким красным диском из какого-то пушистого материала. У некоторых женщин были шестиугольные голубые знаки на

левой лопатке...

(«?»)

«Для получения информации по обозначению положения и должности введите следующую кодовую строку...»)

...а у других – красные ленты, перекинутае через правое плечо, заканчивавшиеся золотыми шариками. Мужская одежда была не менее цветастой; различия, казалось, говорили о несколько иных отношениях между полами, чем в ее время в ее мире.

Она слышала их речь. Это был своеобразный язык, напоминающий валлийский с английским и французскими вкраплениями.

(«На каком языке вы – это устройство – общаетесь со мной, и откуда вы его знаете?»)

«На английском конца двадцать первого века, самом раннем, доступном без специального кода, выбранном на основании вашей речи перед доступом к данным».)

Хотя этнические группы все еще сохраняли родные наречия, многие языки слились в единый, причем языки изменялись очень быстро. Это возможно благодаря тому, что обучение было ускорено с помощью специальных устройств – таких же, как и в библиотеке. Можно было выучить любой новый язык или наречие за несколько часов.

Что касается письменности, то, как поняла Патриция, графика – как это ни парадоксально – усложнилась. Было ли здесь время, когда в моде была изящная словесность?

(«Это знаменитая площадь Надера, получившая премию за архитектурное совершенство, прежде чем Пушкинка-корабль покинул Землю...»)

Она внимательно слушала, полностью погрузившись в созерцание. Некоторые мужчины щеголяли в напоминавших кильт юбках и блузах с широкими рукавами, другие носили деловые костюмы, которые были бы вполне уместны в Лос-Анджелесе двадцать первого века. Обувь, казалось, полностью вышла из моды, вероятно, потому, что автоматика поддерживала идеальную чистоту.

(«Как насчет социальных отклонений? Гетто, колонии?»)
Изображение слегка дрогнуло.

(«Социальные отклонения в Александрии и других частях Камня известны. Некоторые районы отошли от постоянного городского обеспечения. Граждане, жившие в этих районах, предпочли отказаться от всех современных удобств и отвергают все, что было изобретено после конца двадцатого века. Их желания строго соблюдаются; часто они являются почетными гражданами, и им оставлено право верить, что развитая технология стала причиной Гибели и что Богу угодно, чтобы мы жили без какой-либо поддержки, не упомянутой в трудах Благословенного Надера и его Горных Апостолов».)

Она уже слышала несколько раз имя «Надер», но потребовалось некоторое время, чтобы разобраться, как включить функцию сноски. Сделав это, Патриция попросила объяснить некоторые реалии, которые каждый Камнежитель счи-

тал сами собой разумеющимся. В ответ ей была представлена элементарная краткая история Камня, начиная с Гибели и кончая созданием Пушинки.

Ее немало потряс тот факт, что Благословенный Надер – это, на самом деле, Ральф Надер, член Общества защиты прав потребителей и независимый социолог, наделавший много шума в шестидесятые и семидесятые годы. Он еще здравствовал на Земле – на ее Земле, в ее времени, – а в библиотеке имя его всегда упоминалось с почтением. Он всегда был «Благословенным Надером» или «Добрый Человеком». Люди, принявшие его имя – надериты – были мощной политической силой в течение столетий. Или... будут. Она дала себе слово с этой минуты использовать физическую концепцию времени, где события вытянуты в линию, без каких-либо провалов в прошлое, настоящее и будущее.

После Гибели, чудовищной Долгой Зимы и Восстановительных Революций к власти на остатках Западной Европы пришел испанец по имени Диего Гарсиа де Сангильяна – под лозунгом Возвращения к Жизни. Он начал предпринимать попытки добиться мирового господства. В следующем, 2010 году (всего через пять лет, подумала она, нарушив данное самой себе обещание) в Северной Америке сформировались первые объединения надеритов. Надер – «принявший мученическую смерть» во время Гибели – был канонизирован за выступления против ядерной энергетики и развитых технологий; справедливо или несправедливо вознесенный на

небеса, он стал священной фигурой, героем пустынной земли, все еще полной страха и ненависти к тому, что род человеческий сделал сам с собой. В 2011 году сторонники Возвращения к Жизни влились в ряды надеритов, а возрождающиеся правительства Северной Америки и Западной Европы заключили договоры о взаимопомощи и сотрудничестве. Надеритские правительства пришли к власти путем всеобщих выборов, и немедленно началось обуздание высоких технологий и ядерных исследований. «Назад к земле!» – вот лозунг трети мировой экономики, и рейдеры – элитная и, в некотором роде, теневая организация – рассеялись по всему миру, чтобы «заставить» колеблющиеся правительства присоединиться к ним. В России революция 2012 года, возглавляемая сторонниками надеритов, низложила последнее советское правительство, и так уже отступившее в РСФСР. Народы Восточного блока вновь обрели политический суверенитет, и большинство их присоединилось к надеритам.

Это, по крайней мере, объясняло постоянное упоминание имени Надера в записях. Между 2015 и 2100 годами последователи Доброго Человека объединили свои силы на двух третях земного шара. Единственным, кто упорно этому сопротивлялся, была Азия, где Великая Азиатская Конфедерация, в которую вошли Япония, Китай, Юго-Восточная Азия и Малайзия, отвергла надеризм и с энтузиазмом вернулась к научным исследованиям и высоким технологиям, включая ядерную энергию. Первая реальная оппозиция надеритам на

Западе возникла в 2100 году, вместе с Народным Движением в Великой Германии...

Патриция выключила машину и откинулась на спинку кресла, потирая глаза. Информация поступала к ней в виде текста на дисплее, исключительно качественных изображений и еще более качественного звукового сопровождения. Там, где не хватало визуальной и звуковой документации, появлялся текст, который читал мягкий и четкий голос. По сравнению с ним обычное чтение казалось пыткой, а современные видеосредства были столь же архаичны, что и наскальные рисунки.

При желании она могла бы с удовольствием провести здесь остаток жизни – вечный ученый, паразитирующий на изучении веков, в которых ни она, ни ее предки не жили.

Учитывая то, что могло ожидать впереди, эта перспектива была весьма заманчивой.

Прошел почти час.

Патриция быстро вновь включила систему, чтобы найти информацию о коридоре, об исходе камнежителей и об опустошении городов. Каждый раз она видела в ответ графическое изображение утыканного шипами шара, что означало запрет на информацию.

Выйдя к Такахаси, спокойно курившей сигарету – первую, которую она увидела на Камне, – Патриция потянулась и покрутила головой.

– Пожалуй, пора.

– Конечно.

– Куда теперь?

– Небольшая поездка. Мы не сможем быстро добраться туда пешком, так что воспользуемся машиной.

Гараж третьей камеры представлял собой барак из металлических листов, нелепо приткнувшийся у основания одной из пересекавших камеру арок. Рядом открывался вход в подземку; однако транзитные линии, обслуживавшие когда-то город-Пушинку, не действовали, и чтобы попасть с одного подземного узла на другой, нужно было ехать на машине по узким служебным путям.

– Мне не удастся добраться до информации об исходе, – сообщила Патриция, пока Такахаси проверял машину. Он нагнулся, заглядывая под шасси, потом выпрямился и отрянул руки.

– Над этим сейчас работает археологическая группа. Мы должны успеть на их еженедельный отчет – к одиннадцати часам. – Он посмотрел на часы. – Сейчас девять. Все в порядке. Поехали?

Пакахаси открыл водителя.

– Вы уже пробовали управлять машиной?

Патриция покачала головой.

– Сейчас самое время попробовать, вам не кажется?

Она нервно вздрогнула.

– Это совсем нетрудно. Особенно здесь. По служебным дорогам легко ехать. Мы изучили кодировку на стенах, за-

меняющую дорожные знаки, которую использовали служебные машины – она не слишком отличается от штрих-кода, применяемого на Земле. Я лишь провожу считывающим пером по знаку, и мы уже знаем, где находимся. Я скажу, где повернуть. Все служебные дороги – с ограждениями; вы не сможете свалиться, даже если попытаетесь. Ясно?

– Ясно.

Он забрался на сиденье рядом и показал ей систему управления.

– В некотором отношении, похоже на самолет – передвиньте рычаг вперед, и машина пойдет вперед; чем дальше вы его передвинете, тем быстрее будете ехать – до ста километров в час. Чтобы замедлить ход, рычаг надо вернуть назад; для движения задним ходом потяните рычаг на себя – максимальная скорость при езде задом составляет около десяти километров в час. Сцепление работает автоматически. Возьмитесь за рукоятки на горизонтальном рычаге и поверните его в том направлении, куда хотите ехать. Если нужно развернуться на месте, не перемещаясь назад или вперед, просто поставьте вертикальный рычаг в нейтральное положение и поверните горизонтальный до упора. Машина будет кружиться. Хотите попробовать?

– Конечно. – Патриция проехала по гаражу. Потребовалось некоторое время, чтобы приспособиться к рычагам. Когда она почувствовала, что освоилась, она улыбнулась Такахаси.

– Поехали.

– Схватывается на лету, верно?

– Не говорите «гоп», – предупредила девушка.

– Ладно. Развернитесь. – Руперт показал на ближайший служебный въезд.

Огороженные служебные дороги пролегали под городскими зданиями, избегая, как правило, наклона круче, чем десять-пятнадцать градусов. В одном месте, поездка, однако, напоминала американские горы. Такахаси убедил Патрицию проехать вверх и вниз по крутым склонам.

– Мы только что миновали главную водопроводную систему этого района, – объяснил он.

Там, где служебные дороги переходили в туннели и где сквозь арки и другие сооружения почти не проходит свет плазменной трубки, мягко светились большие молочные панели. В городе, казалось, отсутствовали тени; все было залито обильным и ровным светом.

Когда они подъехали к развилке, Такахаси предложил сбавить скорость, достал из кармана считывающее перо и провел им по набору линий разной толщины у края левой стены. Перо было подключено к электронному блокноту, на экране которого появилась карта, цифровые координаты и указатели направлений к ближайшим пунктам.

– Налево, – сказал он. – Мы скоро въедем в многоквартирный дом. Так сказать, через черный ход.

Служебная дорога вскоре привела их на площадь, посреди

которой стояла цилиндрическая башня с золотой поверхностью. Когда они проезжали мимо, на ограждении вспыхивали огни, но машина и люди внутри нее не вызывали никакой реакции у автоматов.

– Остановитесь у той открытой двери впереди, – попросил Такахаси.

Подвешенная на цепи табличка блокировала проезд. Патриция остановила машину и поставила ее на тормоз.

ПРОХОД И ПРОЕЗД ЗАКРЫТЫ

ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ И.ЯКОБА,

ДИРЕКТОРА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЫ.

– Он строго следит за этим, – сухо сообщил Такахаси. – Дальше простирается девственная территория. Они завершили работы в этом здании и лишь поэтому пускают нас сюда. – Но ничего не трогайте.

Они поднялись на невысокий уступ и, пригнувшись, прошли через люк. С помощью недавно установленных замков и цепочек некоторые двери оставались открытыми. Патриция заметила датчики – часть их скрывалась под серебристой лентой, – установленные на стенах, полу и потолке.

– Машины разгружали в этих залах продукты, оборудование – все, что требовалось зданию. Автоматические тележки должны были подвозить товары к соответствующим лифтам, а те доставляли их в различные отсеки. Однако мы – не груз.

Другой открытый люк вел в большой холл первого этажа. Разнообразных форм кресла и диваны, явно сделанные из натурального дерева, стояли возле широкого сплошного окна, поднимающегося в высоту, по крайней мере, на двадцать метров. За окном открывался прекрасно ухоженный сад. Патриция, полностью захваченная иллюзией, не сразу поняла, что сад освещает солнце, а за деревьями просматривается голубое небо. Она остановилась, чтобы присмотреться, и Такахаси терпеливо ждал, скрестив на груди руки.

– Прекрасный вид, – сказала она.

– Сад настоящий; солнечный свет и небо искусственные, – уклончиво ответил Руперт.

– Как же они обходились без солнца и голубого неба.

– Если бы вы вышли наружу, то увидели бы, что это иллюзия.

– Выглядит очень реалистично.

Пол напоминал отполированный камень, но на ощупь ка-

зался покрытым ковром. Патриция попробовала шаркать ногами, но шаги ее остались бесшумными.

– Чтобы подняться наверх, потребуется некоторое усилие, – предупредил Такахаси. В дальнем конце зала в стене виднелись две открытые шахты. – Страдающим головокружением противопоказано. – Они вошли в левую шахту. Такахаси показал вниз и вытянул ногу, коснувшись красного круга на полу. Круг засветился. – Седьмой, – сказал он. – Для нас обоих.

Пол остался внизу. Без всякой видимой опоры они взлетели вверх. За исключением чувства движения, никаких иных ощущений не было. Глаза Патриции расширились, и она ухватила Такахаси за руку. Шахта по всей высоте была лишена каких-либо черт, и невозможно было сказать, сколько этажей проносится мимо.

– Все занимает лишь секунду, – подытожил Руперт. – Вам понравилось? Не знаю, в скольких романах я читал о подобных штуках, а здесь это реальность. – Впервые Патриция услышала в его голосе нотки удовольствия. Казалось, его заинтересовала ее реакция. «Похоже, ему очень хочется услышать, как я кричу, – подумала она. – Что ж, этого удовольствия я ему не доставлю».

Она отпустила руку Такахаси в тот самый момент, когда часть стены перед ними стала прозрачной. Они мягко и плавно опустились на пол.

Патриция судорожно сглотнула.

– Меня удивляет, – произнесла она с некоторым усилием, – насколько хорошо здесь все работает, в то время как во второй камере автоматика почти целиком бездействует.

Такахаси кивнул, как бы подтверждая, интерес к проблеме, но не смог или не захотел ответить.

– Следуйте за мной, пожалуйста.

Стены коридора изгибались – он был круглым в поперечном сечении, и цвет его плавно менялся от насыщенного зеленого до темно-кленового. Все время казалось, что они вступают в круги теплого света. Патриция посмотрела вниз и заметила, что ее ноги идут по невидимой плоскости над полом коридора.

– Мы ступаем по воздуху, – сказала она, подавляя нервную дрожь.

– Любимая иллюзия камнежителей. Через какое-то время это надоедает.

Они остановились, и Такахаси показал на пол справа от них. Под зеленоватой линией светились красные цифры: 756.

– Это дверь, и как раз та, которая нужна. Теперь вам предоставляется большая честь. Приложите руку к стене и нажмите в любом месте.

Она протянула руку и сделала, как он просил. Семифутовый овал исчез в стене, открыв белое пространство.

– Археологи нашли эту квартиру случайно. Видимо, она освободилась еще до исхода и именно таким образом поме-

чалось свободное жильё. Все остальные двери в этом здании заперты на персональный код или заблокированы каким-то иным способом. И – вы уже столкнулись с этим – информация об интерьере частных жилищ Пушкинки-города в библиотеках отсутствует. Добро пожаловать.

Патриция вошла первой. Помещение было девственно белым, обставленным несимпатичными белыми же блоками, в которых с трудом угадывались диваны, стулья и столы.

– Убожество, – сказала она, оглядывая лишенную окон комнату. Овальные двери вели в две столь же белые и так же обставленные спальни – по крайней мере, можно было предположить, что это спальни. Кроватями, возможно, служили небольшие диваны.

Единственным не белым предметом в квартире была хромированная капля на подставке. Патриция остановилась рядом с ней.

– Такая же, как и в библиотеке.

Такахаси кивнул.

– Не трогайте. – Он показал на маленькую коробочку, прикрепленную у основания. – Стоит только прикоснуться, и в службу безопасности поступает сигнал тревоги.

– Это домашний библиотечный модуль?

– Мы полагаем, что да.

– Он работает?

– По нашим данным, никто не пытался это проверить. Можете спросить у Гарри.

– Почему нет окон? Это внутреннее помещение?

– Ни в одной квартире не было окон.

– А почему такая уродливая обстановка?

– Если вы имеете в виду ее внешний облик, то это потому, что никто ее не выбирал. Обстановки нет, так как никто здесь не живет. Квартира свободна.

– Понятно. Что нужно, чтобы ее обставить?

– Полагаю, какой-то договор о найме, – сказал Такахаси. – Тогда квартира сможет воспринимать ваши команды. Вы можете обставить ее, сообщая вслух, что именно вам нужно.

– Чудесно, – восхитилась Патриция. – Никто не входил в другие жилые помещения?

– В третьей камере – нет. Здесь все наглухо заперто.

– Тогда как же вы обнаружили эту? Просто случайно?

– Ицхак Якоб бродил в одиночестве с этажа на этаж и обошел каждый по периметру. Это была единственная квартира, номер которой светился.

– Как можно было узнать, что хозяева дома?

– Может, номер светился, а дверь открывалась при их приближении. Может, были другие способы. Трудно сказать – ведь мы не понимаем даже основ.

«Если мы не знаем основ, – подумала Патриция, – как я могу надеяться понять все остальное... Шестую камеру, коридор?»

– Мы вернемся назад тем же путем, – сказал Такахаси, – и попытаемся учесть до начала собрания.

Они едва успели. Кафетерий первого научного комплекса переоборудовали, и установили там низкую сцену, трибуну и ряды кресел. Римская ждал возле сцены, пока заинтересованные сотрудники научной команды заходили в кафетерий, беседуя и выбирая наиболее удобные места.

Патриция и Такахаси появились ровно в одиннадцать. Большая часть мест была занята, и они устроились сзади. Карен Фарли повернулась и помахала им рукой. Патриция помахала в ответ. Римская вышел к трибуне.

– Леди и джентльмены, коллеги, сегодняшней отчет касается исхода с Камня. Нам удалось существенно продвинуться вперед в изучении этой проблемы, и теперь мы можем сообщить некоторые наши выводы. – Он представил хрупкого человека с всклокоченными светло-каштановыми волосами и мягкими аполлоновыми чертами лица. – Доктор Уоллес Райнер из Оклахомского университета изложит их. Сегодняшнее собрание продлится не более тридцати минут.

Райнер бросил взгляд на заднюю часть помещения, получил утвердительный кивок от женщины у проекционной установки и подошел к трибуне, помахивая раздвижной металлической указкой.

– Над этим отчетом работала вся археологическая группа и несколько социологов. Доктор Якоб нездоров, так что придется выступить мне.

В аудитории раздались смешки.

– Доктор Якоб никогда не выступает с докладами, – пояснил Такахаси. – Он очень застенчив. Предпочитает безлюд-ные руины.

– Сосуществование города второй камеры, известного как Александрия, и значительно более совершенной Пушкинки в третьей камере всегда выглядело несколько необычным. Мы постоянно задавались этим вопросом. Почему камнежители оставили Александрию в столь архаичном состоянии вместо того, чтобы перестроить и модернизировать ее? Люди с нашим нынешним темпераментом определенно испытывали бы дискомфорт, живя в относительно примитивных условиях, когда можно было исправить положение ценой некоторого обновления города. Теперь мы много знаем об условиях жизни в Александрии и существенно меньше – о Пушкинке-городе. Как известно, безопасность – безопасность камнежителей – соблюдалась в Пушкинке весьма строго, и если мы не собираемся заняться активным взломом, жилые помещения доступны нам лишь в одном месте. Александрия более открыта, в некотором смысле более дружелюбна – если вы согласитесь с подобным сравнением. Все мы имеем допуск второго уровня. Мы знаем, что камнежители были людьми, и что их культура предельно близка к нашей. Фактически, они – родом с Земли будущего. Мы знаем, что в свое время здесь существовали две главные общественные группы: гешели, то есть граждане с техническим или научным образованием, и надериты. Кстати, любопытно, кто сообщит об этом Ральфу?

Аудитория устало рассмеялась.

– Старая шутка, – шепнул Такахаси Патриции.

– Мы теперь знаем, что Александрия до исхода была заселена, в основном, ортодоксальными надеритами. Они, видимо, придерживались технологий и мод, предшествовавших двадцать первому веку.

Слегка потрясенная Патриция поняла, что никто из этих людей, кроме нее самой, Такахаси и Римская, не знает, почему эта временная грань столь важна.

– Этим они чем-то напоминали членов секты Эмиша и подобно им допускали некоторые уступки, в частности, мегаблоки и другие архитектурные новшества. Но цель их была ясна: они намеревались сохранить стиль Александрии и отвергали более совершенную Пушинку. Мы не можем точно сказать, когда произошло разделение на ортодоксальных надеритов, более либеральное их крыло и гешелей, но мы абсолютно уверены, что это произошло не на раннем этапе существования Камня.

Есть доказательства, что город Пушинка был эвакуирован и закрыт, по крайней мере, на сто лет раньше Александрии. Другими словами, исход из третьей камеры завершился почти за сто лет до окончательной эвакуации второй камеры. И есть веские доказательства того, что вторая камера была очищена силой.

Таким образом, Камень опустел не просто из-за массовой миграции, но при выполнении определенного плана. Те, кто

стоял за этим планом, видимо, дали своим более консервативным согражданам век на размышление, а когда те все же не проявили особого энтузиазма, выселили их против воли. Как это ни странно, но появились подтверждения того, что некоторые ортодоксальные надериты вынуждены были прожить несколько лет в Пушкинке.

Мы полагаем, что все камнежителы ушли через коридор. Однако у нас нет доказательств этого и мы даже не знаем, что послужило причиной исхода и почему стоявшим за этим силам потребовалось тотальное выселение людей.

Доклад завершился серией слайдов, изображавших жилые помещения Александрии, и графиков предполагаемой численности населения второй и третьей камер в разные столетия. Под жидкие аплодисменты Райнер уступил место Римская.

– Антропологическая и археологическая группы проделали прекрасную работу, вы согласны? – спросил Джозеф, указывая на первый ряд кресел.

Когда раздались аплодисменты, Патриция встала. Такаха-си вывел ее из кафетерия под свет плазменной трубки.

– Замечательно, – сказала она. – Я высоко оцениваю сегодняшнюю поездку. Они работают вслепую, верно?

Такаха-си пожал плечами, потом кивнул.

– Да. Социологи и антропологи не имеют допуска третьего уровня. Римская руководит ими, делая все возможное, чтобы не нарушить секретность.

– Вам не становится дурно от этой шарады?

Такахаси энергично покачал головой.

– Нет. Это крайне важно.

– Может быть, – с сомнением пробормотала Патриция. –

Мне еще многое нужно сделать до возвращения Лэньера.

– Конечно. Вам нужна помощь?

– Нет. Я на некоторое время вернусь в Александрию. Потом, если я зачем-либо понадобится, вы найдете меня в седьмой камере.

Такахаси помолчал, засунув руки в карманы, кивнул и потом вернулся в кафетерий.

Через несколько секунд появилась Фарли и догнала Патрицию у гаража за пределами комплекса.

– Прокатимся? – предложила она.

– Руперт дал мне урок. Думаю, я смогу расслабиться, если немного поведу машину.

– Конечно, – согласилась Карен.

Они уселись в машину.

Глава 14

В помещении пахло застоявшимся дымом, кондиционированным воздухом и нервной работой. Когда появились Лэньер и Хоффман, там уже находились четыре человека, все – мужчины. Двое были одеты в серебристо-серые костюмы из синтетики – грузные, лысеющие, комично выглядящие русские. Двое других носили тщательно подогнанные шерстяные костюмы; их аккуратные прически и стройные фигуры выглядели вполне респектабельно. Хоффман улыбнулась всем присутствующим. Все обменялись любезностями, после чего расселись вокруг овального стола переговоров. Несколько минут стояла неловкая тишина, пока ждали Хейга и Кронберри.

Когда все оказались в сборе, старший из русских, Григорий Федоровский, достал из папки единственный лист бумаги и положил его на стол. Затем плавным движением руки он надел очки в металлической оправе.

– Наши правительства считают необходимым обсудить ряд вопросов, имеющих отношение к Камню, или, как мы его называем, Картошке. – Его английский был великолепен, речь – спокойна и нетороплива. – Мы представили свои возражения в МКСОК и сейчас хотели бы услышать, что вы можете сказать по этому поводу. Мы признаем, что первоочередные права на исследования принадлежат тем, кто первым

прибыл на Камень...

Это, вспомнил Лэньер, было признано уже два года назад.

– ...Однако считаем, что права Советского Союза и дружественных ему суверенных государств нарушены. Хотя советские ученые были допущены на Камень, им постоянно чинят препятствия, не дают нормально работать, не допускают к важной информации. В свете этой и других жалоб, которые в данный момент доведены до сведения вашего президента и сенатской комиссии по космосу, мы считаем, что МКСОК скомпрометировал себя и что отношение к Советскому Союзу и дружественным ему государствам со стороны этой организации является... – он откашлялся, словно в замешательстве, – крайне отрицательным. Мы рекомендовали нашим союзникам отказаться от дальнейшего участия в программе исследований Камня, где главную роль играют Соединенные Штаты и НАТО-Еврокосмос – ввиду полной его бессмысленности. Соответственно, мы вскоре отзовем наш персонал и прекратим поддержку этого предприятия.

Хоффман кивнула, плотно сжав губы. Элис Кронберри выждала необходимые для обдумывания фразы десять секунд, затем сказала:

– Мы сожалеем о вашем решении. Мы считаем, что ваши голословные утверждения в отношении МКСОК, НАТО-Еврокосмоса и персонала Камня являются бездоказательными, основанными на ничем не подтвержденных слухах. Является ли решение вашего руководства окончательным?

Федоровский кивнул.

– Соглашения МКСОК требуют отзыва с Камня всех исследований до разрешения спорных вопросов.

– Это абсолютно нереально, – бросила Хоффман.

Федоровский, выпятив губы, пожал плечами.

– Тем не менее, это обусловлено соглашениями.

– Мистер Федоровский, – начал Хейг, положив обе руки на стол ладонями вверх. – Мы считаем, что существуют иные, не названные здесь, причины для отзыва вашего персонала. Может быть, мы обсудим их?

Федоровский кивнул.

– Но предупреждаю, что никто из нас не уполномочен вести переговоры или делать официальные заявления.

– Понятно. Мы тоже. Думаю, нам всем нужно немного расслабиться и... быть честными и откровенными друг с другом. – Питер Хейг посмотрел на присутствующих, вопросительно подняв брови. Все согласно кивнули. – Президент знает, что, по мнению СССР, на Камне обнаружена опасная информация технического характера, касающаяся вооружений.

Лицо Федоровского оставалось бесстрастным, на нем застыло выражение вежливого внимания.

– В то время как НАТО-Еврокосмос действительно начал исследование некоторых ранее не изучавшихся деталей второй и третьей камер Камня...

– Вопреки нашим пожеланиям и протестам, – вставил Фе-

доровский.

– Да, но в, конечном счете, с вашего согласия.

– Под давлением.

– В самом деле? – поинтересовался Хейг, вновь подняв брови и глядя на стол. – Тем не менее, никакой информации подобного рода на Камне обнаружено не было.

Это действительно было так. В библиотеках не существовало никакой специальной информации о вооружениях.

– В соответствии с договоренностью, сообщения о любом открытии такого рода должны немедленно передаваться в арбитражную палату в Женеве.

– Возможно, и так, – сказал Федоровский. Интересно, подумал Лэньер, какую роль играют остальные трое русских – охрана? Наблюдатели, следящие за Федоровским? – Но нас не интересуют подобные отчеты. Давайте будем откровенны. – Он тоже положил обе руки на стол ладонями вверх. – Помните: я говорю неофициально. Позвольте мне как частному лицу высказать свои соображения. – Он глубоко, с беспокоейством вздохнул. – Мы, в определенном смысле, коллеги. У нас много общих интересов. Хотелось бы подчеркнуть, что информация о новых вооружениях сама по себе не так уж и важна. Мое правительство и правительства союзных суверенных государств значительно больше обеспокоены тем, что библиотеки во второй и третьей камерах содержат информацию о будущей войне между нашими странами.

Лэньер был ошеломлен. Он считал, что секретность на

Камне – в особенности, вокруг библиотек – соблюдается предельно строго. Несет ли он ответственность за столь чудовищную утечку, информация просочилась из другого источника, быть может, из администрации президента или Хоффман?

– Ситуация крайне необычная, – продолжал Федоровский. – Честно говоря, мне и моим коллегам какое-то время трудно было поверить, что мы живем не в волшебной сказке. – Остальная троица несколько вразной кивнула. – Но источник информации заслуживает доверия. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Мы относимся к информации из библиотек с осторожностью, – сказал Хейг. – Мы только начали ее обрабатывать.

Федоровский раздраженно посмотрел в потолок.

– Мы же договорились быть честными друг с другом. Моему правительству известно, что такая информация существует. Собственно, мы уверены, что она уже находится в руках вашего Президента.

Он посмотрел на сидящих за столом. Лэньер встретился с ним взглядом и засек легкую усмешку на его губах.

– Да, – заявил Федоровский. – Мы, конечно, знаем, что Камень создали люди – или создадут столетия спустя. Мы знаем, что в него будет превращен астероид, известный сейчас как Юнона. Мы знаем это, поскольку Юнона и Камень идентичны во всех отношениях, что подтвердил наш космический корабль из пояса астероидов.

– Господин Федоровский, мы имеем дело с очень необычной проблемой, – начала Хоффман. – Мы уверены, что Камень прибыл не из нашей Вселенной – из альтернативной. Мы имеем все основания полагать, что информация, содержащаяся в библиотеках, может быть неверно интерпретирована. Она никак не предсказывает события в нашем мире. Научные данные могут быть полезны для нас, и мы тщательно изучаем их, но бесконтрольное распространение информации способно привести к разрушительным последствиям.

– Тем не менее, такая информация существует.

– Если она и существует, – отрезала Элис Кронберри, – к нам она не имеет отношения.

Лэньер почувствовал, как его сердце куда-то проваливается. Он ненавидел ложь, даже необходимую, и терпеть не мог участвовать в обманах. Однако он не в большей степени, чем Кронберри и Хейг, хотел, чтобы русские добрались до библиотек. Приходилось соглашаться на ложь.

Русский, сидевший рядом с Федоровским – Юрий Кержинский, – наклонился и прошептал шефу что-то на ухо. Федоровский кивнул.

– Мистер Лэньер, – спросил он, – вы отрицаете существование этой информации?

– Я ничего об этом не знаю. – Лэньер был спокоен.

– Но вы согласны с тем, не правда ли, что если такая информация существует, то сведения, содержащиеся в ней, знание конкретных дат, даже конкретного времени, ситу-

аций и последствий будут иметь огромное стратегическое значение и лягут тяжелейшим грузом на ваши плечи?

– Думаю, что да, – ответил Лэньер.

– Не раздражайте мистера Лэньера, – вмешался Хейг.

– Прошу прощения, – сказал Федоровский. – Приношу мои извинения. Но наши интересы шире, чем взаимная вежливость.

Кержинский внезапно поднялся.

– Джентльмены. Вы знаете, что сейчас в отношениях между нашими странами существует очень большая напряженность, возможно, самая большая с конца девяностых годов. По нашему мнению, проблемы, связанные с Камнем, подвергают опасности мир на Земле. Камень усиливает напряженность, особенно если учитывать информацию из библиотек. Ясно, что мы не сможем решить эти проблемы на данном уровне. Следовательно, нет необходимости продолжать дискуссию.

– Господин Кержинский, – остановила его Хоффман. – Здесь имеется документ, с которым, как я считаю, должен ознакомиться ваш Генеральный секретарь. Этот документ выражает позицию всех ученых, работающих на Камне, по отношению к нашему сотрудничеству и, полагаю, проясняет беспокоящие всех слухи.

Кержинский покачал головой и несколько раз постучал пальцем по столу.

– Нас это больше не интересует. Дело не в слухах. Дело

в библиотеках. Дальнейшие переговоры должны вестись на официальном уровне. Остается лишь надеяться, что они будут результативнее.

Все четверо встали, и Хейг проводил их до двери.

Передав их под опеку агента службы безопасности, Хейг закрыл дверь и вернулся к оставшимся.

– Вот так, – сказал он.

– Мне плохо, – прошептал Лэньер.

– Вот как? – заметила Кронберри, приподнимаясь со своего места. – А что мы по-вашему должны были делать, мистер Лэньер? Вы – единственный, кто за это отвечает, – вы это знаете? Вы не смогли обеспечить надлежащую секретность и теперь получили этот кавардак... эту чертову дипломатическую катастрофу. Почему вы всегда в первую очередь открывали библиотеки? Вы что, не чувствовали, к чему это может привести? Бог свидетель, я чувствовала. От всего этого просто воняло.

– Замолчи, Элис, – спокойно сказала Джудит Хоффман. – Не будь дурой.

Кронберри обвела всех яростным взглядом, уселась и закурила. Вид того, как она вертит в руках зажигалку и сжигает в напряженных пальцах сигарету, вызывал у Лэньера тошноту. «Мы просто как дети, – подумал он. – Дети, забавляющиеся с настоящими ружьями и настоящими пулями».

– Вчера звонил Президент, – сообщила Хоффман. – Его очень беспокоят библиотеки. Он хочет, чтобы их закрыли

и прекратили все исследования. Он говорит, что мы позволили событиям выйти из-под контроля, и я, право, не могу с ним не согласиться. Гарри виноват не в большей степени, чем любой из нас. Так или иначе, Президент намерен приказать наблюдательному комитету Конгресса по делам Камня приостановить все исследования до особого распоряжения. Русские, кажется, получают то, чего они хотят.

– Сколько у нас времени? – спросил Лэньер.

– Пока распоряжение пройдет по всем каналам? Вероятно, неделя.

Лэньер улыбнулся и покачал головой.

– Что здесь забавного? – холодно спросила Кронберри, окутанная дымом.

– Хроники утверждают, что до войны осталось две недели.

Вечером Хоффман пригласила Лэньера к себе в офис. Он пришел в семь, наскоро пообедав в кафетерии ЛРД, и снова оставил своих сопровождающих у дверей. Кабинет Хоффман был здесь столь же свободен и утилитарен, как и в ее квартире в Нью-Йорке; главным отличием было большее количество полок с блоками памяти.

– Мы пытались сделать все возможное, – сказала Джудит, подавая Гарри бокал с неразбавленным виски. – Ну что ж... – Она подняла свой бокал.

– Да, – кивнул он.

– Вы выглядите усталым.

– Я в самом деле устал.

– На ваших плечах лежит тяжесть всего мира. – Хоффман внимательно глядела на него.

– Тяжесть нескольких вселенных, – возразил Лэньер. – Я начинаю понимать, какой я все-таки ублюдок, Джудит.

– Я тоже. Сегодня днем я снова говорила с президентом.

– Вот как?

– Да. Боюсь, я назвала его идиотом. Весьма вероятно, что меня уволят или заставят подать в отставку к тому времени, когда вы будете на орбите.

– Для вас это лучше, – заметил Лэньер.

– Сядьте. Поговорите со мной, расскажите, на что все это похоже. Мне так хочется оказаться там...

Она пододвинула стул, и они сели друг напротив друга.

– Зачем? – спросил Лэньер. – Вы же видели блоки, изучили всю информацию.

– Глупый вопрос.

– Да, – согласился он. Оба они выглядели уже слегка пьяными, хотя алкоголь вряд ли успел подействовать. Лэньер замечал у себя подобное состояние и прежде – в минуты стресса.

– Черт побери, я прекрасно понимаю, что так беспокоит русских, – помолчав, начала Джудит. – За последние десять лет мы далеко обогнали их во всех областях – в дипломатии и в технике, в космосе и на Земле. Мы зайцы по сравнению с их черепахой. Они динозавры, и они ненавидят все быст-

рое и современное. Да что там, юный Иван не в состоянии отличить компьютерный терминал от тракторного руля. Даже китайцы их обогнали.

– Китайцы могут опередить и нас через поколение или два.

– Ладно, на наш век хватит, – парировала она. – Появляется Камень, и мы перехватываем его, заявляем на него свои права, позволяем им слегка в нем покопаться в интересах международного сотрудничества... И что бы ни оказалось на Камне, он может с тем же успехом стать могильным камнем для Восточного блока. В наших руках невообразимо мощная техника. Господи, если бы мы могли спокойно сесть вместе с ними и обсудить... Но они слишком напуганы, а наш президент слишком глуп.

– Я не думаю, что «глуп» – подходящее слово. Скорее, шокирован.

– Он слишком мало знал о Камне, когда был избран.

– Он знал о его появлении, – возразил Лэньер. – Никто тогда не знал больше.

– Ладно, черт с ним, если он не в состоянии ничего понять, – сказала Хоффман, глядя на оконные жалюзи. – Когда вы были пилотом, – продолжала она, – вы однажды попали в катастрофу. Где вам хотелось оказаться, когда падал самолет?

– За штурвалом, – не колеблясь, ответил Гарри. – Мне так отчаянно хотелось спасти машину, что я даже не думал

о том, чтобы катапультироваться. Он – самолет – был прекрасным созданием, и я хотел спасти его. Кроме того, я хотел предотвратить гибель других людей. Так что мы оба упали в озеро.

– Я не такая смелая, – сказала Джудит. – Я считаю, что Земля прекрасна, я хочу спасти ее и ради этого готова на все. И что я за это имею? Ведь ваш самолет не вызвал вас на ковер за то, что вы сделали, верно?

Лэньер покачал головой.

– А здесь происходит именно это. Так что я сказала себе: «Черт с ними со всеми». Я хочу быть на Камне, когда это произойдет.

– Если на Земле все провалится в тартарары, мы многие годы не сможем покинуть Камень. Даже лунные поселения не помогут нам.

– Земля выживет?

– Вряд ли, – вздохнул Лэньер. – Год отрицательных температур по всему Северному полушарию, эпидемии, голод, революции. Если библиотеки отражают нашу реальность, возможно, погибнет три или четыре миллиарда человек.

– Это не конец света.

– Нет. Это даже может не произойти.

– Вы в это верите?

Лэньер долго молчал. Хоффман ждала, устремив на него немигающий взгляд.

– Нет. Не сейчас. Может быть, если бы Камень никогда не

появлялся...

Хоффман поставила свой бокал и провела пальцами по его краю.

– Ну что ж. Я намерена попытаться попасть туда. Не спрашивайте, как. Если это удастся, мы встретимся на Камне. Если нет... У вас будет много дел. Мне бы хотелось еще поработать с вами. – Она протянула руки и привлекла Гарри к себе, поцеловав в лоб. – Спасибо вам.

Полчаса спустя, после того как они выпили по три бокала, она проводила Лэньера к двери и сунула ему в руку сложенный листок бумаги.

– Возьмите это и используйте так, как захотите. Можете отдать генералу Герхардту или уничтожить. Вероятно, это сейчас уже не столь важно.

– Что это?

– Имя русского агента на Камне.

Лэньер зажал листок в кулак, не развернув его.

– Президент действует быстрее, чем я предполагала, – сообщила Хоффман. – Вероятно, завтра вы получите приказ закрыть библиотеки. Он хочет убедить Советы в том, что мы выполняем договоренности.

– Это безумие!

– Не совсем. Это политика. У него большие проблемы. Разве я не говорила? Да, сейчас я даже понимаю его. Я, наверное, пьяна. Впрочем, какое это имеет значение?

– Действительно.

– Тогда поступайте, как считаете нужным. Им потребуется несколько недель, чтобы обнаружить это и попытаться убраться вас. – Джудит улыбнулась. – Как только Васкес получит какие-то результаты, дайте мне знать, ладно? Еще не все карты разыграны. Некоторые сенаторы и ряд членов Объединенного Комитета – на моей стороне.

– Я сделаю это, – пообещал Лэньер, кладя листок в карман.

Джудит открыла дверь.

– До свидания, Гарри.

Агент, ожидавший в холле, невозмутимо посмотрел на него.

«Действительно ли я хочу это знать?»

Он должен знать.

Он должен подготовить Камень к тому, что может произойти.

Глава 15

Хайнеман пилотировал АВВП в одиночку, пользуясь его двигателями, для перемещения трубохода вдоль оси. Прошло всего сорок минут с тех пор, как он соединил вместе трубоход и АВВП в южной полярной скважине. «Земля» окружала его со всех сторон, вначале вызывая своеобразное чувство головокружения – каким образом здесь ориентироваться? Но он быстро адаптировался.

Используя радиомаяки, установленные в каждой камере, и сопоставляя данные, выдаваемые компьютерами АВВП, Хайнеман мог определить свое положение с точностью до нескольких сантиметров. Осторожно и любовно перемещал он комплекс из камеры в камеру, используя реактивные двигатели трубохода и аппарата и руководствуясь ведущей системой АВВП.

При приближении к очередной скважине его волосы вставали дыбом. В центре массивного серого купола виднелось крохотное отверстие. На самом деле его размеры превышали футбольное поле – никаких проблем, – но с такого расстояния оно было почти невидимо...

Он уверенно пролетел над темным готическим пейзажем пятой камеры, состоявшим из облаков, гор и ущелий. Входя в скважину между пятой и шестой камерами, Хайнеман отдал короткое распоряжение группе инженеров, ожидавших

возле сингулярности: «Принимайте. Буду через несколько минут».

Хайнеман намеревался продеть нитку в иголку с первой попытки – медленно, но верно.

Соединенные друг с другом аппараты выглядели громоздко и чудовищно с точки зрения аэродинамики, но полету это не мешало. Близкая к вакууму среда у оси Камня не создавала никакого сопротивления.

Даже сосредоточившись на последней фазе доставки, Хайнеман не переставал думать о будущем полете.

Определенную сложность представляло возвращение. Когда трубоход войдет в скважину и окажется возле сингулярности, Хайнеман должен проверить крепления, переместившись на тридцать один километр вдоль оси. Снижение осуществлялось значительно проще – как ему говорили. Он мог спускаться почти по прямой вместо спирали, необходимой внутри вращающейся камеры.

АВВП должен был отсоединиться и уйти от оси с помощью коротких толчков двигателей, работавших на перекиси водорода. Затем он должен был падать без ускорения, встретив сопротивление на границе атмосферы, примерно в двадцати двух километрах от поверхности камеры и в трех километрах от оси. Толчки и восходящие потоки, вызванные силой Кориолиса и компрессионным нагревом, осложняли проход первого километра атмосферы. Пилот АВВП должен забыть многие истины, усвоенные на Земле.

Летательный аппарат использовал топливо чрезвычайно экономно. Он мог совершить двадцать взлетов и посадок и пролететь, примерно, четыре тысячи километров на крейсерской скорости, прежде чем возникнет необходимость заправиться из резервуаров трубохода топливом, кислородом и перекисью водорода. С полной загрузкой трубоход мог дозаправить АВВП пять раз, а находясь у сингулярности, можно было двигаться бесконечно, используя эффект пространственных преобразований.

Пока и самолет, и трубоход путешествовали налегке. Когда они войдут в скважину, их заправят топливом и кислородом на технической площадке седьмой камеры.

Сейчас вокруг него вращалась шестая камера – с разбро-санными на нем пятнами, скрывающими технику, о которой Хайнеман узнал лишь три дня назад.

Он был почти убежден, что археологи и физики сгово-рилились держать его подальше от самых интересных уголков Камня. «Там нет ничего особенного, – говорила Ленора Кэр-ролсон. – Мы не думаем, что вам это будет интересно». Лар-ри Хайнеман заскрежетал зубами, потом выдохнул со сви-стом. Оборудование шестой камеры внушало благоговейный страх. Он никогда не думал о том, что может увидеть нечто подобное – даже здесь. Это чуть не отвлекло его от управле-ния трубоходом и АВВП.

Быстро приближалась последняя скважина. Хайнеман за-медлил ход и сделал последний толчок. Внеся небольшие

коррекции, связанные с влиянием на Камень орбит Земли и Луны, он сможет скользнуть прямо к сингулярности, затормозить комплекс, а затем продолжить испытания трубохода.

– Вот он.

Кэрролсон показала вдаль. Она смотрела в бинокль с поляроидными фильтрами на то место, где плазменная трубка соединялась с южным куполом, потом передала бинокль Фарли. Та прищурилась и отчетливо разглядела соединенные друг с другом аппараты, казалось, парящие без всякой опоры; сингулярность с такого расстояния различить было невозможно.

– Он собирается сегодня спуститься?

Кэрролсон кивнула.

– Хайнеман постарается это сделать и останется здесь до возвращения Лэньера.

Сзади подошел Римская и молча ждал, пока женщины передавали друг другу бинокль.

– Леди, – наконец напомнил он, – у нас есть работа.

– Конечно, – сказала Фарли.

Кэрролсон улыбнулась за спиной ученого. Все вернулись в палатку.

Глава 16

Васкес продолжала свое путешествие по городу третьей камеры из библиотеки. Она обнаружила, что с помощью записей можно свободно бродить, выбирая любой маршрут. Однако жилища все еще были закрыты для нее.

Как правило, она использовала эти путешествия, чтобы расслабиться между длительными периодами напряженного умственного труда. Еще она много ходила пешком. Независимость, которую она ощущала, идя по Камню с карманной картой или электронным блокнотом и блоками памяти – никто не интересовался ее намерениями, – подбадривала ее. Она могла отбросить прочь мрачные мысли – почти.

Она ездила на поездах из шестой камеры в третью по крайней мере, раз в сутки. Время от времени она пользовалась библиотекой второй камеры, иногда оставаясь ночевать на койке в темном читальном зале. Она не очень любила спать здесь, предпочитая палатку в седьмой камере, возле людей, но это место было наиболее уединенным. Даже Такахаши нечасто пользовался библиотекой второй камеры.

Библиотеки были двумя средоточиями ее работы. В то время, как проблемы крутились и обрабатывались в ее голове, она собирала информацию в большем количестве, чем ей реально требовалось, и наслаждалась такой интеллектуальной роскошью.

Когда Патриция запрашивала справочные материалы, имеющие отношение к устройству Камня, библиотека по-прежнему демонстрировала убедительный черный шар а ореоле шипов, а приятный голос объявлял: «В настоящее время доступ к материалам закрыт. Просьба проконсультроваться с библиотекарем».

Это расстраивало ее. В сущности, все материалы, касающиеся теории и конструкции шестой камеры, были недоступны. О седьмой камере и о коридоре вообще не было никаких данных. Ответ на ее запросы в этой области был прост: «Данные отсутствуют», – и сопровождался черным прямоугольником.

Огорченная подобными отказами, она вдруг сообразила, что можно по записям и поискать свои собственные статьи – даже будущие, – чтобы узнать, существует ли ее двойник, и оставил ли он след во Вселенной Камня.

Однако Патриция ощущала почти суеверное нежелание заниматься этим достаточно глубоко, и когда она наконец наткнулась на собственную фамилию, все произошло случайно.

Единственные ключи к шестой камере находились в Александрийской библиотеке и были заключены в семидесяти пяти томах справочников, выглядевших так, словно их отпечатали как коллекционное издание для любителей или награду для пенсионеров.

В сорок пятом томе, солидном издании в две тысячи стра-

ниц, содержащем теорию старинного оборудования шестой камеры и инерционного торможения, она обнаружила в сноске свою фамилию.

В темном читальном зале, где настольные лампы и потолочные полосы были единственным освещением, она, застыв, смотрела на библиографическую ссылку.

«Патриция Луиза Васкес, – читала она, и сами звуки казались ей волшебными, – «Теория пи-пространственной геодезии в приложении к ньютоновской физике со специальным рассмотрением р-Симплонских мировых линий». Она никогда не писала работы под таким названием – по крайней мере, пока.

Статья опубликована в 2023 году, в «Послевоенном журнале общей физики».

Она должна была пережить Гибель.

И внести свой вклад, пусть даже незначительный, в создание Камня.

Она нашла статью в библиотеке Пушкинки, где та, видимо, считалась слишком древней, чтобы ограничивать к ней доступ. Она прочитала ее с влажными ладонями, и многое показалось ей слишком сложным. Когда Патриция продиралась сквозь дебри незнакомых символов и непонятной терминологии, пытаясь разобраться в том, что напишет ее двойник восемнадцать лет спустя – или написал много столетий назад, – перед ней вдруг замаячил призрак объяснения.

В пересмотренных первоначальных планах Камня, един-

ственным назначением оборудования шестой камеры было торможение момента инерции некоторых объектов внутри Камня – в направлении, примерно, параллельном оси. Это избавляло от необходимости ограждать берега каналов и рек, не требовало специальной архитектуры зданий и даже различного устройства самих камер.

В начале постройки верхний предел ускорения и замедления Камня был определен в три процента. С запуском шестой камеры вообще исчезла всякая необходимость ограничивать ускорение. Камеры стали частью системы управления, не зависящей от внешних воздействий.

Справочник пояснял, что действие системы торможения не было всеобщим, в противном случае вращение Камня стало бы бесполезным и все, находящееся в камерах, плавало бы в невесомости. Торможение действовало крайне избирательно.

И это было сверхнаукой. Последствия ошеломляли. Оборудование шестой камеры определяло характер взаимоотношений массы, пространства и времени на Камне.

Отсюда уже было недалеко до возможности манипулирования пространством и временем и создания коридора.

Однако Камень не летел быстрее света и не создавал искусственную гравитацию – по крайней мере, в первых шести камерах. Этих достижений также следовало ожидать в свете теории инерционного торможения. Почему инженеры и физики Камня не смогли замкнуть цепь умозрительных рас-

суждений?

Она вернулась в Александрийскую библиотеку и снова просмотрела справочники. Но они не содержали ответа, сосредотачиваясь на теории и обслуживании специфического оборудования Камня.

Лежа на койке в читальном зале, Патриция закрыла лицо руками, сжимая переносицу и потирая глаза. У нее болела голова. Слишком большая перегрузка и слишком мало времени, чтобы решить связанные друг с другом проблемы, пытаясь как можно скорее найти ответ.

Нужно отдохнуть. Она встала и, спустившись по светящейся полосе на первый этаж, вышла под свет плазменной трубки и присела на скамейку, окружавшую голую, без травинки, каменную площадку.

Она пыталась ни о чем не думать, привести мысли в порядок, но это не удавалось.

В голову постоянно лезли воспоминания о Поле и семье.

– Я схожу с ума, – бормотала она, трясая головой.

Казалось, она превращается в ничто, в сгусток мыслей, плавающий в серой пустоте. Перетрудилась.

Потом в пустоте возник разрыв.

Когда-то Патриция изучала фракционные пространства – с отдельными измерениями, существующими автономно, и с числом измерений меньше единицы. Время без пространства; длина без ширины, глубины или времени. Вероятность без протяженности. Полупространства, четвертьпро-

странства, пространства, состоящие из иррационального количества измерений. Все это описывалось с помощью дробных преобразований и дробного геометрического анализа. Она даже начала строить геодезию высших фракционных пространств и способ отображения этой геодезии в пяти и четырехмерном пространстве.

Она уронила голову на колени. Мысли путались без всякого порядка и дисциплины.

Коридор – лишь продолжение оборудования шестой камеры, предназначенного для инерционного торможения.

За время многовекового путешествия камнежители изменили свои намерения или, возможно, забыли исходные цели. Будучи миром, замкнутым в самом себе, Камень входил в жизнь последующих поколений, пока не стало казаться вполне естественным жить во вращающихся цилиндрах, вырубленных внутри астероида. Со временем, возможно, даже само существование астероида уже не осознавалось, и осталась лишь жизнь внутри цилиндров.

Веками зажатый и ограниченный, воспитанный в условиях Камня развился гений камнежителей. Они приблизились к божествам, создавая свою собственную вселенную, и формируя картину мира, которая была для них наиболее привычна.

Когда они нашли возможность покинуть Камень, не изменяя его окончательную миссию...

Когда они обнаружили, что могут создать невероятное

продолжение их мира...

Мог ли кто-либо из камнежителей противостоять подобному искушению? (Да... Ортодоксальные надериты – и они оставались позади в течение столетия).

Итак, инженеры шестой камеры под руководством загадочного Конрада Корженовского создали коридор, наделили его определенными свойствами, овладели его возможностями. Они создали колодцы и нашли какой-то способ заполнить коридор воздухом и почвой с ландшафтами, равными, если не превосходящими по красоте знакомые им долины.

Тело отдохнуло, Патриция выпрямилась. Некоторые символы в еще не написанной статье начали приобретать смысл; она угадывала их значение. Туман в голове рассеялся, и она увидела все проблемы во взаимодействии, словно рабочих в небоскребе с прозрачными перекрытиями и стенами.

Камнежители спроектировали коридор, чтобы создать простор для разума, а не просто увеличить личную территорию. (Из записей стало ясно, что перенаселения на Камне никогда не было.)

Но коридор – и эта мысль пришла к Патриции внезапно, без предупреждения, – коридор обладал каким-то неожиданным свойством, побочным эффектом, которого они вначале могли не осознавать...

Или никогда не осознавали.

Создав коридор, они вытолкнули Камень из его собственного континуума. Картина, которая пришла на ум – весьма

своеобразная и, возможно, далеко не точная – представляла коридор в виде длинного кнута с Камнем на конце. Когда был создан кнут, неизбежно развернувшийся в гиперпространстве, его кончик выскочил из одной вселенной...

И попал в другую.

Четыре часа спустя Патриция очнулась; тело ее одеревенело, а во рту чувствовался неприятный привкус. Она с трудом поднялась со скамейки и заморгала от света плазменной трубки. Голова отчаянно болела.

Но она кое-что поняла.

Обнаружив, что первоначальную миссию Камня выполнить невозможно, камнежители ушли через коридор.

Она встала и разгладила комбинезон. Теперь время вернуться и подвести базу под все гипотетические воздушные замки, которые она построила.

И раздобыть немного аспирина.

Глава 17

Лэньер так и не прочитал лежавшую в кармане записку, пока летел на челноке и ОТМ, откладывая тот момент, когда он узнает имя и придется принимать какие-то меры против коллеги, возможно, даже друга.

ОТМ состыковался с Камнем. Лэньер вышел, коротко доложил о прибытии Роберте Пикни и команде посадочной площадки и передал Киришнеру рекомендацию усилить внешнюю безопасность Камня.

Что касается внутренней безопасности...

Это, собственно, была не его проблема. Дошла ли до Герхардта информация, которая лежала в его кармане? Каким образом Хоффман узнала это имя и почему сообщила его Лэньеру?

Гарри получил отчеты от руководителей различных команд через посыльного с электронным блокнотом. Он плавал в небольшом помещении, смежном с посадочной площадкой, завернутый в сетчатый цилиндрический гамак, какие служили кроватями для работающих возле оси; он прочитал отчеты и понял, что лишь оттягивает неизбежное.

Войдя в сопровождении молчаливых морских пехотинцев в нулевой лифт, он достал из кармана записку и развернул ее.

– Мне бы хотелось как можно скорее отправиться ко вто-

рому кольцу колодцев, – сказала Патриция.

Такахаси откинул перед ней клапан палатки, и она вошла внутрь. Кэрролсон и Фарли спали в углу; в другом углу Ву и Цзян работали с блокнотами и процессорами. Такахаси прошел следом за Патрицией.

– Есть соображения? – спросил он.

От их голосов Кэрролсон и Фарли одновременно проснулись и заморгали.

– Нам нужно проверить пространственно-временные соотношения, – сказала Патриция. Лицо ее осунулось, под глазами появились синяки. – Я попросила мистера Хайнемана помочь мне. На самолете установлен направленный радиомаяк, и мы можем принять его сигнал с помощью оборудования, которое есть у службы безопасности. Введем его в частотный анализатор и, когда самолет будет пролететь над нами, выясним, движемся мы во времени быстрее или медленнее.

– Вы пришли к какому-то заключению? – поинтересовалась Ленора, садясь на койке.

– Думаю, что да. Но без доказательств не могу сказать что-либо определенное. Если мои предположения подтвердятся, можно будет строить гипотезы.

– Вы не хотите рассказать нам о своих предположениях? – спросил Такахаси, садясь на койку рядом с Кэрролсон.

Патриция пожала плечами.

– Хорошо. Коридор, быть может, покрыт впадинами. Каж-

дая впадина – это флюктуация пространства-времени, обозначающая некую точку возможного перехода в другую Вселенную. Они должны вызывать небольшие изменения геометрических констант, например, π ; а возможно, что и физических констант тоже. Там, где есть впадина – или потенциальная возможность впадины, – мы можем обнаружить и флюктуации времени.

– Должно ли это означать, что в коридоре полно потенциальных колодцев?

– Думаю, что да. Лишь некоторые из них были, так сказать, соответствующим образом настроены. – Она посмотрела на потолок палатки, пытаясь объяснить словами то, что представляло перед ее мысленным взором. – Впадины соприкасаются друг с другом. Их может быть бесконечно много. И колодец во впадине – потенциальный или уже настроенный – может вести в другую Вселенную.

Такахаси покачал головой.

– Все это выглядит слишком таинственно.

– Да, – сказала Патриция. – Мне бы хотелось добыть побольше доказательств к возвращению Гарри.

– Он может появиться в любую минуту. Несколько часов назад ОТМ вошел в скважину, – заметила Ленора. Она хлопнула себя по колену и встала. – Кстати, завтра в первой камере вечер танцев. Приглашаются все. Вроде бы в честь возвращения Гарри, но как повод годится. Нам всем нужно немного расслабиться.

– Я хорошо танцую, – объявил Ву. – Фокстрот, твист, свим.

– Вы только послушайте! Можно подумать, мы отстали от моды на тридцать лет, – улыбнулась Цзян.

– Сорок, – поправил Ву.

– Если нам удастся оторвать Хайнемана от его игрушки, – сказала Кэрролсон, – я научу его паре новых па.

Лэньер бросил записку на стол в своем кабинете в научном комплексе и потянулся к кнопке интеркома. Прежде чем нажать ее, он поколебался.

Казалось, он понял, почему Хоффман назвала имя ему.

– Энн, – сказал он, – Я хотел бы видеть Руперта Такахаси. Чем скорее, тем лучше.

Он надеялся, что делает именно то, чего ждала от него Хоффман: обезвреживает бомбу, в которую превратился Камень...

Капрал Томас Олдфилд, двадцати четырех лет, провел на Камне последние шесть месяцев, и считал их самым интересным периодом своей жизни, хотя, собственно, ничего особо интересного не происходило. Большую часть времени он стоял на посту во второй камере – у туннеля, ведущего в первую камеру. Он провел многие часы, наблюдая за дорогой, нулевым мостом и близлежащим городом и разглядывая далекую кривую противоположной стороны. Обычно он

нес службу в компании, по крайней мере, одного коллеги, но сегодня специальному наряду было приказано сопровождать кого-то из ученых, и его оставили одного. Он не ожидал никаких неприятностей. За время, проведенное им на Камне, ничего непредвиденного не произошло. Томас никогда не видел даже буджумов.

Он не верил в их существование.

Насвистывая себе под нос, Олдфилд вышел из будки и посмотрел на мост. Пусто.

– Прекрасный день, солдат, – сказал он, церемонно отдавая честь. – Да, сэр. Прекрасный день, сэр. Всегда прекрасный день.

Собственно говоря, подумал он, с технической точки зрения продолжается все тот же день – с тех пор, как он сюда прилетел. Один сверхдлинный день, не прерываемый ночью. Погода время от времени менялась – дождь, иногда туман с реки. Помогало ли это хоть как-то разделять отрезки времени?

Он осмотрел свой «Эппл» и проверил его на цементном блоке за будкой, на котором лежала фольга от упаковок продовольственных пайков. Каждая невидимая вспышка света сдувала упаковку с блока. Когда он будет удовлетворен результатами, то разложит пробитые упаковки для следующей смены, чтобы она могла проверить свое оружие. Это превратилось в ритуал.

Олдфилд обошел вокруг будки, остановился у двери и

обернулся.

Он не мог даже описать то, что увидел.

Он думал не об «эппле», а об официальных сообщениях и о том, каким дураком он был.

Оно было ростом около семи футов, с узкой безволосой головой и выступающими немигающими глазами, которые спокойно разглядывали его. От туловища, значительно ниже того места, где должны были бы находиться плечи, отходили две длинные руки, покрытые чем-то, напоминающим упаковку из фольги. Ноги были короткими и на вид сильными. Кожа – гладкая и блестящая – не зеркальная или покрытая слизью, но отполированная, словно старое дерево.

Оно подтвердило свое присутствие вежливым кивком.

Капрал кивнул в ответ, но потом, вспомнив все, чему его учили, поднял «эпл» и сказал:

– Назовите себя.

К этому моменту оно исчезло.

Олдфилду показалось, что оно ушло в туннель, но он не был в этом уверен.

Он покраснел от злости и отчаяния. У него был шанс. Он видел буджума и не смог уложить его, чтобы на него взглянули и другие. Он последовал примеру тех, кто когда-либо заявлял – официально или неофициально, – что видел буджума.

Олдфилд всегда был о себе лучшего мнения. Он стукнул кулаком по стене будки и нажал кнопку тревоги на интерко-

me.

Глава 18

Лэньер встретился с Такахаси на втором этаже в комнате для переговоров. К Такахаси присоединилась Кэрролсон, не зная о планах Лэньера. Нет проблем, решил он; лучше сохранить нормальную атмосферу. Он попросил принести ленч в кабинет, и они спокойно перекусили, прежде чем он в общих чертах изложил новые распоряжения. Когда он закончил, Ленора покачала головой и вздохнула.

– Васкес хочет организовать новую экспедицию, на этот раз – ко второму кругу, – сказала она. – Я уверена, что ей не понравится запрет на доступ в библиотеки.

– Больше в библиотеки никто больше не войдет, – подчеркнул Гарри. – Доступ туда строго запрещен. И никакой второй экспедиции. Мы замораживаем все разработки на Камне. Я хочу, чтобы археологи вернулись обратно в комплексы. Исследования в скважинах тоже надо прекратить.

Такахаси сурово посмотрел на него.

– Что случилось с Хоффман? – спросил он.

Лэньер даже не взглянул на него; ленч был их последним совместным удовольствием. Час пробил. Как можно более любезно он попросил Кэрролсон оставить их вдвоем. Она озадаченно посмотрела на Лэньера, но он едва ли заметил, как она вышла за дверь. Все его внимание было сосредоточено на Такахаси.

– Я намерен разрядить весьма напряженную ситуацию, – сказал Лэньер, когда они остались вдвоем. – Я хочу, чтобы вы помогли мне в этом и сообщили о моих намерениях своему руководству.

– Простите? – спросил Такахаси, рука которого чуть сильнее сжала стакан с апельсиновым соком.

– Я хочу, чтобы вы сообщили об этом своему начальству – так, как делали это раньше.

– Не понимаю.

– Я тоже. – Лэньер продолжал, не двигаясь с места: – Я не сообщаю об этом Герхардту, хотя инстинкт подсказывает мне, что я должен это сделать. Вы можете и далее свободно наблюдать, как мы сворачиваем программы, пока вопрос не будет решен путем переговоров. Вы можете лично убедиться и подтвердить, что мы не нашли в библиотеках никакой информации по вооружениям.

– Гарри, о чем вы?

– Мне известно, что вы – агент Советов.

Скулы Такахаси напряглись, и он исподлобья посмотрел на Лэньера.

– Вечером будут танцы, – продолжал тот. – Кэрролсон ждет нас всех. И мы придем. Там будет Герхардт. Он ничего не будет знать, поскольку тут же посадит вас под арест и в наручниках отправит на ближайшем ОТМ на Землю. Я этого не хочу.

– Из уважения ко мне? – заморгав, поинтересовался Та-

кахаси.

– Нет, просто не хочу связываться с дерьмом. Вы проклятый изменник. Не знаю, где и как все это началось, но здесь оно кончается, и я хочу, чтобы все закончилось хорошо. Информация, которую вы передавали, едва не развязала войну. Сообщите своему руководству, что все сворачивается, что мы покидаем библиотеки и что в перспективе возможна полная эвакуация. Нужно разрядить обстановку, дабы можно было нормально договориться. Понятно?

Такахаси ничего не ответил.

– Вы знаете, что происходит на Земле? – спросил Лэньер.

– Не все, – мрачно сказал Такахаси. – Наверное, нам следует объясниться, чтобы разрядить обстановку, как вы говорили. Их ставка в игре столь же высока, как и наша.

– Наша?

– Я американец, Гарри. Я делал это и для того, чтобы защитить нас.

Лэньер почувствовал жжение в желудке. Он стиснул зубы и вместе со стулом отвернулся от Такахаси. Он боролся с желанием спросить Руперта, много ли денег задействовано в этой истории. Он не хотел этого знать.

– Ладно. Значит, дела обстоят так...

И он рассказал Такахаси о том, что узнал на Земле.

Он чертовски надеялся, что именно этого ждала от него Хоффман.

Вечером в лекционном зале комплекса социологическая группа представила очередной отчет. В аудитории было около двадцати человек – немногим больше, чем сидело на невысокой сцене за трибуной. Римская стоял в стороне, пока Уоллес Райнер представлял социологов.

Лэньер устроился в заднем ряду, тяжело откинувшись на спинку кресла. Через десять минут пришла Патриция и села рядом.

Первая выступающая кратко изложила гипотезу семейных группировок Камня. Она углубилась в некоторые детали семейных триад, распространенных, главным образом, среди надеритов.

Патриция посмотрела на Лэньера.

– Почему меня не пускают в библиотеки? – вполголоса спросила она.

– Сейчас не пускают никого, – сказал он.

– Да, но почему?

– Это очень сложный вопрос. Я объясню позже.

Патриция отвернулась и вздохнула.

– Ладно, – сказала она. – Буду делать все, что смогу без них. Это пока разрешено?

Он кивнул и ощутил внезапный прилив симпатии к молодой женщине.

Второй выступала Таня Смит – не имевшая никакого отношения к Роберту Смиту – с соображениями по ранее представленному докладу об эвакуации Камня.

Патриция слушала вполуха.

– Сейчас представляется очевидным, что комитет по переселению выдавал разрешения на миграцию в коридор и координировал транспортировку...

Патриция снова посмотрела на Лэньера. Их взгляды встретились.

Все это – безумие и не стоит гигантских усилий исследователей.

В самый критический момент человечество оказалось представленным командой ищущих вслепую самонадеянных интеллектуалов. При мысли о Такахаси и о том, насколько бесполезной оказалась вся система безопасности, Гарри снова почувствовал жжение в желудке.

План предполагал разрешить исследователям с низким уровнем допуска наилучшим образом выполнять свою работу под наблюдением старших ученых с почти неограниченным допуском. Затем находки должны были быть отфильтрованы, увязаны и объединены в окончательных заключениях, сверенных с соответствующими документами из библиотек. Все должно было обстоять именно так. При малом количестве людей, допущенных к работе в библиотеках, и учитывая время прохождения собранной информации, существенные результаты могли появиться через десятилетия.

В любом случае, это была разумная аргументация. Лэньер продолжал соглашаться с ней, поскольку в душе остался военным человеком, подчиняясь, если не безоговорочно дове-

ря руководству, включая Хоффман.

Но теперь это не имело значения.

Теперь это не имело ни малейшего значения, поскольку, так или иначе, все работы сворачивались. Они собирались упаковаться и отправиться домой, и Такахаси должен будет (если все пойдет хорошо) сообщить, что предприняты искренние усилия, чтобы умиротворить обеспокоенные Советы.

Но Советы все равно не будут допущены в библиотеки. Если только президент окончательно не сойдет с ума. В каждый отрезок времени в ящик Пандоры может быть опущена лишь одна рука.

Он видел некоторые материалы о технических достижениях камнежителей. Он познакомился с образовательной системой, использовавшейся в библиотеке. Он узнал кое-что о способах, с помощью которых камнежители вмешивались в биологию и психологию. (Вмешивались – не говорит ли это о предубеждении? Да. Кое-что потрясло его до глубины души и вызвало один из тяжелейших приступов «окаменения».) Он не был уверен в том, что стала бы делать его собственная любимая страна, обладай она такими возможностями, не говоря уже о Советах.

Патриция посидела еще несколько минут, потом ушла. Гарри пошел следом и догнал ее за углом женского бунгало.
– Одну минуту!

Она остановилась и повернулась вполоборота, глядя не на

него, а на лимонное дерево в кадке, росшее в широком промежутке между зданиями.

– Я вовсе не имел в виду, что вы должны прекратить работу. Во все нет.

– Я и не собираюсь.

– Я просто хотел, чтобы вы поняли.

– Я понимаю. – Теперь она смотрела прямо на Лэньера, засунув руки в карманы. – Вы не можете радоваться тому, что происходит.

Глаза его расширились, и он отдернул назад голову, чувствуя внезапную злость из-за ее глупого предположения – что бы она ни хотела выразить одной короткой фразой.

– Вы не можете быть счастливы, удерживая нас здесь и зная обо всем.

– Я вас здесь не держу.

– Вы никогда не разговаривали со мной. Ни с кем из нас. Вы сообщаете разные вещи, но не разговариваете.

Злость испарилась и оставила после себя столь же внезапное чувство пустоты и одиночества.

– Положение обязывает, – мягко объяснил Гарри.

– Я так не думаю. – Патриция искоса посмотрела на него. Она бросала ему вызов, провоцировала. – Что вы за человек? Вы кажетесь каким-то... твердым. Застывшим. Вы действительно такой, или к этому обязывает ваше положение?

Лэньер с угрюмой улыбкой погрозил ей пальцем.

– Занимайтесь своим делом, а я буду заниматься своим.

– Вы по-прежнему не разговариваете со мной.

– Чего, черт возьми, вы хотите? – грубо вполголоса спросил он, подойдя ближе, выставив вперед плечи и почти прижав подбородок к груди; крайне напряженная и неудобная поза, подумала Патриция. Этот внезапный приступ ярости удивил ее.

– Я хочу, чтобы кто-нибудь подсказал мне, что я должна об этом думать, – сказала она.

– Что ж, я не могу этого сделать. – Плечи Лэньера выпрямились, челюсть встала на место. – Если мы все начнем думать...

– Ну да, работа, работа, – закончила Патриция, почти передразнивая его. – Господи, я делаю свою работу, Гарри. Я все время работаю. – В глазах у нее стояли слезы, и, что потрясло ее, она увидела слезы в его глазах.

Лэньер поднес было руку к лицу, но тут же убрал, и слеза скатилась по его щеке к уголку рта.

– Ладно. – Ему хотелось уйти, но он не мог. – Мы оба люди. Это вам хотелось знать?

– Я работаю, – проговорила Патриция, – но внутри я из плоти и крови. Может, в этом дело?

Лэньер быстро вытер глаза.

– Я тоже не железный, – защищаясь, бросил он. – И не стоит ожидать от меня большего, чем я могу дать. Вы это понимаете?

– Это действительно странно, – сказала Патриция, подно-

ся руки к лицу, будто повторяя жест Лэньера. Она провела пальцами по горячим щекам. – Простите меня. Но вы пошли за мной.

– Я пошел за вами. Закончим на этом?

Патриция пристыженно кивнула.

– Я никогда не считала вас холоднокровным.

– Прекрасно.

Лэньер повернулся и быстро пошел к кафетерию.

В своей комнате она закрыла руками глаза – теперь сухие – и попыталась спеть песню, которую очень любила в детстве, но не могла вспомнить слова – или не была уверена, что помнит их правильно. «Но куда бы ни пошел ты, – всплывала в памяти мелодия, – что бы ты ни делал, я всегда буду видеть тебя...»

Глава 19

Патриция сидела в директорском кресле на крыше женского коттеджа. Она взглянула на дату на своих часах, пока все собирались на вечеринку. Война должна была начаться через семь дней.

Все сваливалось на нее слишком быстро. Она могла высказывать свои соображения, но не могла убедить себя в их истинности. Например, она могла сказать Лэньеру, что Камень не слишком сильно отделился от своей родной Вселенной. История Камня и их нынешняя реальность не должны различаться очень существенно – не настолько, чтобы войны не было.

Возможно, то, что Советы узнают об угрозе войны, заставит их отступить, сделать шаг назад, предотвратить столкновение...

Возможно, Камень и явные технические преимущества, которые он дал странам Западного блока, все же удержат Советы на грани...

Возможно, Камень просто произвел эффект и тут же его ликвидировал, оставив лишь легкую рябь в ближайшем будущем Земли...

Появились Кэрролсон и Лэньер. Патриция наблюдала, как они здороваются с учеными, прибывшими из других камер. Скребущее чувство тревоги прошло. Она не ощущала ни

злости, ни сожаления. Она даже не чувствовала себя живой. Единственным, что доставляло ей теперь радость, было погружение в работу, купание в торжественном великолепии коридора.

Следовало, однако, появиться на людях. Она требовала этого от себя. Патриция всегда противилась тому, чтобы изображать гения-отшельника и избегать контактов с другими. Однако, вместе с тем, ей хотелось остаться одной, уйти к себе и поработать. Мысль о танцах под вечным плазменным светом (вечер проходил на открытом воздухе) и о легком флирте – в сущности, она оказалась в общественном списке, пусть даже на несколько часов – пугала ее. Она не была уверена, что сможет сохранить спокойствие и душевное равновесие, удерживающее ее от слез гнева и отчаяния.

Она спустилась по лестнице и вышла из здания, засунув руки в карманы и стараясь держать подбородок повыше – по мере того как приближалась к кружащейся толпе.

Два солдата, два биолога и два инженера соорудили из списанной электроники синтезатор и электрогитары. Уже нескольких недель ходили слухи, что ансамбль – вполне приемлемый, возможно, даже хороший. Это было их первое выступление перед публикой, и они выглядели хладнокровными профессионалами, настраивая инструменты и аппаратуру.

Громкоговорители своеобразной конструкции были предложены в качестве добровольного пожертвования археолога-

ми, работавшими в Александрии. Динамики были установлены по углам прямоугольной площадки, размером в акр, зарезервированной для будущих построек. К громкоговорителям не вели провода; музыка передавалась на специальной частоте с помощью маломощного передатчика. Исходивший из них звук имел слегка металлический оттенок, но был вполне терпимым. Хайнеман бросил взгляд на один из них и сказал:

– Я не уверен в том, что это такое. Это не громкоговоритель.

– Он ведь работает, верно? – сказала Кэрролсон, плотно прижимаясь к своему партнеру по танцам.

Хайнеман согласился, что он производит звук, создаваемый направленным сигналом, но дальше этого не пошел. Вопрос так и не был удовлетворительно поставлен.

Под неизменным светом плазменной трубки, сотрудники службы безопасности по очереди танцевали с учеными и техниками. Советская группа в полном составе стояла в стороне, подпирая стенку. К танцам с энтузиазмом присоединились Хуа Линь, Цзян и Фарли, хотя они уже знали о прекращении работ.

Музыканты переключились на более старую рок-музыку, но это не соответствовало общему настроению, и они нехотя вернулись к более современной музыке.

Патриция один раз танцевала с Лэньером, один из японских вальсов, ставших популярными в последние годы. В за-

ключение, когда они вытянули руки и закружились друг вокруг друга, Лэньер таинственно кивнул и улыбнулся Патриции. Она почувствовала, что краска заливает ее лицо, начиная с шеи. В конце танца он привлек ее к себе и сказал:

– Это не ваша вина, Патриция. Вы прекрасно работали. Вы настоящий член команды.

Они разделились, и Патриция смущенно отошла в сторону, уже не испытывая чувства собственной ничтожности. Действительно ли она ждала или желала одобрения со стороны Лэньера? Вероятно, да; его слова были ей приятны.

Ву пригласил ее на танец и оказался способным партнером. Оставшуюся часть праздника она просидела в стороне. Лэньер присоединился к ней во время перерыва; он танцевал со многими партнерами, в том числе с Фарли и Цзян, и был довольно возбужден.

– Вам нравится? – спросил он.

Она кивнула, потом сказала:

– Нет, не совсем.

– Мне, честно говоря, тоже.

– Вы хорошо танцуете, – сказала Патриция.

Лэньер пожал плечами.

– Иногда следует перестать думать, верно?

Она не могла с этим согласиться. Времени было так мало.

– Мне надо с вами поговорить, – сказала она.

– Сейчас?

– Здесь подходящее место? – одновременно спросила она.

Шум был достаточно громким, чтобы их не могли подслушать.

– Полагаю, столь же подходящее, как и любое другое, – сказал Лэньер. Он огляделся по сторонам в поисках Такаха-си; тот находился на противоположной стороне площадки, русских поблизости не было.

Она кивнула, и ее глаза снова наполнились слезами. После того как он сказал ей что-то приятное, она теперь должна была открыться перед ним и поделиться с ним своими худшими опасениями, своими самыми мрачными мыслями.

– Я пыталась посчитать, насколько мощный толчок могло придать Камню создание коридора.

– И насколько мощный? – спросил Лэньер, наблюдая за теми, кто проходил достаточно близко, чтобы услышать.

– Не очень, – сказала она. – Это сложный вопрос. Но толчок совсем слабый.

– Значит?..

У нее сжалось горло.

– Возможно... именно для этого я на самом деле была нужна вам на Камне? Просто, чтобы сказать это?

Он покачал головой.

– Хоффман хотела, чтобы вы были здесь. Она сказала мне, что я отвечаю за вас. Я просто обеспечил вас работой. – Он достал из кармана конверт, открыл его и вынул два письма. – Я не мог передать вам это раньше. Нет, не так. Я просто забыл. Я привез их с собой на челноке.

Она взяла письма и посмотрела на них. Одно было от ее родителей, второе от Пола.

– Я могу написать ответ? – спросила она.

– Пишите, что хотите, – сказал он. – В пределах разумного.

Почтовые штемпели были недельной давности.

Прошла неделя. Миновал день, назначенный для Армагеддона.

Патриция не выходила из своего жилища, работая еще более напряженно, чем когда-либо, пользуясь теми ресурсами, которые оставались в ее распоряжении.

Она не могла изменить своего первоначального мнения.

И потому каждый день был победой реальности, доказывавшей, сколь неправа она может быть.

Глава 20

Лэньер вышел из лифта и, держась за канат, перебрался в тележку. Водитель – стройная женщина в голубом комбинезоне ВВС – увела тележку с ее обычного маршрута и направила ее в сторону владений Киршнера. Лэньер до сих пор был здесь лишь два раза, оба раза для того, чтобы встретиться с адмиралом. Крепко держась за поручни тележки, он пытался подготовить ответ на вопросы, которые, как он знал, наверняка будут заданы.

Хоффман намекнула во время их последнего разговора, что информация, которую она ему дала, в конце концов достигла Объединенного Комитета начальников штабов. Это означало, что Киршнер и Герхардт уже ею располагали.

Помощник Герхардта встретил его в коротком туннеле перед переоборудованной грузовой площадкой, где тренировалась команда Киршнера, работавшая в скважине. Он проводил Лэньера в кабинет со стенами из голого камня, уставленный временными картотечными ящиками. Одна широкая железо-никелевая прожилка была отполирована и очищена, служа в качестве проекционного экрана. Киршнер плавал в подвесной люльке, просматривая данные на экране блокнота, когда Лэньер вошел и представился. Герхардт пересек холл и вошел следом за ним.

Киршнер кивнул им обоим. Адмирал не выглядел доволь-

НЫМ.

– Мистер Лэньер... кажется, капитан-лейтенант, верно? – бесцеремонно спросил Герхардт. Это был невысокий, аккуратный человек с жесткими черными волосами и широким расплюснутым носом. Его одежда слегка отличалась от формы морских пехотинцев внутренней охраны: зеленая униформа, черные ботинки с мягкими резиновыми подошвами.

– Да, сэр, – Лэньер выдержал паузу.

– Вы не информировали нас о том, что Такахаси – советский агент, мистер Лэньер, – сказал Киршнер.

– Нет.

– Вы узнали об этом почти две недели назад и не сообщили об этом руководству вашей службы безопасности?

Лэньер ничего не сказал.

– У вас были свои причины, – предположил Киршнер.

– Да.

– Можем ли мы о них узнать? – спросил Герхардт, слегка натянутым голосом.

– Мы намеревались дать русским небольшую передышку, показав им, что мы уступаем. Мы не могли бы этого сделать, если бы Такахаси был арестован.

– Что я наверняка бы сделал, – сказал Герхардт.

Лэньер кивнул.

– Вы правы. Я бы так и поступил. Вы понимаете, что это могло поставить под угрозу всю нашу операцию? Такахаси

мог видеть наши маневры, нашу подготовку к нападению...

– Нет, сэр. Он не покидает комплекса, только посылает сообщения. – Киршнер, как обычно невозмутимый, позволял Герхардту продолжать головомойку.

– И он посылал эти сообщения прямо над нашими головами, прямо вместе с нашими настроечными сигналами для стыковки ОТМ-ов. Чудесно. Сейчас я распоряджусь об его аресте. Я хочу, чтобы он немедленно был отправлен на Землю и отдан под суд за измену. Господи, Гарри, – Герхардт резко потрянул головой, словно отгоняя насекомых. – Хоффман этого хотела?

– Она это подразумевала.

– Она сообщила вам имя. Никаких результатов? Я имею в виду, русские еще не решились на переговоры?

– Нет, я об этом не слышал.

– Черт возьми, вы правы – нет. Они знают, что у нас в руках. Вы ожидали, что они поверят, будто мы просто так отступим и поделимся с ними?

– Я думал, что нам нужна передышка. Возможность оценить ситуацию.

– Хоффман знала, какую информацию передавал Такахаши? – спросил Киршнер.

– Да. Материалы о библиотеках.

– Господи, Гарри, этот клоун имел доступ туда, куда не могли добраться Киршнер и я. Если хотите знать, вы великолепно развалили всю операцию. Должен ли я знать хоть

что-нибудь из того, что знает он? Или того, что узнала ваша смазливая студенточка?

– Да, несомненно, – сказал Лэньер, сохраняя спокойствие и давая выйти пару. – И вы знаете, что я вам этого не скажу. Вам придется попросить свое начальство.

Герхардт улыбнулся.

– Да. Президент – между нами, Гарри! – Президент, который живет некоей довоенной мечтой о демократии, не может даже разговаривать о космосе, а тем более о нем думать; Сенат, состоящий из его марионеток и умственно отсталых республиканцев, вымучивающих законы о распределении бюджета между южными штатами... – Он взглянул на Кишнера, который с легкой улыбкой покачал головой и посмотрел в сторону, на каменную стену. – Никто не уделяет Камню и половины надлежащего внимания – или я неправ?

– Вы и правы и неправы. В данный момент я не думаю, что существует какая-либо более важная тема для правительств всего мира, чем Камень. Все ее обсуждают. Русские чертовски боятся, что мы далеко опередим их в технологии. Мы их уже опередили, но Камень делает исход предрешенным, не так ли?

– Что здесь делаем Кишнер и я, Гарри? Почему нас не информируют так же, как и вас? Ответственность за безопасность Камня лежит на капитане и мне, но эти убудки окружили нас завесой. Мы не можем попасть в библиотеки, не можем увидеть документы... Я не понимаю... некоторые са-

мые странные вещи, о которых мне приходилось слышать. Это сводит меня с ума. Не пришло ли нам время сотрудничать друг с другом?

– На то есть свои причины, – сказал Лэньер.

– Я наблюдал за вами, Гарри. Весь последний год вы катитесь по наклонной плоскости. Ради Бога, я не хочу знать ваших секретов. Чего, черт возьми, мы добились?

Лэньер забрался во вторую люльку и ухватился за канат.

– Какие приказы вы получили с Земли, Оливер?

– Я должен подготовиться к надвигающемуся нападению на Камень и к возможной ядерной конфронтации на Земле.

– Могут ли русские захватить Камень?

– Если они бросят против нас все силы, которые есть у них в космосе, то да, – сказал Киршнер.

– Вы думаете, они это сделают?

– Да, – сказал Киршнер. – Каким образом, не знаю. Но мы думаем об этом днем и ночью. По нашему предположению, они воспользуются небольшими инцидентами – на море и в Европе – чтобы отвлечь внимание от Камня. Затем они нападут на нас и попытаются отобрать его у нас. Или сразу попробуют напасть. Я не знаю.

– Им может это удалиться?

Герхардт поднял руку.

– Вы согласны со мной по поводу того, что нам угрожает, Гарри? И вы позволите мне арестовать этого ублюдка?

Такахаси, вероятно, уже сослужил свою службу.

– Да, – сказал Лэньер. – Отправьте его с Камня как можно скорее. Пусть Госдепартамент займется им, как только он окажется на Флориде.

– Вы допустите нас в библиотеки? – спросил Герхардт.

– Нет. Они закрыты. Я скажу вам все, что вам следует знать.

– Тогда я отвечу на ваш вопрос, – сказал Киршнер. – Русские могут добиться успеха. Они могут победить нас. Если они бросят на это все свои силы, мы реально не сможем остановить их от проникновения через скважину.

– Конечно, – сказал Лэньер. На этом заканчивались все сомнения в отношении русских.

– С вами хорошо говорить, Гарри, – резко сказал Герхардт. – Теперь займемся делом и уберем этих сукиных детей с Камня.

– Только Такахаси. Не трогайте русскую команду.

– Господи, нет, – сказал Герхардт. – Мы не сделаем этого, пока не станет слишком поздно.

Глава 21

Внутри тяжелого транспортного корабля командир батальона полковник Павел Мирский прислушивался к действиям техников Третьей орбитальной платформы, заправлявших баки, расположенные вокруг тесного кормового отсека и под ним, готовясь к следующему этапу их полета.

Мирский научился наслаждаться невесомостью; она напоминала ему затяжные прыжки с парашютом. Он провел столько времени, падая с самолетов (и плавая внутри падающих самолетов) в Монголии и в окрестностях Тюратама – и испытав подлинную невесомость во время тренировок на орбите – что отсутствие веса казалось почти естественным.

О многих из его людей нельзя было сказать того же. Треть из них испытывала отчаянные приступы космической болезни. Три узких, душных отсека, расположенных друг над другом вдоль центральной линии транспортника, не были рассчитаны на комфортные условия. Оранжевые переборки и темно-зеленая стеганая обшивка, покрывавшая большую часть поверхностей, не позволяли чувствовать себя в безопасности.

Команда уже провела в этих условиях двадцать часов. За это время они подверглись стрессу стартовых перегрузок, а теперь невесомости. Лекарства от космической болезни, как выяснилось, давно уже пережили свой срок – фармацевти-

ческие реликты в пластиковых бутылочках.

Мирский воспринял это без особого удивления и попытался поддержать своих людей – настолько, насколько это было возможно.

– Что ты сейчас думаешь об истории, а, Виктор? – спросил он своего заместителя, майора Виктора Гарабедяна.

– К черту историю, – сказал Гарабедян, безразлично махнув рукой. – Лучше пристрели меня, и покончим с этим.

– Все будет в порядке.

– К черту порядок.

– Выпей воды. Да, и можешь тоже послать ее к черту, если хочешь.

Они висели в своих гамаках в переднем отсеке, окруженные запахами болезни и напряжения и звуками, исходившими от людей, старавшихся спокойно лежать в своих гамаках – некоторые ели упакованную в тубики пищу, большинство же были не в состоянии.

Они стартовали с поверхности Индийского океана, над южной оконечностью хребта Карпентера, и теперь заправлялись на околоземной орбитальной платформе. Они были четвертым из семи транспортников, один из которых стартовал с Луны. Семь кораблей носили кодовые имена «Зил», «Чайка», «Жигули», «Волга», «Роллс-Ройс», «Шеви» и «Кадиллак». На трех кораблях, включая «Волгу», их собственный, находились генералы – под кодовыми именами Зев, Лев и Нев, по имени популярной комедийной танцеваль-

ной группы. На шести кораблях находилось двести человек с оружием и всем необходимым, что потребуется им, если удастся первая часть их миссии. На седьмом – «Жигули» – находилась тяжелая артиллерия, дополнительные припасы и пятьдесят техников.

Если они потерпят неудачу, больше им ничего не потребуется. Если же их план удастся, они смогут жить годами без поддержки с Земли или Луны. Так утверждали тактики, основываясь на данных разведки.

Мирского интересовали детали, не содержащиеся в полученных им инструкциях. Метод проникновения казался достаточно логичным; существовал лишь один путь внутрь и один наружу, оба одинаковые. Транспортники были замаскированы, и их, вероятно, сложно было обнаружить – большие темные раздутые конусы, с тремя выступами на вершине, где располагались грузовые отсеки и оружие. Поверхность кораблей была покрыта броней под сбрасываемыми теплоотсеивающими панелями. Броня была покрыта отражающими противолазерными щитами. Насколько это им поможет, когда они проникнут в самую пасть зверя – об этом лучше было не думать.

Он прикрыл глаза, обдумывая действия после проникновения. У каждого из них был легкий скафандр в пластиковом пакете; шлем, пристегнутый на боку; рюкзак с двухчасовым запасом кислорода и батарей; и, в другом мешке, парашют и сложенный аэродинамический экран. У каждо-

го также была сумка, в которой находилась маленькая ракета. Ракеты имели три сопла диаметром лишь в несколько сантиметров, направленных по радиусу наружу, когда ракету прикрепляли к нижней части рюкзака. Ими можно было управлять с помощью кнопок на гибких кабелях, пропущенных через петли и помещавшихся в карманах прямо внутри перчаток. В сложенном состоянии сопла были повернуты внутрь, и топливо мягко переливалось внутри.

Экипированные таким образом, сжимая в руках лазерные ружья и АКВ-297 (обычные автоматы Калашникова с увеличенными магазинами и складными прикладами, приспособленные к стрельбе в безвоздушном пространстве), они намеревались отвоевать честь и историческое место Советского Союза и его сторонников. Во время инструктажа подобные фразы не произносились – ни один лидер не мог бы признать, что его честь и историческое место потеряны.

Однако Мирский был практичным человеком.

В полутьме еще у одного человека начался приступ рвоты. Вероятно, через день или около того это пройдет. Так им говорили медики; не хуже, чем первые несколько дней на военном корабле. Русские провели в космосе достаточно времени, так что слова медиков основывались на фактах.

Он пошевелился в своем гамаке. Когда придет время, гамак превратится в кокон, и все они будут один за другим вытолкнуты из корабля. С этого момента им будет предоставлена полная свобода действий, пока они не соберутся внутри

Картошки – Камня.

Мирский подумал о том, насколько хорошо охраняется скважина, и о том, что находится за ней. В детали их не посвящали, сообщив лишь минимум того, что было необходимо для выполнения задачи.

Еще ни одна цель на орбите до сих пор не захватывалась войсками.

Невозможно было узнать или даже догадываться, что может пойти не так.

Нельзя сказать, что каждый солдат надеялся пережить сражение. Во времена Великой Отечественной его дед погиб на берегу Буга в первые часы войны, и, конечно, был еще Киев...

Русские умели умирать.

Глава 22

Хоффман взяла с собой лишь самое необходимое; семь блоков памяти высокой плотности из почти двух тысяч, немного личных вещей и два ювелирных украшения, которые десять лет назад подарил ей ее покойный муж. Она оставила свой «Таунус» дома с открытыми дверцами; если на него наткнутся какие-нибудь бродяги, они смогут доставить себе несколько дней удовольствия.

Больше она ничего не могла сделать. Не было никаких сомнений в том, что произойдет в течение следующих четырех дней; ни один из тех, с кем она говорила, никогда не видел ее в таком напряжении.

Руководствуясь инстинктом, который никогда не подводил ее в прошлом, Джудит Хоффман отправилась на Камень. Она надеялась, что еще не слишком поздно.

Она ехала на взятом напрокат «Бьюике» в течение многих часов через пустыню и открытое пространство, через маленькие и средние городки, пытаясь не думать ни о чем или ощущать свою вину. Больше она ничего не могла сделать.

Рассерженное и глупое правительство лишило ее всех полномочий. Трое членов кабинета обвинили ее в том, что это фактически она заварила всю кашу.

– К черту их всех, – прошептала она.

Возле поворота к космодрому Ванденберг, в маленьком

комплексе магазинов, обслуживавших персонал базы, она увидела магазин для садоводов. Не колеблясь, она въехала на стоянку.

Внутри магазина она спросила у тощего молодого клерка в зеленом фартуке и робингудовской шляпе, где можно купить семена.

– Овощные или цветочные? – спросил он.

– И те и другие.

– Секция Н, напротив садовых инструментов, рядом с соломой.

– Спасибо.

Она нашла прилавок с семенами и взяла по одной упаковке каждого вида, попавшегося ей на глаза, по две или три – некоторых овощей и фруктов. Когда она закончила, ее корзинку заполняли около десяти фунтов упаковок с семенами. Клерк ошеломленно смотрел на кучу.

Хоффман бросила на прилавок две стодолларовые банкноты.

– Этого хватит? – спросила она.

– Думаю, да...

– Оставьте сдачу себе, – сказала она. – Я спешу, и у меня нет времени считать.

– Позвольте мне...

– У меня нет времени, – повторила она, доставая еще одну банкноту и кладя ее рядом с двумя.

– Я уверен, что этого хватит, – быстро сказал клерк, судо-

рожно сглотнув.

– Спасибо. Не сложите ли все это в коробку?

Хоффман взяла коробку и вернулась в машину.

Лэньер спал в своей комнате, когда раздался звонок интеркома. Он протянул руку, чтобы нажать кнопку, но никакого сообщения не было, только тишина.

Он, моргая, протер глаза. Потом он услышал звонки интеркомов в других комнатах. В коридоре послышались шаги.

Он набрал номер. Дрожащий голос ответил:

– Узел связи первой камеры.

– Говорит Гарри Лэньер. У нас общая тревога?

– Да, мистер Лэньер.

– Почему? – голос Лэньера был бесконечно терпелив.

– Я не уверен, сэр.

– Я хочу говорить с узлом связи оси, немедленно.

– Да, сэр.

Когда несколько секунд спустя ответил женский голос, он потребовал информацию.

– Мы получили Деф-Кон-три из Лондона и Москвы, – сказала женщина. – Усиленная активность радаров, в особенности орбитального слежения. Была совершена какая-то акция против спутников связи и навигации.

– Какие-нибудь сообщения из Флориды или Саннивейла?

– Никаких, сэр.

– Сообщения из лунного поселения?

– Ничего, сэр. Они сейчас с противоположной стороны от нас.

– Я сейчас поднимусь к оси. Скажите Линк и Пикни, чтобы они подготовили специальное помещение примерно для пятнадцати человек.

Вмешался голос Роберты Пикни.

– Гарри, это вы? Все уже подготовлено, по приказу Киршнера. Он хочет скоординировать действия научной группы и службы безопасности. Поднимайтесь немедленно сюда.

В лифте, окруженный персоналом службы безопасности и сбитыми с толку инженерами, еще не знавшими подробностей, Лэньер пытался думать о том, что еще нужно сделать, какие приготовления еще не закончены. Он потрогал свой небритый подбородок.

Все это был гипотетический, долгий кошмар. Далеко внизу, там, где он провел большую часть своей жизни, где все еще жили большинство из тех, кого он любил – как мало их было! – кажется, начиналось это.

Он не мог отогнать от себя образ того, чем занимались сейчас эти люди там, дома. Он прожил свою жизнь как пилот, но никогда как гражданское лицо. Люди, слушающие радио, сирены, инструкции гражданской обороны, которые никогда не были достаточно понятными для того, чтобы иметь какую-то ценность. Приказы об эвакуации, передаваемые по кабельной сети из дома в дом. Перепуганные люди, бросающие вещи в автомобили или карабкающиеся в автобусы или

поезда, или грузовики гражданской обороны...

Он попытался отбросить эти мысли. Ему необходимо было сохранить разум.

В помещениях у оси охранники службы безопасности распределяли людей по группам в соответствии с приоритетом. Трое молодых морских пехотинцев извлекли его из толпы и почти силой втолкнули в специальную машину.

Центр внутренней связи Камня представлял собой оголенную зону примерно в двадцать квадратных метров, в одном из углов буферной зоны первого дока. У двери стояли шесть капралов морской пехоты, с ружьями наготове; их ботинки были закреплены в специальных скобах, чтобы удержать их при необходимости целиться и стрелять. Лэньер прошел между ними. Внутри помещения собралось десять человек. Они пристально смотрели на него, пока он тяжело садился в кресло.

На одной из стен были смонтированы четыре видеозащита. Бесчисленные репитеры были встроены в большую часть консолей. Лишь один из больших экранов был включен, показывая нечеткое изображение самого Камня, окруженное численными значениями различных данных. Это была картинка с «Дрейка»: почти таким же он впервые увидел Камень, четыре года назад.

Пикни протянула ему пару галош на присосках.

– Еще не началось, – сказала она. – Но была объявлена тревога. Что-то ударило в вентилятор, но мы не уверены в

том, что именно. Наденьте это. – Она надела ему на голову гарнитуру с наушниками и микрофоном. – Я координировала все действия в течение последнего получаса.

– Какие-либо распоряжения?

– Пока ничего особенного. Просто тревога.

Он сел туда, куда ему показали, и к нему придвинули набор клавиатур и экранов. Несколько минут спустя вошли капитан Киршнер и его помощник, одетый в хаки молодой капитан-лейтенант с усиками, и сели в нескольких метрах от него за аналогичными устройствами.

Киршнер, отвечавший за внешнюю безопасность Камня, действительно был сейчас центральной фигурой. Герхардт находился в первой камере, делая необходимые приготовления; однако в данный момент то, что происходило в камерах, не имело значения.

– Направьте пятнадцать человек за пределы скважины, с переносными системами обнаружения, – сказал Киршнер. – Я хочу, чтобы они спрятались за этими стенами-сотами, чтобы их не было видно – никаких тепловых меток. И приведите эти проклятые орудия Гатлинга в боевую готовность.

Наступила тишина. Пикни, с наушниками на коротко подстриженных волосах, напряженно слушала. Из громкоговорителя в другом конце комнаты послышался шум помех.

На самом большом экране вспыхнуло изображение и, после некоторых колебаний, стабилизировалось в кристальной чистоте. Его источником была камера, установленная пря-

мо за скважиной, в ячеистом углублении. В данный момент камера была направлена к Земле. Изображение диска Земли, все еще темное, сфокусировалось. Изображение дважды дернулось, пока усилители делали свое дело. Лэньер мог различить континенты, очертания облаков, ночные огни городов. Они находились в нескольких минутах от ближайшей к Земле точки их орбиты – меньше трех тысяч километров.

В наушниках сквозь треск послышался голос:

– Небеса, Небеса, говорит Красный Куб. Состояние тревоги, высшей степени.

– Дерьмо, – пробормотал Киршнер.

– Медведи только что объявили финишный рывок. Капитан Киршнер, мы сейчас готовим свой ответ. Ваше положение неизвестно. Просим сообщить.

– Мы в безопасности, занимаемся приготовлениями, – сказал Киршнер.

Красный Куб – западная штаб-квартира Объединенного Космического Командования в Колорадо – ответил:

– Вы сейчас не вписываетесь в наш ответ, капитан. Мы вынуждены поступать так, словно вы не существуете. Слишком высокое давление пара. Похоже, они намерены отобрать у нас наши околоземные ресурсы. Понятно?

– Понятно. Будем уповать на Бога, что вам удастся удержать их, Красный Куб.

– Небеса сейчас предоставлены сами себе, капитан.

– Да, сэр.

Связь закончилась.

– На моем экране приближающийся ОТМ, – сказал Киршнер. – Он опознан?

– ОТМ сорок пять, с оборудованием и дополнительным персоналом на борту, стартовал девять часов назад с Шестнадцатой станции, – сказала Пикни. – Мы следили за ним.

Помощник Киршнера подтвердил, что морские пехотинцы у скважины зафиксировали объект на своих сканнерах.

– Примите его на борт, – сказал Киршнер. – Через день или около того их будет значительно больше, если все пойдет в том же духе.

– Да, сэр – еще несколько уже стартуют.

На экране перед Лэньером появилось изображение ОТМ-а, приближавшегося к скважине. Внезапно ОТМ превратился в светящийся шар. Бесшумно и быстро шар потемнел и расплылся. На фоне рассеивающегося газа разлетелись в стороны обломки.

– Сэр, – сказал помощник Киршнера, – они видят там темные переходы, закрывающие звезды. За ОТМ-ом.

– ОТМ-а больше нет, – сказал Лэньер. – Капитан, они проскользнули позади нашего корабля.

– Боже мой, – воскликнул голос из шипящего и трещащего громкоговорителя. Пикни подключила частоту морских пехотинцев ко всей комнате. – Кто-то захватил наш корабль. Я вижу...

– Говорит Дурбан. Я вижу темные пятна, но это, должно

быть, у меня в глазах.

– Ничего не сделать. Я не видел вспышки, и я вижу четыре, пять, шесть теней на фоне звезд. Сволочи.

– Они собираются спуститься по трубе, – сказал Киршнер. – Подготовьте цистерны от ОТМ-ов, чтобы их заблокировать. Группа А, пускайте в ход ваши тросы.

Камеры в скважине показали прозрачные инфракрасные изображения людей в скафандрах, перемещавшихся за первым вращающимся доком. Напоминавшая mortar пушка выстрелила стальным тросом через весь стометровый диаметр скважины. Гарпуны зафиксировали тросы на противоположной стене. После семи быстро следовавших друг за другом выстрелов в скважине возникла паутина из тросов. Три пустых цистерны были зафиксированы в нужном положении с помощью дополнительных тросов. Все это было сделано меньше чем за десять минут.

– Они не пойдут через посадочные площадки, – уверенно сказал Киршнер. – Это будет лишь потерей времени. Если они спустятся по трубе, они смогут проникнуть в камеры. Они могут прикончить нас и позже. Я надеюсь, что солдаты Оливера готовы.

В суматохе Лэньер перестал смотреть на экраны, показывавшие Землю. Он снова перевел на них взгляд.

Маленькие оранжевые пятнышки вспыхивали вдоль советского побережья к западу от Японии, обычные суборбитальные ракеты, сбивающие спутники на низкой орбите и бо-

евые станции.

– Хлопушки, – сказал Киршнер.

Один из морских пехотинцев у скважины произнес что-то неразборчивое. Затем, когда Пикни увеличила громкость, голос продолжил:

– Сэр, они сбрасывают маски.

Большой экран переключился на вид окрестностей скважины. Между освещенным вращающимся доком и внешней стороной скважины мерцали звезды. На фоне звезд двигались три тени. Затем тени вспыхнули огнем, и клочья черного материала уплыли прочь, открывая формы, трудно определяемые на глаз. Зеркальные носы пришельцев отражали темную внутренность скважины и освещенный док.

– Это русские, – сказал помощник Киршнера. – Тяжелые транспортные корабли, стартующие с океанских баз. Первый уже в трубе.

Русские корабли, входившие в скважину, напоминали елочные украшения шириной в двадцать метров. От невидимых лучей энергии из орудий, скрытых за вращающимся доком, части идущего впереди транспортника уже светились оранжевым сиянием. Лэньер никак не мог уследить за происходящим. Его взгляд метался от экрана к экрану; Киршнер теперь говорил редко. Все действия уже были спланированы; его люди делали все, чему они были обучены, все, что было в их силах.

– Пикни, соедините меня с седьмой камерой, – сказал Лэ-

ньер.

– Сейчас все находятся в первой и четвертой камерах, – сказал Герхардт.

– Тогда соедините с четвертой. Мне нужен Хайнеман.

– Ведущий корабль отвечает огнем, – послышался неизвестный голос из скважины. – Похоже, что они целятся в цистерны, может быть, в тросы.

– Может быть, они не видят тросов, – предположил другой голос. Оба солдата говорили спокойно, выжидаяще.

Лэньер заметил монитор, показывавший маленькую звездочку Шестнадцатой Станции, находившейся на низкой орбите, в тысяче километров от Земли. На его глазах звездочка превратилась в ослепительную белую вспышку. Свет рассеялся.

– Хайнеман на вашей пятой кнопке, – сказала Пикни Лэньеру. Он нажал кнопку.

– Лоренс, это Гарри.

– Я уже был почти за дверью, когда они втащили меня обратно. Я в четвертой камере, Гарри. Я собирался...

– Лоренс, мы... на нас напали. Садись в АВВП и поднимай его наверх. Состыкуйся с трубоходом и уходи в коридор. Оставайся там, пока мы тебя не вызовем.

– Понял. Именно это я и собирался сделать.

Кнопка отскочила и потемнела.

Над Японией и Китаем расцвели новые голубовато-белые цветы – всего четыре. Это были орбитальные ядерные взры-

вы, предназначенные для того, чтобы нарушить связь и энергосеть путем интенсивных вспышек электромагнитного излучения – источника новых помех в громкоговорителях. По мере того как Камень двигался по своей орбите, и Земля поворачивалась под ним, он видел новые взрывы над Советским Союзом и Европой – всего четырнадцать. Настоящая ядерная весна. Они подняли ставку после Малой Гибели. Еще не было обмена стратегическими ударами – но никакая незащищенная электроника или системы связи не могли пережить этих вступительных шагов.

Видеоэкраны поменьше показывали картинки, полученные с тех сканирующих спутников, которые еще не были повреждены и передавали информацию.

На побережье Северной Америки вставала мрачная заря; вспышки на большой высоте отбрасывали жуткий свет на океан и сушу, словно отметки световой указкой на рельефной карте. Бойня все еще не начиналась. Что было в их планах – блеф? Хитрость?

Переговоры должны были уже начаться.

«Что уже сделано, что будет сделано, если только... Как разрядить обстановку, свести все к ограниченной конфронтации... Кто кого обманывает, и как далеко они зайдут...

И кто должен сдаться».

Глава 23

Полковник Мирский держался за край люка, ведущего в кокпит корабля. Скважины непосредственно не было видно; лазерная защита и бронированный внешний корпус закрывали передние иллюминаторы. Он не мог разобрать изображение на дисплеях перед двумя пилотами: это была мешанина неясных линий, вращающихся окружностей, нечто, напоминающее пасхальные яйца, катающиеся по сетке.

– Приготовьте ваших людей, – сказал командир корабля, бросая взгляд через плечо. – Скажите им, чтобы они держались стен скважины, пока не выйдут в первую камеру. Там их могут ждать люди с лазерами. Они жалят, словно осы.

Казалось, по корпусу в быстром ритме ударили тяжелые кулаки. Сирена смолкла.

– Вот сволочи; это орудие Гатлинга, – сказал второй пилот. – Повреждена лазерная защита. Небольшая пробоина во внешнем корпусе.

Мирский спиной вперед выбрался из люка и закрыл его за собой; комментарий командира об осах все еще звучал у него в ушах. Когда-то, еще студентом, Мирский ухаживал за пчелами в кооперативе под Ленинградом. «Мы разворошили улей, – подумал он. – Естественно, они пытаются жалить».

Он проплыл через первый отсек, взял свой шлем и отдал короткие распоряжения. Сержанты – командиры отделений

во втором и третьем отсеках – протиснулись в люки, чтобы поднять своих людей. Еще несколько минут, и должно начаться.

– Что такой мрачный, Алексей? – бросил он солдату, разглядывавшему свой шлем. – Ребята, оружие заряжено?

Все разобрали оружие из зарядной пирамиды и проверили горящие светодиоды.

– Стройся, – сказал Мирский. Он слышал приказы, отдаваемые во втором и третьем отсеках. Командир первой роты, находившейся в первом отсеке, майор Константин Улопов, уже был в шлеме, а его адъютант Жадов проверял все застежки его скафандра. Когда все будет в порядке, Улопов, в свою очередь, должен был помочь Мирскому.

Никто из них не был особо защищен от лазерных и пулевых ударов. В сражениях такого рода АКВ или даже пистолет – приспособленный для стрельбы в вакууме, но со стандартными патронами – был столь же эффективен против солдата, как и лазер.

Мирский приблизился к небольшой группе, окружавшей «Зева» – генерал-майора Сосницкого.

– Батальон к бою готов, товарищ генерал, – доложил он.

Команда Сосницкого, состоявшая из трех офицеров – включая замполита, майора Белозерского, стоявшего рядом – проверяла и перепроверяла скафандр генерала, словно цыплята, окружившие курицу. Сосницкий поднял руку в перчатке над этой суетой и протянул ее Мирскому. Мирский

крепко пожал ее.

– Маршал должен гордиться вами и вашими людьми, – сказал Сосницкий. – Сегодняшний день – или ночь, или что бы это ни было – будет днем нашей славы.

– Так точно, – сказал Мирский. Даже несмотря на мысли о том, что любая командная структура основана на цинизме, Сосницкий обладал властью, заставлявшей его испытывать волнение.

– Мы кое-чем оплатим им за Киев, да, полковник?

– Так точно, товарищ генерал.

Он бросил взгляд на Белозерского. Лицо политработника выражало смесь возбуждения и отчаянной паники. Глаза его были широко открыты, на верхней губе выступил пот.

Мирский вытер свою верхнюю губу. Она тоже была влажной. Все его лицо было мокрым. Затем он отошел от группы и вернулся на свое место.

Зажглись огни возле трех круглых выходных люков, и корабль начал беспорядочно кувыркаться, чтобы усложнить задачу снайперам, пока солдаты будут выпрыгивать наружу. Из-за этого их могло разбросать по всей скважине, и приходилось хвататься друг за друга и прыгать группой, чтобы оставаться вместе, пока это было возможно.

Беспорядочно стрелять было нельзя; было больше шансов попасть друг в друга, чем в противника. Стрелять можно было лишь в непосредственной схватке с явно видимым противником, и даже на это не следовало терять времени, если

этого можно было избежать.

Все уже были в скафандрах и построились. Аварийный шлюз, окружавший выходной люк номер два, был разобран и сложен возле переборки. Насосы с утробным ворчанием начали откачивать воздух из отсеков. Переходные люки между отсеками захлопнулись. Свет погас. Единственное, что теперь могли видеть солдаты Мирского, были огни над выходными люками и фосфоресцирующее свечение гайдропов.

– Проверьте радио и локаторы, – сказал он. Каждый солдат быстро проверил свою систему связи и крайне важный сигнальный локатор.

Огни вспыхивали и гасли с полусекундным интервалом. Каждый убедился в том, что присоединен к тросу, с помощью которого будет перемещаться по отсеку вплоть до выходного люка.

Десять секунд до открытия люка. Движения корабля – рывки, толчки и повороты, вызванные беспорядочными срабатываниями маневровых двигателей – начали действовать даже на Мирского.

Он больше не слышал шум насосов. Они были в вакууме. Люки внезапно открылись, и солдаты начали вываливаться наружу, в темноту и безмолвие.

Два отделения, целью которых была первая камера – всего двадцать человек – шли в первую очередь.

Мирский был третьим. Улопов шел впереди, и Мирский держался за конец, привязанный к его бедру. За Мирского

в свою очередь держался Жадов, к боку которого было пристегнуто лазерное ружье. Все трое схватились за край люка и выпрыгнули наружу одновременно, так, как их учили, отплыв от корабля, словно группа парашютистов, шестиногая звездочка в глубокой тьме.

Глаза его быстро приспособились к темноте, и он включил локатор. На какое-то жуткое мгновение ему показалось, что все пропало; он не слышал даже каких-либо признаков сигнала. Потом послышался четкий высокочастотный сигнал маяка, установленного каким-то неизвестным соотечественником – возможно, уже мертвым, убитым американцами – в скважине, ведущей во вторую камеру.

И он мог различить маленькое пятнышко света – вход в первую камеру.

Вокруг плавал мусор. Что-то ударилось о его скафандр, измазав его грязью. Откуда-то сочились темные капли. В луче фонаря его шлема мелькали большие куски металла, части разорванной переборки и вибрирующие листы стали... корабль!

Запутавшийся в чем-то невидимом впереди, тяжело покачивался остов одного из транспортников, муха, пойманная в паутине, окруженный плавающими телами, большинство из которых были без шлемов. Мимо проплывали части конечностей и туловищ.

Их всех окружил нимб ослепительного света. Лучи мощных прожекторов прошлись по кораблям и солдатам, мерт-

вым и живым. Жадов отпустил конец Мирского, и Мирский инстинктивно потянулся к его оружию, но вместо этого схватился за его руку. Тело сильно дернулось, чуть не оторвав Мирского от Улопова. Скафандр Жадова был пробит, и вырвавшийся наружу воздух крутил его, словно выпущенный из рук воздушный шарик. Мирский последним усилием дотянулся до оружия, схватил его и передал Улопову.

(Перед его глазами возникла четкая как реальность картина – даже более четкая; он стоял на травяном поле и созерцал этот кошмар. Он поднял свой парашют с желтой травы и тряхнул головой, улыбаясь собственному воображению).

Солдаты заполнили скважину, их были сотни, и всюду вокруг он инстинктивно ощущал невидимые лазерные иглы и пули, искавшие цель, пронзавшие, уничтожавшие.

Мирский подтянул к себе Улопова и обвел вокруг лучом фонаря своего шлема, в поисках стены, к которой они должны были приближаться. Ее не было видно. Гибель Жадова сбита их с курса.

– Воспользуйтесь ракетницей, – сказал он майору, – Сейчас мы разделимся.

– Ш-ш... артошка, – сухо прокомментировал майор; микрофон, включавшийся голосом, глотал первый звук каждой фразы. – Ш-ш... арче чем в печке. Ш-ш... аверное, печеная. Ш-ш... елаю успеха, товарищ полковник!

Мирский отпустил конец и выстрелил из своей ракетницы. Его бросило в сторону от запутавшегося в паутине осто-

ва и жутких тел. Он убрал ракетницу и включил дисплей в своем шлеме. Перед его глазами на светящемся экране появился маяк и его собственное положение по отношению к нему. Он выстрелил еще раз, как делали сотни его товарищей – сколько сотен, он не мог сказать.

Внезапно он вспомнил номер погибшего корабля, который теперь был далеко позади. Это был лунный корабль – на нем были те, кто совсем недавно упорно тренировался, готовясь к боевым действиям в условиях низкой гравитации. Лучшие из них.

Мирский, который теперь был один со своим сигналом и ракетницей, не зная, сколько его людей позади или впереди него, летел вдоль скважины к маленькому кружку света.

– Они прорвались, – сказал Киршнер, ударив ладонью по подлокотнику кресла. – В скважине нет ничего, кроме трупов и обломков. Три транспортника отступили; остальные мы, вероятно, обезвредили. Никто, однако, не уходит – они не могут вернуться домой.

– Пилоты будут ждать, пока нас всех не возьмут в плен, – устало сказал Герхардт по интеркому. Сейчас он руководил эвакуацией гражданских групп в четвертую камеру.

– Похоже, вы не в лучшем настроении, Оливер, – сказал Киршнер. – Теперь ваша очередь.

– У нас есть несколько передач из Персидского залива, – сказала Пикни. – Мы можем их расшифровать. Капитан, хо-

тите послушать?

– Давайте, – сказал Киршнер.

Мужской голос, звучащий почти механически после обработки сигнала, произнес:

– Один К, здесь Килл Семь, Один К, здесь Килл Семь, выпущен круг дыма; повторяю, выпущен круг дыма. Вампиры, количество четырнадцать, радиус пятьдесят километров, источник Тургенев, малая платформа. Повторяю, четырнадцать вампиров. Шесть убито. Начата вторая чистка. Дымовой круг, направленный огонь, девять убито, применены ножи, одиннадцать убито. Три вампира, двадцать километров. Вампиры наступают. Сообщено экипажам саламандр. Стартовала Морская Звезда. Приведены в готовность Морские Драконы. Два вампира, шесть километров. Начата третья чистка. Сейчас идет пена. Охраны нет, ножи внутри судна. – Пауза. – Два вампира, три километра. – Снова пауза, затем мягко: – До свидания, Ширли.

– Это крейсер «Хаус», – спокойно сказал Киршнер, потирая руками глаза. – Он погиб.

– Вот еще, – сказала Пикни. – Побережье Омана.

– Давайте, – сказал Киршнер, глядя на Лэньера.

Киршнер вздрогнул, когда сообщение оборвалось.

– Я должен был бы быть там, – сказал он. – Прямо посреди этой бойни.

– Сколько ОТМ-ов вылетело с Шестнадцатой Станции? – спросил Лэньер.

– Кроме ОТМ-45, пять. Три летят к нам. Два к Луне.

– Предупредите эти три, что нас атакуют и, возможно, мы не сможем их принять. Предложите им повернуть к Луне.

– Если они смогут это сделать, – сказала Пикни.

Эвакуация с околоземных орбитальных платформ и других станций уже началась. Война расширялась; не только орбитальные платформы, но и исследовательские и промышленные станции становились мишенями.

– Похоже, ситуация выходит из-под контроля, – горько сказала Пикни.

– Конечно, – сказал по интеркому Герхардт. – Только идиот или кто-то очень отчаянный может думать иначе. Гарри, вы сделали все, что могли. Вы нужны мне через несколько минут в первой камере. Я сейчас возвращаюсь.

Глава 24

Патриция Васкес спала на койке у края палатки, вымотавшись после семи часов интенсивной работы. Два электронных блокнота, процессор с расширителем и несколько десятков листов бумаги усеивали пол палатки вокруг койки.

Патриция, Кэрролсон, Фарли, Ву и Цзян – и, конечно, Хайнеман на АВВП – составляли единственную группу, которой не был ограничен доступ в первую и четвертую камеры. Лэньер решил, что ее работа слишком важна, чтобы полностью ее прекращать.

Ей снилась кондитерская на Земле. Она отказывалась от соблазна купить трубочку мороженого. Сон трансформировался, и теперь она стояла у доски в большой аудитории, пытаясь объяснить трудные для понимания проблемы толпе непослушных студентов. Они начали швырять в нее куски мела. С абсолютным ощущением реальности она смотрела, как мел ударяется об уравнения на доске. «Хватит! – кричала она. – Перестаньте!» Суматоха в аудитории утихла. Она подняла с пола кусок мела и обвела те части уравнений, которые были отмечены меткими попаданиями. Конечно, сказала она, это должно доказывать...

Кэрролсон трясла ее за плечо. Патриция отбросила в сторону пряди черных волос и заспанными глазами взглянула на нее.

– Мы должны ехать в четвертую камеру, – сказала Кэрролсон.

– Почему? Я работаю...

– Работа закончена, дорогая. Нас ждет машина. Китайцы тоже едут. Мы все уезжаем. Вставайте! – тон ее голоса был горьким. Патриция подняла с пола свою сумку и записала в нее электронный блокнот, блоки памяти, мультиметр и процессор. Кэрролсон сделала движение, будто намеревалась выбить сумку из ее рук, потом отступила на шаг, обхватив плечи руками. – Теперь все это уже не нужно. – сказала она. – В самом деле не нужно.

По щекам Кэрролсон потекли слезы, капая на грудь ее комбинезона.

– Все говорят об этом, – продолжала она. – Я сама не видела, но через ту приставку для перехвата спутниковых программ идет передача.

Патриция прижала сумку к груди и побежала следом за Кэрролсон к машине, ругаясь на ходу.

Как глупо она вела себя, думала она той частью своего разума, куда еще не добралась реальность. Как истерично. Так или иначе, она уже знала. Она должна была быть готова.

Кэрролсон, Ву и Цзян забрались в машину позади нее. Фарли въехала на пандус, и машина скрылась в туннеле.

Глава 25

Мирский был в ужасе. Толкаемый вперед ракетными двигателями, из которых периодически вырывалось легкое и быстро рассеивающееся облачко перекиси водорода, он стремился к радарному маяку. Со всех сторон его ждала земля; желудок подсказывал ему, что он падает во всех направлениях одновременно. Впереди было серо-черное пространство. Облака окружали его сверху, снизу, сзади, спереди. Он не мог закрыть глаза – необходимо было следить, чтобы сигнал маяка приходился на центр дисплея в шлеме.

В поле его зрения попали несколько десантников, выхлопы ракетниц которых напоминали инверсионный след самолета, летящего во влажном воздухе. «Сколько их?» – спросил он сам себя. Какие контрмеры могли предпринять американцы?

Он должен преодолеть этот всеохватывающий ужас, это пространство без верха и низа и влететь во вторую скважину. Лишь во второй камере он сможет отойти от оси и развернуть свой экран-парус, руководствуясь обычной картой, которая должна была появиться на дисплее в шлеме.

Страх медленно превращался в радость. Самый длинный прыжок, который он совершал на Земле, длился шесть минут; это было лучше, чем секс, лучше того дня, когда он получил свои крылья. Но здесь он летел без остановки, ускоря-

ясь с каждым новым выхлопом, десять минут, пятнадцать.

Даже если бы он погиб до посадки, это стоило бы того. Увидеть место, где земля была небом, где он мог падать в любом направлении – это стоило того. Стоило даже кошмара скважины и плавающих растерзанных тел его товарищей с раздувшимися в вакууме синевато-багровыми лицами и жуткими побелевшими, вылезшими из орбит глазами.

– Ш-ш... олковник Мирский, это вы?

– Да! Назовите себя.

– Ш-ш... лопов. Я видел других с нашего корабля – и еще сотни! Они парят как ангелы, полковник. Ш-ш... тррч... ервые группы уже опускаются, взгляните назад, ш-ш... тррч... олковник.

Мирский осторожно изогнул шею, продолжая следить за сигналом маяка, потом посмотрел назад и вниз. Он увидел маленькие белые точки – парашюты – в голубоватой дымке над поверхностью камеры. Повернувшись еще, он увидел других, в другом секторе – они опускались, как и планировалось, чтобы взять под контроль входы в лифты у южной стены первой камеры. В нем росла гордость. Кто еще мог когда-либо добиться такого успеха? Историческое событие!

Он видел более темную дыру в центре надвигающейся стены. Запас воздуха в их скафандрах был ограничен двумя часами – сколько еще пройдет времени, прежде чем он сможет начать спуск?

В комплексе четвертой камеры Ленора Кэрролсон оказалась от попыток как-то организовать членов научной группы. Большая часть сотрудников службы безопасности была поднята по тревоге, оставив казармы, кафетерии и территорию эвакуируемым.

Патриция сидела в кафетерии, оцепенев и прислушиваясь к время от времени оживающим громкоговорителям. Сигналы с внешних спутников по-прежнему передавались через скважину на ретрансляторы у входа в каждую камеру. Слышалось электронное щебетание роботов, спокойно жертвующих собой на орбите, в поисках аванпостов и боевых станций. Входя в земную атмосферу, они обнаруживали миллионы людей, пытающихся сдержать эскалацию, что ныне приводило лишь ко все большему числу смертей.

Ситуация вышла из-под контроля, подумала Патриция.

Судороги. Последнее движение умирающего или конвульсии трупа. Сан-Диего, Лонг-Бич, Лос-Анджелес, Санта-Барбара. Судороги.

Фарли и Цзян рыдали, обнявшись. Ву молча и бесстрастно сидел на столе подобно изваянию. Римская стоял в углу с бутылкой виски – почти наверняка контрабандного, – прикладываясь к ней каждую минуту, пока не свалился.

Несколько сотрудников внешней охраны, возвращаясь к старым шуткам, старым оценкам и догадкам, спокойно обсуждали, кто побеждает, кто все еще в состоянии сражаться, чьи военные базы будут уничтожены следующими. «Подвод-

ные лодки под полярными шапками?» – «Нет – обе стороны будут держать их в резерве, на потом». – «Что – потом?» – «Кто знает?» – «А пошли они все...»

Судороги.

Она закрыла глаза, словно попыталась спасти картину своего дома, исчезающего во внезапной вспышке света и радиации, оставляя обугленный остов.

А внутри – слегка защищенные тенью дома, зажаренные жариво, но не совсем обуглившись, а затем превращающиеся в мельчайший пепел под действием ударной волны...

Рита и Рамон.

Фарли подошла к Патриции и похлопала ее по плечу, выводя из задумчивости.

– Мы не можем вернуться, – сказала она. – Инженеры говорят, что сейчас не осталось ни одного космопорта. Ванденберг, – Космический центр Кеннеди, даже Эдвардс уничтожены. Мы не можем добраться и до Луны – не хватит кораблей и топлива. Никто не прилетит сюда десять, а то и двадцать лет. Так считают инженеры. В Китае, возможно, сохранилось несколько подходящих площадок, но на орбите нет челноков для встречи ОТМ, даже если мы сможем улететь.

К ним присоединился Ву.

– От Китая ничего не осталось, – сообщил он. – Россия все еще сбрасывает бомбы. Все города, в которых я когда-либо бывал, теперь уничтожены. В свое время мы в школе изучали основы гражданской обороны. Мы знали, куда должны

упасть бомбы – русские и, может быть, даже американские. Для каждого города – свои бомбы.

– Когда похороны? – спросил кто-то.

Никто не засмеялся, стало тихо. Удивительно неуместная шутка. Однако, когда кто-то умирает, должны состояться похороны.

Но если умерли или умирают миллиарды людей?

Кэрролсон села рядом с Патрицией.

– Вот и все, – лаконично сказала она. – Уэйн погиб, и наш сын тоже. Они уже мертвы, я уверена. Знаете, скоро наступит адская боль. Чтобы привыкнуть к этому, потребуются... – Ее губы дрогнули, на щеках выступили красные пятна, словно сыпь. – Римская выжрал всю выпивку, ублюдок.

– Я иду в библиотеку, – заявила Патриция.

– Нельзя. Запрещено.

– Я должна что-то делать.

– Конечно. – Но никаких предложений не последовало.

– Эй, у нас новые картинки с внешних камер! – крикнул кто-то. Выкатили широкоэкранный видеопроектор и подключили его к центральному ретранслятору кафетерия.

Патриция не смотрела на экран. Она видела картины грандиозного пожара, снятые со спутников и лунных телескопов в библиотеке Пушкинки. Где-то на Земле – в Вашингтоне или Пасадене, в офисе Хоффман – вокруг этих изображений царствовало разрушение, которое они изображали – роковое гибельное кольцо.

Однако Кэрролсон смотрела, сузив глаза и сжав губы.

Один за другим вспыхивали города. Атмосфера над каждым взрывом покрывалась рябью, словно гигантский стальной шар падал в пруд.

Над западным полушарием, над Атлантикой, распространилось сияние ярче зари, сначала желтое, потом пурпурное, потом зеленое.

Весь мир был охвачен пожаром, пламя перескакивало от города к городу, с континента на континент.

Люди теперь имели значение не большее, чем булабочные головки.

Глава 26

Герхардт и Лэньер стояли возле солдат, охранявших вход в нулевой лифт. Герхардт поднес к глазам бинокль.

– Крохотные пятнышки, – сказал он. – Словно москиты. Большая часть спускается сюда, но некоторые, похоже, уходят. – Он передал бинокль Лэньеру.

– Они двигаются ко второй камере.

Холодный ветер, несшийся от купола, шевелил волосы Лэньера. Он следил за двумя пятнышками, двигавшимися вдоль оси, затем опустил бинокль ниже, чтобы взглянуть на защитные сооружения вокруг двух научных комплексов.

– Да... Они считают, что у нас сил больше, чем в действительности.

Он снова поднял бинокль и значительно ниже, возле южного купола, увидел более крупные белые точки.

– Парашюты, – сказал Лэньер. – Некоторые сейчас уже в атмосфере.

– Господи, что за сила, – пробормотал Герхардт и схватился за рацию. – Южный туннель! Они двигаются в вашу сторону. Скважина, будьте внимательны.

Лэньер никак не мог сосредоточиться. Он продолжал думать о происходящем: неужели они разожгли мировой пожар лишь для того, чтобы добиться преимущества здесь? Они надеются, что удержат ситуацию под контролем, сохраняя

число жертв на уровне Малой Гибели? Внезапно ему стало плохо при мысли о тысячах нереальных моделей поведения, существовавших лишь в воображении политиков, военных, патриотов, предателей, бойцов и...

Ему хотелось уползти куда-нибудь и уснуть.

Он не мог изгнать из своего воображения образ Хоффман, которая ехала в Ванденберг на своей машине, надеясь избежать этого безумия, прыгнуть с гибнущего самолета и оказаться здесь; но ей это не удавалось – она оказывалась в эпицентре.

– Знают ли они? – спросил он.

– О чем? – поинтересовался Герхардт.

– Знают ли русские, что наступила Гибель?

Герхардт, который никогда не был в библиотеке и не знал того, что знал Лэньер, хмуро посмотрел на него.

– О чем вы, Гарри?

Лэньер показал вверх.

– Еще немного, и они победят, но знают ли они, что верховного командования уже нет?

– Кто-нибудь из руководства наверняка выживет, – заметил генерал.

– Оливер, какое это имеет значение?

– Черт побери, имеет! – закричал Герхардт, брызгая слюной. Он вытер подбородок рукавом комбинезона, трясая головой, и отвернулся, покраснев. – Не уходите, Гарри. Нам нужен каждый, кто может помочь.

– Я готов сражаться, – сказал Лэньер.

– Вам не впервой, верно? – Тон Герхардта был напряженным и жестким.

– На суше – впервые. – Модели поведения. Нет отдыха, нет конца – даже после Судного дня. – Где мое оружие?

Русские прорвались через вторую скважину, несмотря на заградительный огонь. Были еще погибшие, но немного...

Перестанет ли он когда-нибудь падать?

Мирский повернулся, чтобы взглянуть на город...

Он никогда еще не видел такого города!

...Ракетные двигатели отбросили его на сто метров от скважины, на двести, на триста. Он нашел ориентир – нулевой мост через реку – и оттолкнулся от оси Картошки по направлению к разреженному свечению плазменной трубки.

Другие десантники уже свободно проходили сквозь границу атмосферы. Инструктор заверял, что это безопасно, если не медлить, но Мирский доверял лишь собственному опыту. Он не мог разобрать, живы или нет его товарищи – они были слишком далеко, чтобы различить детали. Они превратились в карликов! Как несколько сотен солдат смогут командовать объектом площадью с республику?

Пока он падал, удаляясь от оси, перспектива менялась очень медленно.

Полковника вовсе, не удивляло, насколько эгоистичны были сейчас его эмоции и насколько его переполняла нена-

висть. Он и раньше много раз испытывал подобные чувства – во время тренировок или чудовищных тестов на выживание. Это были эмоции солдата в час битвы, жесткие и горькие, с примесью страха, но при явном преобладании эгоизма.

Он был сейчас не в состоянии думать о государстве, о Родине, о революции, однако не стыдился этого.

Только падение. Падение по спирали внутри огромного цилиндра, вращавшегося вокруг него. Он старался придерживаться ориентиров, пользуясь своими ракетами. Тишина – даже шума ветра не слышно. Мирский подготовил аэродинамический экран, разворачивая и закрепляя его сегменты.

Потом он заметил, что его сносит на несколько градусов в сторону от моста, и скорректировал полет, еще раз выстрелив из ракетницы. Отсутствие каких-либо ощущений было настолько полным, что сводило с ума... А он падал всего лишь минуту или около того, очень медленно...

Он почувствовал – возможно, лишь в воображении – звон в ушах и понял, что проходит через плазменную трубку. Ниже, всего в нескольких сотнях метров, за ограничительным барьером, лежали верхние слои атмосферы. Мирский поудобнее устроился под экраном и закрепил ремнями руки и ноги на вогнутой внутренней поверхности. Под каким углом он ни войдет в атмосферу, экран должен сложиться вокруг него, принимая форму с наименьшим сопротивлением. Он будет камнем падать сквозь верхние слои атмосферы, пока не услышит свист своего падения. Тогда он освободится от

экрана и начнет пятнадцати или шестнадцатикилометровый затыжной прыжок, раскрыв парашют лишь в двух-трех километрах от поверхности. Падая, он будет меньше весить, и толчок вовсе не будет сильным.

Какой-то солдат помахал рукой, оказавшись рядом – полковник не разобрал, кто именно, рассмотрев лишь знак различия шестого батальона с «Роллс-Ройса». Мирский помахал в ответ и приблизился к десантнику, чтобы помочь ему подготовить экран. Солдат поднял экран – сложенный, разорванный в клочья ударом пули – и, пожав плечами, отбросил его в сторону. Они должны были соблюдать тишину в эфире, но солдат воспользовался ракетным ранцем и подлетел так близко, что можно было читать по губам.

– Я смогу выжить без него?

– Не знаю. Сожмись в комок и подставь воздуху спину... если сможешь.

Общаться таким образом было трудно, и Мирский показал, как следует поступить – насколько это было возможно из-за экрана, – подтянув к себе колени и обхватив их руками.

Парень кивнул и поднял вверх большой палец. Они разделились – солдат падал медленнее из-за броска в сторону Мирского. Мирский увидел, как тот выстрелил еще раз, чтобы отдалиться от поверхности купола, к которой его сносило, и занялся подготовкой ко входу в атмосферу.

Он проверил свое положение относительно моста. Еще одна коррекция. Теперь чувствовалось некоторое давление

на экран. Вибрация, слабые толчки.

Он еще раз выстрелил, затем отстегнул и выбросил ракетный ранец. Куда он упадет, полковника не волновало, лишь бы не на него самого.

На какое-то мгновение, занятый подготовкой и охваченный предвкушением того, что предстояло, он снова бросил взгляд на город и подумал о том, в чем же, собственно, состоит тайна Картошки. Почему они сражались за нее? Что она могла им дать?

Как может прореагировать Запад на кражу самого ценного их достояния? Или на попытки (он слышал разговоры об этом) уничтожить их орбитальные платформы и спутники-шпионы?

Как бы прореагировала в тех же обстоятельствах Россия? Он содрогнулся.

Экран дернулся и прикрыл Мирского. На какое-то мгновение он потерял сознание, потом пришел в себя от сокрушительного удара и высокого колеблющегося свиста.

Он падал.

Экран снова развернулся, вставая на дыбы, но теперь был ориентирован в одном направлении. Полковника прижало к внутренней поверхности, выворачивая колени и локти, и он лишь надеялся, что ему не переломает кости. Это было более жестоко, чем падения с трехметровой высоты на тренировках. Он чувствовал во рту вкус крови – нижняя губа почти прокушена. От боли Мирский зажмурился...

(...он складывал свой парашют на золотистой траве, улыбаясь жаркому солнцу, ища взглядом своих товарищей и прикрывая глаза рукой, чтобы разглядеть далекую точку транспортного самолета...)

...и упал. Он поспешно отстегнул экран. Воздух ревел во круг. Он оттолкнул от себя экран, и тот унесло прочь.

Получилось!

Все остальное было лишь простым упражнением по за-тяжным прыжкам с парашютом. Он раскинул руки и ноги, чтобы стабилизировать падение. Мост все еще был лишь черточкой над сине-черной рекой. Действительно ли это тот самый мост – нулевой?

Да! Виднелось крохотное пятнышко будки охраны непо-далеку, а также линии обороны и огневые точки, защищен-ные мешками с песком. И он не мог отклониться так далеко, чтобы пересечь треть камеры... Он был там, где нужно, даже слишком близко – следовало бы несколько отойти в сторону.

Теперь за его шлемом мягко шумел ветер. Он проверил лазер и автомат и быстро осмотрел пояс со снаряжением.

Момент раскрытия парашюта следовало определить на глаз. Не было смысла отсчитывать от оси, поскольку все па-дали с разной скоростью. Он вытянул большой палец. Его размер покрывал длину моста.

Мирский дернул за кольцо, и парашют выскочил наружу, вздулся, опал и вздулся снова, разворачиваясь в форме упа-ковки сосисок.

Мирский схватился руками за стропы, потянул сначала с одной стороны, потом с другой, выравнивая направление.

Он с облегчением увидел, что приземлится примерно в пяти километрах от цели. Если здесь не значительно больше людей, чем сообщалось, и в камерах не стоят автоматические орудия с лазерным прицелом, которых, как утверждал информатор, у них не было – вероятно, его не смогут сбить.

Он увидел других, опускавшихся рядом с ним и над ним. Лишь несколько человек летело ниже. Всего их были сотни.

Мирский попытался сдержать слезы и не смог.

Глава 27

– Где Патриция? – Ленора Кэрролсон окинула взглядом столовую.

– Не знаю, – сказала Фарли. – Она только что была здесь.

– Нужно найти ее. Я пойду.

Так или иначе, Кэрролсон нужно было выйти; она не была уверена, что сможет выдержать.

Она вышла под свет плазменной трубки и огляделась по сторонам. Увиденное потрясло Ленору. На фоне темно-серого южного купола, словно снег, падали маленькие белые точки – сначала десятки, затем сотни. Мимо пробежал морской пехотинец с двумя «эплами».

– Смотрите! – крикнула она, показывая вверх, но никто не обратил на нее внимания. Морской пехотинец вскочил на подножку одного из перегруженных военных грузовиков, выезжавших из комплекса.

Кэрролсон тряхнула головой. Она чувствовала себя пьяной от горя и гнева; ее тошнило от любой более или менее разумной мысли. Сейчас все это было непозволительной помехой. Требовалась ясность мыслей, и требовалось найти Васкес.

С противоположной стороны комплекса от станции отошел поезд. Она взглянула на часы. По расписанию остановка в четвертой камере в два часа. Платформа была пуста; воен-

ные не пользовались поездами – только грузовиками. Поезда, управляемые автоматикой, ходили, как всегда.

– Боже мой! – внезапно сообразила Кэрролсон поняв. Патриция хотела вернуться в библиотеку. Какую она имела в виду?

К ней подбежала Фарли.

– Вторжение, – потрясенно сказала она. – Парашютисты. Русские солдаты. Космонавты. Кто бы они ни были, они высадились в первой и во второй камерах. И здесь тоже.

– Я видела. – Патриция уехала в библиотеку. Мы должны найти ее...

– Как? Поезд ушел. Следующий будет через полчаса. Мы не можем воспользоваться машиной – все заняты.

Кэрролсон никогда не чувствовала себя столь беспомощной и выбитой из колеи. Она стояла, сжав кулаки и глядя на южный купол. Большая часть парашютов уже скрылась за горизонтом.

Патриция уставилась на сиденье впереди, прикусив нижнюю губу. Поезд никто не охранял – либо по недосмотру, либо преднамеренно.

Она спала с тех пор, как покинула Землю. Возможно ли это – попасть в ловушку сна?

«Во сне ты можешь делать все, что угодно, если знаешь, как управлять, как создавать и командовать...»

И уравнения, о которые ударялись куски мела...

Если то, что она видела в уравнениях, было истинно, тогда именно в этот момент существовало пространственное искривление, где сидел в кресле отец, читая «Тьемпос де Лос Анджелес», и коридор проходил прямо рядом с ним. Она только должна отыскать нужную дверь, нужную секцию коридора, и найти там Риту и Рамона, Пола и Джулию.

Патриция с трудом могла дождаться, когда расскажет об этом Лэньеру. Он наверняка обрадуется. Римская будет горд, что рекомендовал ее. Она разгадала загадку коридора; во сне последние кусочки головоломки встали на свое место – не больше, не меньше.

Она может забрать всех домой.

Поезд подъехал к остановке, она вышла и поднялась по лестнице вверх.

– Мисс Васкес?

Патриция повернулась и увидела человека, которого до сих пор не встречала. Он сидел на каменном цоколе у входа в подземку. Волосы его были черными и короткими, и на нем была облегающая черная одежда.

– Извините, – сказала она, глядя куда-то мимо незнакомца. Она была полностью захвачена напряженной работой мысли. – Я вас не знаю. Я не могу задерживаться.

– Мы тоже. Вы должны отправиться с нами.

Из-за перекрытия появилось высокое существо с узкой, как доска, головой и выпуклыми глазами. Его плечи покрывала серебристая ткань; кроме нее, на нем больше ничего не

было. Шкура его была гладкой, как хорошо выделанная кожа, и такой же коричневой.

Патриция уставилась на него, и вся ее внутренняя сосредоточенность испарилась.

– Здесь, кажется, начинается какая-то заварушка, верно? – поинтересовался человек.

Патриция заметила, что у него есть нос, но отсутствуют ноздри. Глаза его были светло-голубыми, почти белыми, а уши – большими и круглыми.

– Извините, – сказала она более мягко. – Я не знаю, кто вы такой.

– Меня зовут Ольми. Мой компаньон – франт. У них нет имен. Надеюсь, вы простите наше вмешательство. Мы очень внимательно наблюдали за всеми вами.

– Кто вы?

– Я жил здесь много веков назад, – объяснил Ольми. – А до меня – мои предки. Между прочим, вы можете быть одним из моих предков. У нас нет времени на разговоры. Мы должны уходить.

– Куда?

– В коридор.

– В самом деле?

– Там мой дом. Франт и его народ происходят из другого места. Они... если сказать, что они работают на нас, это будет не совсем точно.

Франт серьезно кивнул.

– Пожалуйста, не пугайтесь, – сказал он голосом, напоминающим голос большой птицы – низким и переливчатым.

По окрестностям третьей камеры пронесся ветерок от северного купола, шелестя кронами близлежащих деревьев. Следом за ветерком появилась плавных очертаний машина, около десяти метров в длину, формой напоминающая сплюснутый конус со срезанным носом. Она изящно проплыла вокруг башни и опустилась на вершине центрального пилона.

– Вы проделали весьма значительную работу, – заметил Ольми. – Там, где я живу, есть люди, которых это очень интересует.

– Я хочу домой, – сказала Патриция. Она вдруг поняла, что разговаривает, словно потерявшийся ребенок с полисменом. – Вы полицейский? Охраняете города?

– Не всегда.

– Пожалуйста, пойдите с нами, – попросил франт, выступив вперед на своих длинных странно изогнутых ногах.

– Вы меня похищаете?

Ольми протянул руку – словно упрасывая или давая понять, что сие от него не зависит. Патриция не поняла, что именно он имеет в виду.

– Если я не пойду добровольно, вы меня заставите?

– Заставить вас? – Это его озадачило. – Вы имеете в виду, силой? – Ольми и франт посмотрели друг на друга. – Да, – подтвердил Ольми.

– Тогда я лучше пойду сама, ладно? – Казалось, эти слова говорит какая-то другая, неизвестная до сих пор Патриция, спокойная и имеющая большой опыт анализа кошмарных видений.

– Пожалуйста, – сказал фронт. – Пока здесь не станет лучше.

– Здесь никогда уже не станет лучше, – заявила она.

Ольми изящным жестом взял ее под руку и повел к открытому овалному люку в плоском носу машины.

Внутри было тесно. Машина имела форму расширяющейся сзади буквы Т; окраска стен напоминала абстрактные волны полированного мрамора, всюду были белые кривые. Ольми взялся за мягкую перегородку и растянул ее, преобразуя в койку.

– Пожалуйста, прилягте.

Она легла на мягкое ложе. Вещество под ней затвердело, приобретя очертания ее тела.

Узкоголовый, коленками назад фронт пробрался в хвостовую часть и устроился на собственном ложе. Ольми выдвинул в проход напротив Патриции кресло и сел в него, коснувшись своего ожерелья.

Он плавно провел рукой по выступу перед собой, и искривленная поверхность внезапно превратилась в переплетение черных линий и красных окружностей. Рядом с Патрицией появилось длинное вытянутое окно; края его были молочно-белыми, словно заледеневшее стекло.

– Мы сейчас отправляемся.

Город третьей камеры плавно заскользил мимо. Машина накренилась, и окно заполнила сплошная серая поверхность северного купола.

– Я надеюсь, вам действительно понравится там, куда мы едем, – сказал Ольми. – Я вырос, восхищаясь вами. У вас выдающийся разум. Я уверен, что на Гексамон вы тоже произведете впечатление.

– Почему у вас нет ноздрей? – спросила Патриция словно откуда-то издалека.

Позади них франт издал звук, словно скрежещущий зубами слон.

Глава 28

Советские войска, которым предстояло выполнить задачу во второй камере, опустились на двухсотметровую парковую полосу, отделяющую реку от южного купола. Десант перегруппировался по обеим сторонам нулевого моста, примерно, в трех километрах от берега. Связь между отрядами была вполне удовлетворительная.

Группа Мирского укрылась среди сучковатых елей. Разведка сообщила, что мост усиленно охраняется и охрана вскоре будет увеличена. Аатаковать нужно было немедленно. Снаряжение еще не было сброшено с «Жигулей» – транспортника номер семь, – и три четверти десанта еще не могли сражаться в полную силу. Проход через скважину был страшен, а из тех, кто пережил его, почти каждый двадцатый не смог справиться с затыжным прыжком.

Войска были готовы к гибкой перегруппировке; оставшиеся в живых сержанты составляли из порядевших отрядов новые. У Мирского было в непосредственном подчинении лишь двести десять солдат и никакой надежды на подкрепление. Никто не знал, сколько людей осталось в живых после высадки в других камерах.

Двадцать диверсионных групп спецназа, прикомандированных к батальону Мирского, переплыли реку и установили наблюдение за городом второй камеры.

Они находились здесь уже два часа. Войска НАТО у моста не предпринимали никаких наступательных действий; это беспокоило полковника. Он знал, что лучший способ обороны – немедленная и разрушительная атака. Натовцы вполне могли атаковать, когда его люди находились в воздухе; вероятно, они растерялись и еще не привели в готовность свои силы.

Между его группой и целью располагался лес и несколько широких каменных сооружений неизвестного назначения. Они являлись достаточным укрытием для его войск, но в любую минуту могли превратиться в смертельную ловушку.

Зев – генерал-майор Сосницкий – удачно прошел скважину, но при спуске, когда его парашют порвался на высоте сто метров, сломал обе ноги. Теперь он лежал без сознания под действием обезболивающего в небольшой рощце, и его охраняли четверо солдат, без которых Мирский с трудом, но мог обойтись. Замполит Белозерский, конечно же, тоже остался в живых, и держался поблизости, словно не теряющий надежды стервятник.

Мирский провел несколько недель вместе с Сосницким в Москве, в период подготовки. Он с уважением относился к генерал-майору. Сосницкий, которому было около пятидесяти пяти лет, смотрелся на тренировках, как тридцатипятилетний; Мирский ему понравился, и он, несомненно, каким-то образом поспособствовал его быстрому повышению на Луне.

Во второй камере не высадился никто в звании выше полковника, кроме Зева. Фактически это означало, что взять на себя командование предстояло Мирскому. Гарабедян тоже не пострадал – и это придавало Павлу некоторую уверенность. О лучшем заместителе не стоило и мечтать.

Мирский подвел три отряда к каменному сооружению, находящемуся, примерно, в километре от моста и занимавшему около трехсот квадратных метров. Плоский верх не давал никакой защиты. Двухметровая высота позволяла идти за сооружением в полный рост, однако этого было недостаточно. Мирского беспокоили угол стрельбы и возможности, которые предоставляло искривление поверхности камеры. Есть ли у противника лазеры или орудия большой дальности? Если да, то его людей можно легко перестрелять, где бы они ни прятались.

Мирский нацелил антенну на южную скважину и искал сигнал ретранслятора. Найдя его, он передал сообщение подполковнику Погодину в первой камере, спросив, сколько у того людей и какова ситуация. Погодин летел на «Чайке» вместе с Невом.

– У меня четыреста, – ответил Погодин. – Нев погиб. Полковник Смирдин тяжело ранен. Вероятно, он не выживет. Мы захватили два комплекса и взяли десять пленных; контролируем нулевой лифт.

Майор Рогов из четвертой камеры сообщил, что у него сто человек, но ни один объект не взят; туннели усиленно обо-

роняются. Он предполагал переправить своих людей на остров на резиновых плотках, взятых в зоне отдыха; Лев не пережил столкновения «Шеви» с заграждениями в скважине. Полковник Евгеньев погиб, а комбат Николаев пропал без вести.

Погибло все командование.

В Мирском снова начала расти ненависть, сжимающая горло и обжигающая желудок.

– Развернуться в цепь и наметить цели, – приказал он командирам отрядов с ближней стороны моста, затем махнул рукой обеим сторонам и скрылся за сооружением, чтобы дать указания другим группам.

Треск очередей встретил его людей, когда они выскочили из укрытия и рассеялись группами по двадцать человек между деревьями и зданиями по обе стороны от Мирского. Нельзя было сказать, какое количество лазерного оружия использовали; оно действовало бесшумно и невидимо, если только воздух не был влажным или пыльным. Полковник взял рацию и связался с капитаном, командовавшим отрядами по другую сторону моста.

– Перекрестный огонь, – последовал его приказ – Стремительно атакуем и отходим.

Затем Мирский вызвал три других отряда и распределил их вдоль берега, где они заняли огневые позиции в лесу и позади круглого сооружения.

В бинокль он мог различить за пластиковыми щитами ли-

да обороняющихся. У его людей таких щитов не было; лишь на бинокле имелась защита от лазерного ослепления – если у обороняющихся были такие системы. Почти любое лазерное орудие можно было перестроить так, чтобы создать заграждение из ослепляющих лучей. Было немало видов вооружения, которые войска НАТО могли иметь и могли использовать и которых у него не было...

Обороняющиеся расположили мешки с песком линиями, параллельными дороге, ведущей на мост. Не на всех позициях были люди; если бы он успел вывести свои войска на эти рубежи, прежде чем позиции будут полностью укомплектованы личным составом, путь к мосту был бы открыт.

Мирский приподнялся, еще раз осмотрел позиции, а затем опустился на землю, чтобы передать распоряжения отрядам на другой стороне. Чудовищный треск расколол воздух; глаза полковника расширились, и он подсознательно приготовился к смерти. Он должен был предвидеть, что у американцев имеется некое совершенное и смертельное секретное оружие; они чертовски хорошо умели заставить врасплох...

Снова раздался треск, затем послышался невероятно громкий голос. Голос говорил по-русски с сильным немецким акцентом, но слова звучали четко.

– Военные действия бессмысленны. Повторяем, военные действия бессмысленны. Вы можете остаться на своих позициях, но не двигайтесь дальше. То, что вы слышите – приказ. На Земле произошел разрушительный обмен ядерными

ударами.

Мирский покачал головой и снова включил рацию. Он не мог тратить время на выслушивание...

– У нас достаточно оружия и людей, чтобы уничтожить вас. Это бессмысленно. Среди нас находятся ваши соотечественники – русская научная команда. Кроме того, имеется подтверждение от ваших товарищей с транспортных кораблей. Вы можете связаться с ними; они ждут за скважиной.

Мирский нажал кнопку передачи и отдал приказ об атаке. Затем он приказал оставшимся отрядам занять берег реки и соединиться с теми, кто находился у основания моста. Укрытие там выглядело надежным: оказавшись под мостом, они могли стрелять вдоль американских заграждений, сложенных из мешков с песком, и предотвратить появление там людей.

– Воевать с нами бесполезно. Наше высшее командование погибло или лишено связи с нами, возможно, на годы. Ваша смерть будет бессмысленной. Вы можете оставаться на прежних позициях, но подтвердите свое согласие, иначе мы откроем огонь.

Потом послышался другой голос, искаженный, но знакомый – это был подполковник Плетнев, командир соединения транспортных кораблей. Либо он капитулировал, либо все еще находился за скважиной. Предположение, что он его взяли в плен, исключалось: он бы скорее погиб, чем сдался живым.

– Товарищи! На Земле идет война между нашими странами. Громадные разрушения как в Советском Союзе, так и в Соединенных Штатах. Наш план больше не действует...

Черт с ним! Мирский подвел своих людей еще ближе к мосту. Взять эту цель, затем следующую, а затем, может быть, и поговорить...

– Ш-ш... омандир Мирский, – прохрипела его рация. – Мост пересекают дополнительные силы противника.

Снова началась стрельба, и Мирский впервые в жизни услышал крики умирающих.

Глава 29

Хайнеман беспокойно заерзал в пилотском кресле АВВП, прислушиваясь к переговорам на русском, английском и немецком языках. Ретрансляторы в скважинах автоматически передавали радиосигналы повсюду. Почему их не отключили? Возможно, что и отключили – возможно, это русские ретрансляторы.

Он увел трубоход как можно дальше от любой мыслимой опасности и сейчас находился в тысяче километров по коридору, в неизменном положении относительно сингулярности, чувствуя свою бесполезность. Он запрограммировал процессоры связи на прослушивание всех диапазонов и прием всех сообщений, включая одновременные – в дальнейшем можно было воспроизвести их по отдельности. Через скважину поступала даже некоторая видеоинформация.

Хайнеман успел увидеть пламя пожара, опустошающего Землю, прежде чем сигнал пропал.

Совершенно случайно он обернулся и заметил скользкий белый отблеск. Что-то плавно проплыло над его головой в противоположную сторону. Что бы это ни было, оно, казалось, двигалось по спирали вокруг плазменной трубки, оставаясь внутри слоя плазмы и отбрасывая хорошо различимую тень на фоне общего сияния.

Внутри Камня не было других летательных аппаратов –

по крайней мере, он не слышал ни об одном. Сомнительно, что у русских есть нечто достаточно совершенное для того, чтобы следовать столь сложным курсом.

Что же это, в таком случае?

Буджум. Прямо посреди всей этой заварушки Хайнеман увидел своего первого буджума. «Вот так всегда и бывает...» Он включил системы слежения.

На какое-то мгновение на экранах появилось четкое изображение и даже компьютерное увеличение общих очертаний летательного аппарата. Он был гладким и напоминал затупленную стрелу. Удалось записать около пяти секунд информации, прежде чем система слежения внезапно потеряла цель.

Патриция ощущала внутри себя ледяной холод. Она смотрела сквозь прозрачную стенку машины Ольми на пронесшийся мимо рыжевато-коричневый и бледно-серый пейзаж. В ней боролись две личности. Одна, значительно более сильная, подавляла любой порыв или реакцию. Вторая была знакомой, любопытной, даже слегка веселой Патрицией. Если бы она заговорила, победила бы вторая Патриция – далекая, наблюдающая как бы со стороны, пытающаяся разобраться в происходящем. Но первая личность полностью овладела ею, и она молчала. Она даже не поворачивала головы – просто смотрела на стены коридора, которые, вращаясь, пронеслись мимо.

– Вы хотите есть или пить? – спросил Ольми. Она не ответила. – Вы устали, хотите поспать?

Молчание.

– У нас есть немного свободного времени. Несколько дней. До Аксиса миллион километров Пути – коридора. Пожалуйста, скажите, если вам будет что-либо нужно...

Он посмотрел на франта, но получил в ответ лишь поворот одного глаза, означавший, что компаньон ничего не может предложить.

Патриция чувствовала, как все разваливается на части; все ее непомерные тщеславие и надежда не могли сдержать этот неизбежный распад. Ее плечи затряслись. Она глянула на Ольми и быстро отвернулась. В глазах ее, казалось, все расплылось; когда она тряхнула головой, из глаз закапали слезы, плавая в воздухе. Она медленно подняла руки и поднесла их к лицу; слезы растеклись по пальцам и ладоням.

«Все уходит, все...»

Стало тяжело дышать.

– Пожалуйста, – прошептала она.

«Они мертвы. Их больше нет. Ты не спасла их».

– Пожалуйста.

– Мисс Васкес...

Ольми протянул руку, но убрал ее, когда она резко отодвинулась.

– Ах, Боже мой!

Ее тело содрогнулось, и она разрыдалась. Что-то разрыва-

лось в груди, перед глазами стояла темнота, в которой плыли неровные красные пятна. Она обхватила плечи руками и раскачивалась назад и вперед на своей койке, согнув спину, сжав зубы и прикусив губу.

Позвоночник отказывался ей подчиняться, колени судорожно прижались к груди.

«Что это, припадок?»

Это горе.

Это потеря. Это тяжкая истина. Это не самообман».

Ольми не пытался ее успокоить. Он смотрел на женщину, оплакивавшую мир, потерянный – для его народа – тринадцать веков назад. Древняя женщина, древняя агония.

Патриция Луиза Васкес оплакивала погибшие миллиарды и неизвестную ему жизнь.

– Она как открытая рана, – заметил франт, передвигаясь вперед и садясь возле Ольми. – Я бы хотел помочь, но не могу.

– Никто не может помочь, – сказал Ольми.

Несмотря на тринадцать столетий, Гибель оставила неизгладимый след в душе его народа. Он понял это, когда наблюдал за Патрицией, выискивая различия. В огне Гибели возник Нексус, и пришли к власти надериты... Какие из их предрассудков, какая часть добровольной слепоты были отдаленным эхом боли Патриции?

– Если помочь невозможно, мне больно об этом думать, – сказал франт.

Глава 30

Герхардт принес рулон карт из своей временной штаб-квартиры.

– Под их контролем оказалась южная часть первой камеры – включая научные комплексы – и лифты, ведущие к южной скважине. Во второй камере все еще идет бой, но атака, похоже, отбита – Беренсон направил туда половину своих людей из четвертой камеры, как только была объявлена тревога. Они пересекли мост под мощным огнем. В третьей камере все спокойно, в четвертой силы русских невелики. – Герхардт расправил карту. – У нас недостаточно сил, чтобы их уничтожить, а они не состояниии идти дальше. И пока что они не ответили на наше предложение о переговорах.

– У нас остались люди в приемных зонах? – спросил Лэньер.

– Да, и они могут продержаться там несколько месяцев – мы не успели переправить оттуда последний груз продовольствия и оборудования. Четвертая камера может обеспечить сама себя, и солдаты Беренсона определенно держат ее под контролем, так что, похоже, единственная проблема – первая и вторая камеры. У наших солдат запасов, примерно, на две недели. Если мы не сбросим им продовольствие с оси – сейчас рассматривается такая возможность, – может начаться голод.

– Как обстоят дела с их транспортами?

– Мы не пропускаем их внутрь. На одном, как мы подозреваем, имеется тяжелое оборудование, которое должно быть сброшено во вторую камеру. Мы не хотим, чтобы они провалились через заграждение. Они не особо счастливы, но еще несколько дней могут без особых проблем подождать.

– Они готовы сдаться?

Герхардт покачал головой.

– Нет. Плетнев обратился к нам с небольшой речью, но сдаваться пока не собирается. Он предложил договориться о прекращении военных действий. Экипажи транспортных кораблей хотят присоединиться к своим товарищам. Они знают, что не могут вернуться домой, и я подозреваю, что они знают о бойне в скважине и об огромных потерях.

– Чертовски отчаянный маневр...

– Так или иначе... он не сработал, – мрачно заметил Герхардт. – Но это создало проблемы. Что касается нас, то Камень представляет собой закупоренную бутылку. Дело не в том, что нам очень хочется его покинуть, поскольку идти все равно некуда, даже если бы возможность и была. Меня лично беспокоит спецназ. Убийцы и диверсанты могли рассеяться по второй камере и доберутся до нас через несколько дней. У нас не хватит сил удержать их за пределами третьей и четвертой камер. Это мерзкие типы, Гарри, беззаветно преданные делу и хорошо обученные. Чем дольше мы будем ждать, тем больше они истощат наши силы.

– Значит, во второй камере положение безвыходное? – спросил Лэньер, нервно оглядывая карты.

– Везде. Никто не собирается двигаться с места. Единственное, что будет увеличиваться – количество жертв.

– Вы думаете, они об этом знают? Я имею в виду, они допускают это?

– После того, как они прошли этот путь, учитывая необходимую подготовку, я думаю, мы спокойно можем сказать, что они отнюдь не идиоты.

– Как насчет недовольных?

– Я сомневаюсь, что у них, да и у нас есть недовольные.

– Сколько еще пройдет времени, прежде чем они начнут прислушиваться к голосу разума?

– Черт возьми, Гарри, возможно, они прислушиваются уже сейчас, просто никак этого не показывают. Мы высовываем голову, они начинают стрелять, и наоборот.

Сержант стоял перед своими начальниками с озабоченным выражением лица, исцарапаного кустарником. Он отдал честь и кивнул в сторону Мирского.

– Товарищ полковник, они обнаружили в скважинах наши трансляторы. Мы не можем связаться с другими камерами.

– А теперь вопрос, – сказал Мирский. – Означает ли это, что они готовы опустить руки и пригласить волков в овчарню?

Гарабедян взял у него бинокль и обвел взглядом панораму

перед мостом, до которого было около километра. Затем он посмотрел на пробитый снарядами, обожженный лазерами мост – поврежденный, но все еще функционирующий – и вернул бинокль.

– Павел, – сказал Гарабедян, – мы должны перерезать этот мост, как ты считаешь?

Мирский неодобрительно посмотрел на своего заместителя.

– А как мы будем переправляться? Придется идти пешком пятьдесят с лишним километров до следующего моста или перебираться вплавь.

– Но тогда они не смогут переправиться и не смогут получить подкрепление из этой камеры...

– Да, но подкрепление может прийти из первой камеры. Мы понятия не имеем, сколько их там.

– Загнанных в ловушку...

– Мы не будем трогать мост, – решил Мирский. – Кроме того, мы не можем себе позволить еще терять людей в результате необдуманных действий. Или терять их от пуль снайперов, когда мы будем переправляться вплавь!

– Это была просто идея.

– Я не испытываю недостатка в идеях, Виктор. Мне не хватает лазерных орудий и артиллерии. Очевидно, «Жигули» со всей нашей артиллерией и боеприпасами не смогли пробиться и теперь уже не смогут, так как они, очевидно, усилили охрану скважин – ведь ретрансляторы обнаружены. Оче-

видно, наш агент схвачен, а русская научная команда ничего не предпринимает либо добровольно, либо потому, что они изолированы. И еще очевидно, что пилотов и экипажи транспортников не слишком радует перспектива многие недели ждать, пока мы все здесь не порем.

– О чем ты говоришь, Павел? Давай прямо, – улыбнулся Гарабедян. Своей выступающей нижней челюстью он всегда напоминал Мирскому осетра.

– Мы не получаем нужной поддержки.

– Ты веришь, что на Земле началась война – и закончилась поражением?

Мирский покачал головой.

– Я верю, что мы уничтожили их орбитальные станции. Должно быть, отсюда это было неплохое зрелище...

– Павел, есть большая разница между орбитальным обменом ударами и всеобщим уничтожением.

Мирский стиснул зубы и упрямо покачал головой.

– Мы здесь для того, чтобы сражаться и добиться своей цели. В этом весь смысл.

– Спроси замполитов. Мы здесь для того, чтобы распространять идеи социализма и защищать будущее нашего государства.

– Дерьмо, – бросил Мирский, удивленный страстностью майора.

Он ненавидел замполитов. Он ненавидел всех замполитов, где бы ни служил. Майор Белозерский всегда держал-

ся позади, отдавая приказы, которые порой противоречили приказам самого Мирского.

– Ну что ж, прекрасно, они уничтожили Землю. Так что нам делать? Прекратить военные действия и – что? Возвращаться домой на пепелище? На сей раз это не маленькая драчка на школьном дворе между героем и хулиганом. Это пылающий череп с костями над всем Северным полушарием!

– Так они утверждают, и Плетнев их поддерживает. Конечно, не надо было ожидать, что нам удастся уничтожить орбитальную защиту и заставить их поднять руки вверх и просить о пощаде.

– Они все продажны, – отрезал Мирский. – Слабые и перепуганные.

– Павел, нужно трезво оценивать факты и их следствия. Не стоит недооценивать врага. Могут ли слабые и отсталые опередить нас почти во всем?

– Ох, заткнись, – простонал Мирский, пряча голову в ладонях. Он посмотрел на сержанта. – Убирайся отсюда, – устало приказал он. – Принеси мне хорошие новости или вообще никаких.

– Так точно! – сказал сержант.

– Жаль, что у нас нет штрафных батальонов, чтобы послать их в первых рядах, как священную жертву, – сказал майор. – Именно так мы выигрывали войны в прошлом.

– Не дай Бог, чтобы тебя услышал Белозерский. У меня с

ним и без того достаточно проблем – да и с тобой тоже. Мы не будем трогать мост. Это окончательное решение. И через час мы примем свои меры.

Когда Мирский говорил таким тоном, с ним никто не спорил. Гарабедян слегка побледнел, потом достал жевательную резинку и сунул ее в рот, наслаждаясь сладким вкусом.

Рация Мирского мягко щелкнула. Он включил прием и ответил.

– Товарищ командир, это Белозерский. Зев хочет говорить с вами... лично.

Мирский выругался и ответил, что будет немедленно.

– Кажется, новые потери, – сообщил он Гарабедяну.

После двадцати шести часов патовой ситуации результаты разведки были доставлены на временный командный пункт Герхардта. Лейтенант, который проводил разведку, человек с тонкими чертами лица и глубоко посаженными глазами, говорил медленно, растягивая слова в манере, характерной для уроженца Аппалачей.

– Мы обнаружили все их позиции и сосчитали людей. У них около шестисот человек, которые живы и передвигаются, насчет еще ста мы не уверены. Они потеряли многих старших офицеров – один генерал ранен или мертв, несколько полковников погибли. Остается один полковник во второй камере и два подполковника и полковник в первой. У них могут быть другие генералы – мы слышали переговоры

по радио о Зеве, Леве и Неве. Некоторые из нас считают, что речь идет о трех генералах.

– Вы можете опознать их? – спросил Лэньер.

– Нет, сэр. У них нет нашивок с фамилиями. Но мы думаем, что некоторые члены русской научной группы могли бы кое-кого узнать. Их войска очень хорошо обучены, с большой долей космической подготовки, и, возможно, у них есть знакомые среди космонавтов научной группы.

– У вас есть фотографии офицеров? – спросил Герхардт лейтенанта.

– Да, сэр, большинства из них. Достаточно четкие. Несколько хороших снимков в профиль.

– Покажите их членам русской научной группы и выясните, могут ли они помочь. Гарри, я думаю, вам следует взять на себя роль посредника. Мы поговорим с Притыкиным из русской команды – он достаточно порядочный человек. Мы позволим одному из транспортников состыковаться с нами – тому, на борту которого находится Плетнев. Если он или Притыкин смогут связаться со своим руководством по радио и если мы сможем организовать встречу, возможно, это поможет больше, чем просто голос разума.

– Посреднику надо говорить по-русски, – заметил Лэньер.

– Кто-нибудь из наших сможет помочь. Римская, или этот немецкий лейтенант, Рудольф... как его... Егер.

– Римская – это хорошо, но его знаний может не хватить на дипломатические нюансы. Егер будет полезен. Но я не

возьмусь за это дело, если не смогу работать с русскими напрямую, без переводчиков. Я могу поехать в третью камеру и позаниматься, пока вы будете договариваться с Плетневым о стыковке.

– У нас нет нескольких недель, Гарри.

Лэньер покачал головой.

– Столько и не потребуется, хватит нескольких часов. – Он глубоко вздохнул и наклонился вперед. – Не кажется ли вам, что имеет смысл покончить с секретностью?

Герхардт на мгновение задумался.

– Внутренней? Я не уверен.

– Вам самому не хочется узнать, в чем, собственно, дело?

– Конечно. Но кто возьмет на себя ответственность за снятие ограничений.

– Мы больше не являемся частью военной стратегии Земли; мы предоставлены сами себе. Можно считать, что то же самое верно и с политической точки зрения.

– Вы имеете в виду, что мы сами себе хозяева?

– Именно, – подтвердил Лэньер.

– Это банка с червями, в которую мне прямо сейчас неохота лезть.

– Хорошо, я беру на себя ответственность, по крайней мере, за один шаг. Библиотеки больше не закрыты. Информация, содержащаяся в них, доступна всем.

– Даже русским?

– Даже русским, если они заключат с нами мирное согла-

шение, – сказал Лэньер. – Я выучу русский, вы разработаете процедуру переговоров, и мы предложим им часть того, что у нас осталось.

– Киршнеру не понравится, если мы разрешим этим ублюдкам стыковку. И он наверняка не захочет идти на уступки.

– Кто отвечает за внутреннюю безопасность? – многозначительно спросил Лэньер. – И есть ли у нас выбор?

Проснувшись, Патриция обнаружила, что кабина погружена в полумрак. Она повернулась и взглянула в окно. Поверхность коридора более чем в двадцати километрах внизу была темной и покрытой рубцами. Глубокие разрезы пересекали вдоль и поперек испещренную пятнами землю; их края тускло блестели.

Повернувшись на другой бок, она оглядела кабину. Ее похититель лежал, закутавшись в сеть из мерцающих синих и зеленых огней. Между огоньками проскакивали искры, а под сетью тело окутывал полупрозрачный зеленоватый туман.

Сила тяжести в кабине была достаточной, чтобы почувствовать разницу между потолком и полом. Соскользнув со своего ложа, Патриция протянула руку, чтобы коснуться свещающейся сетки и разобраться, настоящая ли она, но ее остановил голос.

– Пожалуйста, не трогайте. – Ольми стоял в передней части кабины. Патриция перевела взгляд с фигуры на койке

на того Ольми, который только что к ней обратился. – Я – частичное воплощение, фантом. Ольми отдыхает, совершая тальзит-медитацию. Если у вас есть к нему дело, пожалуйста, позвольте мне заменить его.

– Кто вы?

– Личный фантом, дубль. Пока он отдыхает, я выполняю все его обязанности, которые не требуют физических действий. Я нематериален. Я только изображение.

– О. – Она нахмурилась. – Что он... делает? Что с ним происходит?

– Тальзит-медитация – это процесс, во время которого он окружен тальзитскими носителями данных. Его тело очищается от нечистот, а разум – от препятствий, мешающих ясности мыслей. Тальзит-данные информируют, реорганизуют, совершенствуют умственную деятельность. Это нечто вроде сна.

– Вы просто запись?

– Нет. Я связан с его мыслительными процессами, но так, что это не мешает его отдыху.

– Где?.. – Патриция чуть не сказала «буджум». Она оглянулась и увидела плоскоголовое, с вывернутыми коленками коричневое существо, свернувшееся на своем ложе и глядевшее на нее спокойными медленно моргающими глазами.

– Привет, – мелодично произнесло оно.

Патриция судорожно сглотнула и кивнула.

– Еще раз, как вас зовут?

– У меня нет имени. Я франт.

– А кто ведет корабль?

– Корабль, в данный момент, управляет собой сам. У вас, людей, наверняка есть машины, которые могут делать это, – объяснил франт уккоризненным тоном.

– Да. Конечно. – Патриция снова повернулась к фанту. – Почему коридор изменился?

– Много веков назад здесь была война. Поверхностный материал, принесенный на Путь – в коридор – был серьезно поврежден. В некоторых местах вы можете видеть сам Путь.

– Война? – Патриция посмотрела вниз на испещренный рытвинами ландшафт.

– Когда джарты оккупировали Путь, они удалились от ворот на тысячи километров. В то время ворота были заблокированы или строго охранялись. Когда Аксис попытался пройти через них и вновь установить над Путем свой контроль, джарты оказали сопротивление. Их прогнали, а этот участок, на всем протяжении до Пушинки сейчас заблокирован и пуст.

– О. – Патриция снова легла и стала смотреть на огоньки, мерцающие вокруг Ольми. Она очень устала. Глаза горели, в горле пересохло; в груди ощущалась тяжесть, а мускулы рук и ног болели от напряжения. – Я плакала, – сказала она.

– Вы проспали последние двенадцать часов, – сообщил франт. – Во сне вы были спокойны. Мы вас не трогали.

– Спасибо. Аксис – это то место, куда мы направляемся?

– Да, – сказал франт.

– Что там будет со мной?

– Вы будете почетной гостьей, – ответило изображение Ольми. – В конце концов, вы из нашего прошлого и очень умны.

– Я не люблю... суеты, – мягко возразила Патриция. – И я хочу вернуться и помочь моим друзьям. Они нуждаются во мне.

– Ваше присутствие там не является решающим, и мы посчитали, что это опасно.

– Тем не менее, я хочу вернуться. Я хочу, чтобы вы знали: вы увезли меня против моей воли.

– Мы сожалеем об этом. С вами будут хорошо обращаться.

Патриция решила, что спорить с призраком бесполезно, будь он личный или какой-то еще. Она обхватила плечи руками и стала смотреть на обожженный, почерневший ландшафт далеко внизу. Сейчас невозможно было думать о прошлом, о том, что произошло до того, как она оказалась на этом корабле. Действительно ли она хотела вернуться? В самом ли деле там было нечто, чрезвычайно важное для нее?

Да. Лэньер. Он ждал от нее помощи. Она была частью его команды. И Пол, и ее семья. Мертвые. Она нащупала письмо в кармане, а затем потянулась к сумке, в которой лежали мультиметр, электронный блокнот и процессор. Их никто не трогал.

Сосницкий умирал. Из пяти врачей, сопровождавших батальон, двоим удалось прорваться во вторую камеру, и они не собирались скрывать от генерала правду. Один из них, лысый худой, со шрамом, пересекающим пол-лица, отвел Мирского в сторону, когда тот подошел к опушке.

– У генерала внутренние повреждения, и разрыв селезенки – самое легкое из них. У нас нет ни крови, ни плазмы и нет никаких условий для операции. Он умрет через час, может быть, через два... Он сильный человек, но он не супермен.

Сосницкий лежал на боку на ложе, сделанном из рюкзаков и веток. Каждые две-три секунды он моргал; лицо его было бледным и потным. Мирский опустился рядом с ним на колени, и Сосницкий взял его за руку. Рукопожатие генерала было все еще удивительно сильным.

– Мои кости превратились в кашу, товарищ командир, – сказал он. – Как я понимаю, ни Лев, ни Нев не добрались сюда живыми. – Генерал скривил губы в гримасе или улыбке – трудно было точно сказать, – потом закашлялся. – Я собираюсь оказать вам сомнительную честь, товарищ полковник. Нам нужен командир дивизии. Другой полковник, оставшийся в живых – Велигорский, а я не хочу, чтобы командовал политработник. Вы получаете очень большое повышение, полковник, которое, возможно, не одобрила бы Земля. Но если то, о чем мы слышали, правда, то на Земле это уже никого не волнует. У меня есть свидетели – один из

них Белозерский, – и я намерен подтвердить ваше повышение по радио другим командирам батальонов, прежде чем умру. Поэтому я должен действовать быстро. С этого момента вы – генерал-лейтенант. Я передаю вам свои знаки отличия. – Он сделал это с гримасой боли на лице. – Могут возникнуть проблемы со... следующими по порядку, но таково мое желание. Я доверяю вам, генерал Мирский. Если то, что говорит командир дивизиона, верно – а это вполне возможно, – вы должны идти на переговоры. Мы, может быть, последние русские... Все остальные сгорели. В огне. – Он снова закашлялся. – Не теряйте самообладания. Впрочем, кто я такой, чтобы советовать вам, что делать? Теперь вы – генерал. Попросите Белозерского принести рацию.

Белозерский прошел мимо, бросив на него сердитый взгляд, в котором было что-то еще – что-то умоляющее. «Он еще не решил, как теперь вести себя со мной», – подумал Мирский. Генерал обратился к оставшимся в живых солдатам. Белозерский вежливо сообщил, что ретрансляторы в скважинах не действуют, но генерал, тем не менее, настоял, чтобы сообщение было передано.

– Теперь американцы знают, что у нас есть командир, – сказал он.

Через несколько минут Сосницкий впал в кому.

Мирскому потребовалось некоторое время, чтобы осознать происшедшее. Он решил, что лучше всего продолжать вести себя так же, как и прежде, так что вернулся к своим и

посоветовался с Гарабедяном.

Несмотря на ультиматум, Мирский ничего не предпринял к концу срока. Он знал, что это будет самоубийством. До сих пор еще была слабая надежда, что внезапно появится транспортный корабль и начнет сбрасывать подкрепление, но теперь надежда ушла, и вместе с ней исчезли все возможные цели.

Генерал-майор Сосницкий, конечно, был прав.

С самого начала это было крайне рискованное предприятие. Если сообщение противника было правдой (командир дивизиона Плетнев наверняка не стал бы лгать своим ради спасения собственной шкуры) – если все это было правдой, любая победа была просто невозможна.

Подошел Гарабедян с тубиком еды. Мирский отмахнулся.

– Надо поесть, товарищ генерал.

Мирский хмуро посмотрел на майора.

– Зачем? Какой смысл? Они будут держать нас здесь, пока мы не подохнем с голоду или не превратимся в лис, совершающих набеги на курятники. Мы обречены.

Гарабедян пожал плечами.

– Ладно.

Мирский отвернулся от своего бывшего заместителя, но внезапно резко выбросил руку.

– Дай сюда, ублюдок. Нечего тебе жевать.

Гарабедян усмехнулся и отдал ему тубик.

– Дрянь, – заявил Мирский, выдавливая в рот рыбный паштет. – Вкус дерьма.

– Вспомни огромные очереди за колбасой, вкус у которой был немногим лучше, – сказал Гарабедян. – Из-за чего, собственно, ты так подавлен?

– Я любил Сосницкого. А теперь он умер, сделав меня генералом.

Глава 31

Лэньер стоял в широком ярко освещенном зале библиотеки, щурясь от света. Он не сидел перед хромированной каплей уже много месяцев, однако по-прежнему не хотел этого. По своему опыту он знал, ничего страшного его не ждет, но ему казалось, что все его нынешние проблемы возникли в одном из этих кресел – том, которое было сейчас окружено отключенной аппаратурой.

Позади стояли три морских пехотинца, вооруженных «эп-плами» и «узи», из-за чего он испытывал неловкость; Герхардт настоял на том, чтобы они сопровождали Лэньера – на случай, если русский спецназ уже проник сюда.

Гарри прошел между рядами, избегая, как и Патриция, кресла, загромажденного аппаратурой. Он остановился, оглядел площадку, потом сел, опустив пальцы на пульт. Перед ним поплыли вопросы. Библиотека все еще обращалась к Лэньеру на английском двадцать первого века. Возможно, она помнила его; возможно, она знала, кто они и даже почему они здесь.

– Мне нужно выучить русский язык двадцать первого века, – сказал он. – Начала двадцать первого, до Гибели. Сколько времени это займет?

– Вы желаете научиться читать, писать, разговаривать, или все вместе? – спросил библиотечный автомат.

– Мне необходимо научиться разговорному языку на бытовом уровне и как можно быстрее. Полагаю, что чтение и письмо тоже понадобятся, если это не займет слишком много времени.

– Вы можете научиться разговорному бытовому и техническому русскому языку за два часа. Дополнительный час потребуется для того, чтобы научить вас читать и переводить.

– Тогда включите всю программу.

– Очень хорошо. Пожалуйста, расслабьтесь – вы несколько напряжены. Начнем с русского алфавита...

«Я расслабляюсь», – осознал Лэньер с некоторым удивлением. По мере того, как продолжался урок, он все глубже погружался в океан знаний. «Я наслаждаюсь этим».

Никогда не имея способностей к языкам, он, тем не менее, три часа спустя говорил по-русски, как коренной москвич.

Мускулистый, лысеющий и краснолицый командир дивизиона подполковник Сергей Алексеевич Плетнев и четыре члена экипажа покинули транспортный корабль через кормовой люк и были препровождены в шлюз первого дока. По соглашению, достигнутому в результате переговоров несколько часов назад, остальные транспорты оставались на своих позициях вне скважины.

Русские сняли скафандры и в сопровождении семи вооруженных «эпплами» морских пехотинцев направились через

посадочную площадку в центр связи. Киршнер приветствовал их – его слова переводил лейтенант Егер – и объяснил процедуру.

– Офицер, командующий вашими людьми внутри Камня, находится во второй камере. Согласно сообщению вашего генерал-майора Сос... Сос...

– Сосницкого, – закончил Егер.

– Сосницкий присвоил офицеру по фамилии Мирский звание генерал-лейтенанта. Мы должны договориться о проходе через первую камеру; ваши товарищи заблокировали нас здесь. Альтернатива – доставить вас по воздуху через ось, но я думаю, вряд ли кому-то понравится подобная идея.

Плетнев выслушал перевод и энергично кивнул.

– Я еще раз поговорю с ними, – заявил он. – Прямо сейчас.

– Вы не являетесь командиром. Они могут счесть вас предателем.

– Я могу лишь попытаться, – сказал Плетнев. – Может быть, я спущусь к ним один или с моей командой и попытаюсь убедить...

– Не похоже, что их можно убедить. Ваше обращение передавалось по радио, но они продолжали сражаться.

– Вот как? – возмутился Плетнев; лицо его покраснело еще больше. – Попробуем еще раз.

– Попробуем, – согласился Киршнер. – Во-первых, мы дадим вам связь с первой камерой. Скажите им все: в каком мы все положении, что вы планируете делать, что случилось

на Земле.

– Конечно, я не идиот. – Он посмотрел на Киршнера и протянул ему руку. – Ну и бойню вы нам устроили.

Киршнер поколебался, потом крепко пожал руку Плетнева.

– Ваши люди храбро сражались.

– Покажите, куда идти.

Пикни пригласила его в пункт связи. Она пристегнула микрофон к лацкану его куртки и настроила аппаратуру на частоту русских.

Плетнев переговорил с подполковником Погодиным из первой камеры. Егер перевел большую часть из быстрого обмена репликами.

– ...Вы не могли забыть меня, Погодин. Я был инструктором вашего класса в Новосибирске.

– Да, действительно, ваш голос похож на голос Плетнева...

– Бросьте ваши страхи! Война окончена. Мне нужно пересечь вашу территорию, чтобы поговорить с полковником Мирским – теперь генерал-лейтенантом Мирским. Можете вы разрешить... – Он бросил взгляд на Киршнера.

– Вы, один член экипажа и сопровождение из четырех морских пехотинцев, – сказал Киршнер.

– Двум нашим и четверем из них пройти?

Какое-то мгновение ответа не было.

– У меня нет связи со второй камерой или с какой-либо

другой. Наш полковник Раксаков погиб. И я не командую здесь. Старший по званию – полковник Велигорский.

– Тогда свяжитесь с Велигорским и примите решение.

Последовала минутная пауза, затем отозвался Велигорский:

– Вы можете пересечь нашу территорию без оружия. Я бы хотел поговорить с вами лично.

Плетнев вопросительно взглянул на Киршнера.

– Без оружия? Это возможно?

Киршнер кивнул.

– Тогда мы спустимся...

– На нулевом лифте в научный комплекс, – инструктировал его Киршнер, с помощью Егера. – Потребуется машина, чтобы пересечь камеру.

Плетнев передал требования. Велигорский добавил, что один из его людей будет сопровождать их во вторую камеру. После недолгого размышления Киршнер снова согласился. Затем он поговорил с Герхардтом и подтвердил решение.

– Лэньер и двое наших будут ждать на противоположной стороне моста, как только мы достигнем соглашения со старшим во второй камере, – сказал Герхардт. – Лэньер выучил русский. Мы думаем, что кто-то из русской научной группы должен пойти вместе с ним, если нет возражений.

Плетнев поджал губы и пробормотал что-то, чего немец не понял. Затем на сносном английском он спросил:

– Простите, где здесь туалет? Я неделю не снимал ска-

фандра.

Белозерский сидел на корточках рядом с Мирским, пока по громкоговорителю из лагеря противника передавались инструкции о прекращении огня.

– Все как-то очень ненадежно, – сомневался Белозерский, качая головой. – А если это дезинформация?

Мирский не реагировал. Он внимательно слушал, затем через Гарабедяна передал приказ своему батальону выполнять инструкции.

– Плетнев будет здесь через час, – сообщил он, беря сигарету, предложенную Гарабедяном. – Мы сможем допросить его со всем пристрастием. Если то, что он говорит, действительно правда – тогда начнем переговоры.

– Не может быть и речи о каком-либо отступлении от принципов, – угрюмо подчеркнул Белозерский.

– Кто предлагает отступить? – возразил Мирский. Ему не нравился этот маленький педант с плотно сжатыми губами и нервной жестикуляцией.

– Если Плетнев говорит правду, – продолжал Белозерский, – мы должны основать здесь, на Картошке, цитадель революционной законности.

– Они называют ее Камнем, – пробормотал Гарабедян.

– Картошка, – повторил Белозерский, яростно глядя на майора.

– Никто с вами не спорит, – сказал Мирский как-то уж

слишком терпеливо.

– Мы должны быть здесь равными партнерами.

– У них, в основном, женщины, – заметил Мирский. Белозерский испытующе посмотрел на него, словно тот неудачно пошутил.

– Да? Товарищ генерал, я не вижу в этом...

– Мы не можем вернуться домой, если Плетнев прав. – Чтобы претворять в жизнь революционные идеи, нужны... женщины. По-моему, это очевидно.

Белозерский не нашелся что ответить.

– Возможно, в нашей научной группе... – начал Гарабедян.

– Там почти одни мужчины, – заметил Мирский. – Помните брифинги? Очень престижное назначение – на Картошку. Только выдающиеся ученые и их ассистенты. Ну может быть, пятнадцать женщин. На семьсот солдат.

Он рассмеялся и раздавил окурок о стену.

Белозерский сидел, прислонившись к камню, и рассматривал свои руки, лежавшие на коленях.

– Не все же уничтожено в России, – пробормотал он. – Есть укрепления, бункеры. Вы наверняка о них слышали, товарищ генерал.

– Тем, кому не положено знать, ничего не скажут, – сказал Мирский. – Слухи нельзя считать реальностью.

– Но в Подлипках – секретные ангары, вертолеты, самолеты... Наверняка Генеральный секретарь, Совет обороны...

– Может быть. – Мирский ответил скорее, для того, чтобы заставить его замолчать.

– Тогда с нами свяжутся. – Белозерский горящими глазами смотрел вверх. – У нас должен быть собственный внешний канал связи. На переговорах мы должны потребовать...

– Я об этом уже думал, – прервал его Мирский. – Теперь, пожалуйста, помолчите. Мне нужно многое продумать, прежде чем прибудет Плетнев.

Машина ехала через ряды окопов и заграждений из колючей проволоки, позаимствованной в научном комплексе. Русские в нелепом арктическом камуфляже смотрели на группу; некоторые все еще не сняли шлемов. Сами скафандры были давно выброшены – они усеивали зоны высадки в первой камере, вперемежку с парашютами и телами погибших солдат.

– Никогда не участвовал в подобной операции, – вяло сказал Плетнев. – Никогда.

Майор Анненковский – представитель русских в первой камере – угрюмо смотрел в окна машины и приглаживал свои кирпично-рыжие волосы.

– Я рад, что жив, – прошептал он.

Лейтенант Рудольф Егер тихо переводил их слова двум морским пехотинцам из сопровождения. Машина проехала через КПП мимо разрушенной будки охраны и направилась к северу.

У северного конца нулевого моста Лэньер посмотрел на часы: 14.00. Морские пехотинцы кивнули друг другу, и они пошли через мост, как договаривались.

– Я лишь надеюсь, что эти проклятые мятежники держат свое слово, – сказал молодой сержант, оглядываясь на Александрию.

С помощью телекамер у выхода из скважины первой камеры Киршнер следил за машиной – на том же экране, на котором всего лишь тридцать часов назад появились картины гибели Земли. Позади него Линк подскочила в кресле и быстро настроилась на сигнал.

– Прибывает ОТМ, – сообщил внешний пост. – Не русский. Один из наших.

Линк жестикулировала одной рукой, а другой быстро нажимала кнопки.

– Капитан Киршнер, к нам идет ОТМ с Шестнадцатой станции. Он поврежден и не может лететь к Луне... Сэр, они сообщают, что у них на борту Джудит Хоффман.

Киршнер повернулся в кресле.

– Меня это не удивляет, – лаконично заметил он. – Примите их. Мисс Пикни, где я оставил свой пиджак?

Глава 32

Мирский медленно пересекал поле – не столько из осторожности, сколько для демонстрации чувства собственного достоинства и еще – для сбора информации об их потерях. Лэньер, лейтенант Егер, майор Анненковский и Плетнев приближались быстрее, и вскоре их разделяли лишь несколько ярдов. Плетнев шагнул вперед, чтобы пожать руку Мирского, затем отступил назад и в сторону.

Мирский смотрел на тела, в беспорядке разбросанные по полю. Двое лежали, наполовину высунувшись из незаконченных окопов; несколько маленьких обожженных отверстий и клочья обгорелого мяса виднелись сквозь оплавленные дыры в форме. Пока что он насчитал двадцать восемь трупов, но их было, по крайней мере, вдвое больше. Мысли переключились со стратегических размышлений на малоприятное зрелище погибших соотечественников.

Сорока одним раненым во второй камере занимались лишь двое врачей. Сосницкий умер накануне, так и не выйдя из комы. Раненые умирали по двое, по трое и четверо за день.

Мирский повернулся к Плетневу.

– То, что они передавали – ваши слова, ваша информация, – это правда?

– Да, – подтвердил тот.

– Были какие-либо распоряжения с Земли?

– Нет.

– Насколько плохо обстоят дела?

– Очень плохо, – тихо сказал Плетнев, почесывая щеку. –

Победителей не будет.

– Никаких распоряжений, ни от кого? От Совета обороны, от партии, с платформы, от оставшихся в живых командиров?

Плетнев покачал головой.

– Ничего. Возможно, мы их не интересуем.

– Вы видели бои? – напряженно спросил Мирский.

– Мы видели пылающую Россию. Вся Европа в огне.

– Кто из вас говорит по-русски? – резко спросил Мирский,

оглянувшись на Лэньера и Егера.

– Мы оба, – ответил Лэньер.

– Значит, ваши страны побеждают?

– Нет.

– Мы все свиньи, – сказал Мирский.

Плетнев покачал головой.

– Мы исполнили свой долг, товарищ генерал. Мы совершили героическую...

– Сколько кораблей осталось? – прервал его Мирский.

– Четыре, – сказал Плетнев. – А сколько людей уцелело здесь?

Лэньер, Егер и майор Анненковский ждали ответа Мирского.

– Здесь двести – нет, около ста восьмидесяти, – Мирский хмуро посмотрел на Лэньера. – Я не знаю, сколько людей в других камерах. Может быть, всего около семисот. Генерал Сосницкий умер вчера.

– Значит, теперь вы – старший, – заявил Плетнев.

– Мы можем прямо сейчас начать переговоры, – сказал Лэньер. – Я не вижу никакой необходимости продолжать борьбу.

– Да. – Мирский обвел взглядом поле, медленно качая головой. – Если мы – это все, что осталось... Воевать бессмысленно.

– Земля не погибла, полковник. Она очень тяжело ранена, но не погибла.

– Откуда у вас такая уверенность?

– Да, откуда? – переспросил Плетнев по-английски. – Значит, вы связывались со своим руководством?

– Нет, – возразил Гарри. – Я читал и видел, как все произошло. Это долгая история, генерал Мирский, и я думаю, пришло время, чтобы об этом стало известно всем.

Пока тела лежали там, где их настигла смерть, русским был гарантирован доступ в первые четыре камеры – в ответ на гарантии доступа западного персонала в комплексы и к нулевому лифту первой камеры. Договорились, что пути передвижения будут патрулировать совместные группы. После этого соглашения обломки и трупы у южного купола и

у скважины были убраны, а оставшимся русским транспортникам разрешили стыковку.

Переговоры велись в первой камере, в кафетерии первого научного комплекса. Половина жилых помещений второго комплекса была временно отдана русским. Белая разделительная линия между секторами охранялась с одной стороны пятью морскими пехотинцами, с другой – пятью усталыми десантниками.

Русские подчеркивали, что могли бы вывести большую часть своих солдат из первой камеры и претендовать на большой участок в четвертой.

Герхардт беседовал – с помощью Лэньера и Егера с Мирским. Полковник Велигорский – мрачный статный человек средних лет с черными, как смоль, волосами и зелеными глазами – давал Мирскому советы политического характера. Майор Белозерский все время крутился неподалеку. Третий замполит, майор Языков, был направлен в четвертую камеру в составе русской инспекционной группы.

Они работали в течение всего вечера второго дня перемирия. Во время перерыва на кофе и обед в дверях кафетерия появился Киршнер вместе с гостем и двумя охранниками. Лэньер взглянул на вошедших и медленно опустил чашку с кофе.

– Похоже, вы не слишком нуждаетесь в помощи, – улыбнулась Джудит Хоффман.

Она была бледна, волосы находились в необычном для нее

беспорядке. На ней был большой – не по размеру – комбинезон. Одна рука была забинтована, в другой она держала ящик для личных вещей с челнока. Не говоря ни слова, Лэньер оттолкнул кресло и, подойдя к Джудит, крепко обнял ее. Русские смотрели на них с легким удивлением; Велигорский что-то прошептал Мирскому, и тот кивнул, выпрямившись в кресле.

– Боже мой, – прошептал Лэньер. – Я был уверен, что вам это не удастся. Вы даже не представляете, как я рад вас видеть.

– Надеюсь. Президент уволил меня и весь департамент четыре дня назад... Я воспользовалась некоторыми прежними привилегиями и на следующий день внеочередным рейсом вылетела на Шестнадцатую станцию. Попасть на ОТМ было нелегко. Я стала персоной нон грата с точки зрения политиканов, и это беспокоило высшие чины, но в службе челнока нашлись два человека, которые согласились контрабандой доставить меня на борт. Мы уже заправились и готовились взлететь, когда... началась война. Нам удалось стартовать с шестью эвакуированными на борту за мгновение до того как... – Она судорожно сглотнула. – Я очень устала, Гарри, но я должна была увидеть вас и дать вам знать, что я здесь. Не как ваш начальник – просто я здесь. Со мной еще девять человек: шесть гражданских и три члена экипажа. Дайте мне поспать, а потом скажете, чем я могу помочь.

– Мы еще не разработали систему взаимоотношений. Мы

даже не знаем, кто мы – застава, территория, нация? – сказал Лэньер. – Здесь у вас будет полно работы. – Глаза его увлажнились. Он вытер их тыльной стороной ладони и улыбнулся Хоффман, потом показал на стол переговоров. – Мы разговариваем. Военные действия закончены – пока и, возможно, окончательно.

– Я всегда знала, что вы хороший администратор, – заметила Хоффман. – Гарри, мне нужно поспать. Я по-настоящему не спала с тех пор, как мы покинули станцию. Но... я кое-что привезла с собой.

Джудит Хоффман поставила ящик на стол и открыла замки. Подняв крышку, она высыпала на стол пакеты с семенами. Некоторые из них скользнули на сторону русских. Мирский и Велигорский, казалось, были ошеломлены зрелищем. Мирский взял пакет с семенами ноготков.

– Пожалуйста, берите, что хотите, – предложила Хоффман. Она взглянула на Лэньера. – Теперь это для всех нас.

Киршнер взял ее за локоть и увел.

Лэньер вернулся к столу и сел, ощущая все значение только что случившегося. Белозерский, стоявший позади Велигорского и Мирского, с нескрываемым подозрением смотрел на кучу семян.

– Мой замполит хочет знать, получали ли вы какие-либо распоряжения от любых сохранившихся правительственных учреждений, – сказал Мирский. Егер перевел Герхардту.

– Нет, – ответил Лэньер. – Мы все еще действуем по соб-

ственному усмотрению.

– Мы знаем женщину, с которой вы разговаривали, – ровно сказал Велигорский. – Она – агент вашего правительства и проводник вашей политики на этом астероиде.

– Да, это так, – подтвердил Лэньер. – И когда она почувствует себя лучше, то присоединится к переговорам. Но она была... – он поискал подходящее слово, – освобождена от должности накануне Гибели.

Он подумал о том, как легко пришло ему на ум это название, обозначавшее прошлое – не будущее.

– Когда она прилетела? – спросил Мирский.

– Не знаю. Недавно.

– Мы настаиваем на том, – заявил Белозерский, – чтобы любой оставшийся в живых из стран Варшавского Договора был также принят на астероиде. Как военные, так и гражданские.

– Конечно, – сказал Лэньер. Герхардт согласно кивнул.

– А теперь, – продолжил Гарри, – приступим, возможно, к самому важному. Разоружение и территориальные права...

– Мы разработаем черновой вариант этих соглашений и ратифицируем документ позже, – предложил Мирский.

– Мы настаиваем на суверенитете всех стран Варшавского Договора на этом астероиде, – встрял Белозерский. Велигорский поджал губы. Мирский резко отодвинул стул от стола и повел Белозерского в угол. Там произошел обмен тихими, но возбужденными репликами, причем Белозерский бросал

яростные взгляды на Лэньера и Герхардта.

Мирский вернулся один.

– Я командую советскими солдатами и гражданами, – подчеркнул он. – Я – главный участник переговоров.

Кабинет и спальня Лэньера были разграблены, но не слишком сильно повреждены за время оккупации. Он проспал пять часов, потом позавтракал в кафетерии.

Киршнер встретил его у главного входа в женский коттедж.

– Я отправляюсь в скважину, – сообщил он. – Там все та же жуткая картина. Мы сейчас спускаем вниз тела погибших – наших и их. Запланирована ли какая-либо похоронная церемония?

– Мне предложили организовать ее в течение ближайших суток. Впрочем, у нас значительно больше дел, чем оплакивать мертвых...

Киршнер поджал губы.

– Не так-то легко иметь дело с этими ублюдками.

– Надо же с чего-то начинать. Как Хоффман? Ей удалось поспать?

– Судя по тому, что я слышал, да. Два ваших астронома забрали ее к себе и выгнали вон меня и охрану. – Он сузил глаза и кивнул в сторону кафетерия. – Какова будет моя роль после того, как вы закончите?

– Полагаю, капитана ВМС США, – сказал Лэньер, – от-

ветственного за внешнюю безопасность. Я не намерен преподнести им Камень на блюдечке.

– Они согласились разоружиться?

Лэньер покачал головой.

– Пока нет. Они хотят организовать лагерь в четвертой камере, а затем уже обсудить разоружение. Сегодня днем я беру Мирского с собой в поездку... в библиотеки, в города.

– Боже мой, я бы хотел поехать с вами.

– У вас скоро будет такая возможность. Что касается меня и Герхардта, мы не ставим никаких препятствий. Никакой монополии.

– Даже в седьмой камере?

– Со временем. Они об этом еще не спрашивали.

Киршнер приподнял брови.

– Им не говорили?

– Я понятия не имею, о чем говорили их военным. Конечно, очень скоро они обо всем узнают. Русская научная группа не вполне ассимилируется с солдатами – по-видимому, военные не пользуются уважением с их стороны. Но слухи распространяются быстро. – Он помолчал. – Есть что-нибудь с Земли?

– Ничего. Какая-то радарная активность в Северном Ледовитом океане – возможно, несколько надводных кораблей. Почти ничего не видно. Дым покрывает большую часть Европы, Азию, Соединенные Штаты. Им не до нас, Гарри.

Киршнер пересек комплекс и взобрался в машину, на-

правлявшуюся ко входу в нулевой лифт. Лэньер постучал в дверь общежития. Ответила Дженис Полк.

– Входите, – пригласила она. – Она проснулась, и я только что принесла ей немного поесть.

Хоффман сидела на кровати в небольшой комнате. Берил Уоллес и лейтенант Дорин Каннингэм, бывший руководитель службы безопасности комплекса, сидели на стульях напротив нее. Голова Дорин была забинтована – последствия лазерного ожога, который она получила перед сдачей первого комплекса

Они встали, когда вошел Лэньер; Каннингэм начала было отдавать честь, но сразу же с глупой улыбкой опустила руку.

– Простите, леди, нам с господином Лэньером нужно поговорить, – сказала Хоффман, ставя полупустой стакан с апельсиновым соком на самодельный столик.

Когда они остались вдвоем, Лэньер сел, пододвинув стул поближе.

– Думаю, я готова к инструктажу, – сказала Хоффман. – Я ничего не знаю с тех пор, как покинула Землю. Это было примерно так, как показывали библиотеки?

– Да, – подтвердил Лэньер. – Начинается Долгая Зима.

– Понятно. – Она сжала нос двумя пальцами и энергично его потерла. – Конец света. Все, что мы знаем. – Она вздохнула: вздох грозил перейти в рыдание. – Дерьмо. Самое важное – в первую очередь.

Лэньер протянул руку, и Дорис пожала ее.

– Все подумают, что мы любовники.

Она рассмеялась и вытерла платком глаза.

– Как у вас дела, Гарри?

Он долго не отвечал.

– Я потерял мой самолет, Джудит. На мне лежала ответственность...

– Глупости.

– На мне лежала ответственность, и я делал все возможное, чтобы предотвратить войну. Мне это не удалось. Так что я не могу сказать, как у меня дела, прямо сейчас. Может быть, не слишком хорошо. Я не знаю. Я стараюсь отплатить им на переговорах. Но я очень устал.

Она коснулась руки Гарри и медленно кивнула, глядя ему прямо в глаза.

– Ладно. Вы продолжаете пользоваться моим полным доверием. Вы знаете об этом, Гарри?

– Да.

– После того как все уладится, мы все сможем в свою очередь сунуть головы в дыру в сизифовой фреске. Теперь расскажите мне о вторжении и обо всем, что произошло.

У Лэньера было смутное желание прихватить Мирского в библиотеку второй камеры одного или в сопровождении, самое большее, одного охранника. Когда он появился в кафетерии, где проходили переговоры, его ждали Мирский, Гарабедян, два политработника – Белозерский и Языков – и чет-

веро вооруженных десантников. Он быстро попросил Герхардта и Егера сопровождать его. Чтобы уравновесить силы, к группе присоединились четверо морских пехотинцев.

Они молча ехали от первой камеры к нулевому мосту во второй камере. Первую половину короткой поездки машину вел один из десантников Мирского. Пока они ехали через город, Мирский несколько раз бросал взгляд на Лэньера, словно пытался составить мнение о нем. Русский генерал-лейтенант был для Лэньера закрытой книгой; Мирский ни разу не проявил никаких личных черт. Тем не менее, Лэньер со значительно большим уважением относился к Мирскому, чем к Белозерскому. Мирский мог прислушиваться к голосу здравого смысла; Белозерский, похоже, даже не знал, что это такое.

На середине моста машина остановилась, и за руль сел морской пехотинец. Они проехали через торговый район, который Патриция называла «старомодным», и остановились на площади перед библиотекой. Один морской пехотинец и один десантник остались в машине. Они расположились в противоположных углах кабины и старательно избегали разговора.

Герхардт с помощью Егера вовлек Белозерского в беседу. Это дало возможность Лэньеру увести Мирского на несколько шагов вперед и подготовить его к тому, что ему предстояло.

– Я не уверен, говорили ли вам ваши командиры о Кам-

не, – начал он, – но сомневаюсь, что вам известна вся его история.

Мирский неподвижно смотрел вперед.

– Камень – лучше, чем Картошка, – заметил он, подняв брови. – Если это картошка, то кто мы – черви, что ли? Мне говорили, что Камень создан людьми.

– Это даже не половина всего.

– Тогда интересно будет услышать остальное.

Лэньер рассказал некоторые подробности, пока они входили в библиотеку и поднимались по лестнице на второй этаж.

В читальном зале Лэньер нашел стеллажи с русскими книгами и появился с тремя, дав одну Мирскому – «Краткую историю Гибели» – и по одной Белозерскому и Языкову.

Белозерский стоял, крепко стиснув том обеими руками и глядя на Лэньера так, словно ему нанесли оскорбление.

– Что это? – спросил он.

Языков, колеблясь, открыл свою книгу.

– Прочитайте сами, – предложил Лэньер.

– Это Достоевский, – сказал Белозерский. Он поменялся книгами с Языковым. – И Аксаков. Предполагается, что это должно нас заинтересовать?

– Возможно, если вы взглянете на дату выпуска, джентльмены, – спокойно заявил Лэньер. Они открыли книги, прочитали и резко захлопнули их – почти одновременно.

– Мы должны тщательно исследовать эти полки, – сказал

Белозерский. Перспектива явно его не вдохновляла.

Мирский держал открытую книгу в руках, перелистывая ее и возвращаясь к выходным данным, один раз – коснувшись даты пальцем. Он закрыл книгу и постучал корешком о поверхность стола, глядя на Лэньера. Библиотека второй камеры казалась, пожалуй, более темной и мрачной, чем прежде.

– Там описывается история войны, – полувопросительно-полуутвердительно сказал Мирский. – Это точный перевод английского издания?

– Думаю, да.

– Джентльмены, нам с мистером Лэньером нужно несколько минут побыть наедине. Товарищи офицеры, подождите, пожалуйста, вместе с генералом Герхардтом и его людьми, и возьмите с собой наших людей.

Белозерский положил книгу на стол, Языков последовал его примеру.

– Только недолго, товарищ генерал, – предупредил Белозерский.

– Столько, сколько потребуется, – отрезал Мирский.

Лэньер захватил с собой флягу, наполовину наполненную бренди, надеясь именно на подобную возможность. Он налил по кружке себе и Мирскому.

– Это я высоко ценю, – сказал Мирский, поднимая кружку.

– Специальное обслуживание, – рассмеялся Лэньер.

– Мои замполиты будут обвинять вас в том, что вы пытаетесь напоить меня и выкачать – так, кажется, говорят? – из меня информацию.

– Здесь не так много осталось, чтобы напиться.

– Жаль. У меня не хватает сил для... этого. – Мирский широко обвел библиотеку пустой кружкой. – Может быть, у вас они и есть, но у меня нет. Это пугает до смерти.

– Силы у вас скоро найдутся, – пообещал Гарри. – Это столь же притягательно, сколь и пугающе.

– Как давно вы об этом знаете?

– Два года.

– Думаю, стоит и другим с этим познакомиться, – сказал Мирский. – Мои люди теперь будут иметь доступ ко всему этому. Без ограничений, для всех нас – и для солдат, и для офицеров?

– Такова договоренность.

– Где вы выучили русский? В школе?

– В библиотеке третьей камеры. – Это заняло всего три часа с небольшим.

– Вы говорите, как москвич. Может быть, много лет проведший за границей, но все равно... москвич. Могу ли я столь же быстро выучить английский?

– Вероятно.

Лэньер разлил остатки бренди, и они чокнулись.

– Вы странный человек, Гарри Лэньер, – серьезно сказал Мирский.

– Да?

– Да. Вы обращены внутрь себя. Вы видите других, но не позволяете им видеть вас.

Лэньер не прореагировал.

– Вот видите? – усмехнулся Мирский. – Вы именно такой. – Взгляд русского внезапно вновь сосредоточился на Лэньере. – Почему вы сразу не рассказали об этом всему миру?

– После того как вы пробудете здесь и в третьей камере подольше, спросите себя, что бы сделали вы.

На этот раз никак не прореагировал Мирский.

– Наши народы разделяет стена горьких обид, – сказал он, с глухим стуком роняя книгу на стол. – Ее нелегко будет преодолеть. Между тем я не понимаю, что здесь происходит. Я не понимаю ни своего положения, ни вашего. Мое невежество опасно, мистер Лэньер, так что я приду сюда или в другую библиотеку, когда позволит время, и займусь самообразованием. И я буду учить английский – по вашему методу, если это возможно. Но чтобы избежать неразберихи, не стоит разрешать всем моим людям приходить сюда. Не будет ли разумным и с вашей стороны прибегнуть к подобным ограничениям?

Лэньер покачал головой, думая о том, замечает ли Мирский собственные противоречия.

– Мы пришли сюда для того, чтобы отказаться от бывшего образа жизни, а не продолжать его. Пока это зависит от меня,

библиотеки открыты для всех.

Мирский долго смотрел на него, потом встал.

– Возможно, – сказал он. – Вам намного легче говорить, чем мне. Мои люди не привыкли к столь полной информации. Некоторых моих офицеров будет пугать сама мысль о том, что подобное возможно. Некоторые просто не поверят... Они решат, что это очередная уловка американцев. Так думать очень удобно.

– Но вы знаете, что это не так.

Мирский протянул руку и коснулся книги.

– Если правда опасна, – сказал он, – тогда, возможно, она недостаточно правдива.

Участок второй камеры, где высадился батальон Мирского, принимал в свою землю тела погибших. Сто шесть американских, британских и немецких солдат, погибших в бою, лежали в мешках из фольги вдоль длинной траншеи, вырытой экскаватором археологической группы. Триста шестьдесят два русских лежали еще в четырех траншеях. Девяносто восемь советских и двенадцать западных солдат пропали без вести и были сочтены погибшими – их тела могли быть уничтожены во время боя или унесены за пределы скважины, превратившись в замороженные мумии на орбите вокруг Камня. Был установлен специальный знак в честь погибших на ОТМ-45 и на транспортниках.

Две тысячи триста человек собрались вокруг траншей.

Мирский и Герхардт произнесли речи по-русски и по-английски, стараясь говорить коротко и по существу. Они хоронили не просто своих товарищей; поскольку не было еще памятника в честь погибших на Земле, они хоронили родных друзей, далекие культуры, истории, мечты.

Они хоронили свое прошлое или, по крайней мере, ту часть его, с которой были в состоянии расстаться. Русские стояли вместе, шеренгами. Внутри их группы члены научной команды оставались изолированными, отделенными от всех.

Русские стояли молча, пока капеллан Кук и Ицхак Якоб, взявший на себя функции раввина, читали поминальную молитву и каддиш. Советский узбек-мусульманин шагнул вперед, предлагая свою молитву.

Мирский бросил первую лопату земли в советские могилы, Герхардт – в могилу солдат НАТО. Затем, без всякого плана или предупреждения, Герхардт бросил горсть в первую советскую траншею. Мирский, не колеблясь, сделал то же самое.

Белозерский смотрел на это с постоянно присутствовавшей на его лице недовольной гримасой. Велигорский стоял спокойно, с достоинством. Языков, казалось, летал в мыслях где-то далеко, и глаза его были влажными.

Вперед вышли Хоффман и Фарли и возложили венки к каждой могиле.

Когда толпа ушла, археологическая команда немедленно начала засыпать траншеи. Русские разделились, возвра-

щаяся в первую и четвертую камеры. Фарли, Кэрролсон и Хоффман присоединились к Лэньеру и Хайнеману у нулевого моста. Они смотрели, как люди идут через мост, направляясь к станциям поездов. Кэрролсон подошла ближе к Лэньеру и коснулась его руки.

– Гарри, нам нужно кое о чем поговорить.

– Я слушаю.

– Не здесь. В комплексе.

Кэрролсон посмотрела на Хоффман. Они сели в машины и пересекли первую камеру. Кэрролсон, Фарли, Хайнеман и Хоффман вместе с Лэньером вошли в пустое административное здание, где собрались на втором этаже вокруг стола Энн Блейкли.

– Похоже, плохие новости, – пробормотал Лэньер. Глаза его расширились от внезапной догадки. – О Господи, – прошептал он. – Где...

Ленора Кэрролсон перебила его.

– До сих пор вы были слишком заняты. Мы не знаем точно, что произошло, но Патриции нигде нет. Имеются сообщения, но одно из них – от русских, и ему нельзя верить. Римская услышал, когда беседовал с русской научной группой. Другое – от Ларри. Мы думали, что найдем ее, что, может быть, она просто где-то прячется, но...

Хайнеман кивнул.

– То, что я видел, похоже, лишь добавляет таинственности.

– Патриция покинула четвертую камеру в прошлую среду, – сказала Фарли. – Никто не видел, как она ушла, но Ленора убеждена, что она уехала на поезде в третью камеру.

– Она сказала, что поедет в библиотеку. Мы все тогда были немного не в себе, а Патриция воспринимала это особенно тяжело, – сказала Кэрролсон.

– Русская команда говорит, что их солдат видел летательный аппарат, приземлившийся возле одной из станций подземки в северном районе Пушкинки – станции нулевой линии, – сообщила Фарли. – В него сели два человека и нечто, что русский назвал дьяволом. Один из... людей был мужчиной, второй – женщиной, и, судя по описанию, это могла быть Патриция. Аппарат улетел. Белый, в форме пики, но с тупым носом. Абсолютно бесшумен.

Хайнеман шагнул вперед.

– Когда я был в коридоре, то видел буджума. В форме наконечника стрелы, но с тупым носом. Он летел по спирали вокруг плазменной трубки, направляясь на север.

– До сих пор у нас не было времени все это сопоставить, – сказала Кэрролсон. – Прошу извинить за задержку.

– Ничего. – Лэньер покачал головой. – Может быть, ее просто взяли в плен русские. Может быть...

– Римская опросил всех и считает, что это не так, – возразила Ленора. – В Пушкинке в это время не было никого, кроме нескольких советских парашютистов, сбившихся с курса. Никаких диверсионных групп, никого из наших военных.

Никого, кроме Патриции.

– И буджума, – вставил Хайнеман. – Это не просто совпадение, Гарри.

Лэньер продолжал качать головой.

– Все кончено. Пожалуйста. Я просто не могу больше выдержать, – простонал он. – Джудит, скажите им. Я ничего не могу сейчас сделать. Были переговоры, и...

– Конечно. – Хоффман крепко сжала его руку. – Давайте все немного отдохнем.

Лэньер потер лицо, словно хотел разгладить глубокие страдальческие морщины вокруг рта.

– Я должен был о ней заботиться, – сказал он. – Она очень важна для нас. Джудит, вы просили меня курить ее.

– Все в порядке. Вы ни в чем не...

– Черт бы побрал это место, Джудит! – Лэньер поднял кулаки и беспомощно потряс ими. – Ненавижу этот проклятый булыжник!

Кэрролсон заплакала. Фарли успокаивала ее.

– Вы ни при чем, – всхлипывала Ленора. – Вы отпустили ее под мою ответственность.

– Перестаньте, – спокойно сказала Хоффман, глядя в сторону. Хайнеман в замешательстве стоял поодаль.

– Я не намерен сдаваться. – Лэньер сжимал и разжимал кулаки. – Она не просто пропала. Ларри, можно заправить трубоход и быстро подготовить его?

– В любое время, как только скажешь.

– Джудит, я думаю, вы неправы, – сказал Гарри.

– Я не согласна. Что вы собираетесь делать?

– Я намерен довести дело до конца. Я собираюсь отправиться в безумную спасательную экспедицию, а не остаться здесь для споров с кучкой русских. Вы меня знаете. Вы знаете, что я это сделаю.

– Хорошо. Вы отправитесь на ее поиски. Есть и другие причины для полета.

– Какие?

– Мы застряли здесь, верно? – сказала Джудит. – Так или иначе, мы должны выяснить, что там, в коридоре. Ларри, АВВП исправен? Трубоход?

– Работают прекрасно, – сказал Хайнеман.

– Тогда давайте подготовим экспедицию. Но сделаем это тщательно. Хорошо, Гарри? Не прямо сейчас, но скоро?

– Хорошо, – смиренно согласился Лэньер.

– Я думаю, всем нам нужно расслабиться, поесть и отдохнуть, – сказала Фарли, отглядываясь по сторонам в поисках поддержки.

Они стояли молча, слегка потрясенные тем, как близок был к отчаянию Лэньер – и как близки к ней оказались они все.

– Я бы тоже поехала, – сказала Кэрролсон.

Глава 33

«Итак, я полагаю, тебе хочется уйти от всего этого. Почувствовать себя так, словно это где-то очень далеко».

– Да.

«Отправиться в коридор следом за ней. Зачем?»

– Чтобы спасти мою проклятую Богом душу, вот зачем.

«Ты не сделал ничего плохого».

– Земля лежит в руинах, Камень наполовину оккупирован грубыми русскими, и я потерял человека, которого мне поручено было опекать.

«Но Камень все еще на месте, и ситуация, кажется, стабилизируется...»

– Белозерский. Языков. Велигорский.

«Тупые и твердолобые. Да, с ними могут быть проблемы. Разве не следует тебе попытаться сгладить наиболее острые углы?»

– Нет.

«Ты оставишь Хоффман одну со всеми проблемами?..»

– Она меня отпустит, поскольку знает, что я на пределе. Я больше не выдержу. Я не нужен ни ей, ни Камню... Единственное, на что я способен – отправиться на поиски Патриции.

Лэньер открыл глаза и посмотрел на часы: 7.50. Он чувствовал себя, словно парализованный. Голоса продолжали

звучать в его голове – то один, то другой. Его разум пытался справиться с невыносимым и разобраться в новой ситуации.

Он продолжал думать о Земле, о людях – друзьях, коллегах, возможно, тех самых, с кем встречался несколько недель назад. Вполне вероятно, что на Земле не осталось в живых ни одного из тех, с кем он был знаком. Это выглядело естественно с точки зрения статистики, но мысль получалась крайне паскудная.

Большинство его знакомых жило в городах или работало в военных центрах. Единственным исключением был Роберт Тихаймер. Командир подводной лодки, он был женат на сестре Лэньера, умершей от инсульта за два года до того, как Лэньер улетел на Камень. Последний раз они разговаривали год спустя после ее смерти. Тихаймер мог быть все еще жив, мог затаиться подо льдом и ждать. Если он еще не принял участия в тотальном уничтожении, тогда должен охранять свои боеголовки и ждать... и ждать... следующего обмена ударами. Окончательного.

– Я вас ненавижу, – вслух сказал он, снова закрыв глаза и даже не зная, кого имел в виду. В его голове встретились три психиатра и вели беседу; один из них, типичный фрейдист, постоянно находил для каждой проносящейся мысли самую худшую и извращенную интерпретацию. «Да... И твоя мать... И что ты тогда сказал? Ты ведь имел в виду самого себя, верно?»

Второй сидел, молча улыбаясь и позволяя Гарри путаться

в смятении мыслей.

А третий...

Третий кивал и рекомендовал трудовую терапию. Третий напоминал его отца.

Это интересовало первого.

Гарри перевернулся на койке и снова открыл глаза. Ни сна, ни отдыха. Сколько потребуется времени, чтобы люди на Камне сломались? Насколько это будет серьезно? Кто будет сражаться с этой проблемой – он или Хоффман?

Но решение было уже принято. Он организовал для Хоффман большую поездку – и наткнулся в библиотеке третьей камеры на Мирского, сидевшего перед «каплей». Русского генерал-лейтенанта сопровождали три охранника, хотя, кроме них, в библиотеке никого больше не было. Мирский выглядел крайне усталым и ни на кого не обращал внимания.

Показав Хоффман на кресло в некотором отдалении от русских, Лэньер объяснил ей, как пользоваться аппаратурой. Он передал ей все ключи, и она с благодарностью приняла их.

Он сел на койке и нажал кнопку интеркома. Энн Блейкли сидела за своим столом – она по-прежнему отвечала за центральный пульт.

– Я не могу заснуть, – сказал Лэньер. – Чем сейчас занимается Хайнеман?

– Он не спит, если вы хотели узнать именно это, – отве-

тила Энн.

– Прекрасно. И, несомненно, находится в седьмой камере.

– Нет, судя по всему, он в приемной зоне южной скважины...

– Позвоните ему, пожалуйста.

– Будет сделано.

– Скажите, что я хотел бы отправиться завтра утром, в восемь ноль ноль.

– Да, сэр.

Экипаж АВВП уже был подобран: он сам, Хайнеман, Ленора Кэрролсон – возможно, единственная, без кого Хоффман трудно обойтись – и Карен Фарли. Задача была простой и ясной: они должны проделать путь максимум в миллион километров по коридору, исходя из предположения, что он простирается так далеко, кое-где останавливаясь по пути и спускаясь на поверхность. Кто знает, какова может оказаться природа коридора столь далеко на севере? Затем они должны были вернуться – с Патрицией или без нее, или с какими-либо данными о ее судьбе.

Неопределенностей хватало, но все они были из тех, к каким Лэньер относился спокойно. Ему столь долго пришлось иметь дело с кошмарами, что приключение, опасности которого были ясны и понятны, казалось ему раем.

Он оделся и уложил вещи в небольшой черный чемоданчик. Зубная щетка, бритва, смена белья, электронный блокнот с набором блоков памяти.

Зубная щетка.

Лэньер начал смеяться. Смех, казалось, усиливался, налетал волнами, пока он не обессилел. Гарри лежал, скорчившись, на койке, лицо его исказила болезненная гримаса. Наконец, он остановился, тяжело дыша, и вспомнил о туалетной комнате с маленьким душем на самолете. Он представил себя сидящим на унитазе во время полета вдоль сингулярности, и его снова охватил приступ смеха. Прошли минуты, прежде чем он смог управлять собой и сел на краю койки, глубоко дыша и потирая ноющие мышцы челюсти и щек. «О Господи», – вздохнул он и сунул зубную щетку в черный чемоданчик.

Мертвый советский десантник плавал в двадцати метрах от наблюдательного мостика в скважине седьмой камеры. Как его занесло так далеко, можно было только догадываться. На нем не было видно никаких ранений; возможно, он испугался падения и задержался возле оси, пока у него не кончился воздух. Его медленно сносило к скважине шестой камеры. Ловить его и спускать вниз не было времени. Он производил мрачное впечатление, казалось, разглядывая их с большим интересом; за стеклом шлема виднелось бледное лицо с широко открытыми глазами.

Хоффман крепко обняла Лэньера, Кэрролсон и затем – особенно эмоционально – Фарли. Хайнеман уже был на борту АВВП, состыкованного с трубоходом.

Какое-то мгновение все стояли молча, затем Хоффман сказала:

– Гарри, это не охота на диких гусей. Вы это знаете. Нам нужна маленькая мексиканка. Кто бы ее ни похитил, он должен понимать, насколько сильно мы в ней нуждаемся, и не считайте меня излишне подозрительной. Так или иначе, на вас возложена крайне важная миссия. Да поможет вам Бог.

Фарли повернулась к Хоффман.

– Вчера вечером мы приняли решение – Хуа Линь и все остальные. Мы пока не объявляли об этом, но никто не будет возражать, если я скажу сейчас. Мы будем вместе с Западным блоком. Советская научная команда сделала несколько официальных предложений, но мы решили поддерживать вас. Думаю, многие советские ученые с удовольствием последовали бы нашему примеру. Я хочу, чтобы вы знали об этом, прежде чем мы улетим.

– Спасибо. – Хоффман сжимала руку Карен Фарли. – Мы будем ждать вас – вы знаете это. Попытайтесь узнать все, что сможете. Нас здесь несколько сотен, и мы хотели бы продолжать наше дело.

– Вот почему я первая вызвалась добровольцем, – сказала Ленора Кэрролсон.

– Время не ждет, – нараспев произнес Хайнеман. – Все на борту.

– Заткнись и позволь нам проявить эмоции, – рассердилась Кэрролсон.

– Все будет прекрасно, – сказала Джудит Лэньеру, когда они снова обнялись и посмотрели друг на друга сквозь стекло шлемов.

– Поехали, – скомандовал Лэньер.

Они прицепили страховочные тросы к длинному шесту рядом с кораблем и один за другим, оттолкнувшись, всплыли в люк. В шлюзе помещалось два человека; Лэньер был последним. Когда люк был закрыт и давление воздуха выровнялось, он снял скафандр и сложил его в отделении за пультом управления шлюзом.

Поскольку пассажиров было лишь четверо, на корабле было просторно. Переднюю часть кабины заполнили ящики с научным оборудованием; Кэрролсон и Фарли сдвинули их в сторону, освобождая место. Лэньер присоединился к Хайнеману в рубке управления.

– Все топливо и воздухопроводы исправны, – доложил Хайнеман, проверяя показания приборов. – Я проверил диагностику – все работает.

Он выжидательно посмотрел на Лэньера.

– Тогда поехали, – сказал тот.

Хайнеман выдвинул пилон, на котором находился пульт управления, и закрепил его перед собой.

– Держись крепче, – посоветовал он. Затем передал по интеркому: – Леди, гигиенические пакеты находятся в карманах на спинках сидений. Я их вам не предлагаю, как вы понимаете.

Пилот нажал кнопку освобождения захватов. Медленно, мягко трубоход начал скользить вдоль гладкой серебристой трубки сингулярности.

– Еще немного.

Лэньер почувствовал, как его прижимает к креслу.

– И еще немного.

Теперь они, лежа на спине, ощущали тяжесть, а кабина внезапно встала на дыбы.

– Последнее усилие, – сообщил Хайнеман, и все стали весить в полтора раза больше, чем на Земле. – Я спущу в проход веревочную лестницу, если кому-то из вас понадобится в туалет. – Он улыбнулся Лэньеру. – Но не рекомендую пользоваться туалетом в таких условиях. У нас не хватило времени, чтобы спроектировать корабль с расчетом на комфорт. Мы остановимся, если кто-то окажется в отчаянном положении.

– Мы на это рассчитываем, – сказала Кэрролсон из кабины.

Лэньер смотрел на стены коридора, медленно, величественно движущиеся вокруг них. Впереди он сливался с жемчужным сиянием плазменной трубки... простиравшейся, возможно, до бесконечности.

– Окончательное бегство, верно? – спросил Хайнеман, словно читая мысли Гарри. – Я снова почувствовал себя молодым.

Глава 34

После того как Ольми трижды заворачивался в свою свещающуюся сетку, полностью изолировавшую его от окружающего мира, Патриция решила, что тальзит не является чем-то очень уж привлекательным. Возможно, это просто некая пагубная привычка.

Они летели уже, по крайней мере, три дня – возможно, что и пять, – и хотя Ольми и фронт были безукоризненно вежливы и искренне отвечали на все вопросы, они не отличались многословием. Большую часть времени Патриция спала, и в тревожных снах ей являлся Пол. Она часто дотрагивалась до его последнего письма, все еще лежавшего в нагрудном кармане комбинезона. Один раз она проснулась с криком и увидела, что фронт судорожно дергается на своем ложе. Ольми наполовину свесился с койки и смотрел на нее с явной тревогой.

– Извините. – Она виновато переводила взгляд с одного на другого.

– Все в порядке, – успокоил Ольми. – Нам очень хотелось бы помочь вам. Мы действительно могли бы помочь, но...

Он не закончил. Несколько минут спустя, когда ее сердце перестало бешено колотиться и она поняла, что не может вспомнить, почему закричала, она спросила Ольми, что тот имел в виду, говоря о помощи.

– Тальзит, – объяснил он. – Он сглаживает память, перераспределяет приоритеты, не притупляя разум. Он блокирует подсознательный доступ к некоторым беспокоящим воспоминаниям. После тальзита доступ к таким воспоминаниям может быть открыт лишь прямым осознанным желанием.

– О, – протянула Патриция. – Почему же я не могу получить немного этого тальзита?

Ольми улыбнулся и покачал головой.

– Вы чисты. – Мне могут сделать выговор, если я введу вас в нашу культуру, прежде чем наши ученые получат возможность изучить вас.

– Звучит так, словно я какой-то образец, – скривилась Патриция.

Франт снова издал звук, напоминающий скрежет зубов. Ольми укоризненно посмотрел на него и выбрался из койки.

– Конечно, – согласился он. – Что бы вы хотели поесть?

– Я не голодна, – отказалась Патриция, снова укладываясь на койке. – Мне страшно, я устала, и мне снятся дурные сны.

Франт смотрел на нее немигающим взглядом больших коричневых глаз. Он протянул руку, вытянул четыре гибких пальца и снова сжал их.

– Пожалуйста, – сказал он голосом, похожим на плохо настроенный орган. – Я не могу помочь вам.

– Франт всегда хочет помочь, – объяснил Ольми. – Если он не может помочь, то испытывает боль. Боюсь, что вы сушая пытка для моего франта.

– Вашего франта? Он принадлежит вам?

– Нет, он не принадлежит мне, но на время выполнения нашей задачи мы связаны узами долга. Нечто вроде социального симбиоза. У меня с ним общие мысли, а у него со мной.

Патриция улыбнулась франту.

– Со мной все в порядке, – сказала она.

– Вы лжете, – заключил франт.

– Вы правы. – Патриция с некоторым колебанием протянула руку и коснулась руки франта. Кожа была гладкой и теплой, но не упругой. Она отдернула пальцы. – Я не боюсь вас, вас обоих, – подчеркнула она. – Вы чем-то одурманили меня?

– Нет! – ответил Ольми, энергично качая головой. – Мы не имеем права на какое-либо вмешательство.

– Это так странно. Я не воспринимаю все происходящее как реальность, но не боюсь.

– Наверное, это хорошо, – заботливо сказал франт. – Пока вы не проснетесь, мы для вас лишь сон.

После этого обмена репликами они не разговаривали много часов. Патриция лежала лицом к окну, отмечая, что вид коридора снова изменился. Теперь он был покрыт линиями, напоминающими тесно расположенные автострады. Когда они двигались по спирали вокруг плазменной трубки, совершая один оборот за пятнадцать-двадцать минут, она видела, что вся поверхность коридора покрыта непонятно что означавшими изображениями. Казалось, там не было ничего

движущегося, но с расстояния больше чем в двадцать километров она не могла утверждать это с уверенностью.

Движение летательного аппарата по спирали гипнотизировало. Вздвогнув, Патриция поняла, что уже несколько минут бессознательно разглядывает новое явление. По линиям на поверхности коридора теперь ползли огоньки. Вдоль обочин «автострад» тянулись линии красных и ярко-белых бусинок. Над ними описывали дуги лучи, освещая края низко летящих дисков. Кольцеобразные заслоны высотой, по крайней мере, в два или три километра прерывали поток движения через равные интервалы, примерно, в десять километров.

– Мы приближаемся к Аксису, – сказал Ольми.

– Что это? – спросила Патриция, показывая вниз.

– Движение между внутренними воротами.

– Что такое ворота?

– Вы назвали их колодцами, когда обнаружили первый и второй пояса. Они ведут к пространствам за пределами Пути... коридора.

Патриция нахмурилась.

– Люди перемещаются между колодцами, входят и выходят из коридора?

– Да, – подтвердил Ольми. – Аксис регулирует транспортный поток на протяжении миллиарда километров.

– Но колодцы... ворота... Они, видимо, не могут открываться в нашу Вселенную, по крайней мере, не сейчас?

– Не могут, – согласился Ольми. – Теперь, пожалуйста, воздержитесь от вопросов, пока мы не прибудем на место. Слишком большое количество информации может понизить степень вашей чистоты.

– Извините, – сказала Патриция с неискренним раскаянием.

– Однако это вы не должны пропустить. – Пожалуйста, посмотрите прямо вперед, на стену над вашей койкой.

Она уставилась на гладкую белую поверхность. Ольми издал несколько быстрых щелкающих звуков; поверхность заволновалась, словно потревоженная вода в пруду. Волны разбежались в стороны, образуя широкий прямоугольник, и затвердели. Прямоугольник почернел, потом заполнился разноцветной рябью. Рябь притягивала внимание, и прямоугольная рамка расплылась, ускользя от ее взгляда.

Казалось, она летит по коридору в одиночестве. Вокруг нее совершали свой сложный путь сверкающие пульсирующие пятна света. Впереди, от одного края плазменной трубки до другого, простирался темный круг. Перерезанная этим кругом трубка меняла цвет с белого на океаническую голубизну.

– За этим барьером находится Аксис, – произнес голос Ольми. – Скоро мы получим разрешение и пройдем к нему.

Она повернула голову, и иллюзия рассеялась.

– Нет, нет, пожалуйста, – сказал Ольми. – Продолжайте наблюдать.

Его тон и выражение лица были почти по-мальчишески нетерпеливыми и гордыми. Патриция снова повернулась к светящемуся прямоугольнику.

Барьер заполнил все поле ее зрения. Он был мрачного серо-коричневого цвета, простреливаемый пульсирующими красными точками. Там, где его пересекала сингулярность, барьер светился, словно расплавленная лава.

Послышались голоса, произносившие слова, которые она не понимала, а Ольми подобным же образом отвечал.

– Нас признали, – объяснил он. – Продолжайте смотреть.

Прямо впереди часть барьера вздулась пузырем и распалась на множество красных вспышек. Они прошли насквозь.

Первым ее впечатлением было, что они внезапно оказались под водой. Плазменная трубка раздулась во все стороны, расширившись на несколько километров и сверкая океанской голубизной, которую Патриция видела вокруг круглого барьера. Поверхность коридора все еще виднелась, но стала менее различимой, и ее заливал новый цвет плазмы.

Прямо впереди на бледной нити сингулярности друг за другом висели два больших куба. На каждой поверхности была широкая горизонтальная трещина; передняя грань первого куба встречала сингулярность большим полусферическим углублением, размеченным светящимися спицами. В центре углубления была красная дыра, куда и уходила сингулярность.

За кубами находился более широкий цилиндр, вращав-

шийся вокруг своей оси – линии сингулярности. Его внешняя поверхность вспыхивала тысячами огней; на стороне, обращенной вперед, светилось пять радиусов.

Следом за цилиндром, располагались три искривленные лопасти длиной около десяти километров. Лопасти, казалось, касались плазменной трубки или поддерживали ее, заставляя освещать бело-голубым пламенем внешнюю грань каждой лопасти. Все остальное, находящееся за цилиндром, было скрыто от взгляда.

– Мы дома, – сказал позади нее Ольми. Патриция повернулась и, заморгав, посмотрела на него. – Первые сегменты – навигационный модуль и энергостанция – полностью автоматические. Вращающийся цилиндр – это Аксис Надер. Дальше находятся Центральный Город, Аксис Торо и Аксис Евклид, хотя отсюда их и не видно.

– Куда мы направляемся?

– Мы совершим посадку в Аксис Надере.

– Насколько велик город?

– Вы имеете в виду размеры или население?

– Полагаю, и то и другое.

– Он тянется на сорок километров вдоль Пути, и его население составляет около девяноста миллионов – двадцать миллионов материальных, воплощенных, и семьдесят миллионов хранятся в Памяти Города.

– О.

Патриция снова повернулась к экрану и молча смотрела,

как корабль движется вперед мимо сдвоенных кубов и вращающегося цилиндра.

– Полагаю, в ваше время вы назвали бы Аксис некрополем, городом мертвых, – продолжал Ольми. – Но для нас различие не столь существенно. Я, например, умирал дважды, выполняя свой долг перед Нексусом.

– Вас оживили? – спросила Патриция.

– Меня снова сделали.

Она не отвернулась от экрана, несмотря на то, что по спине побежали мурашки.

Премьер-министр посоветовал Ольми немедленно доложить серу Олиганду Толлеру о своем прибытии. Толлер, адвокат Тееса ван Хамфьюиса, президента Нексуса Гексамона, был радикальным гешелем, который предпочел полностью сохранить человеческую внешность. То, что его внешность не имела ничего общего с полученной при рождении – она была адаптирована для максимального проявления руководящих качеств, – не смягчило его необычного консерватизма. Более радикальные гешели, включая президента, выбрали для себя облик неоморфов, расходящийся с естественными человеческими формами.

То, что собирался сообщить Ольми, по мнению премьер-министра, должно было представлять выдающийся интерес для президента. Сам президент находился вне пределов досягаемости на долгосрочном совещании, посвящен-

ном проблеме остановки джартов; Толлер был чем-то вроде его неофициального заместителя.

Это не устраивало надеритов и даже членов группировки ван Хамфьюиса. С Толлером нелегко было иметь дело. Ольми однажды уже встречался с адвокатом, и тот ему не понравился, хотя Ольми проникся искренним уважением к его возможностям.

Кабинет Толлера находился в одном из лучших секторов Центрального Города, в нескольких минутах езды и всего в нескольких секундах спуска по шахте от Палат Нексуса, находившихся в самом ядре города. Ольми успел отдать распоряжение относительно квартиры для Патриции, но прежде чем он смог переговорить с собственным адвокатом, ему пришлось отправиться в кабинет Толлера.

Толлер обставил небольшое прямоугольное пространство в наиболее простом и приемлемом гешельском стиле. Обстановка была скромной. Основную ее тему составляли платина и сталь, и выглядела она жестко и неподатливо.

Адвокат президента не обрадовался новостям, принесенным Ольми.

– Премьер-министр не подозревал этого, когда посылал вас? – изобразил Толлер.

Символы, вспыхивающие между двумя мужчинами, исходили из ожерелий-пикторов на их шеях – устройствах, которые генерировали и отображали графоречь, развившуюся в течение веков на Пушинке и в Аксисе.

– Его информация была очень расплывчатой, – ответил Ольми. – Все, что он знал – внутри Пушинки вновь кто-то появился.

Толлер изобразил неприятную картину гнезда, кишашего змееподобными тварями.

– Это сверхважные новости, сер Ольми. Если бы они исходили от кого-то другого, я с трудом поверил бы... Но вы привезли с собой одного из них, так?

– Ее зовут Патриция Луиза Васкес.

– Настоящий... предок?

Ольми кивнул.

– Зачем вы привезли ее? Как доказательство?

– Я не мог ее оставить; она была близка к тому, чтобы разобраться, как модифицировать автоматику шестой камеры.

Толлер приподнял брови и изобразил четыре оранжевых круга, означавших удивление.

– Кто эта женщина?

– Молодой математик, которую ее начальники очень высоко ценят.

– И вы больше ничего не сделали, чтобы как-то поправить ситуацию, которую обнаружили на Пушинке?

– Ситуация там крайне нестабильна; в течение какого-то времени у них не будет возможности организовать, и я думаю, что лучше всего посоветоваться с президентом и Нексусом.

– Я проинформирую президента, но имейте в виду, что здесь у нас хватает и своих проблем. Это совещание... оно должно определить весь дальнейший курс Аксиса. Кроме того, наблюдаются определенные волнения и спекуляции среди надеритов – особенно со стороны фракции Корженовского. Если они узнают об этом... – Гнездо змееподобных тварей окружило злобное оранжево-красное сияние. – Изолируйте эту женщину и передайте полученную информацию лишь вашему непосредственному начальству.

– Она изолирована, и, конечно, я выполню свои обязанности так, как мне было поручено, – заявил Ольми. – Однако придется назначить ей адвоката.

– Мы должны по возможности избежать этого. – Толлер смотрел на него с явным подозрением и беспокойством.

– Это закон. Всем негражданам, находящимся в городе без определенного законного статуса, немедленно должен быть назначен адвокат.

– Вам вовсе незачем цитировать мне законы города, – парировал Толлер. – Я найду адвоката и назначу...

– Я его уже назначил, – перебил его Ольми.

На лице Толлера появилось выражение глубокого неудовольствия.

– Кто это?

– Сер Сули Рам Кикура.

– Я с ней не знаком. – К моменту, когда он закончил фразу, у в руках Толлера были все данные о Кикуре, готовые

к изображению и интерпретации. Он быстро просканировал их, пользуясь имплантом, и не нашел ничего, что можно было бы подвергнуть критике. – Кажется, она подойдет. Она должна будет поклясться хранить секреты Гексамона.

– Она уже имеет соответствующее разрешение.

– Мы сидим на вершине политического вулкана, – сказал Толлер. – Все, что вы сделали – привезли сюда небольшой запал для бомбы, подложенной под Аксис. Конечно же, во имя долга.

– Вы проинформируете президента? – спросил Ольми, изобразив прямоугольник – просьбу вернуться к работе.

– Как только будет возможно, – ответил Толлер. – Естественно, вы должны подготовить для нас полный отчет.

– Он готов. – Могу передать его прямо сейчас.

Толлер кивнул, и Ольми прикоснулся к ожерелью. Высокоскоростная передача заняла менее трех секунд. Толлер коснулся своего ожерелья, подтверждая прием.

Сули Рам Кикюра жила на внешних уровнях Центрального Города в одном из трех миллионов плотно состыкованных модулей, предназначенных для одиноких молодых воплощенных, занимающих среднее положение в обществе. Ее комнаты были меньше, чем казались; реальность пространства была для нее не так важна, как для Ольми, имевшего более примитивную и большую квартиру в Аксис Надере. В числе привлекательных черт Ольми она отмечала его воз-

раст и склонности, отличавшиеся от ее собственных, а также обыкновение каждый раз находить для нее какую-то интересную работу.

– Это самое удивительное из того, с чем мне приходилось иметь дело, – изобразила Сули Рам Кикура, обращаясь к Ольми.

– Я не мог и подумать о ком-либо более способном, – ответил он.

Они плавали лицом к лицу в мягком свете центрального пространства ее квартиры, окруженные сферами, на которых отображались различные интересные и успокаивающие структуры. Они только что занимались любовью – так, как делали это почти всегда, – не пользуясь ничем более сложным, чем силовое поле.

Ольми жестом показал на сферы и поморщился.

– Упростить? – спросила Рам Кикура.

– Да, пожалуйста.

Она притушила свет на всем, кроме них самих, и убрала сферы из интерьера.

Впервые они встретились, когда Ольми выяснял, как получить разрешение на зачатие ребенка. Больше всего его интересовал контакт между ним и неизвестным партнером. Это было тридцать лет назад, когда Рам Кикура лишь начинала практиковать. Она все ему объяснила. Для воплощенного гомоморфа с его положением получить разрешение было достаточно легко. Но он не пошел дальше формального за-

проса. Она пришла к выводу, что Ольми больше привлекала теория, чем практика.

Одно повлекло за собой другое. Она стала преследовать Ольми – с некоторым изяществом и большой настойчивостью, а он молча согласился с этим, позволив соблазнить себя в укромном уголке лишённого силы тяжести Центрального Парка.

Работа часто заставляла Ольми проводить годы вдалеке от дома, и их отношения многим сторонним наблюдателям казались чем-то временным, преходящим. Действительно, у нее появлялись связи и с другими, но ни одна из них не была постоянной, даже если учесть, что не было принято иметь с кем-то отношения дольше десяти лет.

Каждый раз, когда Ольми возвращался, ей каким-то образом удавалось освободиться от обязательств. Они никогда не оказывали давления друг на друга. То, что существовало между ними, характеризовалось смягченным, но очень важным для них ощущением комфорта и высокой степенью взаимного интереса. Каждый испытывал истинное наслаждение от рассказов другого о работе и думал о том, куда забросят их будущие дела. В конце концов, оба они были воплощенными и имели хорошую работу; это положение давало им значительные привилегии. Из девяноста миллионов граждан Аксиса, воплощенных или находящихся в Памяти Города, лишь для пятнадцати миллионов имелась работа, и лишь три из них работали больше одной десятой своей жизни.

– Кажется, ты уже радуешься задаче, – заметил Ольми.

– Такова моя извращенная натура. Это самое странное дело из всех, с какими приходилось сталкиваться... Несомненно, это очень важно.

– Возможно, это потрясающе важно, – сказал он притворно замогильным голосом.

– Больше не изображаем?

– Нет, давай подумаем и спокойно все обсудим.

– Прекрасно. – Ты хочешь, чтобы я была ее адвокатом. Как ты думаешь, насколько она нуждается в защите?

– Можешь себе представить, – ответил Ольми. – она чиста и невинна. Она нуждается в социальной и психологической поддержке. Когда прояснится ее статус – что, как я думаю, неизбежно, чего бы там ни хотели президент и премьер-министр, – это будет сенсация.

– Ты так спокойно к этому относишься. – Рам Кикура приказала принести вино, и три управляемых статическим полем жидких сферы всплыли в освещенное пространство вокруг них. Она протянула Ольми соломинку, и они сделали по глотку. – Ты видел Землю?

Он кивнул.

– Я спустился в скважину вместе с франтом на второй день пребывания на Пушинке. Не думаю, что изображения убедили бы меня так же, как то, что я видел своими глазами.

– Старомодный Ольми, – улыбнулась Рам Кикура. – Боюсь, я поступила бы так же. И ты видел Гибель?

– Да, – сказал он, глядя в темноту, и потер двумя пальцами черный пушок, разделявший три пряди его волос. – Сначала, правда, изображение – в скважине шел бой, и я не мог туда попасть. Но когда сражение кончилось, я вылетел на корабле наружу и все увидел.

Рам Кикюра коснулась его руки.

– Как ты себя чувствуешь?

– Тебе когда-нибудь хотелось плакать?

Она заботливо посмотрела на Ольми, пытаясь определить, насколько серьезно он говорит.

– Нет, – сказала она.

– А мне хотелось. И с тех пор хотелось много раз – при одной мысли об этом. На обратном пути я пытался избавиться от нее с помощью нескольких сеансов тальзита. Но тальзит не может излечить всего. Я ощущаю наши истоки... Истерзанный, грязный, мертвый и умирающий мир.

Он рассказал ей о горе Патриции. Рам Кикюра с отвращением отвернулась.

– Мы не можем облегчить душу, как она, – вздохнул Ольми. – У нас нет такой способности, и, возможно, мы утратили еще кое-что.

– Горе непродуктивно. Это неспособность воспринять изменение статуса.

– Есть ортодоксальные надериты, которые до сих пор могут испытывать его. Они считают горе благородным чувством. Иногда я завидую им.

– Ты был зачат и рожден органически и когда-то обладал такой способностью. Ты знал, на что она похожа, так почему же отказался от нее?

– Чтобы приспособиться.

– Ты предпочел приспособиться?

– Да – руководствуясь высшими мотивами.

Рам Кикура пожала плечами.

– Знаешь, наша гостья сочтет нас всех очень странными.

– Это ее право.

Глава 35

Буря началась с серии быстрых колебаний воздуха; над первой камерой навис толстый рваный слой облаков. Западные ученые, работавшие у нулевой дороги, делали быстрые замеры, прежде чем вернуться в грузовики. Грязь и песок взмывали вверх огромными смерчами, которые, в свою очередь, разворачивались и уступали дорогу плотным завесам пыли. Пылевые облака вздымались и перекатывались от купола к куполу, словно волны. Видеокамеры в скважине зарегистрировали это явление, но ничто не было в состоянии управлять им. В конце концов, в этой части Камня не было постоянного населени, и, возможно, управление погодой не считалось здесь необходимым.

За годы, проведенные исследователями на Камне, еще никогда не случалось природных явлений подобной жестокости и силы. Пылевые облака покрывали долину и медленно собирались в густой, непрозрачный слой толщиной в несколько километров. Водяные облака над ними становились все темнее и темнее.

К 17.00, через шесть часов после первых порывов ветра, сквозь пыль начали проникать капли дождя, превращаясь при этом большие сгустки грязи. Люди сбились в кучу в научных комплексах, встревоженные и испуганные.

Хоффман наблюдала за непогодой сквозь забрызганное

грязью окно, покусывая косточки пальцев и подняв брови. Она была рада тому, что света плазменной трубки почти не видно. Это напоминало ночь больше, чем что-либо на Камне, и она чувствовала себя сонной и довольной.

Через всю камеру пролетела молния, и инженеры вместе с морскими пехотинцами под дождем и ветром начали устанавливать на зданиях громоотводы.

В бунгало русского командования в центре второго комплекса – на бурю и темноту никто не обращал внимания. Спор о политической и командной структуре затянулся допоздна; особенно страстно отстаивали свою точку зрения Белозерский и Языков, Велигорский же оставался на заднем плане.

Мирский настаивал на военной субординации и отказывался каким-то образом уменьшать свою власть или делить ее с (он подчеркнул это) младшими офицерами.

Белозерский предложил настоящую советскую структуру – с ЦК партии, возглавляемым Генеральным секретарем (на эту роль он предложил Велигорского) и Верховным Советом.

Накануне Мирский и Погодин – старший офицер первой камеры – наблюдали за началом строительства русского комплекса в четвертой камере; было получено разрешение на вырубку густых зарослей. Инструменты были высшего класса. Здесь все было высшего класса.

Переговоры о второй камере очень накалились, когда археологи НАТО стали протестовать против возможного

осквернения того, что они считали своей епархией. Мирский бесцеремонно напомнил Хоффман, что Картошка больше не памятник, а убежище.

Это измотало его. Он был утомлен долгими бдениями в библиотеке третьей камеры – часто вместо сна, – а теперь еще это.

– Прежде всего надо разместить людей, а потом уже принимать решение о политической структуре, – настаивал Мирский. – Все, что у нас есть – временные палатки и этот комплекс, а Хоффман...

– Сука, – сухо прокомментировал Белозерский. – Она еще хуже, чем этот дурак Лэньер.

Велигорский коснулся плеча Белозерского, и тот покорно сел. Верховенство Велигорского среди политработников не удивляло генерала, но и не радовало. Мирский был уверен, что с Белозерским можно договориться, но в хитром, сдержанном и авторитетном голосе Велигорского слышался неприятный вызов.

Мог ли он каким-то образом обратить таланты Велигорского и Языкова себе на пользу?

Мирский чувствовал, как помогает ему новое образование. Или, может быть, более точно – его просвещение. Раньше он никогда бы не решился взяться за изучение столь гигантского и разнообразного источника информации. Доступ в советские библиотеки – военные и прочие – всегда был строго ограничен, и книги были доступны лишь тем, кто мог

доказать, что они ему действительно необходимы. Обычное любопытство не приветствовалось.

Генерал не был уверен даже в знании географии родной страны. История была предметом, к которому он никогда не испытывал особого интереса, за исключением истории космонавтики; то, что он узнал в библиотеке третьей камеры, полностью перевернуло все его прежние представления.

Он ничего не говорил об этом своим коллегам. Наоборот он постарался скрыть тот факт, что говорит теперь по-английски, по-немецки и по-французски и работает над японским и китайским.

– С другой стороны, – сказал Белозерский, поглядывая на Велигорского, – политические соображения всегда стоят превыше всего. Мы не должны отказываться ни от революции, ни от ее идеалов; мы – последняя цитадель...

– Да, да, – раздраженно проговорил Мирский. – Сейчас мы все устали. Давайте отдохнем и продолжим завтра. – Он оглянулся на Гарабедяна, Плетнева и Сергея Притыкина, старшего инженера научной команды. – Майор Гарабедян, не могли бы вы проводить товарищей к их палаткам и убедиться, что наши границы в безопасности?

– Мы должны обсудить больше, чем позволяет время, – возразил Велигорский.

Мирский пристально посмотрел на него и улыбнулся.

– Верно, – сказал он. – Но уставшие люди сердятся, и у них появляются дурные мысли.

– Есть и другие... вещи, которые приводят к слабости и дурным мыслям, – намекнул Велигорский.

– Действительно, – поддержал его Белозерский.

– Завтра, товарищи, – настоял Мирский, игнорируя колкость. – Нам нужно отдохнуть пере встречей с Хоффман и продолжением переговоров.

Они вышли, оставив с Мирским Притыкина и Плетнева. Старший инженер и бывший командир дивизиона сели за импровизированный стол и ждали, пока Мирский потирал глаза и переносицу.

– Вы понимаете, что случится, если Велигорский и его марионетки возьмут власть в свои руки? – спросил генерал-лейтенант.

– Их нельзя назвать разумными людьми, – сказал Притыкин.

– Я все же считаю, что около трети солдат искренне поддерживают их, и еще одна треть не поддерживает никого – это, в основном, недовольные. Я командир, так что недовольные меня не любят. Если бы речь шла только о Белозерском, я бы не беспокоился – недовольные ненавидят политработников еще больше. Но у Велигорского бархатный язык. Белозерский бьет наотмашь, Велигорский гладит. Он сможет управлять опасным большинством.

– Что же нам делать, товарищ генерал? – спросил Плетнев.

– Я хочу, чтобы каждого из вас охраняло пять человек, отобранных Гарабедяном или мной. И мне нужны четыре от-

деления, вооруженных АКВ, вокруг этого бунгало. Притыкин, я хочу, чтобы научная команда с завтрашнего дня не покидала четвертую камеру. Велигорский не доверяет интеллектуалам и может расправиться с вами, если ситуация станет критической.

Они ушли, и Мирский остался один. Он вздохнул, желая чего-нибудь, что могло бы отвлечь его на остаток вечера – бутылку водки, женщину...

Или еще несколько часов в библиотеке.

Никогда в жизни он не чувствовал себя более осведомленным и полным надежды, чем сейчас – даже в окружении невежественных и вероломных людей.

Глава 36

Трубоход шел на автопилоте, и все четверо отдыхали в кабине.

Хайнеман ограничил скорость до девяти километров в секунду. Что-то в конструкции трубохода вызывало при превышении этого предела жесткую тряску.

Лэньер лежал без сна, пристегнувшись к откинутому креслу и глядя на мягкий оранжевый свет над головой. Через проход от него ровно дышал Хайнеман; женщины спали за занавеской, которую Кэрролсон натянула поперек кабины. Ленора слегка храпела. Карен не издавала ни звука.

Страсть редко овладевала Лэньером: обладая вполне нормальным половым инстинктом, он всегда был в состоянии его игнорировать или контролировать в неподходящих ситуациях. Двухлетнюю холостяцкую жизнь на Камне он переносил, возможно, легче, чем другие, и, тем не менее, никогда в жизни не испытывал он большего желания, чем в этой мирной обстановке.

Несмотря на очевидные преимущества, Гарри всегда испытывал некоторый стыд из-за отсутствия мужских страданий, словно это делало его чем-то вроде холодной рыбы. Теперь же страсть полностью овладела им. Он изо всех сил пытался удержаться от того, чтобы пробраться за занавеску и обнять Фарли. Все это было одновременно забавным и му-

чительным. Он чувствовал себя, словно подросток, потный от желания и неуверенности в том, как следует поступить.

Психиатры в его голове работали не покладая рук. «Смерть, – говорил фрейдист, – лишь усиливает нашу тягу к воспроизводству...»

Он лежал без сна, не в состоянии четко мыслить и не решаясь на мастурбацию. Сама мысль о ней выглядела смехотворной. Он не занимался этим уже больше года и никогда не делал этого кроме как в полном одиночестве.

Случалось ли такое с другими? Хайнеман наверняка никогда в этом не признается. Собственно, Лэньер ни разу не слышал от Хайнемана каких-либо сексуальных откровений за исключением отдельных и весьма своеобразных шуток.

Чувствовала ли себя так же Фарли?

Лишь для проверки он потянулся к тонкому одеялу, которым был укрыт и заставил себя убрать Руку. Безумие.

Наконец, после того как прошла вечность, он заснул.

На отметке в сто тысяч километров радар АВВП сообщил о массивном препятствии, расположенном впереди. Хайнеман поискал в компьютере какую-либо информацию о столь отдаленном отрезке коридора, но ничего не нашел.

– Похоже, физики просто выстрелили радарным лучом вдоль сингулярности, – проворчал он. – А то, что сейчас перед нами – это круглая стена с дырой в середине.

Стена перекрывала проход на высоту в двадцать один

километр, оставляя в середине отверстие диаметром около восьми километров. Плазменная трубка и сингулярность не прерывались.

– Давайте пройдем сквозь нее и посмотрим, что с другой стороны, – предложил Лэньер. – Затем решим, где будем спускаться.

На скорости примерно, шесть тысяч километров в час, Хайнеман двинул трубоход вдоль сингулярности. Стена была грязно-бронзового цвета, гладкая и лишенная каких-либо особенностей. Когда они приблизились к отверстию, Ленора Кэрролсон с некоторым трудом направила телескоп на внешнюю поверхность стены.

– Она толщиной всего в метр, – сообщила она. – Судя по цвету, я полагаю, она сделана из того же вещества, что колдцы и коридор.

– То есть из ничего, – прокомментировала Фарли. – Из пространственных строительных блоков Патриции.

Хайнеман уменьшил скорость до нескольких сотен километров в час, и они проскользнули в отверстие. С противоположной стороны коридор был кристально чистым, не искаженным атмосферой. Поверхность выглядела как хаотическая смесь стокилометровых канав, черных отметин и широких полос бронзового цвета. Приборы подтвердили их подозрения.

– Здесь нет атмосферы, – сказала Фарли. – Стена играет роль клапана.

Хайнеман начал тормозить, пока они не остановились в двух тысячах километров от стены, сжавшейся теперь до размеров крохотного пятнышка в безжалостной перспективе коридора.

– Что дальше? – спросил он.

– Мы вернемся немного назад и разыщем кольцо колодцев, – сказал Лэньер, – как и планировали, а затем отправимся дальше. И не будем терять времени. Исследования сейчас, собственно, играют второстепенную роль.

– Да, сэр, – Хайнеман развернул АВВП на трубоходе, направив его в противоположную сторону. – Держитесь, едем обратно.

В четырехстах километрах к югу от стены они обнаружили кольцо колодцев и сбавили скорость, чтобы подготовить АВВП к посадке. Все свободные предметы были закреплены, пока Хайнеман отстыковывал самолет от трубохода. Легкий толчок позиционных двигателей плавно отвел их от сингулярности. Хайнеман направил самолет носом вниз.

В отличие от камер астероида, где требовалось некоторое усилие, чтобы отойти от оси, АВВП начал медленно, с постепенным ускорением, опускаться, отталкиваемый сингулярностью – или притягиваемый поверхностью, – в зависимости от того, с какой стороны посмотреть. Опустившись на четыре километра, Хайнеман трижды на короткое время включил реактивный двигатель и направил нос самолета на север.

– Я не стал бы так садиться в камере, – прокомментиро-

вал он, – но для коридора это наилучшая тактика. Здесь нет необходимости входить в атмосферу по спирали, а посему будем соскальзывать. Гарри, возьми штурвал и постарайся почувствовать, что я делаю.

Лэньер схватился за штурвал, чувствуя движения Хайнемана, пока тот поднимал нос самолета вверх. Серия резких толчков возвестила о столкновении с атмосферой; за стенами кабины слышался жалобный вой, становящийся все гуще и громче. Хайнеман выпустил закрылки, чтобы уменьшить скорость, и мягко наклонил АБВП вправо, опустив нос и выдвинув двигатели из гондол. Мягкий приятный рык сдвоенных реактивных двигателей заставил его улыбнуться, как мальчишку.

– Леди и джентльмены, – сказал он, – теперь у нас самый настоящий самолет. Гарри, хочешь его посадить?

– С удовольствием. – Пассажиров просят пристегнуть ремни.

– Есть, – сказала Кэрролсон.

– Мне понравилось. Давайте потом повторим, – крикнула сзади Фарли.

– Местность выглядит достаточно гладкой, но мы пролетим над ней и решим, совершить нам обычную посадку или вертикальную.

Лэньер описал вираж вокруг колодца, затем, притормаживая пролетел над куполом на высоте пятидесяти метров. Хайнеман внимательно ссмотривал поверхность в поисках

подходящего места для посадки и просигналил поднятым вверх большим пальцем.

– Короткая посадка; впереди гладкий песок.

Лэньер посадил АВВП мягко и легко, направив его носом к впадине и куполу колодца. Затем он уменьшил тягу двигателей и подъехал, покачивая носом, к краю впадины, разворачивая самолет, пока тот не встал по касательной к внешней окружности колодца. Рев двигателей мгновенно смолк.

– Bravo, – сказал Хайнеман.

– Господи, это было здорово, – восхитился Лэньер. – Я не летал уже шесть лет... и никогда не летал таким образом. Боже мой, ты смотришь на землю и тебе все время кажется, что ты вот-вот врежешься в нее.

– Если вы, авиаторы, подадите нам руку, – прервала его Ленора Кэрролсон, – мы сможем сделать нашу работу быстрее.

Кэрролсон фотографировала, а Карен Фарли снимала показания приборов, пока они шли вдоль края впадины. Колодец был открыт – это было очевидно даже на расстоянии. В десяти или одиннадцати метрах от плавающего купола находилась платформа, на которой покоились две сферы, разукрашенные неправильными красно-черными клетками, три метра в диаметре каждая.

Они спустились по склону впадины и осмотрели платформу. Хайнеман поднялся по лесенке, укрепленной с одной стороны платформы, и прошел по помосту, проходившему

над клетчатými сферами.

– Скафандры, – сообщил он. – В том числе, жесткие.

– Здесь есть надпись, – воскликнула Фарли.

Она показала на бронзового цвета табличку, установленную на пьедестале возле устья колодца. Алфавит был похож на латинский, с четко выделявшимися А, G и E, но никто не смог расшифровать слова.

– Это не греческий и не кириллица, – сообщила Ленора. – Вероятно, это язык камнежителей. Какой-то новый язык. – Она сфотографировала табличку со всех сторон.

– Я не встречал ничего подобного в библиотеках, – сказал Лэньер. Отойдя, он почувствовал внезапное напоминающее патоку сопротивление вокруг края колодца.

– ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, – прозвучал из пустоты глубокий угрожающий мужской голос. – ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ для говорящих на английском языке двадцатого века. Не пытайтесь войти в какие-либо ворота в этом районе без соответствующих средств защиты. За воротами преобладают условия высокой гравитации и едкой атмосферы. Для вашей защиты предусмотрены скафандры. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.

Кэрролсон прикоснулась к табличке и свистнула.

– Смотрите, – сказала она. Буквы превратились в английские и повторяли то, что произнес вслух голос. – Вот это обслуживание!

Хайнеман провел руками по поверхности одной из сфер и обнаружил в черном квадрате углубление. Он осторожно

нажал на него – ничего не случилось.

– Извините, – сказала Фарли, не обращаясь ни к кому конкретно. Лэньер повернулся к ней; она смущенно улыбнулась и подняла руку, а затем обратилась к куполу. – Извините, но если мы захотим войти в колодец – в ворота, – как воспользоваться скафандрами... патоскапами...

– Батискафами, – поправила ее Ленора.

– Да... как ими пользоваться, чем бы они ни были?

– Устройства отвечают на команды голосом и могут быть приспособлены к вашему языку. У вас есть соответствующее разрешение на посещение ворот?

– Какого рода разрешение? – поинтересовалась Карен.

– Разрешение от Нексуса. Все ворота контролируются Нексусом. Пожалуйста, предъявите разрешение в течение тридцати секунд, или этот пояс будет заблокирован.

Они молча смотрели друг на друга, пока шло время.

– Разрешения нет, – бесстрастно констатировал голос. – С этого момента ворота закрыты, пока обслуживающий персонал не исследует их и не исправит положение.

Лэньер отошел от невидимого барьера. Двадцатиметровое отверстие в центре бесшумно закрылось, образовав бронзовую выпуклость. Хайнеман взвизгнул на помосте и спрыгнул в тот самый момент, когда сферы медленно погрузились во впадину, исчезнув без следа.

Фарли выругалась на мелодичном китайском.

– Ну ладно, – вздохнув, сказала Кэрролсон. – Так или ина-

че, на экскурсию у нас все равно не было времени.

Пейзаж вокруг состоял из плоского покрытого песком пространства без каких-либо признаков жизни. Воздух был сухим, и вскоре в горле у всех пересохло; с некоторым облегчением они поднялись на борт АВВП, закрыли люк и приготовились к возвращению на трубоход.

– Забавно, – сказал Хайнеман. – Он просто очарователен.

Он поднял АВВП с земли и увеличил скорость, наклонив вперед двигательные гондолы. Самолет плавно поднимался, пока не оказался в верхних слоях атмосферы, в километре от плазменной трубки.

– Абракадабра, – скомандовал Хайнеман, убирая крылья и включая хвостовой двигатель.

Резко рванув вперед, они пробили атмосферный барьер и плазменную трубку и вошли в вакуум вокруг сингулярности. Направляя АВВП легкими толчками позиционных двигателей, Хайнеман подвел его к трубоходу и с помощью компьютеров самолета завершил стыковку.

– Он великолепен, не правда ли? – с энтузиазмом сказал он, потом тряхнул головой и шумно выдохнул:

– Уфф!

Глава 37

– В ближайшее время договора о разоружении мы от них не добьемся, – констатировал Герхардт, спускаясь впереди Джудит Хоффман к комплексу четвертой камеры. – Сейчас они больше боятся друг друга, чем нас, и никто не собирается добровольно расставаться с оружием, пока ситуация не прояснится.

– Кто, по-вашему, встанет у них во главе?

Герхардт пожал плечами.

– Кто их знает, этих сукиных сынов. Хотелось бы надеяться, что Мирский.

– Он бывал в библиотеке третьей камеры чаще, чем любой из нас, – сказала Хоффман.

– Ему больше нужно узнать, – объяснил Герхардт. – Русские не любят военных с гуманитарным образованием.

– Полагаю, мы должны быть уже рады прекращению огня и разделению сторон.

Герхардт открыл перед ней дверь, и Джудит вошла в кафетерий. Четыре специалиста по сельскому хозяйству – один мужчина и три женщины – ждали ее с графиками и электронными блокнотами. Она обменялась со всеми рукопожатиями и села. Герхардт получил из автомата скудный ленч и сел за соседний столик; эта тема впрямую его не касалась.

– Продовольственные программы, – начала Хоффман. –

Сельское хозяйство и средства к существованию. Ладно. Покажите, что мы должны сделать.

Прошло около восемнадцати часов после совещания в бунгало. Буря успокоилась еще быстрее, чем началась; ветер внезапно прекратился, облака рассеялись. Свет плазменной трубки стал ярче, и воздух потеплел.

Белозерский приказал взводу солдат окружить бунгало и арестовать Мирского. Официальным предлогом была недостаточная преданность Мирского делу социализма; но все три замполита чувствовали слабость генерал-лейтенанта и то, что он вскоре согласится на уступки, которые Советы вряд ли могут себе позволить.

Взвод быстро окружил командный центр, направив свои АКВ на двадцать охранников. Охранники сдались без сопротивления, и Белозерский подошел к двери бунгало, чтобы арестовать Мирского. Три дородных десантника ногами распахнули дверь и выставили вперед автоматы, прячась за стеной.

– Товарищ генерал! – крикнул Белозерский срывающимся голосом. – Вы злоупотребили доверием ваших людей. Именем вновь образованного Верховного Совета, вы арестованы! – Десантники ворвались в бунгало. На койке, сонно моргая, сидел Плетнев.

– Генерала Мирского здесь нет, – хрипло сказал он. – Могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Велигорский немного поспал после совещания с Мирским, потом воспользовался тем, что буря утихла, вывел три грузовика с пятьюдесятью солдатами из первой камеры и проехал на поезде, зарезервированном исключительно для русских, в четвертую камеру.

Он хотел оказаться в стороне, когда Белозерский будет арестовывать Мирского – просто на всякий случай, если что-то пойдет не так. В течение нескольких часов он наслаждался лесом четвертой камеры. Особенно радовал его вид солдат строительного батальона, валивших деревья и оттаскивающих их к воде. Истории о завоевании восточных земель и строительстве транссибирской магистрали захватывали его с детства; теперь он воочию наблюдал нечто подобное на Картошке: ряды советских поселений, связанных дорогами, расчистка полей под сельскохозяйственные угодья и строительство. В конце концов, из этого поражения может получиться нечто не столь уж плохое, подумал он – более чистое, менее коррумпированное и более жестко контролируемое социалистическое общество, которое, возможно, сумеет завладеть астероидом и вернуться на Землю, чтобы завершить дело, начатое Лениным восемьдесят лет назад.

Дела шли удивительно быстро: лишь девять дней назад они высадились, а теперь уже владеют территорией в наиболее привлекательной из семи камер Картошки. Если это не демонстрировало слабость их противников, то что же тогда?

К нему приближались три десантника. Первый держал какие-то бумаги, несомненно, для подписи.

– Полковник, – сказал первый солдат, вынимая из-под бумаг пистолет. Он направил пистолет на Велигорского и сдвинул фуражку на затылок.

– Мирский, – прошептал Велигорский, не теряя самообладания.

Два других оказались Погодиным и Притыкиным. У каждого висел на ремне через плечо АКВ. Мирский взял Велигорского за руку и ткнул пистолетом ему в бок.

– Ни слова, пожалуйста.

– Что вы делаете? – хрипло прошептал Велигорский. Мирский сильнее воткнул пистолет ему в бок.

– Спокойно. Ты крыса, которая грызет дырку в моем бунгало.

Они размеренными шагами подошли к грузовику, ждавшему на берегу озера. Погодин бесцеремонно затолкал Велигорского в кузов и набросил на него брезент, слегка стукнув магазином АКВ по утолщению, образованному головой полковника.

Мирский уселся за руль и посмотрел через темную полосу песка на солдат в лесу. Другая группа играла в лапту ветками и еловыми шишками; казалось, никого не интересовала машина и находившиеся в ней люди.

– Куда мы едем, товарищ генерал? – спросил Велигорский приглушенным брезентом голосом.

– Спокойно, – сказал Погодин и стволом АКВ снова уперся ему в бок.

Глава 38

Хаотическая и покрытая шрамами часть коридора тянулась на протяжении полумиллиона километров, лишенная воздуха и бесплодная. Планы второй высадки на поверхность были забыты; без атмосферы для этого требовалось непомерное количество топлива. Если бесплодный отрезок будет продолжаться более миллиона километров, им придется забыть о своей миссии и повернуть обратно, решил Лэньер.

– Вы думаете, дальше будет так же? – спросила Карен Фарли, садясь рядом с ним. – До бесконечности?

Лэньер покачал головой.

– Забрали же они куда-то Патрицию.

– Вы думали о колодцах? Возможно, они ушли из коридора, и мы не можем последовать за ними.

– Я думал об этом, и у меня есть предчувствие, что они не воспользовались колодцем.

– Опять стена! – объявил Хайнеман.

Они собрались в передней части кабины, Кэрролсон сидела в кресле второго пилота, а Фарли и Лэньер застряли в проходе. Лэньер как-то слишком назойливо ощущал прижатое к нему тело Карен.

Движение трубохода сквозь коридор вызывало головокружение и ассоциировалось для Лэньера с бегом по канализа-

ционной трубе. Со всех сторон мимо проносились пурпурные, коричневые и черные пятна, обнаженная грязно-бронзовая поверхность коридора. Впередсмотрящий радар постоянно подавал сигналы с полусекундными интервалами.

– Прошу занять места. Сейчас мы будем замедляться, – предупредил Хайнеман. – На этот раз разверните кресла. Радар по-прежнему направлен вперед. Замедление составит около двух десятых же...

Кэрролсон пристегнулась к креслу второго пилота, очаровательно улыбнувшись Лэньеру.

– Садитесь позади, босс, – сказала она. – Я первая заняла место.

Лэньер и Фарли пробрались мимо ящиков с оборудованием и сели рядом. Лэньер глубоко вздохнул и закрыл глаза; желание стало почти невыносимым.

– Что-то не так? – спросила Карен.

– Нет, ничего. – Он успокаивающе дотронулся до ее руки.

– Вы хорошо себя чувствуете?

Неубедительная улыбка и кивок.

– Что-то не так, Гарри. Я достаточно долго знаю вас...

– Мы будем там примерно через час, – объявил Хайнеман.

– Так в чем дело? – настаивала Карен.

Лэньер глубоко вздохнул и покраснел.

– Я не могу ничего поделать, Карен. Это безумие. Я... испытываю сексуальную потребность в течение последних двадцати часов. Это не проходит.

Она посмотрела на Гарри без всякого выражения, потом ее глаза слегка расширились.

– Вы сами спросили, черт побери, – рассердился он.

– Просто так, вообще?

– Нет.

– К кому-то конкретно?

– Да.

– Кто... или я слишком много спрашиваю?

Он ткнул пальцем в Карен, трясаясь от сдавленного смеха и покраснев, как рак.

– Это так забавно?

– Н... нет, – Лэньер наконец справился с собой. – Это безумие.

– Вы никогда не интересовались мной раньше?

– Нет... Вы, конечно, привлекательны, но...

– Тогда заткнитесь.

Замедление уже началось. Карен отстегнула ремни и медленно поплыла к кабине, хватаясь за ручки кресел и багажные сетки под потолком.

– Подождите, – Лэньер попытался удержать ее. Он оглянулся, изо всех сил вывернув шею. – Карен!

Фарли висела в проходе, ведущем в кабину.

– Разбудите нас, когда мы будем у стены, – многозначительно сказала она, задвигая перегородку решительным поворотом рычага. Затем добралась обратно и оперлась коленом о его кресло.

– Простите... – начал Лэньер.

– Ничего особенного. Фарли потянула за замок молнии своего комбинезона и растегнула ее, открыв футболку с китайским иероглифом на груди, обозначающим «Кит» – китайское название Камня. Затем быстро сбросила комбинезон и сняла белые шелковые трусики. Лэньер потрясенно смотрел на нее.

– Могли бы сказать и раньше, – укоризненно сказала она. – Все, что мешает вам здраво рассуждать, вредит нашей миссии.

Стянув через голову футболку, она запихнула одежду в карман на спинке сиденья.

Лэньер снял комбинезон, нервно поглядывая в сторону кабины. Карен устроилась на двух соседних сиденьях; замедление трубохода создавало некоторое, хотя и искаженное, чувство направления.

– Вы никогда не включали себя в общественный список, – заметила она, беря Гарри за руку и привлекая к себе. – Уверена, что не из-за излишней застенчивости.

Лэньер с отчаянно бьющимся сердцем дотронулся до ее груди и с нежностью провел тыльной стороной ладони по ее бедрам и животу.

– Мне никогда в жизни не был нужен, кто-то до такой степени, – признался он.

Кэрролсон поднялась по лесенке в середину салона. Фар-

ли и Лэньер уже были одеты и сидели друг напротив друга.

– Еще десять минут, и мы на месте, – невозмутимо сообщила Ленора. Она на мгновение задержала взгляд на лице Фарли, а затем повернулась к Лэньеру: – Похоже, это такая же стена, как и предыдущая, но большей высоты и с более узким проходом – сто метров – вокруг сингулярности. Мы должны сделать те же тесты, что и раньше.

– Согласна, – сказала Фарли.

– Гарри... – начала Кэрролсон, пристально глядя на него.

– Что?

– Нет, ничего.

Она спустилась по лесенке и вернулась в кабину.

– Господи, мне стыдно, – пробормотал Лэньер.

– Почему? Потому что вы человек?

– У меня есть обязательства.

– На Камне нет никого, у кого бы их не было, – улыбнулась она. – Но с тех пор как я здесь, было столько обманывания...

Он невольно усмехнулся.

– Обмана.

– Неважно. Только не говорите, что вы этого не замечали!

Он покачал головой.

– Нет, я действительно ничего не замечал. Начальник обо всем узнает последним.

– Только если у начальника закрыты глаза. Сомневаюсь, что Хоффман оставляет подобное безнаказанным.

– Ладно, значит, я... Я не знаю. Я не стыдлив, но, может,

слегка наивен.

– Вы вовсе не наивны. Фарли похлопала его по руке. – И не беспокойтесь. Вы все еще начальник.

Глава 39

Велигорский с трудом сохранял спокойствие. Он охрип и сильно вспотел, от него плохо пахло. Мирский почти жалел полковника.

Торжественно открылся вход в библиотеку третьей камеры, и Погодин с Притыкиным поторопили пленника несколькими хорошо рассчитанными толчками своих автоматов. Мирский неторопливо шел следом.

– Так вот где вы впустую тратили свое время! – крикнул через плечо Велигорский.

– Вы никогда здесь не были? – спросил Мирский, изображая удивление. – Я все же считал вас более любопытным.

– Это бессмысленно, – заявил Велигорский. – Здесь все забито американской пропагандой. Зачем зря терять время?

Мирский громко рассмеялся – больше от злости, чем от веселья.

– Бедный вы сукин сын, – сказал он. – Те, кто построил этот космический корабль, не в большей степени американцы, чем вы и я.

Они остановились перед рядами кресел и хромированных капель.

– Если вы меня убьете, Белозерский и Языков вполне готовы продолжить дело, – сказал Велигорский.

– Я не собираюсь вас убивать. Мы нужны друг другу. Я

хочу, чтобы вы сели.

Велигорский стоял, трясясь, словно продрогший пес.

– Кресло вас не съест, – успокаивал Погодин, снова подталкивая его.

– Вы не сможете промыть мне мозги! – взревел полковник.

– Нет. Но, может быть, я смогу обучить вас. Сядьте.

Велигорский медленно опустился в ближайшее кресло, со страхом глядя на каплю.

– Вы хотите заставить меня читать? Очень глупо.

Мирский обошел кресло сзади и протянул руку, чтобы открыть крышку пульта.

– Хотите научиться говорить по-английски, по-французски, по-немецки?

Велигорский не ответил.

– Нет? Тогда, может быть, немного истории? Не с американской точки зрения – с точки зрения наших потомков. Русских, переживших Гибель.

– Меня это не интересует, – сказал Велигорский; отражение его бледного мокрого лица в капле представляло собой почти целиком один большой нос.

– Это то, что американцы скрывали от нас, – пояснил Мирский. – Разве не ваш долг – познакомиться с сокровищем, за которое мы боролись? Ваше руководство не может этого сделать. Они мертвы или скоро будут мертвы. Вся Земля будет покрыта дымом в течение многих лет. Миллионы

погибнут от голода или замерзнут. К концу десятилетия в живых останется менее десяти миллионов наших соотечественников.

– Вы несете чушь. – Велигорский вытер лицо рукавом.

– Наши потомки построили этот корабль, – сказал Мирский. – Это не пропаганда. Звучит фантастично, но это правда, Велигорский, и все наши ссоры друг с другом не могут скрыть ее. Мы тренировались и прилетели сюда, и сражались, и погибали, чтобы найти эту правду. Вы будете предателем, если отвернетесь от нее.

– Вы предлагаете поделиться властью? – поинтересовался Велигорский, глядя на него.

Мирский выругался себе под нос и повернулся к аппарату.

– Он будет говорить с вами по-русски, – сказал он. – Он ответит на ваши вопросы и научит вас, как им пользоваться. Теперь спрашивайте.

Велигорский широко раскрытыми глазами смотрел на плавающий перед ним библиотечный символ.

– Спрашивайте.

– С чего я должен начать?

– Начните с нашего прошлого. С того, что учили в школе.

Символ превратился в вопросительный знак.

– Расскажите мне... – Велигорский посмотрел на Мирского.

– Продолжайте. Это не больно, но это увлекает.

– Расскажите о Николае I.

– Это неинтересно, – возразил Мирский. – Слишком далекое прошлое. Попросите его рассказать о великих стратегических планах Советской Армии с 1960 по 2005 годы. – Он улыбнулся. – Вас это никогда не интересовало?

– Расскажите мне... об этом, – попросил Велигорский.

Библиотека бесшумно вела поиск и упорядочение информации; множество разноцветных символов мелькало перед глазами. Потом начался сеанс.

Полчаса спустя Мирский повернулся к Погодину и Притыкину и приказал возвращаться в четвертую камеру. Он кивнул в сторону погруженного в транс Велигорского.

– С ним проблем не будет, я послежу.

– Когда мы сможем воспользоваться этим? – спросил Притыкин.

– В любое время, когда будете свободны. Библиотека открыта для всех.

Белозерский выдернул мускулистого Плетнева из кресла и с удивительной силой развернул его лицом к себе.

– Когда я слышу подобное, я знаю, что это лишь плод фантазии, – прорычал он.

– Это легко доказать, – заявил Плетнев, повернув голову, чтобы уклониться от кулака Белозерского, сжимающего его воротник. – Мы можем отправиться туда – товарищи Притыкин и Зиновьев рассказали все, что им известно. Седьмая камера не имеет конца. Она продолжается до бесконечности.

Белозерский отпустил его и медленно отступил назад, сжав кулаки.

– Чепуха! Притыкин и Зиновьев – интеллигенты. Почему я должен им верить?

Языков сделал знак солдатам, чтобы те взяли Плетнева за руки.

– Вы предали нас ради собственной ничтожной шкуры, – заявил он. – Вашей обязанностью было умереть здесь, а не ползти на брюхе к американцам.

– Все было кончено, – сказал Плетнев. – У нас не было выбора.

– Этот кусок скалы может стать нашим! – закричал Языков. – Где Мирский?

– Я же вам сказал. Он в четвертой камере.

– Дерьмо. Он в своей любимой библиотеке, – подытожил Белозерский.

– Вот там мы его и арестуем, – решил Языков. – Сейчас нужно найти Гарабедяна и Анненковского – это тоже люди Мирского. Товарищ Плетнев, я лично расстреляю вас у дальней стены седьмой камеры. Я размажу вашу кровь и контрреволюционные мозги по вещественному доказательству вашей виновности. – Он с отвращением махнул рукой. – Пусть сидит здесь, пока мы не найдем остальных.

Римская нес сообщение от Белозерского. Он поднялся по ступенькам к бывшему кабинету Лэнгера, принадлежащему

теперь Хоффман, и постучал в дверь. Ему ответила Берил Уоллес.

– Сообщение от русских, – коротко сообщил он. Лицо Римская было бледным, и выглядел он так, словно не спал несколько дней.

– Что-нибудь важное? – спросила Берил.

– Берил, не стройте из себя мелкого чиновника. Где Джу-дит?

– Она внизу, совещается с медиками. Не хочу показаться чересчур официальной, Джозеф, но она очень занята.

– Да, конечно, а советские очень заняты тем, что они советские, и, думаю, из-за этого могут возникнуть проблемы. – Ученый вытер глаза и подслеповато моргнул.

– Я позвоню ей. Она встретится с вами внизу у столика секретаря.

Римская что-то проворчал и тяжело спустился вниз.

Хоффман вышла из помещения, где проходило совещание, и, взяв у Римская электронный блокнот, быстро прочитала его. Она тоже выглядела усталой, хотя и не до такой степени. Глаза ее покраснели, а щеки припухли от недосыпания.

– Кто такой этот Белозерский... Его должность, звание?

– Замполит – политический офицер, – сообщил Джозеф. Руки его дрожали. – Майор. Я разговаривал с ним пару раз.

– Что вы о нем думаете?

Римская угрюмо покачал головой.

– Твердолобый, невежественный, лишенный воображения. Меня больше беспокоят двое других – Языков и Велигорский. Они умнее и потому более опасны. Если они утверждают, что отстранили Мирского и мы должны иметь дело непосредственно с ними, то, вероятно, это действительно так.

– Тогда организуйте встречу. Мы не можем прекратить переговоры из-за их внутренних ссор. И выясните у... как его?.. Зиновьева или Притыкина. Выясните, что происходит и в какой мере это касается русского гражданского персонала.

– Их нигде нет. Возможно, они арестованы или убиты.

– Думаете, все зашло далеко? – поинтересовалась Хоффман.

– Они действуют очень по-русски. – Ученый развел руками.

– Я буду занята примерно еще час. Предложите им встретиться с нами через полтора часа.

– Лучше пусть они сами назначат время, а потом немного подождут, – предложил Римская.

– Это ваше дело.

Джудит смотрела, как высокий мрачный математик выходит за дверь, а затем уставилась на голую стену над столом Энн. Секретарша ушла на ленч в кафетерий.

– Только тридцать секунд, – прошептала Хоффман, сосредотачиваясь.

Она стояла в одиночестве, размеренно дыша, слегка постукивая пальцем по краю стола, отсчитывая время по неким внутренним часам. Когда прошло полминуты, она крепко зажмурилась, затем широко открыла глаза, глубоко вздохнула и повернулась к двери конференц-зала.

Глава 40

Трубоход медленно скользнул за вторую стену. С другой стороны, начинаясь, примерно, в километре от стены, параллельно ей, на голой, бронзового цвета, поверхности располагались ряды темных структур. Каждая крепилась на квадратном основании со стороны, примерно, в двести метров, поднимаясь ступенями вверх, причем каждый уровень слегка изгибался, образуя круглую пирамиду.

– Смотрите. – Хайнеман махнул рукой вперед. Поверхность была покрыта движущимися огнями, перемещавшимися вдоль трасс, расположенных на множестве уровней, словно сверхплотная сеть автострад. – Мы не одни.

– Как далеко мы забрались? – спросила Кэрролсон.

– Семьсот семьдесят тысяч километров, плюс-минус два, – сказал Хайнеман. – Гарри, можешь немного посидеть за пультом? Мне нужно кое-что проверить.

– Мы будем продолжать двигаться вперед со скоростью девяносто или сто километров в час? – спросил Лэньер.

– Примерно так. Мне как-то немного не по себе при мысли о встрече с местными жителями, кто бы они ни были.

Хайнеман покачал головой, выбираясь из кресла. Они снова прибывали в невесомости, двигаясь с постоянной скоростью.

– Что должно нас беспокоить – я имею в виду, кроме оче-

видных причин? – спросила Фарли.

– Может вполне хватить и очевидных причин, но, честно говоря, меня беспокоит наше движение вдоль сингулярности. Я вдруг сообразил, что кто бы ни был там внизу, им могут не понравиться путешествующие таким образом. Может быть, у них есть свои такие же средства передвижения. Может быть, что-то еще. Так или иначе, если мы будем двигаться со скоростью восемь или девять километров в секунду и с чем-нибудь столкнемся, могут быть неприятности. Этого достаточно, чтобы обвинить нас в нарушении правил движения, верно?

– Я об этом как-то не думал, – улыбнулся Лэньер, устраниваясь в пилотском кресле.

– Да, теперь, когда у тебя в голове несколько прояснилось... – Хайнеман строго посмотрел на него, а потом хлопнул по плечу. – Девушки, давайте посмотрим, что все это значит.

Они заменили часть приборов в гнездах, расположенных вдоль всего самолета, и установили дополнительные датчики в до сих пор не занятых гнездах. Лэньер смотрел на поверхность коридора, захваченный движущимися огнями. Даже в бинокль он не мог различить какие-либо детали, кроме ярких пятен, контрастирующих с черными трассами.

Что-то большое и серое закрыло обзор, и он убрал бинокль. Диск диаметром по крайней мере в полкилометра медленно плыл на юг. Другой диск двигался тем же курсом

в двадцати или тридцати градусах к западу.

– Абсолютно никаких разборчивых радиосигналов, – сообщил Хайнеман. – Микроволновые помехи, немного рентгеновского и гамма-излучения и все. Радар показывает нечто материальное, примерно, в четверти миллиона километров впереди. Это поверхность площадью, по крайней мере, в пятнадцать квадратных километров, расположенная прямо по оси. У нее сплошной центр.

– Я вижу, – сказал Лэньер, глядя на экран. – Какие-то объекты движутся вокруг нее и по коридору.

– Не спрашивайте меня, что это такое, – сказал Хайнеман, глядя через лобовое стекло на серые диски. Он озадаченно прищурился. – И не спрашивайте меня, как долго мы сможем оставаться незамеченными.

– По крайней мере, мы маленькие. Может быть, они нас не заметят, – предположила Фарли.

– Эта большая штука впереди, чем бы она ни была, нас заметит. Десять к одному, что она тоже двигается вдоль сингулярности.

В пятистах километрах за перегородкой над паутиной трасс выросли четыре изогнутых кирпично-красных пирамиды. Исходя из их расположения – как бы в углах квадрата, – Лэньер предположил, что они установлены над колодцами. С этого расстояния они казались размером с почтовую марку – это означало, что их реальные размеры составляют около двух километров в длину и ширину и километр

в высоту. От каждого сооружения тянулись прямо на север трассы километровой ширины – настолько, насколько хватало взгляда.

– Кажется, все это становится выше нашего понимания, – пробормотал Лэньер.

Фарли положила руку ему на плечо и опустилась в кресло второго пилота.

– Уже несколько лет происходит нечто выше нашего понимания, разве не так?

– Я всегда предполагал, что коридор пуст – не знаю, почему. Возможно, не мог представить себе ничего иного.

Хайнеман проплыл между ними и схватился за скобу на приборной панели, чтобы удержаться на месте пока он составлял программу дальнейшего полета.

– Мы собираемся разогнаться до десяти тысяч километров в час, подойти как можно ближе к объекту на сингулярности – замедляясь по мере приближения, чтобы они не подумали, что мы намереваемся их протаранить, – потом развернемся и на полной скорости домой. Конечно, если ты это одобряешь. – Он вопросительно поднял бровь, глядя на Гарри.

Лэньер попытался оценить возможный риск и понял, что понятия не имеет, в чем он может заключаться.

– Если мы развернемся сейчас, то что расскажем дома? – настаивал Хайнеман. – Здесь – нечто очень важное. Но мы понятия не имеем, что это такое или что это означает для

нас.

– Ты говоришь об очевидных вещах, Ларри, – сказал Лэньер. – А теперь скажи мне, останемся мы в живых или нет.

– Не знаю. Но своей жизнью распоряжаюсь я сам. Как насчет остальных?

Кэрролсон рассмеялась.

– Вы сумасшедший, – заявила она. – Сумасшедший пилот-инженер.

Хайнеман качнул головой и гордо оттопырил большими пальцами нагрудные карманы комбинезона.

– Гарри?

– Мы должны все выяснить, – заметил тот. – Значит, поехали.

Хайнеман начал вводить данные в компьютер, и трубоход устремился вдоль сингулярности.

Когда разгон завершился и трубоход пошел со скоростью десять тысяч километров в час, Хайнеман предложил ужин – сэндвичи в пакетах из фольги и горячий чай. Они ели молча, Кэрролсон и Хайнеман – пристегнувшись к переборке за кабиной. Стены коридора размеренно проносились мимо.

Мелькнуло еще одно кольцо прямоугольных структур, через несколько минут – еще одно; все они были связаны четырьмя прямыми светлыми линиями и переплетениями светящихся трасс.

Лэньер освободил место для Леноры и слегка вздремнул, пока Хайнеман обучал женщин тонкостям управления тру-

боходом. Ему снилось, что он летит на легком самолете над джунглями и паутиной рек. Он проснулся с привкусом чая во рту и отстегнул ремни, оттолкнувшись от кресла. Карен настраивала приборы и заменяла блоки памяти, собирая и упорядочивая данные. Она бросила заполненные блоки в пластиковый контейнер и задвинула его в шкафчик для документов. Затем она взяла один из вспомогательных мультиметров, сделанных еще до Гибели, и показала дисплей Лэньеру.

– Да? – спросил он, глядя на мерцающие цифры.

– Капут, – заявила Карен. – Полнейшая чушь. Так ведет себя большинство наших приборов. Хорошо если удастся объяснить половину собранных данных.

– Причины?

Она покачала головой.

– Самые дикие догадки, и это все, что я могу сказать. Другие системы, кажется, работают – так что, возможно, мы проходим через управляемые поля, подобные избирательной тормозящей инерции на Камне. Эти поля тормозят другие эффекты... Влияние искаженной геометрии на активность ядра, изменения в постоянной Планка... Или все оборудование неожиданно вышло из строя. Гарантия заканчивается сегодня – сюрприз!

– Оборудование в полном порядке, – крикнул Хайнеман с места второго пилота. – Не обвиняйте мою технику.

– У него необыкновенно развито чувство собственника, –

восхитилась Карен Фарли. – Он ворочает каждый раз, когда я ставлю под сомнение качество его техники.

– Ворчит, – поправил Лэньер.

– Неважно.

– Твоя очередь, – сказал Лэньер Хайнеману, показывая большим пальцем в сторону хвостовой части. – Иди поспи. Ты будешь нужен нам всем бодрый и с ясной головой.

Хайнеман отрегулировал крен трубохода и проплыл мимо Лэньера.

– Подождите, – сказала Кэрролсон. – Что это?

Сингулярность впереди трубохода больше не выглядела блестящей цилиндрической поверхностью. Равномерно пульсируя, она светилась оранжевым и белым сиянием, словно раскаленная стальная проволока.

– Нет отдыха нам, грешным, – простонал Хайнеман, сменяя Лэньера в кресле пилота.

Он выпустил захваты трубохода, чтобы затормозить. Аппарат внезапно встал на дыбы и резко накренился, бросив Лэньера и Фарли на переборку и прижав их к ней, пока Хайнеман не освободил захваты.

– Мы ускоряемся! – крикнул Хайнеман, перекрывая рев вибрации аппарата. – Я не могу им управлять!

Лэньер проскользнул в заднюю часть кабины, ударяясь о кресла руками и ногами в попытках за что-нибудь ухватиться. Фарли крепко вцепилась в кресло, пытаясь перевернуться и сесть в него.

Сингулярность теперь тянулась длинной непрерывной красной линией вдоль центра плазменной трубки. Лэньер пристегнулся к креслу и протянул руку, чтобы помочь Карен забраться в свое. Оборудование каталось и падало, ударяясь о решетки и переборки.

– Ты можешь развернуться? – Лэньер пытался перекрыть непрекращающийся шум.

– Не могу, – ответил Хайнеман. – Если я выпущу захваты, мы начнем подниматься на дыбы. Скорость – тридцать тысяч, и продолжает расти. – Трубоход снова накренился, и Лэньер с Фарли инстинктивно заслонились от лавины обрушившихся на них блоков памяти, ящичков с оборудованием и мотков кабеля.

– Сорок, – сообщил Хайнеман несколько секунд спустя. – Пятьдесят.

Затрещало и зашипело радио, и беспольный мелодичный голос начал с середины фразы:

– ...нарушает Закон Пути. Ваше транспортное средство нарушает Закон Пути. Не сопротивляйтесь, или ваше транспортное средство будет уничтожено. Вы находитесь под контролем Нексуса Гексамона и будете удалены из потока через шесть минут. Не пытайтесь ускоряться или замедляться.

Сообщение закончилось мягким всплеском белого шума.

Глава 41

Белозерский встал позади Языкова возле стола, заложив руки за спину. Языков сидел, скрестив руки на столе. Хоффман просмотрела предложенные требования и записала в своем электронном блокноте краткий перевод для Герхардта. Герхардт быстро прочитал и покачал головой.

– Мы отвергаем ваши требования, – бесстрастно заявила Хоффман по-русски. Она тоже провела некоторое время в библиотеке третьей камеры.

– Эти люди – преступники, – сказал Языков. – Они похитили нашего товарища и укрылись в одном из городов. Мы не можем их найти.

– Независимо от того, правда это или нет, мы уже согласились на разделение наших органов управления и судебных систем. Мы не можем помочь вам в поисках этих людей, не нарушив достигнутого соглашения.

– Они скрываются в секторах, которые принадлежат вам, – бросил Белозерский. – Может быть, вы сами их и прячете.

– Если это и так, мне ничего об этом не известно, – сказала Хоффман. – Все очень сомнительно.

– Вы наверняка поддерживаете нашу попытку сформировать гражданское правительство.

– Мы ее не поддерживаем, но и не отвергаем, – пояснила

Джудит. – Это ваше дело. Нас заботит только мирное сосуществование – больше ничего.

Языков быстро поднялся и кивнул Хоффман. Оба офицера пересекли кафетерий и вышли через заднюю дверь.

– Что вы предлагаете в связи с этим? – спросила Хоффман Герхардта.

Генерал с сожалением покачал головой и улыбнулся.

– Мирский похитил их главного, – сказал он. – Похоже, он предвидел их действия и сделал первый ход.

– Какого вы мнения о Мирском?

– Ничего не могу о нем сказать как о военном, но я бы предпочел иметь дело с ним, а не с Языковым или Белозерским.

– Значит, поможем ему?

– Помочь Мирскому? Черт побери, нет. Интуиция подсказывает мне, что лучше оставаться в стороне и предоставить им разбираться самим. Кроме того, Мирский не просил о помощи. Будем лишь надеяться, что это не приведет к войне. Тогда, возможно, остаться в стороне не удастся.

Мирский и Погодин, забрав Велигорского из города третьей камеры, тряслись на грузовике по извилистым служебным дорогам, пока не нашли главную артерию, которая тянулась оставшиеся двадцать километров. Артерия проходила через ряд открытых полукруглых ворот вдоль девяностоградусного туннеля, ведущего во вторую камеру.

Мирский изучил несколько зданий на главных улицах второй камеры, прежде чем выбрать то, которое его удовлетворило. Оно пряталось между гигантским канделябром-небоскребом – американцы называли их мегаблоками – и длинным рядом стометровых башен из астероидного камня, назначение которых было неясным.

Здание было лишь четырехэтажным и, казалось, когда-то там находилось нечто вроде школы. Длинные ряды соединенных друг с другом кресел перед черной поверхностью в серебристой рамке заполняли три комнаты на каждом этаже.

В самой восточной комнате на последнем этаже они разложили свои припасы, и Мирский сел на скамью рядом с намного более спокойным и еще более мрачным Велигорским. Погодин ушел, чтобы спрятать грузовик.

– Мне не за что вас благодарить, – бросил Велигорский. Он лег на скамью и уставился на золотистые звезды на темно-синем потолке. – Мой отец погиб в Афганистане. Мне ничего не рассказывали о том, как он погиб... Государственная тайна. Я до сих пор этого не знаю. Но что все это было военными учениями... чтобы проверить боеготовность армии... – Он озадаченно покачал головой. – Десять лет учений! Узнать. – Он кашлянул в кулак. – Узнать, что все, во что ты верил, было хорошо срежиссированной ложью...

– Не все, – поправил Мирский. – Многое, но не все.

– То, что вы открыли мне глаза, еще не повод для благодарности.

– Какие-то обрывки и кусочки правды мы всегда знали, не так ли? О коррупции, о беспомощных, некомпетентных и продажных руководителях... Государство сохраняло себя ради революционных идеалов.

– Каждый сталкивался с подобным, хотя, может быть, и не принимал этого. Но использовать лучших гимнасток и балерин в качестве наложниц...

– Лицемерие, смешанное с глупостью.

– И все это – когда правительство утверждает, что оно выше всяких скандалов и не может совершать ошибки! По крайней мере, американцы погрязли в своих историйках.

Они проговорили часа два. Вернулся Погодин. Он внимательно слушал, морща лоб, когда они обсуждали проблемы, к которым он относился болезненно, но вмешался лишь один раз, спросив:

– Разве американцы не поняли, насколько продажны они сами?

Мирский кивнул.

– Они всегда это знали, по крайней мере, когда их пресса обнаруживала подобные факты.

– Их пресса не контролируется?

– Ею манипулируют, да. – Но полностью она никогда не контролировалась. У них были тысячи историков, каждый – со своей собственной точкой зрения. Их история была достаточно путанной, но преднамеренные искажения обычно всплывали.

Погодин перевел взгляд с Велигорского на Мирского и, повернувшись, пошел к выходу.

– То, что говорили нам о Сталине, Хрущеве, Брежневе, Горбачеве... – Велигорский не договорил, тряхнув головой.

– Отличается от того, что говорили нашим отцам, – закончил за него Мирский, – а до них их отцам.

Они проговорили еще час, на этот раз, о своей армейской жизни. Мирский рассказал, как он чуть не стал политработником. Велигорский кратко поведал об ускоренных курсах, которые он и другие замполиты закончили, прежде чем уйти с космическим десантом.

– В конце концов, нас разделяет не слишком многое, – заметил Велигорский. Мирский налил воды из термоса, пожал плечами и протянул стаканчик полковнику. – Вы знаете о значении политработника... о долге перед партией, перед революцией...

– Какой революцией? – мягко спросил Мирский.

Лицо Велигорского налилось кровью.

– Мы должны оставаться преданными делу революции. Наша жизнь, наш разум зависят от этого.

– Революция начинается здесь, сейчас, – сказал генерал-лейтенант. – Мы освободились от груза прошлого.

Они долго смотрели друг на друга. Вернулся Погодин и молча сел в стороне, смущенно потирая руки.

– Власть должна быть поделена, – заявил Велигорский. – Партия должна быть восстановлена.

– Хватит с нас убийц и невежд, – резко возразил Мирский. – Россию слишком долго насильовали убийцы и невежды от имени революции и партии. Хватит. Лучше я покончу с этим здесь, чем привезу на Землю нашим детям.

Велигорский достал из кармана старинные золотые часы.

– Белозерский и Языков сейчас, наверное, сходят с ума. Не к чему рассказывать, что они сделают, если не найдут меня.

– Это их обессилит, – бросил Мирский. – Пусть немного подождут или повесятся.

Велигорский оскалился и погрозил Мирскому пальцем.

– Ублюдок. Я знаю, кто вы такой. Мечтатель. Мечтатель-диссидент.

– И единственный, с кем вы могли бы безопасно делить власть. – Вы знаете, что они в конце концов постараются убрать вас, и доверяете им не более, чем бешеному псу.

Велигорского это, кажется, не убедило.

– Может быть, теперь мы пойдем друг друга?

Велигорский пожал плечами; уголки его рта опустились.

В 12.00 следующего дня Погодин направил антенну грузовика в сторону южной скважины, и Велигорский передал сообщение для Языкова и Белозерского:

– Советские войска четвертой камеры взяли в плен Мирского и его сторонников. Присоединяйтесь к нам. Суд состоится в библиотеке.

Глава 42

Они молча наблюдали, как красная линия сингулярности ведет их к черному щиту. Лэньер присоединился к Карен Фарли и Леноре Кэрролсон, пытаясь найти хоть какой-то смысл в показаниях приборов. Периодически они выдавали осмысленные данные, которых, однако, не было никакого толка.

– Что-то приближается к нам по сингулярности... Это машина, большая и черная, – сказал Хайнеман. – Идет быстро.

Лэньер, оттолкнувшись, подплыл поближе. Оседлав светящуюся им навстречу красную линию, двигалась круглая в поперечном сечении машина вдвое толще трубоход. Ее поверхность была черной и блестела: яркие пурпурные линии вычерчивали на ней квадраты и прямоугольники, расположенные симметричными группами. Лэньер восхищенно смотрел, как они открываются и изнутри появляются всякие захваты и членистые рычаги. Теперь машина напоминала глубоководную подлодку или спятивший перочинный нож.

– Что она собирается делать?

– Она снижает скорость. Похоже, что...

В кабине замигали разноцветные огни. Хайнеман вздрогнул и отодвинулся назад; Лэньер закрыл глаза и заслонил лицо руками.

– Что это? – крикнула Кэрролсон.

Красные и зеленые полупрозрачные объекты снова затанцевали перед Лэньером. Он протянул руку к одному из них, но он оказался нематериальным.

– Это символы или нечто в этом роде, – предположил Хайнеман. – Ты их видишь?

– Вижу. Не знаю, что это и откуда оно взялось.

Радио снова зашипело.

– Пожалуйста, назовите себя и причину, по которой вы приближаетесь к границам Аксиса.

Лэньер взял микрофон у Хайнемана.

– Я Гарри Лэньер. – Интересно, говорит ли это им хоть что-нибудь, мрачно подумал он. – Мы исследователи. Если есть какие-то проблемы...

– Вы желаете адвоката?

– Простите... что?

– Вам немедленно будет назначен адвокат. Являетесь ли вы воплощенным человеком, претендующим на соответствующие права в суде Гексамона?

– Скажите «да», – посоветовала Кэрролсон.

– Да.

– Сейчас вы будете изъяты из потока и препровождены в Аксис Надер.

Один из рычагов машины прошел под брюхом трубохода. Летающие вспышки заслонили лобовое стекло; АВВП накренился и завибрировал. Вокруг фюзеляжа зашипел газ,

лампы на пульте погасли. Послышался треск, и после рывка они свободно поплыли.

Трубоход был отрезан от сингулярности и теперь летел по инерции. Затем АВВП был отделен от трубохода.

Хайнеман посмотрел на яркую красную линию и черную машину, все еще вцепившуюся в заднюю часть искореженного, ставшего бесполезным трубохода.

– Они нас оторвали. – Его голос охрип от гнева. – Пойду проверю, все ли цело.

Лэньер забрался в кресло второго пилота. Он тщательно пристегнулся и попытался успокоить дыхание. Почти как вынужденная посадка, подумал он. Ничем не хуже, а может быть, и лучше...

– Вроде бы протечек нет, но я все же предпочитаю находиться в атмосфере! – крикнул из кабины Хайнеман.

Машина отбросила трубоход и растопырила свои захваты, двигаясь в сторону АВВП. Хайнеман снова пробрался вперед между Кэрролсон и Фарли.

– Дерьмо.

Лэньер впервые слышал от него ругательство.

Машины заслонила лобовое стекло, и самолет резко завалился на бок. Плавая в проходе, Хайнеман не завертелся вместе с ним, но Лэньер описал круг вокруг ошеломленного инженера, потом еще один.

– Держись! – крикнул он.

Хайнеман схватился одной рукой за пилотское кресло.

Самолет снова закрутился и, словно мастер каратэ, использовал собственную массу Хайнемана, чтобы вывихнуть ему плечо.

Инженер закричал и, выпустив кресло, отлетел в противоположную сторону. Лэньер беспомощно смотрел на него, ожидая, когда вращение прекратиться. Когда наконец наступило затишье, он отстегнулся и, взяв Хайнемана за запястье, мягко подтолкнул его. На лице инженера застыла гримаса боли; глаза его были широко распахнуты, словно у ребенка, которого случайно изувечил друг.

Кэрролсон и Фарли отделались небольшими царапинами, успев ухватиться за поручни. Фарли держала голову Хайнемана, а Кэрролсон – его лежащую ногу, пока Лэньер осматривал руку.

– Сукин сын! – взвыл Хайнеман. – Оставь ее в покое.

– Чем дольше она будет вывихнута, тем дольше будет болеть, – объяснил Лэньер. – Не думаю, что что-то повреждено. Господи, как мне ее вправить при нулевой гравитации?

– Зацепитесь ногой за эту стойку, а мы будем держать его, – подсказала Ленора Кэрролсон.

Хайнеман дернулся, вытаращив глаза. Его коротко подстриженные волосы торчали во все стороны. Лэньер зацепился ногой за перекладину, а другую прижал к ребрам Хайнемана. Кэрролсон и Фарли крепко держали инженера.

– Отпустите меня, – умолял Хайнеман. Лицо его было мокрым от пота и слез.

Лэньер схватил его за руку и резко повернул ее, одновременно дернув. Хайнеман снова закричал и закатил глаза, так что виднелись одни лишь белки. Послышался щелчок, напоминающий звук от столкновения бильярдных шаров, и рука встала на место. Голова инженера безвольно упала набок, рот открылся. Ларри потерял сознание.

– Теперь он никогда нам этого не простит, – сказала Ленора.

– Сделайте ему холодный компресс, – велел Лэньер и снова прижался лицом к боковому иллюминатору. Машина полностью закрывала обзор.

– Не пытайтесь ускоряться, – снова посоветовал голос по радио. – Не включайте двигатели. Вас транспортируют в Аксис Надер.

Фарли помогла Хайнеману сесть в кресло. Он оглянулся и посмотрел на Ленору; лицо его было бледным. Ленора осмотрела его глаза, приподняв веки двумя пальцами.

– Шок, – определила она, открыла аптечку и, достав шприц, воткнула иглу в его здоровую руку.

Лэньер сидел в кабине и пытался извлечь из приборов хоть какую-то информацию. АВВП двигался быстро, и по крайней мере, хоть это было несомненно.

Ольми вошел в центр управления движением, изобразив пропуск, выданный президентом, воплощенному охраннику. Высокое овальное помещение было заполнено расплывчаты-

ми информационными изображениями, предназначенными для двух неоморфов, дежуривших у мониторов. Он подплыл к ним и оказался в окружении картин, во всех деталях демонстрирующих разрушенный дрейфующий трубоход и самолет под контролем машины, регулирующей поток движения.

– Это секретная операция, проводящаяся по особому распоряжению президента, – изобразил Ольми старшему неоморфу.

– Я не могу с этим согласиться, – ответил тот. – Допущено серьезное нарушение, и о нем немедленно должно быть сообщено суду. Им будет назначен адвокат...

– У них уже есть адвокат. Вы обязаны выполнить распоряжение представителя президента, – нажал Ольми.

Неоморф в форме яйца с руками-захватами с каждой стороны и с человеческим лицом спереди окружил себя изображением белого круга, символизируя подчинение. Однако Ольми этого было недостаточно.

– По распоряжению президента Бесконечного Нексуса Гексамона, вы освобождаетесь от своих обязанностей, – сообщил он.

Неоморф, покидая помещение, выражал отчаянный протест нечленораздельными звуками и красными изображениями.

Ольми занял его место, обменявшись взглядами с оставшимся неоморфом.

– Дело не дойдет до суда, – заявил он.

– Информация уже передана, – возразил оставшийся.

Ольми связался с кабинетом Сули Рам Кикуры в Центральном Городе, но перед ним появилась стилизованная личная эмблема.

– Сер Рам Кикура в настоящее время отсутствует. Это один из ее дублей. Могу ли я помочь?

– Это срочно. У нас появились новые гости. Они нарушили закон Гексамона, и их дело по распоряжению премьер-министра должно быть немедленно рассмотрено в суде. – Он изобразил код соответствующих полномочий.

– Принято. Совсем как живой, дубль покачал головой. – В самом деле, Ольми, ты доставляешь нам много проблем. – Она отключилась, и Ольми связался по другому каналу с Аксис Надером, потребовав, чтобы франт препроводил Патрицию в инспекционный ангар и чтобы весь путь туда был свободен. Это могло вызвать некоторые подозрения и обиду, но иного способа он не видел.

– Кроме этого, нам нужно еще несколько жилых помещений.

Он продемонстрировал франту свой код полномочий и закончил связь.

Затем Ольми полностью переключил все свое внимание на устройство контроля за движением и на самолет.

– Они не пострадали? – спросил он, окрасив свой вопрос в требовательный пурпурный цвет.

– К настоящему моменту они не получили повреждений, – с некоторой тревогой ответил неоморф.

– Вы осознаете, что операция секретна? – Неоморф с мягким зеленым оттенком согласился. – Хорошо. Тогда направьте ваше устройство и нарушителей в инспекционный ангар.

Ольми выплыл из помещения и самым коротким путем отправился в Аксис Надер.

– Сколько индивидуумов в вашем аппарате? – спросил голос.

– Четверо, – сказал Лэньер. – Один ранен.

– Воплощенные люди?

– Мы все люди. Кто вы?

– Сейчас вы находитесь в зоне приема незаконных транспортных средств. Не пытайтесь бежать; зона изолирована.

Машина отвела захваты и отделилась от самолета. Лэньер увидел, что они находятся в обширном пустом помещении, напоминающем ангар, с гладкими темно-серыми стенами. За лобовым стеклом кабины тянулись тонкие серебристые нити. Самолет висел на тросах, прикрепленных к бледно-серебристому тору, укрепленному под потолком. Три больших серых металлических робота окружили самолет, толкая его вперед. Каждый двигался на четырех изящных членистых ногах, а их массивные тела были разделены на полусферы с узкими гибкими трубками между ними.

В ангаре не было признаков людей. В двух местах стену прорезали овальные ворота шириной около четырех метров, но они никак не объясняли гостям, что и кто их ожидает.

– Хотите ли вы поговорить с человеком, который только что подтвердил вашу личность? – спросил голос, столь же приятный и мелодичный, что и прежний.

– Кто это? Кто опознал нас?

Послышался другой голос, который Гарри сразу же узнал.

– Гарри, это Патриция. Вас четверо? Кто они?

– Это она. Мы нашли ее, – сказал он. – Или она нас нашла.

– Я хотела, чтобы, что кто-то пришел за мной – так оно и случилось. Это мои друзья. – Патриция наклонилась, чтобы лучше видеть изображение. Ей удалось разглядеть друзей в кабине Лэнгера. – Они наверняка испуганы.

Она посмотрела на черную патрульную машину, которая скрылась в нише, расположенной выше самолета.

– У них могут быть серьезные неприятности с властями города, – предупредил Ольми. – Я постараюсь все разъяснить и закрыть дело, но не могу ничего гарантировать.

– Они искали меня, – сказала Патриция. – Нельзя винить их за это.

– Они двигались по осевому потоку, а это строго запрещено.

– Откуда они могли это знать?

Ольми помолчал.

– Я знаю, кто они. Ваш начальник Лэньер, Ленора Кэрролсон, белая китайка по имени Фарли и инженер Хайнеман.

– Вы их знаете? Вы следили за всеми нами?

Роботы втолкнули самолет через круглый проход в боковую камеру. Люк за ним закрылся, и свет в ангаре погас.

Патриция оперлась на предложенную Ольми руку. Он повел ее к входу в инспекционный ангар.

Вошла Сули Рам Кикюра. Она еще не встречалась с Патрицией, но все о ней знала. Рам Кикюра быстро обменялась с Ольми короткой серией изображений. Патриция не могла понять визуальные символы, но суть происходящего была ясна. Женщина была воплощенным адвокатом. Она брала показания у Ольми, чтобы передать их – для предварительного рассмотрения – суду.

Люк АВВП открылся. Робот на членистых ногах в нескольких ярдах от него остановился, выдвинув на всю длину датчики и регистрируя высадку пассажиров.

«История, – подумала Патриция. – Мы все здесь история».

Лэньер вышел первым. Патриция подавила желание помахать ему; вместо этого она приподнялась на пальцах и кивнула. Он кивнул в ответ и спустился по лесенке. Следующей вышла Фарли. Кэрролсон ждала в проеме люка. Лэньер махнул в сторону кабины и громко сказал:

– У нас там раненый. Ему нужна помощь.

Ольми и женщина снова посоветались, и женщина при-

коснулась к своему серебристому ожерелью. Делая это, она посмотрела на Патрицию и улыбнулась. Ее пиктор изобразил американский флаг над левым плечом; предки Рам Киктуры были американцами, и она этим гордилась.

– Что нам делать? – спросила Ленора. – Оставить его здесь?

– Объясните вашим друзьям, что придет медицинский робот, – вполголоса подсказал Ольми.

– С ним все будет в порядке. Помощь уже идет, – сказала Патриция.

Лэньер попытался подойти ближе, но робот остановил его.

– Дайте ему пройти! – попросила Патриция. – Ольми, чем они могут навредить вам?

– Они на карантинею. – Ольми указал на светящуюся красную линию, окружающую АВВП на уровне человеческой груди.

Патриция повернулась к Лэньеру, подняв руку.

– Они не причинят вам вреда. Все в порядке. Просто подождите немного.

– Я рад вас видеть. – Гарри говорил, продолжая следить за светящимися роботами. – Мы не думали, что разыщем вас.

Патриция почувствовала комок в горле и повернулась к Ольми.

– Мы должны держаться все вместе и должны помогать друг другу.

Ольми улыбнулся ей, но это не означало согласия. Он опять обменялся серией изображений с женщиной, и та еще раз прикоснулась к ожерелью.

– Сейчас принимается решение, – сказал он.

– Преступники они или гости? – поинтересовалась Патриция.

– О, они будут гостями. – Женщина на прекрасном английском.

– У них должны взять анализы, – предупредил Ольми. – Наверное, будет лучше, если вы им об этом скажете.

– Гарри, их очень интересуют культуры бактерий нашей кожи. Один из роботов сейчас подойдет к вам и сделает срезы. Это не больно. Кроме того, им нужен резервуар с отходами из кабины.

– Вот и медицинская команда, – заметил Ольми. Позже ему придется связаться с каждым, принимавшим участие в операции, и под присягой потребовать соблюдения тайны.

Еще двое воплощенных граждан и робот поменьше вошли в помещение и приблизились к красной линии. Когда они пересекли ее, на их рукавах появились красные шевроны: теперь они тоже были на карантине.

Лэньер, Кэрролсон и Фарли позволили медицинскому роботу завернуть им рукава комбинезонов и взять пробы. Затем робот отступил к красной линии. Его немедленно окружило приятное фиолетовое свечение; когда оно рассеялось, робот пересек линию и остановился.

Медицинская команда, целиком состоявшая из гомоморфов, вошла в люк самолета. Несколько минут спустя оттуда на своих собственных ногах выбрался Хайнеман, поддерживаемый с двух сторон. Шедший впереди гомоморф изобразил сообщение для Ольми.

– Он испытывает боль, однако повреждение несерьезное, – перевел Ольми Патриции. – Они сняли боль, но еще не дали ему лекарств.

Вместе с Патрицией Ольми пошел к красной линии, которая исчезла при их приближении.

– Карантин снят, – сообщил медик-гомоморф. Он изобразил несколько простых символов для Патриции, и она вежливо кивнула. Затем она бросилась вперед и обняла Лэньера, Кэрролсон и Фарли, задержавшись возле каждого. Когда дошла очередь до Хайнемана, Пат действовала более осторожно.

– Не оберегайте меня – я чувствую себя вполне сносно, – проворчал он. – Где мы, черт побери, находимся?

– Я получила решение суда, – сообщила адвокат, над плечом которой все еще парил американский флаг. Она подошла к группе, протягивая руки.

– У нее вживлен имплант, как и у всех остальных, – объяснила Патриция Лэньеру, дотрагиваясь до головы. – Сейчас она слушает, что решил суд.

– Дело рассмотрено и прекращено в силу открывшихся обстоятельств, – объявила женщина. – Все вы – гости Аксис

Надера. – Многозначительно посмотрев на Ольми, Рам Киккура добавила: – По распоряжению премьер-министра.

Глава 43

Велигорский стоял перед черной панелью – входом в библиотеку третьей камеры. Через площадь к нему осторожно двигались Белозерский и Языков, почти лишенные теней в свете плазменной трубки. Следом за ними шли два отделения десантников с оружием наизготове.

Мирский и Погодин наблюдали за ними из покинутого поста охраны НАТО – небольшого помещения, оборудованного видеомонитором. Мирский играл с клавишами звукоусилителя. Погодин посмотрел на него.

– Сейчас у нас есть шанс, – сказал он.

– Знаю.

Погодин снова повернулся к экрану. Мирский отрегулировал американское подслушивающее устройство и увеличил громкость.

– Нам не нужны еще солдаты, – объявил Велигорский. – Я уже отправил Мирского и Погодина в четвертую камеру для содержания под арестом.

– Кажется, он готов сотрудничать с нами, – тихо заметил Погодин.

Мирский кивнул. Риск, конечно, был, но за последние несколько дней ему стало ясно, что без Велигорского он руководить не сможет. У него не было ни опыта, ни склонности к политическим интригам и умения оставаться при этом в

живых. Велигорский был лучшим из политработников. Если он и Мирский не смогут работать вместе, невозможно будет никакое сотрудничество. Единственной альтернативой станет уничтожение всех, а Мирский сомневался, что способен на это. Тогда уж лучше сдать америкам или затеряться в городах и заботиться только о себе.

– Думаю, вам пора увидеть то, за что мы боролись, и научиться им пользоваться, – сказал Велигорский.

– У меня нет никакого желания идти по стопам Мирского, – возразил Белозерский. – Меня это совершенно не интересует.

– Товарищ Белозерский! – полквник был терпелив. – Знание – сила. Вам хочется быть более невежественным, чем остальные? Я был там и, тем не менее, я все тот же Велигорский, все тот же секретарь парторганизации.

– Да... – согласился Языков. – Меня это не пугает.

– Меня тоже, – поспешно вставил Белозерский. – Но...

– Тогда давайте войдем и посмотрим, на что Мирский потратил столько времени.

Мирский держал их в прицеле видеокамер, пока они не скрылись из глаз. Сейчас решится еще кое-что. Можно ли ничего не знать о своей собственной стране, проживая в ней всю жизнь? Да. Было не с чем сравнивать, и как бы много он ни знал, без возможности сравнения знание оставалось дремлющим. Даже получив информацию из библиотеки, он вынужден был провести эксперимент. Каким бы нечестным

он ни был, теперь Мирский мог на основании действий Велигорского составить мнение о своей стране и обо всем, что она символизировала.

– Он заберет у них оружие, – сказал Мирский. – Нельзя допустить, чтобы они были вооружены, когда появлюсь я.

– Вы отправитесь туда? – спросил Погодин.

– Да.

– Вы так доверяете Велигорскому?

– Не знаю. Риск, конечно есть.

– Не только для вас, – заметил полковник. – Мы все сотрудничали с вами – Плетнев, ученые, я сам, Анненковский, Гарабедян.

Мирский направился к лестнице. Когда он спускался, по спине у него бежали мурашки. Сейчас он испытывал больший страх, чем во время десанта в скважине. У него появилось странное ощущение, что он снова стал ребенком. И он устал. Ту же усталость он видел у американца, Лэньера.

Генерал открыл дверь и вошел в библиотеку. Там были лишь три замполита: Велигорский держал Белозерского под прицелом, Языков стоял в стороне, испуганно глядя на своего коллегу. Их оружие валялось на полу, отброшенное в сторону, чтобы до него нельзя было дотянуться.

– Идите сюда, товарищ генерал, – сказал Велигорский.

Он сделал несколько шагов в сторону, продолжая держать Белозерского на мушке, и наклонился, чтобы поднять с пола автомат. Белозерский уставился на Мирского с нескрыва-

емой ненавистью. Лицо Языкова было бледным и непроницаемым. Мирский направился к ним.

Когда он был в пяти метрах от группы, Велигорский отвел пистолет от Белозерского и прицелился в Мирского.

– Мне не за что вас благодарить, – сказал он и нажал на спуск.

В глазах у Мирского все поплыло, словно перед ним внезапно возникла искажающая очертания предметов линза. Одна сторона головы вдруг показалась ему очень большой. Он опустился на колени, наклонился вперед и упал, сильно ударившись щекой о спружинивший пол. Боль от удара была сильнее, чем от того, что случилось с его головой. На единственном здоровом глазу выступили слезы.

Велигорский опустил пистолет, отдал его Белозерскому, подошел к брошенным автоматам, поднял один и, направив его в зал, начал опорожнять магазин. Серебристые капли разлетались вдребезги, пули рикошетировали, глухое эхо отдавалось в большом зале.

Торжествующий радостный крик Белозерского внезапно оборвался; раздался очень громкий, не поддающийся описанию звук. Три замполита вздрогнули; Велигорский уронил оружие и отдернул голову назад. Языков зажал ладонями уши и рот. Вся троица упала без чувств. С потолка хлынули белые потоки и окутали все густым туманом.

Туман накрыл их, и Мирский закрыл глаз, радуясь тому, что наконец погружается в безмятежный сон.

Глава 44

Лэньер лежал на кушетке, придерживая рукой занавеску с африканским орнаментом, глядя на гладкий кремового цвета потолок и делая вид, что отдыхает. Ему было известно очень немного.

Их жилище располагалось во внешней части вращающегося цилиндра, именуемого Аксис Надером – пять квартир вдоль широкого коридора, каждая со спальней, ванной и гостиной. В конце коридора находились общая столовая и большая круглая комната отдыха. Центробежная сила на этом уровне была лишь ненамного меньше, чем в камерах Камня. Ни в одном из помещений не было настоящих окон, хотя иллюзорные окна, с идиллическими земными пейзажами, создавали иллюзию пространства, которая выглядела абсолютно реальной.

Кто-то приложил немалые усилия к тому, чтобы создать им приятные и знакомые условия. Насколько Лэньер смог разобраться, они были здесь важными персонами, но пленники они или почетные гости, в настоящее время сказать было невозможно.

Он повернулся на бок, протянул руку к стопке журналов на столике рядом с кушеткой, взял номер «Штерна» и стал листать его, почти не глядя на страницы. Его глаза продолжали изучать интерьер, задерживаясь на мелких деталях.

Изящная ваза на письменном столе – красно-пурпурная с золотыми прожилками; богатая ткань, которой покрыта кушетка; книги на полке; блоки памяти в изящном держателе из черного дерева.

Он уже собирался положить журнал обратно, когда сообразил, что не посмотрел на дату выпуска. 4 марта 2004 года. Более чем годичной давности. Где они их нашли?

И все прочие предметы в квартире?

– Можно войти? – спросила Патриция.

Дверь квартиры стала прозрачной, и Гарри увидел девушку стоявшую в коридоре. Судя по ее реакции, она внутренность помещения не видела.

– Да, – сказал он. – Пожалуйста.

Патриция продолжала стоять за дверью.

– Гарри, вы дома?

На мгновение это его озадачило – она его не слышала. В воздухе появились символы – быстро сменяющиеся маленькие шедевры каллиграфии, пиктограммы, как их называла Патриция, предложения, состоявшие из отдельных изображений. Когда ничего не произошло, Гарри подошел к двери, и бесполоый мелодичный голос произнес:

– К вам посетитель, мистер Лэньер. Вы разрешаете Патриции Луизе Васкес войти?

– Да, пожалуйста, впустите ее, – ответил он. Дверь снова стала непрозрачной и скользнула в сторону.

– Привет, – сказала Патриция. – Мы собираемся через

полчаса: встречаемся с женщиной, которая была в ангаре. Ольми говорит, что она наш «адвокат». Я хотела сначала поговорить с вами.

– Хорошая идея. Давайте сядем.

Лэньер пододвинул к себе удобное обтянутое кожей кресло, а Патриция села на кушетку. Она положила руки на колени и пристально смотрела на него, поджав губы, словно прятала улыбку.

– Что, черт возьми, с вами случилось? – поинтересовался Лэньер.

– Разве неясно? Меня похитили. Я думала, на нас напали или нечто в этом роде. Тогда мне казалось, что я схожу с ума. Может быть, не только казалось. Я села в поезд и поехала в третью камеру, а там меня нашел Ольми. С ним был фронт – негуманоид.

– Кто такой Ольми?

– Вы его видели – это он привез нас сюда и распорядился, чтобы нам подготовили квартиры.

– Да, я его видел, но кто он, какой пост занимает, насколько он важная персона?

– Он работает на Нексус – главный руководящий орган Гексамона. Последние несколько дней, с тех пор как мы здесь, он был моим учителем. На нас напали?

– Да, – сказал Лэньер. – Русские.

Он рассказал обо всем, что произошло. Патриция внимательно слушала.

– Я думаю, это одна из причин, по которой Ольми решил забрать меня с Камня, – заметила она. – Он считал, что я подвергаюсь опасности. Я не могу объяснить, почему он выбрал именно меня, но... – Девушка пожала плечами. – У меня есть некоторые мысли. Они уже провели со мной разные тесты – вас это тоже ждет. Диагностические тесты, психологические – все за несколько минут. Это не больно. Их очень интересуют наши тела. Мы для них исторические курьезы.

– С этим можно поспорить. Так или иначе, когда я услышал, что вас похитили, сам чуть с ума не сошел. Джудит Хоффман удалось добраться до Камня с Шестнадцатой станции...

– Как здорово! – воскликнула Патриция. – С ней был кто-нибудь еще?

– Да, но никого из наших знакомых.

Радостное выражение замерло на ее лице.

– Она, очевидно, решила, что от меня нет больше никакого толка, – сказал Лэньер. – Думаю, вы были последней соломинкой.

– Я?

– Хоффман поручила мне заботу о вас. Я не смог предотвратить того, что произошло на Земле, и, кроме того, потерял вас. Я довольно болезненно отношусь к неудачам, Патриция. – Он потер щеки и глаза. – Неудача. Да. Полагаю, можно назвать потерю Земли неудачей.

Патриция зажала руки между коленями.

– Она не потеряна, – пробормотала она.

– Короче говоря, Хоффман организовала экспедицию, чтобы найти вас.

– Хорошо, что вы все здесь – мои друзья, мои помощники. – Она не могла скрыть своей радости.

– Мы действительно гости здесь?.

– О, да. Они вас не ждали, хотя, когда Ольми впервые о вас услышал, он уже знал, что это трубоход. Они сразу же проконсультировались с Ольми, как только он вернулся в коридор.

– Они знали о Камне – о том, что мы там делали?

– Полагаю, что да. Вероятно, Ольми рассказал им об этом.

– И как они собираются поступить? Полагаю, они все еще заинтересованы в Камне...

– Не уверена. Некоторые – да. Все это довольно запутано, а я пока только учусь – и всего несколько дней. Ольми говорит, в этом замешано слишком много политики.

– Они достаточно развиты, не так ли? – спросил Гарри.

– О, да, но не настолько, чтобы мы не могли многого понять. Наши комнаты, например, не очень отличаются от той квартиры в третьей камере, которую показывал мне Такаха-си.

Лэньер не стал сообщать о предательстве Такаха-си. Сейчас он не считал это необходимым.

– Весь интерьер – иллюзия, – объяснила Патриция. – В каждой комнате есть пиктор – нечто вроде проектора. Он за-

ставляет нас чувствовать и видеть все детали. Есть кое-какая основная мебель, но все остальное – проекция. Они применяют эту технологию уже очень давно, в течение столетий, и привыкли к этому так же, как мы к электричеству.

Лэньер протянул руку и провел по экземпляру «Штерна», потом вытащил из-под него номер «Тайм».

– Эти журналы, эта ваза. – Он показал на изящный сосуд. – Все только запись, хранящаяся где-то, проекция?

– Думаю, да.

– Они сейчас наблюдают за нами?

– Нет. Во всяком случае, говорят, что нет. Личной жизни здесь придается очень большое значение.

– Вы сказали, что у вас есть кое-какие мысли по поводу того, зачем вы им понадобились.

– Ну... это лишь предположение. Возможно, Ольми беспокоило, что я могу найти способ, изменения структуры шестой камеры.

– Но он хотел, чтобы вы оставались в безопасности.

– А заодно избежать проблем. – Она встала и кивнула на обстановку. – Вам нравится?

– Достаточно совершенно. – Он пожал плечами. – И удобно.

– Они умеют хорошо подбирать подходящий интерьер. В моих комнатах тоже удобно. Хотя совсем не так, как дома. Я... – На какое-то мгновение в ее глазах появилась твердость и целеустремленность. – Я не все до конца воспринимаю. По-

рой все просто путается в голове.

– В этом нет ничего неожиданного.

– Они помогут нам, – сказала Пат. – Они помогут мне найти свой дом. Они смогут это. Они еще не знают как, но смогут. По крайней мере, я это знаю с тех пор, как я здесь. Коридор очень запутан. – Она переплела пальцы и сжала руки. – Давайте пойдём к остальным.

Ольми стоял в центре круглого зала, Сули Рам Кикура – рядом с ним. Он официально представил ей каждого из пятерки, подробно рассказав о том, чем они занимались на Пушкинке. Лэньер был потрясен тем, как много знал Ольми: казалось, он вел досье на каждого.

– А это сер Сули Рам Кикура, ваш адвокат. Ваше прибытие на трубоходе было абсолютно незаконным, поэтому она уже приступила к исполнению своих обязанностей. Благодаря ей, ваше дело в суде было прекращено в связи с чрезвычайными обстоятельствами.

– И с помощью полномочий, полученных от премьер-министра, – добавила Рам Кикура. – Адвокат моего уровня не смог бы добиться чего-либо подобного самостоятельно.

– Она себя недооценивает, – улыбнулся Ольми.

– Теперь, когда мы знаем друг друга по именам, я думаю, нам проще будет обо всем договориться, – сказала Сули Рам Кикура. Ольми сел и скрестил руки на груди. – Прежде всего, большая часть граждан и гостей Аксиса, а также сообще-

ства вдоль Пути, который вы называете коридором, общаются друг с другом при помощи пиктограмм. – Она коснулась ожерелья у себя на шее и посмотрела на Хайнемана. Перед его глазами замерцали вспышки света. – Это мой личный пиктор. Через несколько дней вы все получите пикторы. Изучение графоречи совсем не обязательно для вас, но это будет очень полезно. Уроки займут не более двух-трех дней. Мисс Васкес, как я понимаю, уже владеет начальными знаниями.

– Просто прелесть, – прокомментировала Патриция.

– Я говорю на американском английском уже много лет, поскольку горжусь своим происхождением – из Северной Америки, точнее, из Соединенных Штатов Америки, если еще точнее, из Калифорнии.

Когда вы увидели меня впервые, вы, вероятно, заметили, над моим левым плечом изображение флага США. Так часто поступают америфилы; это символ нашей гордости. После Гибели считалось позорным декларировать русское или американское происхождение. Те, кто делал это, подвергались гонениям. Американцев преследовали в большей степени, чем русских. Когда латиноамериканцы и мексиканцы заселили обширные территории Северной Америки, людей, заявлявших о том, что они граждане Соединенных Штатов, арестовывали. Надериты в то время пытались создать единое мировое правительство, отсюда и определенная враждебность к бывшим сверхдержавам.

– Теперь это не так? – спросил Хайнеман.

Рам Кикура кивнула.

– Соединенные Штаты дали нам большую часть нашей культуры, основы наших законов и системы правления. Мы относимся к Америке примерно так же, как вы к Риму или Греции. Граждане гордятся своими американскими предками. Если о вашем присутствии здесь станет широко известно...

Лэньер крепко сжал кулаки, обеспокоенный намеком на некую секретность.

– ...тогда, боюсь, мне придется стать вашим импрессарио. – Ее улыбка, казалось, говорила как о чувстве юмора, так и об уверенности в себе. Лэньер слегка ослабил напряженные кулаки.

Фарли покачала головой.

– Я китаянка. Ко мне это не относится?

Рам Кикура улыбнулась.

– Отнюдь. Граждане с китайскими корнями составляют почти треть Гексамона – намного больше, чем американцы. Что касается вашего статуса – пока что ваше присутствие здесь рассматривается как тайна Гексамона. Вы не будете иметь никаких контактов с другими гражданами, пока ситуация не прояснится. Тем не менее, вы имеете все права, которыми пользуются гости Гексамона. Даже президент не может лишить вас этих прав. Одно из них – право на адвоката, представляющего ваши интересы и дающего консультации. Если кто-нибудь возражает против того, что ваш адвокат я,

сразу же скажите, и будет назначен другой.

Рам Кикура обвела взглядом их лица. Возражений, как она и ожидала, не было.

– Ваш нынешний статус – потенциальные новые граждане. Это означает, что вы можете быть полезны Гексамону, и дает вам некоторые преимущества, которые можно расценить как плату. Но пока вас не будут беспокоить. Как новичков вас будут изучать – если только вы не возражаете – и полученная информация будет внесена в банки данных Гексамона. Она будет доступна Нексусу и другим органам управления, независимо от того, будете вы возражать против этого или нет.

– У меня есть вопросы, – сказал Лэньер.

– Пожалуйста, спрашивайте.

– Что такое Гексамон... и Нексус?

– Гексамон – это все граждане вместе. Вы могли бы назвать его государством. Нексус – главный законодательный орган этого города и Пути, начиная от Пушинки и до запретной территории на отметке два экс девять. То есть, до двухмиллиардного километра Пути.

– Вы все потомки камнежителей – людей, живших на Пушинке? – спросила Кэрролсон.

– Да, – сказала Рам Кикура.

– Прошу прощения, – вмешался Хайнеман. – Сколько людей живет здесь? Как велик этот... Аксис?

Рам Кикура улыбнулась и обращаясь к пустым стенам, изобразила инструкции. Каких-либо мониторов нигде не бы-

ло – видимо, их функции выполняли невидимые комнатные пикторы.

Рядом с ней, медленно вращаясь, появилось очень подробное изображение Аксиса. Хайнеман наклонился вперед, сосредоточенно глядя на него.

– Город и Путь населяют сто миллионов человек. Десять миллионов живут вне города, вдоль Пути. Это главным образом, торговцы и координаторы пятисот семидесяти одного действующего колодца. Девяносто миллионов живут в Аксисе. Из них семьдесят миллионов находятся в Памяти Города. Большинство прожило два законных воплощения и покинуло свои тела, чтобы существовать в качестве личностных матриц в Памяти Города. В особых обстоятельствах им могут быть выделены новые тела, но чаще всего они вполне довольны жизнью и там. Около пяти миллионов личностей с отклонениями – поврежденных или с нарушениями, которые невозможно устранить, даже с помощью крайних мер – содержатся в неактивном состоянии.

– Люди не умирают? – спросила Ленора Кэрролсон.

– Под смертью мы понимаем утрату телесного состояния, но не личности. Одним словом – нет или очень редко, – сказала Рам Кикура. – Все мы снабжены имплантами. – Она коснулась точки за ухом, затем над переносицей. – Они дополняют наши мыслительные процессы, а если происходит несчастный случай, сохраняют информацию о наших самых последних ощущениях и личности. Имплант практически

вечен – это первое, что мы забираем у жертвы несчастного случая. Каждые несколько дней мы пополняем наши копии в Памяти Города записями со своих имплантов. Таким образом, личность может быть быстро восстановлена. Надо сделать последнюю запись и перенести личность в новое тело – и она будет неотличима от оригинала.

Рам Кикура обвела взглядом аудиторию в ожидании новых вопросов. Их не было – все переваривали только что услышанное.

– В качестве примера я возьму Ольми, – сказала Рам Кикура. – С его разрешения...

Ольми кивнул.

– В некотором роде, он редкость – по причине своего возраста и истории. Его первоначальное тело было рождено пять столетий назад. Первая смерть была вызвана несчастным случаем; разрушение не было полным, и его восстановили. Поскольку он считался важной персоной в Гексамоне и работа его была опасной для жизни, ему разрешили три воплощения вместо обычных двух. Его нынешнее тело приспособлено для специфической работы; это распространенный тип, полностью обеспечивающий сам себя. Его выделительные системы закрыты. Внутри желудка находится маленькая энергостанция. Все отходы перерабатываются внутри. Ему нужно заменять источники питания и вводить дополнительные вещества лишь раз в год. Вода ему требуется раз в три месяца.

– Вы человек? – подчеркнуто резко спросила Кэрролсон у Ольми.

– Да, – ответил он. – Полагаю, вас интересует, как у меня обстоит с сексом?

– Что... Если честно, то да, – согласилась Ленора.

Хайнеман прищурил глаз и поднял бровь.

– Я в полной мере мужчина – по рождению и по выбору, – и мои органы нормально функционируют.

– Это действительно так, – подтвердила Рам Киккура. – Но врожденная половая ориентация даже у тех, кто родился естественным путем, не обязательно является постоянной.

– Вы имеете в виду, что мужчина – не навсегда мужчина? – спросила Карен Фарли.

– Или женщина. Многие неоморфы в настоящее время не имеют явно выраженной ориентации.

– Вы упомянули о рожденных естественным путем, – сказал Хайнеман. – У вас есть дети из пробирки или что-то в этом роде?

– Рискую шокировать вас – что, возможно, неизбежно, – скажу, что большинство людей сейчас не рождается от мужчины и женщины. Их личности создаются одним или несколькими родителями путем объединения частей личностей в Памяти Города с введением того, что мы называем Таинством, по крайней мере, от одного индивидуума, обычно – мужчины. Юная личность обучается и тестируется в Памяти Города, и если все проходит нормально, она «взросле-

ет», то есть получает свое первое воплощение, чаще всего, в виде зрелого молодого человека. Тело, которое получает личность, может быть выбрано либо родителями, либо ею самой. После того как гражданин использует два своих воплощения, он возвращается в Память Города.

Кэрролсон начала что-то говорить, потом на мгновение задумалась, но решила все же сказать.

– Эти... без тел, в компьютерах – они люди, они живые?

– Они считают, что да, – сказала Рам Кикура. – У них есть определенные права и определенные обязанности, хотя по понятным причинам их роль в управлении обществом меньше, чем у воплощенных граждан. Но мне кажется, мы сейчас обсуждаем не самые важные темы...

Она показала на вращающееся изображение города.

– Здесь вы будете жить. В настоящее время вы не можете вернуться на Пушкинку. Ваш дом располагается в этой секции – Аксис Надере, – где условия вполне приемлемы для вас: внешний вид, культура, люди. Здесь живут ортодоксальные надериты, хотя в течение некоторого времени вы их не увидите. Мисс Васкес сообщила сэру Ольми, что некоторые из вас знакомы с началами нашей истории. Тогда вам должно быть известно, что ортодоксальные надериты, как правило, предпочитают условия, максимально приближенные к земным. В этой секции много естественных природных зон, а иллюзии в общественных местах сведены до минимума. Есть еще две вращающихся секции – Аксис Торо и Аксис

Евклид, – расположенные за Центральным Городом. В Аксис Торо тоже живут надериты, хотя и придерживающиеся более либеральных убеждений.

– Еще вопрос, – сказал Лэньер. – Когда мы сможем вернуться?

– Не знаю. Это решаем не мы.

– Мы можем послать им сообщение?

– Нет, – сказал Ольми. – Формально ваши люди нарушили закон.

– Вы не считаете, что ситуация несколько необычна? – спросил Гарри. – Сейчас, когда Пушинка вернулась к Земле...

Ольми был явно смущен.

– Необычная. И очень непростая.

Патриция дотронулась до руки Лэньера и слегка покачала головой, как бы говоря: пока достаточно.

– После обеда у вас будет время, чтобы освоиться и научиться пользоваться различными приспособлениями. Затем вы сможете отдохнуть. Завтра утром вас разбудят. Пожалуйста, возвращайтесь к себе.

В коридоре Патриция подошла к Лэньеру.

– Мы только пешки в чьей-то игре, – вполголоса сказала она. – Мы их встревожили.

Она приложила палец к губам и скрылась в дверях.

Глава 45

Ву и Цзян рука об руку шли от станции к площади перед библиотекой, почти не разговаривая, но явно довольные обществом друг друга. Несколько часов назад они решили отправиться сюда вдвоем, чтобы совершить паломничество, которое планировали очень многие, но мало у кого находилось для этого время. Около двадцати военных НАТО и союзных сил, члены научных команд побывали там в одиночку и группами и вернулись с благоговейными рассказами об информационном потенциале библиотеки. Это произвело впечатление на Ву; он попросил разрешения у Хуа Линя, и, поскольку область их исследований сократилась, руководитель китайской команды согласился.

Но что-то было не так. Перед библиотекой в некотором замешательстве бродили русские солдаты. Заметив Ву и Цзян, пересекавших площадь, они бросились ничком на землю и схватились за автоматы. Ву инстинктивно поднял руки. Цзян отступила на шаг и, казалось, собралась бежать.

– Нет, моя дорогая, – прошептал Ву.

– Что с ними?

– Не знаю. Советую не делать резких движений.

Она придвинулась ближе к Ву и тоже подняла руки, глядя на него в поисках поддержки. Он кивнул.

Они стояли так несколько долгих и неприятных минут, в

то время как солдат подползли друг к другу и посоветовались. Затем прозвучала резкая команда, и русские, кроме двух автоматчиков, встали, опустив оружие.

– Теперь мы можем идти? – спросила Цзян.

– Нет, еще нет.

Двое русских шли через площадь им навстречу. Не дойдя несколько метров, они остановились.

– Вы говорите по-русски? – спросил один из них.

– Я говорю, – ответила Цзян. – Но по-английски лучше.

– У меня ужасный английский, – сказал тот. – Вы китайцы?

– Да. Мы гуляли, – объяснила Цзян.

С этого момента они говорили по-русски.

– Я ефрейтор Родженский, а это ефрейтор Фремов. В библиотеке что-то произошло, но что именно – мы не знаем. Мы не можем вас пропустить туда, да и здание не откроется.

– У вас есть какие-то мысли по этому поводу? – спросила Цзян, изо всех сил стараясь выглядеть заинтересованной и вежливой.

– Нет. Мы слышали выстрелы, а потом черная... стена закрылась и больше не открывается.

– Из-за чего стреляли?

– Мы не знаем, – объяснил Родженский, нервно поглядывая на Фремова. – Мы связались с нашим руководством в четвертой камере, но они еще не прибыли.

– Мы поможем вам, чем можем, – предложила Цзян. –

Или, если хотите, уйдем.

– Нет... Наверное, вы могли бы подойти к двери, попытаться открыть ее. Может быть, это и глупо, но все-таки... – Родженский пожал плечами, потом внезапно сообразил, что их автоматы все еще направлены на китайцев. – У вас есть оружие? – спросил он, оглядываясь через плечо на лежащих автоматчиков.

– Нет. Мы ученые.

Родженский крикнул, чтобы солдаты опустили оружие.

– Мы плохо знаем это место, – сказал он, – и очень беспокоимся. Особенно сейчас. Наши офицеры внутри – ищут дезертира. – Он нахмурился, видимо, поняв, что говорит слишком много. – Пойдемте и посмотрим, не откроется ли дверь перед вами.

Пока их вели к библиотеке, Цзян все объяснила Ву, на лице которого застыло выражение напряженного интереса. Солдаты в некотором замешательстве бродили вокруг. Ву подошел к черной стене, подняв руки, и приложил к гладкой поверхности ладони.

Она не расступилась перед ним, чего, судя по всему, и следовало ожидать. Ву отступил на шаг и опустил руки.

– К сожалению, – сказал он, – кажется, что...

Изнутри послышалась серия низких вибрирующих звуков; затем она повторилась, и раздался голос:

– В этой зоне требуется вмешательство полиции. – Голос говорил по-русски. – Вход посторонним запрещен. Просим

немедленно известить медицинский и полицейский персонал. Вход запрещен. – Затем сообщение повторили по-английски и по-китайски.

Солдаты отступили назад, подняв автоматы и вытащив пистолеты.

– Вероятно, внутри что-то случилось, – спокойно объяснила Цзян Родженскому. – Наверное, нам следует сообщить об этом своему руководству, не так ли?

Она посмотрела на русского миндалевидными глазами; на лице ее застыло уверенное хладнокровное выражение. Ву просто любовался ею. Он никогда не видел ее реакции на критические ситуации.

Ефрейтор Родженский задумался, отрицательно покачал головой, потом, сгорбившись, словно от непосильного гнета, задумался снова.

– Что нам делать, если она не откроется? – спросил он.

– Сейчас она не откроется.

– Наше руководство внутри – все до единого.

Цзян продолжала напряженно смотреть на него.

– Да... ладно, – наконец сказал Родженский. – Пожалуйста приведите сюда ваше начальство.

– Спасибо.

Цзян взяла Ву под руку и пошла вместе с ним назад.

– Очень странно! – воскликнула она, удивленно качая головой. – Более чем странно.

– Ты была просто великолепна, – потрясенно сказал Ву.

– Спасибо.

Она благодарно улыбнулась.

Глава 46

Он только что закопал свой парашют и теперь лежал в высокой сладко пахнущей сухой желтой траве возле дороги. Закрыв глаза руками, он ждал, когда мимо пройдет грузовик или машина, и он попросит подвезти его в Подлипки – или это случилось в Монголии? У тамошней базы был лишь номер – 83.

Впрочем, это не имело значения. Солнце было теплым, и, если не считать легкой головной боли, майор Мирский чувствовал себя прекрасно. Он приземлился так далеко, что, возможно, потребуются часы, чтобы добраться до базы. Пропал не только обед, но и политзанятия. Он с удовольствием обменял бы тарелку каши на несколько часов размышлений в одиночестве.

Наконец на дороге появилась запыленная черная «волга» и остановилась рядом с ним. Заднее стекло опустилось, и плечистый, с мясистым лицом человек в сером высунул наружу голову, хмуро глядя на Мирского.

– Что вы здесь делаете? – спросил человек. Он напоминал генерал-майора Сосницкого, но что-то в нем было и от бедняги Жадова, погибшего во время бойни в скважине... где-то, когда-то... – Как зовут вашу мать?

– Надя, – сказал он. – Мне нужно...

– А какой торт был у вас в день рождения, когда вам ис-

полнилось одиннадцать?

– Простите, я не понимаю...

– Это очень важно. Так какой?

– Кажется, что-то шоколадное.

Человек в сером кивнул и открыл дверцу.

– Садитесь.

Мирский уместился рядом с ним. Сиденье было влажным от крови; три спутника незнакомца были трупами, одинаковыми с виду, с окровавленными головами и вытекшими мозгами. – Вы знаете этих людей?

– Нет. Мирский расхохотался – Нас друг другу не представили.

– Они – это вы, – объяснил серый человек, и все погрузилось в серую мглу. Он снова закапывал парашют...

У него начали возникать подозрения. Наконец, после того как его подобрали в седьмой или восьмой раз, и человек в сером заинтересовался его комсомольским прошлым, Мирский решил задать несколько вопросов.

– Я знаю, что это не сон. Где я?

– Вы были очень тяжело ранены.

– Я, кажется, этого не помню...

– Нет, но вспомните. Вам выстрелили в голову, и вы серьезно пострадали. Часть вашего мозга разрушена. Вы никогда не сможете вспомнить свою жизнь во всех подробностях и никогда уже не будете тем же самым человеком.

– Но я прекрасно себя чувствую.

– Да, – согласился человек в сером. – Это нормально, но это лишь иллюзия. Вместе с вами мы будем исследовать вашу память, выяснять, что сохранилось. Осталось, собственно, достаточно много – что удивительно, учитывая тяжесть ранения, – но вы никогда уже не будете...

– Да, да, – перебил Мирский. – Так я умру?

– Нет, вы вне опасности. Голова и мозг восстановлены, и вы будете жить. Но вы должны принять решение.

– Какое?

– Вы можете жить с недостающими частями мозга, а можете получить нейропротез – искусственные сегменты личности, подогнанные к оставшимся.

– Вот теперь я действительно в замешательстве.

Человек достал из сумки книгу с картинками. Когда он открыл ее, оказалось, что страницы заполнены прекрасно выполненными изображениями – некоторые были ослепительно яркими, другие имели приглушенно-металлический оттенок, третьи же вызвали вкусовые и осязательные ощущения. Он взял книгу и стал ее читать. Закончив, спросил:

– Буду ли я знать, что принадлежит мне, а что нет?

– Если вы этого пожелаете.

– А без этих... протезов? Кем я буду?

– Инвалидом. Вы сохраните память, – объяснил незнакомец, – хотя кое-что вам трудно будет вспомнить четко, а кое-где будут провалы. Вам потребуются недели, чтобы научиться снова видеть, и зрение ваше никогда не будет хорошим.

Вы никогда не восстановите обоняние и чувствительность левой стороны тела. Ваши способности к математическим выкладкам сохранятся, но речь будет невнятной и может никогда не восстановиться.

Мирский смотрел на лицо незнакомца, пока ему не показалось, что оно расплывается в небе за боковым стеклом машины.

– Это звучит не слишком весело.

– Можете выбрать.

– Вы находитесь в библиотеке, верно?

– Я – вовсе не то, что вы видите, – пояснил человек. – Я – функция города, принявшая форму, приемлемую в вашем теперешнем состоянии. Людей-медиков сейчас в нашем распоряжении нет, и город взял ваше восстановление на себя.

– Ясно, – сказал Мирский. – С меня достаточно. Я больше не хочу ничего, кроме тьмы.

– Да, это произойдет, как только вы примите решение.

– Я говорю, что хочу умереть.

– Это не входит в число возможных вариантов.

– Ладно, тогда – да.

Он быстро принял решение, чтобы не думать больше обо всех возможностях, обо всех ужасах.

– Вы согласны на нейропротезирование?

– Согласен.

Незнакомец приказал остановить машину и улыбнулся.

– Можете выходить, – сказал он.

– Спасибо.

– Не за что.

Мирский вышел из «волги» и закрыл дверцу.

– Да, еще одно, – остановил его человек, высовываясь из окна. – У вас были намерения причинить вред Белозерскому, Велигорскому или Языкову, в частности, Велигорскому?

– Нет, – ответил Мирский. – Они меня раздражали, и я бы с удовольствием обошелся без них, кроме, может быть, Велигорского. Но нет, я не собирался причинять им вред.

– Спасибо. – Человек поднял стекло.

– Не за что.

Мирский сошел с дороги, и оказалось, что уже ночь. Он лег на траву и уставился в черноту неба.

Глава 47

– Потемнее, пожалуйста, – попросил Лэньер.

Комната погрузилась в полумрак. Он сидел на иллюзорной кушетке и мысленно повторял то, что Патриция сказала ему после собрания. «Мы их встревожили». Имела ли она в виду, что Аксис знал об их присутствии на Камне с самого начала? Как долго этот замкнутый, самообеспечивающийся Ольми наблюдал за ними?

Погруженный в размышления Гарри почувствовал некоторое напряжение внизу живота и понял, что изо всех сил старается не думать о сексе, но тело не считается с мозгом.

Дверной голос объявил:

– Карен Фарли просит разрешения войти.

– Зачем? – резко спросил он, злясь на неподходящий момент. – Подождите... она одна?

– Да.

– Пусть... пусть войдет. – Лэньер встал и разгладил комбинезон, бывший на нем во время полета на АВВП, а сейчас выстиранный и выглаженный. Он проигнорировал одежду, лежавшую на овальной кровати в спальне.

Карен поступила иначе. Когда дверь открылась и загорелся свет, она появилась в очень схожем с брошенным Гарри платье, только золотисто-бежевом, а не темно-синем.

– Что?

– Разве это подходящий вопрос?

– Не думаю, – согласился Лэньер. – Чему обязан?

– Я разговаривала с Патрицией, вернее, она приходила ко мне. И я подумала, что вам, возможно, интересно будет кое-что услышать.

Он показал на кресло напротив кушетки.

– Мы разговаривали перед собранием, но я, скорее, запутался, а не разобрался.

– Хайнеман и Кэрролсон сегодня провели ночь вместе, – сообщила Карен, усаживаясь. – Патриция об этом не говорила – Ленора сказала. И еще на Камне, я заметила, что Ву и Цзян все время куда-то вместе исчезают.

Лэньер пожал плечами и потер ладони.

– Это нормально, – сказал он.

– Да. Но я, кажется, застала вас врасплох, так? Я имею в виду...

– Я вас прекрасно понимаю.

– Не знаю, что и сказать. – Она с любопытством окинула взглядом его жилище. – Меня никогда по-настоящему не влекло к вам...

– Влекло, – улыбнулся он.

– Ну, да, Боже мой. Не влекло. Но вы выглядели таким потеряннным. И я тоже чувствовала себя потерянной. Честное слово, вы остаетесь для меня начальником.

– Это неважно, – сказал он. – Так что Патриция...

– Это важно, – спокойно возразила Фарли. – Вы мне нра-

вились. Я уверена, что и я вам нравилась. Это нормально. Я просто хочу, чтобы вы знали: я на вас не в обиде.

Несколько мгновений Лэньер молчал, глядя в ее темные глаза.

– Хотел бы я говорить по-китайски, чтобы мы могли по-настоящему понять друг друга. Я мог бы научиться...

– Это было бы полезно, но прямо сейчас в этом нет необходимости, – с улыбкой сказала она. – Я могу вас научить.

– Так что сказала Патриция?

– Она думает, что нас используют – Ольми или кто-то другой – с какой-то целью. Ольми много говорил с ней, и она даже несколько раз беседовала с франтом. Она считает, что в Аксисе слишком много политики, и мы, возможно, не в состоянии узнать, что все это означает. Пока не в состоянии. Кроме того, она говорит, что информационная служба в ее жилище предоставляет ей меньше данных, чем в городе третьей камеры. Она считает, что для нас могли ввести ограничения.

– Звучит не слишком приятно, – задумчиво проговорил Лэньер. – Вернее, это может быть не слишком приятно, а может и вовсе ничего не означать. Возможно, они решили обращаться с нами аккуратно, дать нам возможность приспособиться постепенно.

– Я сказала ей то же, а она только улыбнулась. Патриция странно себя ведет, Гарри. Она еще сказала, что знает способ, как нам всем вернуться домой. У нее по-настоящему го-

рели глаза, когда она говорила об этом.

– Мне она тоже об этом говорила. Она разработала план?

– Да. Она сказала, что коридор движется вперед во времени, причем одному году соответствует, примерно, тысяча километров. И это самая прекрасная кривая, которую она когда-либо могла себе вообразить. Гарри, они похитили ее – она уверена в этом, – они похитили ее, потому что боялись, что мы можем как-то вмешаться в автоматику шестой камеры. Помните тех людей – надеритов второй камеры, которых заставили уйти через многие годы после исхода из третьей камеры?

Он кивнул.

– Патриция говорит, что, по ее мнению, они были изгнаны против их воли, потому что люди из Аксиса хотели оставить Камень пустым. Никакого вмешательства, никакого саботажа. Вот почему она считает, что мы оказались в самом центре политических интриг. Разделение на надеритов и гешелей все еще существует.

– Не кажется ли вам, что независимо от всяких заверений здесь нас могут подслушивать? – спросил Лэньер. – Так что, может быть, не стоит обсуждать у меня подобные вопросы?

– А где мы можем их обсуждать? – с невинным взглядом спросила она. – Они могут следить за нами везде, где захотят, и подслушивать, а может даже читать мысли. Мы для них – дети, очень плохо образованные дети.

Лэньер посмотрел на молочного цвета столик между ку-

шеткой и креслом.

– Это разумно. Мне, в самом деле, нравится, как обставлена эта квартира.

– Моя тоже.

– А откуда они – я имею в виду комнаты – могут знать, что нам нравится?

На ее лице появилось заговорщическое выражение.

– Я спрашивала мой комнатный голос, и он просто объясняет: «Комнаты предназначены для того, чтобы удовлетворять».

Лэньер наклонился вперед, сидя на кушетке.

– Здесь все просто невероятно. Это сон, Карен?

Она с серьезным видом покачала головой.

– Ладно. Итак, Патриция считает, что нашла способ выбраться отсюда и вернуться на Землю?

– О, она вовсе не предлагает таким образом вернуться на Землю. Она говорит, что может вернуть нас «домой» – что бы она ни имела в виду, – и говорит серьезно. Она сказала, что объяснит позже.

– Вы физик. То, о чем она говорит, возможно?

– Я здесь тоже лишь ребенок, Гарри. Я не знаю.

– Что еще она говорила?

– Только это. И... – Карен встала. – Я пойду. Но я не...

О! – Она обхватила себя руками и посмотрела на Лэньера. – Я хотела сказать не только обэтом. Я должна быть уверена, что вы поняли, что я не обманываю вас.

– Я понимаю.

– Это просто, как вы говорите, нормально, хотя я и беспокоилась.

Он не считал это нормальным – так утверждала она, – но он не стал возражать.

– Не надо.

– Ладно, – сказала Фарли.

Гарри встал.

– Собственно... – Он снова покраснел. – Я чувствую себя, словно подросток, когда я... когда вы здесь и мы так разговариваем.

– Извините, – смутилась Карен.

– Нет, все хорошо. До сих пор я чувствовал себя, словно старик, утративший все свои способности. Буду рад, если вы останетесь у меня сегодня ночью.

Она улыбнулась, потом внезапно нахмурилась.

– Я буду рада, и я останусь. Но меня беспокоит Патриция.

– Да?

– Теперь она единственная из нас будет спать одна.

Глава 48

Шаг за шагом Патриция прослеживала ход кривой через пять измерений, наблюдая, как она разворачивается подобно некой кошмарной лестнице, одна часть которой отбрасывает тень, а другая является зеркальным отражением исходной кривой. Глаза ее были зажмурены до боли, а на лице застыло выражение, среднее между экстазом и горем. Ей никогда еще не приходилось мыслить столь интенсивно, столь глубоко погружаться в умственные расчеты, и это пугало. Даже когда она открыла глаза, глядя на расцветную голубизну потолка, и повернулась на бок, протянув руку в пустоту рядом с кроватью...

Даже тогда ее палец следовал вдоль кривой, возникшей в воздухе, словно живая змея. Сжав кулак, она увидела маленькие пятнышки, скапливавшиеся вдоль пути, который проделал ее палец. Патриция снова закрыла глаза.

И мгновенно заснула. Ей снилась кривая, за которой она наблюдала с удобной позиции, в то время как мозг ее продолжал, хотя и в более щадящем режиме, работу, которую она не в силах была остановить.

Несколько часов спустя она внезапно проснулась, поняв, что ей нужно перечитать свою статью – ту, которую еще предстояло написать, ту, которую она обнаружила в библиотеке третьей камеры. С некоторой опаской – информацион-

ная служба не каждый раз предоставляла требуемую информацию – она встала с овальной кровати и, надев лавандовое платье, пересекла тускло освещенную комнату, на ходу застегивая пояс.

– Информация, Память Города, – произнесла Патриция.

В воздухе перед ней появился расцветенный красными и золотыми полосами шар. Следом за ним возникли два круга, один вдвое больше другого, расположенные друг над другом – эквивалент древнего вопросительного знака.

– Прошу статью Патриции Луизы Васкес... О господи, я забыла точное название и дату. Это необходимо?

Замерцали сложные пиктограммы, пока она не попросила перейти на обычную речь.

– Вы хотите просмотреть полный список коротких работ Патриции Луизы Васкес? – спросил голос информационной службы.

– Да. – Патриция вновь ощутила фантастичность того, что собиралась делать.

Перед ней появился список, выполненный словно на огромном листе белой бумаги. Где-то в середине возникло название: «Теория n -пространственной геодезии в приложении к ньютоновской физике со специальным рассмотрением r -симплонских мировых линий».

– Вот она! Покажите.

Патриция внимательно перечитала статью и забарабанила пальцами по краю сиденья.

– Изумительно, – грустно констатировала она, – и неверно.

Возможно, это была основополагающая статья, но сейчас стало очевидно, что это ранняя и примитивная работа.

– Прошу еще раз показать список.

Служба информации выполнила пожелание; Патриция отыскала более позднюю работу и попросила показать ее.

Появился старый знакомый – шар с шипами.

– Запрещено, – сказал голос.

Она выбрала другую работу, чувствуя, как нарастает злость.

– Запрещено.

Еще одна, ближе к концу списка, написанная, когда ей было – будет – около шестидесяти восьми лет.

– Запрещено.

– Почему запрещены мои работы? – сердито поинтересовалась она.

Шар с шипами был единственным ответом.

– Почему ограничен доступ к информации? – Внезапно у Патриции возникло ощущение, что она не одна в комнате. – Ольми? Дайте свет. – Комната осветилась. Никто не ответил.

Она встала и медленно обернулась, всей спиной ощущая напряжение.

Затем она увидела парящего под потолком пришельца – серый шар размером с бейсбольный мяч с лицом посередине. Какое-то мгновение она стояла неподвижно, испытывая

разглядывая это лицо. Оно походило на мужское, с маленькими темными азиатскими глазами и курносый носом. Выражение его едва ли можно было назвать угрожающим; если что и было – так это лишь напряженное любопытство.

Она отступила к стене. Лицо замерло, но глаза пристально следили за ней.

– Кто вы? – спросила ПАтриция. По всей комнате разлетелись непонятные ей символы. – Я не умею изображать. Скажите, что вы здесь делаете?

– На самом деле я должен быть не здесь, – ответило лицо. Шар закатно-розового цвета опустился в нескольких футах от нее. – Но так или иначе, я лишь изображение. Пожалуйста, не пугайтесь.

– Но вы, тем не менее, меня напугали. Кто вы?

– Я из Памяти Города. Бродяга.

– Я вас не знаю. Прошу вас, уходите.

– Я не могу навредить вам, разве что вызову ваше раздражение. Я только хочу получить ответ на несколько вопросов.

Шар упал на пол и, словно вампир из старинного фильма ужасов, перевоплотился в мужскую фигуру, одетую в свободную белую рубашку и зеленые штаны. Фигура, казалось, приобрела материальность. Теперь в комнате стоял невысокий хрупкий человек, выглядевший достаточно молодо, с длинными черными волосами и усталым, с тонкими чертами, лицом. Несколько успокоившись, Патриция отошла от стены на несколько дюймов.

– Я горжусь своими достижениями, – сказала изображение. – У меня есть доступ к самым лучшим записям. Фактически, к забытым записям. В нижних уровнях Памяти Города царит ужасный беспорядок. Мне удалось найти частично стертую запись одного судебного дела... Нечто весьма серьезное – нарушение безопасности потока. Обрывки и кусочки информации привели сюда... Должен заметить, что связь слабая, но интригующая.

Фигура казалась знакомой, словно она встречалась с этим человеком или где-то его видела.

– Что вы здесь делаете?

– Я бродяга. В сущности, довольно жестокий бродяга, хотя по мне этого не скажешь. Я бываю там, где мне хочется, и пока я соблюдаю осторожность, я существую. Я предположительно осужден к пребыванию в неактивной Памяти а провел без тела сто пятьдесят лет. Здесь, конечно, присутствует лишь моя копия. Иногда меня нанимают для разных дел. Обычно я устраиваю поединки с другими бродягами. В свое время я уложил шестьдесят. Смертельные шахматы.

– Вы не ответили на мой вопрос. – Патриция готова была расплакаться. Она не могла понять, кого напоминает ей этот бродяга. – Оставьте меня. Я хочу просто подумать.

– Бродяги никогда не были вежливы. Вы слишком привлекаете к себе внимание в Аксис Надере. Однако я понятия не имел, где вы находитесь, пока вы только что не воспользовались информационной службой. Вас нашел агент – один

из моих лучших агентов. В форме мыши.

– Пожалуйста! – закричала Патриция на всю комнату. – Уберите его отсюда!

– Это бесполезно, – сказал бродяга. – Откуда вы?

Патриция не ответила. Она боком двигалась к двери в спальню.

– Мне поручено выяснить, откуда вы. Мне платят, чтобы получить преимущество над давним соперником. Я не уйду, пока вы мне не скажете.

– Кто вас нанял? – закричала Патриция, испугавшись уже по-настоящему.

– Посмотрим... Я говорю на английском языке двадцатого века – собственно, на американском. Это удивительно. Только самые убежденные америцилы говорят на нем столь же хорошо, как и вы. Но кто будет интересоваться америцилом? – Изображение последовало за ней в спальню. – Мне не платят за догадки. Скажите мне.

Патриция подбежала к входной двери и приказала ей открыться. Та не подчинилась. Она судорожно вздохнула и повернулась лицом к изображению, приняв решение не терять контроля над собой.

– Что... что я получу взамен? – спросила она. – Если скажу вам?

– Может быть, мы сможем договориться.

– Тогда давайте сядем.

– О, я не могу вам этого не позволить. Я, знаете ли, не

злодей.

– Вы призрак, – решительно заявила она.

– В большей степени, чем большинство призраков, которых вы встречали, – произнесло изображение.

– Как вас зовут?

– У меня нет сейчас имени. Есть след, но нет имени. А вас?

– Патриция.

– Не слишком распространенное имя.

Внезапно она вспомнила, где видела лицо бродяги, и столь же быстро отбросила догадку: это было слишком смешно.

– Я действительно американка, – сказала она.

– На сколько процентов? Большинство радо возможности заявить о трех или четырех, хотя с точки зрения статистики это...

– На сто процентов. Я родилась в Соединенных Штатах Америки, в Калифорнии. В Санта-Барбаре.

Изображение снова заколебалось.

– У нас не так много времени, Патриция Луиза Васкес. То, что вы говорите, само по себе не имеет никакого смысла, но вы, кажется, в это верите. Откуда вы взялись?

– Откуда я явилась – и когда? – Она снова глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Наклонила голову. – Я знаю вас. Вы очень похожи на Эдгара Аллана По.

На лице бродяги появилось некоторое удивление.

– Подумать только, вы узнали! В самом деле! Вы знали

По?

– Нет, конечно, – ответила Патриция, ощущая неуместную радость на фоне страха. – Я читала его книги. Он давно умер.

– Он мой лучший наставник. Такой ум! – Бродяга окружил себя быстро движущимися изображениями могильных памятников, оживших покойников, кораблей в водоворотах и арктических пустынь. – Патриция Луиза Васкес знает По. Заявляет, что она американка двадцать первого века. Потрясающе. Но мне пора уходить. Скажите, что хотите знать вы, а потом я спрошу вас еще об одном.

– Что они собираются делать с нами?

– Нами? Есть и другие?

– Еще четверо. Что они собираются делать?

– Я, в самом деле, не знаю. Попытаюсь выяснить. Теперь мой последний вопрос. Почему вы так относитесь к ним?

– Я уже объяснила, почему. – К ее удивлению, весь страх прошел. Бродяга, или призрак, или кто он там, казалось, готов был сотрудничать, а Патриция не видела причин проявлять глупую лояльность по отношению к своим похитителям.

– Я думаю, мы можем помочь друг другу. Вы знаете, что в вашей службе информации имеется блокировка? Они держат вас здесь и избирательно ограничивают вам доступ к информации. Если вы сообщите, что я был здесь, возможно, я не смогу больше вернуться, и не отвечу на ваш вопрос. По-

думайте об этом. До следующего раза, – сказал бродяга и исчез.

Внезапно квартира обрела голос.

– Сер Васкес, с вами все в порядке? Имело место нарушение...

– Будто я не знаю, – буркнула Патриция.

– Вы можете изложить проблему?

Она на мгновение прикусила палец, потом покачала головой.

– Нет. Собственно, никакой проблемы не было. – Изображение напугало ее, но и рассказало много интересного. Она сомневалась в том, что это проверка или эксперимент. Бродяга мог оказаться полезным источником информации... – Вероятно, было короткое замыкание или что-то в этом роде, ну, вы знаете.

Комната несколько секунд не отвечала.

– В случае необходимости будет произведен ремонт. Вам что-нибудь нужно?

– Нет, спасибо.

Нахмурившись, Патриция посмотрела на пиктор и снова прикусила палец.

Глава 49

Премьер-министр Нексуса Бесконечного Гексамона Ильин Таур Ингл жил в одной из широких вентиляционных шахт Центрального Города, в гуще широко раскинувшегося Леса. У Ольми никогда не было желания поселиться в подобном доме, но, тем не менее, он завидовал премьеру – в Лесу столь явно ощущалась атмосфера уединения и покоя, а само жилище было фантастическим и изящным.

Шесть шахт шли от внешней поверхности Центрального Города к ядру, где располагалось руководство. Внутри каждой шахты, среди извилистых тропинок Леса, жило почти десять тысяч воплощенных. Внешний вид домов варьировался от общих поплавок, подвешенных к широким воздушным корням, до маленьких свободно перемещавшихся ячеек, рассчитанных на одного, самое большее – двух гомоморфов или не более чем на четырех средних неоморфов.

Лес был как украшением, так и частью надеритской философии; шахты обеспечивали, почти треть потребностей Центрального Города, остальное делали разработанные гешелями очистные устройства. Тысячи разновидностей деревьев и других растений – некоторые из них пищевые – были генетически изменены и приспособлены к невесомости. Почти треть биомассы Аксиса была растительной и сосредотачивалась в Лесу.

Ольми доставляло большое удовольствие совершать, подобно Тарзану, прыжки через Лес, перелетая от ветви к ветви, плавая над тропинками без помощи силового поля. Там были специально оборудованные спортивные дорожки и скоростные пути, где упражнялось множество гомоморфов, со свистом проносились неоморфы, и практически отсутствовал транспорт. Он умел рассчитывать свое время – в тысячах различных ситуаций, порой очень сложных, – и оценил продолжительность спуска примерно в пятнадцать минут.

Ольми не чувствовал необходимости спешить. Неторопливо, сложив руки за спиной, согнув ноги, словно лыжник, отталкиваясь то от широкого листа, то от гладкой поверхности корня, он летел вдоль хорошо знакомых дорог. Сейчас большую ценность, чем скорость, имело время для размышлений.

В лесу извивались пластиковые трубы, содержавшие светящиеся бактерии, известные под названием светящихся змей или мерцающих червей; каждая труба была толщиной в метр и иногда достигала полукилометровой длины. На полянах они порой переплетались, образуя великолепные светящиеся лабиринты, переливавшиеся всеми оттенками от ярко-красного до темно-золотистого. На полянах часто собирались гомоморфы, купаясь в лучах света; Ольми лишь бросил взгляд на несколько полян, встретившихся по пути, продолжая свое безостановочное движение по шахте.

Ему потребовалось двадцать минут, чтобы добраться до

резиденции премьер-министра. На узкой развилке он свернул с главного пути и проплыл через увитые цветами ворота из искривленных корней. Дом висел посреди владений премьер-министра.

Резиденция была построена по образцу старинного земного поместья восемнадцатого века с множеством модификаций, связанных с отсутствием верха и низа. Дом имел три крыши и входы под шестью разными углами. Окна открывались по трем осям. Заросли кипариса заслоняли одно окно от лабиринта светящихся змей в дальнем конце владений.

Как только гость вышел из увитого цветами туннеля, к нему подплыли роботы-наблюдатели и, идентифицировав его, вернулись к своим обязанностям: стрижке живой изгороди, защите от насекомых и наблюдению за любимцами премьер-министра.

Его приветствовал домашний голос и предложил войти через дверь напротив светящегося лабиринта. Премьер уже ждал его.

Со смесью снисходительности и скуки Ольми смотрел на быстрые изображения недавней деятельности хозяев дома. Когда пиктор очистился, он увидел незнакомого неоморфа, входившего в комнату впереди Премьера. Неоморф без конечностей, имевший отдаленное сходство с рыбой, взглянул на Ольми хрустальными глазами и изобразил небрежное приветствие, но не код. Ольми ответил подобным же образом, узнав одного из помощников Толлера. Неоморф вышел

через освещенную дверь, окруженный собственным комариным облаком компактных мониторов.

– Они становятся все более дерзкими, верно? – спросил премьер, протягивая руку. Ольми пожал ее. – Теперь вопрос к вам: будете ли вы доверять кому-то, кому не сможете пожать руку?

– Я не доверял многим, кому мог пожать руку, – ответил Ольми.

Премьер посмотрел на него со смешанным выражением веселья и почти нескрываемого раздражения.

– Вы пришли, чтобы коротко доложить о наших гостях, не так ли?

Он провел Ольми в просторный двенадцатигранный кабинет. Круглый стол опирался на единственную опору в центре; вдоль семи стен стояли деревянные полки со старинными книгами и блоками памяти. На других стенах располагались прекрасные иллюзартовые и ложные окна, открывавшиеся на остановленные во времени сцены в других комнатах дома, словно приглашая в них.

– Президент все еще расстроен, – сказал Ингл, садясь за стол и опираясь на локти. – Боюсь, что большинство советников президента с трудом могут понять, зачем вы притащили сюда этих пятерых.

– Я привез только одну, – поправил Ольми. – Другие последовали за ней сами, неожиданно для нас.

– Да, так или иначе, как бы они сюда ни попали, они пред-

ставляют собой проблему. Сторонники раскола уже добиваются преимуществ и уступок. Они близки к тому, чтобы собрать вместе все свои группы – и это определенно объединит их. Это может также превратить фракцию Корженовского из радикальной партии в народный фронт. Позиция президента под угрозой. Более того, он понимает, что у него нет времени лично заниматься этими вопросами из-за постоянных проблем с джартами, и поручил это серу Олиганду Толлеру, которого вы, я уверен, знаете, и мне.

– Приносящих плохие новости никогда не понимали, – заметил Ольми.

– Да? Ну что ж, хорошие новости или плохие – зависит от того, как мы на них реагируем, верно? Честно говоря, я не разделяю всех опасений президента. Некоторые, но не все. Я чувствую, что мы можем повернуть ситуацию – и новость – в свою пользу. Возможно, мы сможем даже прийти к соглашению, которое так необходимо, чтобы успешно противостоять джартам. Теперь к делу. В вашем сообщении говорилось, что у вас есть еще какие-то новости.

– Кто-то нанял, по крайней мере, одного бродягу в Памяти Города, чтобы тот внедрился в резиденцию гостей. Кто-то отчаянно пытается выяснить, что все это означает.

– Да, об этом я мог догадаться, – сказал премьер. – Ну что ж, видимо, пора довести до всеобщего сведения все, что нам известно. Вероятно, это и так станет известно через неделю или раньше, особенно если за дело взялись бродяги. Каково

ваше мнение, сер Ольми?

– Я уже говорил об этом раньше, сер. Я должен выступить перед Нексусом.

Премьер некоторое время размышлял.

– Я все еще сомневаюсь по поводу разумности решения, но, возможно, вы правы. Если правда должна быть открыта, то лучше, если это сделаем мы, верно? Но аккуратно. Миллионы неоморфов уже страшно напуганы разговорами о расколе. Бросить бомбу в самую гущу, сказав, что Пушинка вернулась к Земле? Не простое решение. Так или иначе, мы не можем созвать Нексус в полном составе из-за совещания по джартам. Придется обойтись дублями. – Он резко встал, выдавая свое волнение. – Сегодня вечером мне потребуется мощный сеанс тальзита.

Скрестив руки, Таур Ингл поплыл к центру кабинета; его свободная черная одежда развевалась, словно волны покоя.

– Вы дадите показания лично как агент Гексамона?

– Франт и я, – подтвердил Ольми.

– Франт не может давать показания; дача присяги противоречит их убеждениям.

– Он подтвердит мои показания. Это разрешено.

– И что потом, сер Ольми? Как мы сможем после этого удержать наших любопытных – кто бы ни нанял бродягу – или фракцию Корженовского, ради Силы Духа?

– Возможно, это не самая большая проблема. На Пушинке находится около двух тысяч человек; рано или поздно мы

должны взять их всех под контроль. Наш первый гость, Васкес, уже была очень близка к тому, чтобы научиться управлять шестой камерой. Полагаю, что и другие смогут, в конце концов, повторить ее работу, несмотря на запреты в библиотеках Пушинки.

– И Звезда, Судьба и Сила Духа никогда не смогут помочь нам, верно? – вздохнул премьер. – Хвала Логосу.

– Хвала Логосу, – с сомнением повторил Ольми.

– Мы оба в некоторой степени по-гешельски недоверчивы, верно? – сказал Таур Ингл, внимательно следя за реакцией Ольми. – Не очень разумно сообщать обо всем этом, во всяком случае, не со столь высокой трибуны. Представляют ли наши... предки непосредственную опасность? Велика ли вероятность того, что они скоро нарушат спокойствие в шестой камере?

– Нет, пока Васкес в Аксисе. Все сохранится несколько месяцев, может быть, даже год.

– Очень хорошо. В первую очередь – самое важное. Я бы сказал, что в наших интересах – а это теперь кажется неизбежным – выставить гостей на всеобщее обозрению. Они крайне необычны, и это может дать нам преимущество перед оппозицией. Я распоряджусь, чтобы мои секретари составили план. Их адвокат – ваш партнер, Сули Рам Кикира, – она может быть нам полезна?

– Очень, – подтвердил Ольми. – Но ее работа только началась.

– Отлично, – сказал премьер. – Но не следует быть слишком самоуверенными. Если джарты рано начнут атаку, или, не дай Бог, решатся открыть ворота в сердце звезды – тогда наши гости мало что будут значить.

Ингл покачал головой, изобразив цепочку символов: мошку, исчезающую в лучах солнца.

Глава 50

Ефрейтор Родженский лежал, прижавшись спиной к черной стене библиотеки. Вокруг валялись пакеты и консервные банки – некоторые русского происхождения, большинство американских. Он легко и размеренно храпел. Рядом с ним майор Гарабедян, присев на корточки, ел американский обед, состоявший из ветчины и жареной картошки и доставленный из четвертой камеры как подтверждение еще не ратифицированного соглашения о перемирии.

Жуя, он не переставал бдительно следить за американскими солдатами, расположившимися в нескольких десятках метров. Силы были абсолютно равны: десять русских, десять американцев, все вооружены автоматами, но без лазеров. Бесшумных убийств не должно быть.

Напряжение постепенно спало после того, как, по требованию ефрейтора Родженского и двоих китайцев, прибыли американцы. Библиотека до сих пор была закрыта, и внутри оставались генерал-лейтенант Мирский, полковник Велигорский, майоры Белозерский и Языков и подполковник Погодин. Сначала подозревали, что к этому имеют какое-то отношение американцы; после нескольких часов бесед с Притыкиным, Зиновьевым и Хоффман – гражданским руководителем американцев – Гарабедян изменил мнение.

Никто не знал, что произошло внутри библиотеки, хотя

Хоффман выдвинула вполне правдоподобную гипотезу, не доставившую никому радости. Гарабедян все еще размышлял над этой гипотезой, переводя взгляд с неумолимой черной стены на американских солдат.

Замполиты, по предположению Хоффман, пытались убить генерала Мирского. Независимо от того, удалось им это или нет, здание библиотеки заблокировалось, чтобы предотвратить дальнейшее насилие и, возможно, сохранить доказательства.

Все, что они могли – ждать.

Прошла неделя. Все это время Гарабедян и Плетнев пытались удержать русские войска от необдуманных действий – раздоров, распространения агитации и необоснованных измышлений. Продолжалась работа по строительству жилья в четвертой камере. Некоторое количество русских – по последним подсчетам, пятьдесят два – просто покинуло лагерь и исчезло в лесах. Пока что удалось найти пятерых без признаков истощения – в лесах было полно съедобных растений, – но трое из них лежали, сжавшись в комок, и находились в глубоком шоке.

Американские психологи предложили свою помощь; у них тоже были подобные случаи, в частности, с Джозефом Римская, который пострадал три дня назад. Он вышел на главный русский лагерь в четвертой камере, отчаянно рыдая, его одежда и спина были разодраны в клочья от самобичевания. Ученого вернули американцам. Однако Гарабедян не

счел разумным пускать своих солдат к американским психологам.

Сильнее всего в нем была грусть, ощущение потери, которое почти превосходило его чувство долга. Он – подобно Мирскому и большинству молодых офицеров – был частью нового русского военного эксперимента, задачей которого было устранить проблемы, высвеченные Малой Гибелью. Они и их коллеги работали единой командой, отрицая жестокий антагонизм девятнадцатого века. Они добились крупных достижений, увеличивая производительность труда и сокращая алкоголизм, дезертирство, жестокость и самоубийства.

Они были новым поколением, и успехи делали их героями эпохи. Завоевание Картошки должно было принести им неслыханную славу; вместо этого, из-за какой-то ошибки, которую они так и не смогли понять, они позорно провалились, и все обратилось в пепел.

Гарабедян слишком хорошо понимал, что заставляло его товарищей плыть к островам четвертой камеры и падать на лесную подстилку, пачкая в грязи промокшую форму.

Председатель Нексуса Бесконечного Гексамона, Хьюлейн Рам Сейджа, мог проследить свою родословную вплоть до Великих Восточноазиатских Гешелей, которые первыми вернули человека в космос тринадцать столетий назад. Тем не менее, он еще меньше напоминал человека, чем франт. В

этом он мало чем отличался от многих неоморфов, проживавших в Центральном Городе.

Круглое тело Рам Сейджа было наполовину заключено в оболочку из гладкого серебристого металла, а наполовину – в изящную раковину из минерала с черными и зелеными прожилками, доставленного из миров, в которые можно было попасть через ворота N 264. На лице его, которое могло проецироваться на сфере в трех различных положениях, сверкали большие испытующие глаза и острозубая улыбка, которая отнюдь не скрывала изначальную агрессивность. Две мускулистые руки обладали как человеческой формой, так и нечеловеческой приспособляемостью: при необходимости они могли вытягиваться на два метра.

У него не было ног, и для передвижения он пользовался руками и имеющимися везде силовыми полями.

Ему не было ста лет, и это было его второе воплощение; первые тридцать лет он прожил столь же человекоподобным, как и любой ортодоксальный надерит. Именно в те годы Рам Сейджа обзавелся связями и приобрел начальный политический опыт. Для Ольми он служил образцом радикального гешеля двенадцатого столетия Пути.

Рам Сейджа был четвертым в иерархии Гексамона, после президента, премьер-министра Нексуса и Министра Объединенного Совета Аксиса.

В сфере Нексуса, расположенной недалеко от потока движения возле ядра Центрального Города, Рам Сейджа со-

брал на заседание двадцать три делегата и пятерых сенаторов. Двадцать членов Нексуса присутствовали в воплощенном виде, причем слово это утратило большую часть своего смысла много веков назад; теперь оно означало не более чем пребывание в некоей физической форме, и форма эта не обязательно должна была включать в себя много плоти. По закону дубли на заседания не допускались – хотя это было бы удобно для тех, кто все еще находился на совещании по проблемам джартов, проходившем на Тимбле, родной планете франтов.

Рам Сейджа выплыл в центр сферы и изобразил две золотые светящиеся ленты, объявляя о начале заседания.

Ольми парил снаружи; рядом с ним свернулся клубком франт – лишь голова и шея выступали наружу. Несколько минут назад Ольми закончил – на явно полемической ноте, – беседу с делегатом Розеном Гарднером. Лидер фракции Корженовского, ново-ортодоксальный надерит, требовал некоторой предварительной информации, а Ольми сопротивлялся. Гарднер был одним из немногих делегатов, которые часто нарушали процедуру, и, тем не менее, к нему относились терпимо. Он был также одним из немногих членов фракции Корженовского, который приводил в споре разумные доводы. В глазах радикальных гешелей, это – плюс большое количество последователей среди надеритов – делало его особенно опасным противником.

– Во имя Звезды, Судьбы, Силы Духа и Доброго Челю-

века, который стремился к равенству и справедливости для всех потребителей, а также стремился положить конец перенаселенности и нечеловеческой технологии, созвано это заседание Нексуса Бесконечного Гексамона. Есть новости, благородные граждане, – объявил Рам Сейджа, – есть новости. Свидетельство сера Ольми. У нас также есть подтверждение от одного из наших ценных союзников, который помог серу Ольми провести расследование.

Ольми и франт оказались в центре и получили свои светящиеся ленты.

– Я провел прошлый год в Пушинке, по заданию премьер-министра, – начал Ольми. – Этот франт сопровождал меня. Вместе с ним мы расследовали необычное вторжение. Можем ли мы воспроизвести наши записи как свидетельство?

Рам Сейджа дал разрешение.

Каждому сенатору и делегату были показаны во всех подробностях семь камер. В течение нескольких минут они познакомились с новыми обитателями Пушинки. Ольми и франту удалось записать с помощью своих приборов данные примерно о пятистах индивидуумах. Были показаны комплексы и некоторые интерьеры зданий. Затем Ольми продемонстрировал, что различные языки, на которых говорят новые обитатели, имеют корни на Земле до Гибели.

Точка, с которой велось наблюдение, с головокружительной быстротой взмыла вдоль южного купола первой камеры

и вошла в скважину. Мелькнули восстановленные вращающиеся доки и посадочные площадки, а затем открылась картина, представлявшая вид снаружи.

На расстоянии, примерно, в тридцать тысяч километров величественно висел в космической тьме полумесяц Земли, из-за нее на западе только что вышло Солнце.

Реакция Нексуса превзошла все ожидания. У делегатов-людей захватило дух; все тем или иным образом испытывали сильные эмоции.

Гарднер заговорил первым.

– Святой Конрад, – сказал он. – Он нашел путь, который снова привел нас домой.

– Это действительно Земля, – подтвердил Ольми. – Пушинка вернулась на орбиту, на которой была создана, самостоятельно и без нашего ведома. Создание Пути не вывело нас за пределы известных нам пространств. Возможно, что Пушинка могла бы завершить свой путь так, как предполагалось, но этого не произошло. Вместо этого она отыскала Солнце и изменила курс, чтобы вернуться домой. Но мы не избежали побочных эффектов создания Пути. Пушинка переместилась в соседний континуум и, кроме того, в относительное прошлое. Она вышла на свою нынешнюю орбиту, примерно, за триста лет до того, как стартовала с нее.

Аудитория молчала, ошеломленная рассказом Ольми.

Демонстрация продолжалась. Меньше чем за четыре минуты было показано начало Гибели, завершившееся карти-

ной Земли, покрытой густой серой завесой дыма – на пороге Долгой Зимы.

В зале стояла глубокая тишина. Ольми быстро продолжил:

– Я вернулся в город с одним из пришельцев, женщиной по имени Патриция Луиза Васкес. После этого еще четверо нарушили поток движения по оси, продвигаясь на каком-то аппарате к городу. Они были оправданы и стали гостями Аксис Надера. Все они, конечно, обладают примитивной формой и неусовершенствованным интеллектом. Это наши предки из эпохи до Гибели.

Светящиеся ленты теперь окружали одного из сенаторов, получившего слово. Он выступил вперед, и Ольми узнал Прешиент Ойю, дочь все еще занимавшего должность Смотрителя Ворот Рю Ойю. Сенатор Ойю работала два года назад вместе с Сули Рам Кикурой, добиваясь снятия с жертв секс-ретровируса лимита в два воплощения; она была известна своими симпатиями к надеритам, хотя по происхождению являлась умеренным гешелем. Она была гомоморфом с усовершенствованиями, усиливавшими как сексуальные данные, так и черты лидера.

– Пушинка вернулась к Земле точно в момент Гибели? – спросила она.

– Это свидетельские показания, – напомнил Рам Сейджа.

– Не совсем, – сказал Ольми. – Пушинка вошла в Солнечную Систему за пять с половиной лет до Гибели. У меня есть

доказательства того, что наше появление фактически спровоцировало Гибель. Возможно, что не будь Пушкинки на орбите вокруг Земли и Луны, Земля в этом континууме избежала бы Гибели.

Гарднер в ужасе воздел руки.

– Это отвратительно, – заявил он. – Святой Корженовский никогда бы этого не допустил.

– Все доверяют Нексусу Гексамона, – продолжала Прешинент Ойю, – но, когда я просматривала повестку дня, у меня возник вопрос. Почему эта новость не была доведена до всех? Предлагаю сделать недвусмысленное публичное заявление и созвать экстренное заседание Нексуса в полном составе.

Ее светящиеся ленты стали янтарными, и она отступила. Рам Сейджа вытянул обе руки и широко расставил пальцы, призывая Нексус к вниманию.

– Новость поразительная и важная, но она может привести к неблагоприятным социальным последствиям. Надо найти для сообщения наилучшую форму.

Делегат Энрик Смайс, умеренный гешель, в прошлом состоявший на той же службе, что и Ольми, возразил, что совещание по джартам явно важнее. Появились явные признаки того, что джарты готовы продвинуться за отметку два экс девять.

– И даже сегодняшняя новость незначительна по сравнению с этим.

– Возможно, что это не так, представитель Смайс, – возразил Розен Гарднер. – Эти вопросы могут быть взаимосвязаны.

– Вы обнаружили доказательства того, что система управления Пушкинки была преднамеренно перепрограммирована? – спросил Рам Сейджа.

Ольми повернулся лицом к центру.

– Нет, – сказал он. – Система стерла все инструкции сразу же после прибытия. Узнать истину невозможно.

Гарднер вежливо попросил слова. Рам Сейджа после некоторых колебаний согласился.

– Снова пришло время запросить поиск в Памяти Города, – начал он. – Там находится тот, кто может рассказать нам обо всем, что мы хотим знать...

– Инженер мертв! – страстно возразил Рам Сейджа.

– Мы понимаем, что он находится в неактивном состоянии, – сказал Гарднер с нехарактерной для него сдержанностью. – Но святой Корженовский, покинув свое тело, знал об опасности, которой подвергались его матрицы. Мы должны санкционировать поиск любых частей его личности, не стертых террористами.

– Аннулировано, – бросил Рам Сейджа.

– Я требую слушаний перед всем Нексусом, – настаивал Гарднер.

– Не разрешаю.

– Процедура запрос, – холодно заявил Гарднер.

Лицо Рам Сейджа переместилось в верхнюю, сделанную из минерала, часть его сферы, и он сердито посмотрел на делегата. Процедурный запрос делался лишь в экстремальных ситуациях; он сыграл на руку Гарднеру, выйдя за пределы своей юрисдикции.

– Поддерживаю. – Сенатор Ойю обратила взгляд своих симпатичных глаз на удивленного Гарднера.

– Процедурный запрос, – согласился Рам Сейджа. У него не было выбора, но выражение лица – находившегося теперь в середине сферы – ясно говорило о том, что позиция Гарднера в Нексусе будет ослаблена настолько, насколько это в его власти.

С этого момента Ольми слушал дискуссию без особого интереса и, получив разрешение, покинул сферу вместе с франтом и вернулся в Аксис Надер. Он воспользовался скоростным лифтом, чтобы попасть в квадрант, где обитали уединении земляне.

Войдя вместе с франтом в зону отдыха, он заказал обед для своего компаньона.

– Вы очень любезны, сер Ольми, – сказал франт; сузив глаза, он оценивал возможности пиршества. – Полагаю, я должен на некоторое время здесь остаться.

– Я представлю тебя остальным несколько позже, – сообщил Ольми, мысли которого были уже далеко.

– Я доволен.

Ольми набрал код для прохода в закрытый сектор. Франт

присел перед ареной из полок – традиционным обеденным столом франтов, – потом обернулся и подмигнул Ольми.

– Вы не ожидали стольких проблем, верно? – спросил он.

Ольми улыбнулся ему из раскрывшегося перед ним прохода.

– Ты будешь удивлен, – сказал он и, подмигнув в ответ, вошел в сектор.

Глава 51

Нулевой лифт, ведущий к буферным зонам скважины, теперь использовался редко. Лишь два человека продолжали там работать – Роберта Пикни и Сильвия Линк. Хоффман, однако, считала их работу важной и обязательно бывала там, по крайней мере, раз в неделю.

Широкие пространства и сравнительно низкие потолки буферных зон напоминали ей подземный гараж или зал заседаний. Сопровождаемая двумя морскими пехотинцами, она подъехала на гусеничной тележке к центру связи и управления за первым доком и одна вошла в тихое помещение.

Сильвия Линк спала в гамаке. Роберта тихо поздоровалась с Хоффман и показала ей перехваченные передачи с Земли и Луны.

– В лунном поселении, кажется, все в порядке, – сказала она. Под глазами у Роберты набухли мешки; она выглядела на десять лет старше, чем тогда, когда Хоффман встретила ее впервые. – На Земле все еще живут люди, но они пользуются маломощными передатчиками – вероятно, истощаются батареи и генераторы. Думаю, один или два небольших города все еще существуют и передают эти слабые сигналы – в зонах, которые, возможно, были защищены орбитальными платформами. Я постоянно передаю наши позывные, но никто пока не ответил. Это лишь вопрос времени.

– По крайней мере, там есть люди, – сказала Джудит.

– Да. По крайней мере. Но никто особенно не беспокоится о нас, да и с чего?

– Вам нужно отправиться в четвертую камеру и немного отдохнуть, – предложила Джудит. – Вы не слишком хорошо выглядите.

– Я действительно паршиво себя чувствую. Но это все, что у меня осталось. Я буду делать это до тех пор, пока буду слышать оттуда голоса. Вы же не собираетесь заткнуть нам рот, верно?

– Нет, конечно, нет! Не говорите глупости.

– Моя привилегия – быть параноиком, – заявила Пикни, двигая нижнюю челюсть вперед и назад, так что зубы скрежетали. – Когда Хайнеман вернется, мы займемся ремонтом челнока. Я бы хотела попасть на Луну. Там мои друзья.

– Ни слова об экспедиции, – предупредила Джудит. – Они задерживаются, но особых поводов для беспокойства нет... пока. Я могу договориться с коллегами Хайнемана, чтобы они занялись челноком. Давайте подумаем о чем-нибудь другом.

– Как насчет пропавших русских? – сонно моргая в гамаке, спросила Сильвия Линк.

– Все еще ничего не известно. Хоффман взяла Роберту за руку и сжала ее. – Вы нам нужны, – сказала она. – Вы обе. Не перетруждайтесь.

Пикни не слишком убежденно кивнула.

– Ладно. Дженис Полк и Берил Уоллес сменят нас через день-два. А мы позагораем под трубкой и полюбуемся ландшафтом.

– Прекрасно, – поддержала Хоффман. – Теперь покажите мне, откуда идут сигналы...

Глава 52

Бродяга появился вновь, когда Патриция спала, и разбудил ее, пощекотав ухо.

– Мисс Патриция Луиза Васкес, с Земли – с покойной Земли, – сказал он. – Я пришел с некоторыми ответами.

Она перевернулась на спину и протерла глаза. Внешность бродяги изменилась; он был одет в мешковатые брюки и шерстяной джемпер. Волосы его были взлохмачены, а с пояса свешивалась цепочка, заканчивавшаяся в кармане джемпера. Бродяга полностью соответствовал моде 2005 года. Она наклонилась и взглянула на обувь: мокасины и японские носки-таби завершали гардероб.

– Меня преследуют, – сообщил он. – Мне удалось уйти другим путем. Я пользуюсь вспомогательным пиктором – основной заблокирован. И я перепрограммировал устройство, обеспечивающее здесь уединение. Теперь оно исключит нас обоих из любых записей, пока мы разговариваем. Я обнаружил, что существует возможность попасть в городские записи. Это весьма неутешительно: видимо, для Нексуса нет ничего святого.

Патриция моргнула и поднялась с кровати, протягивая руку к одежде.

– Вы все время этим занимаетесь?

– Нет, – ответил бродяга. – Чтобы забраться так далеко,

требуются большие усилия. Я бы с большим удовольствием отдыхал в Памяти Города, но работодатели предлагают мне невероятные привилегии за информацию. К счастью, я оказался здесь до того, как всем стало известно ваше местонахождение.

– Мы об этом уже говорили.

– Верно.

В спальне зажегся свет. Патриция поглядела в ванной в зеркало и решила, что не слишком много сможет сделать в спешке. Она выглядела усталой, и ее волосы спутались после беспокойного сна.

– Так или иначе, вот ответы, – сказал бродяга, – больше ответов, чем было вопросов. Вы должны будете через несколько дней дать показания перед Нексусом в полном составе – никто об этом еще не знает, кроме меня и тех, кому положено. Затем предполагается ваше участие в церемонии Последних Ворот. Это неофициальное название, но это именно то, что оно означает – вы встретите Первого Смотрителя Ворот в сегменте один и три экс девять и будете свидетелем открытия ворот. Их могут сразу же после этого закрыть – джарты быстро приближаются.

– Кто такие джарты?

– Как скажет вам Нексус – паразиты, чудовищно агрессивные и ни в коей мере не дружелюбные. Путь находился на своем месте за тысячу лет до того, как в конце концов соединился с Пушинкой – естественно, по времени Пути, которое

не совпадало с нашим до соединения. Джарты проникли через ворота и поселились на Пути до того, как он открылся для нас. Пришлось сражаться с ними. Они знают, как открывать ворота, и контролируют участок между отметками два экс девять и, как мы думаем, четыре экс девять. Но, впрочем, все это есть в Памяти, а у меня не слишком много времени. Новости насчет Ольми. Вы знаете об ортодоксальных надеритах и о гешелях?

– Да, – сказала Патриция.

– Так вот, у них есть два плана на случай чрезвычайных обстоятельств – если джарты победят, – что кажется сейчас вполне вероятным. Гешели собираются мобилизовать весь Аксис и на околосветовой скорости промчатся по потоку над территориями джартов, одновременно отстрелив Пушинку от конца Пути.

– Что? Зачем?

– Это может закрыть Путь, запаять его конец. И исключить опасность того, что Пушинка вновь будет заселена, а весь Путь окажется под контролем джартов. Альтернатива – отправить Пушинку к обитаемой планете и попросту покинуть Путь – или закрыть, отключить его. Аксис может эвакуироваться через конец Пути, отстрелить Пушинку и выйти на орбиту вокруг планеты. Это потребует времени... или потребовало бы. Пушинка находится на орбите Земли – идеальная ситуация для того, чтобы покинуть Путь. Все об этом знают. Так что ортодоксальные надериты – в особенности,

фракция Корженовского...

– Кто они? – спросила Патриция; вся ее сонливость прошла, когда бродяга упомянул знакомую фамилию.

– Они происходят от инженеров, поддерживавших когда-то проектировщика Пути, Конрада Корженовского. Ядро фракции составляет маленькая консервативная группа. Большинство из них – сторонники возвращения на Землю. Гешели до сих пор считали их кандидатами в Неактивную Память. Надериты и люди Корженовского призывают их пересмотреть свои взгляды.

– Они хотят взорвать астероид и вывести Аксис на земную орбиту вокруг Земли и Луны?

– Именно. Но мое время на исходе. Скоро обо мне узнают все виды охраны, и я не смогу больше приходить – это мой последний визит. Ольми не таков, каким кажется. Он...

То, что произошло потом, произошло настолько быстро, что Патриция едва ли могла что-либо сообразить. Изображение бродяги задрожало, и у дальней стены что-то зашипело. Острый луч красного света выстрелил из вспомогательного пиктора через всю комнату и ударил в электронный блокнот на ночном столике. Бродяга исчез. Свет в комнате померк.

Мебель и стены стали расплывчатыми и серыми.

– Ярче, пожалуйста, – попросила она.

– Крайне сожалею, – ответил голос комнаты, теперь хриплый и нестройный. – Пикторы в вашем жилище неисправны. Пожалуйста, подождите. Неисправности устраняются.

Патриция присела на краешек кровати. Когда ее глаза привыкли к полумраку, она поняла, что все детали обстановки исчезли. Она сидела на стандартной белой койке, окруженной стандартной белой мебелью. Стены были пусты. Она взяла блокнот, чтобы посмотреть, не повредила ли его вспышка.

На экране появились грубые очертания бродяги в стильной одежде, за которыми следовал ряд чисел и треугольник, обозначающий конец строки. За треугольником, на следующей строке, стояли три уравнения и кодовая формула. Она выполнила базовые операции.

На экране появились светящиеся слова: «Ольми знал Корженовского. Знает его до сих пор. В Пушкинке».

Большую часть времени Ольми проводил в Аксис Надере; он никогда не жил больше четырех месяцев в одном месте, но чаще всего выбирал этот сектор Аксиса. Он никогда не обставлял свое жилище, пользуясь минимумом усовершенствований, чтобы сделать комнаты пригодными для жилья. Казалось, он по возможности избегает того, что большинство граждан Аксиса считало само собой разумеющимся.

Однако он не был аскетом. Он просто не нуждался в таких вещах, не осуждая других.

Он сидел в абсолютной белой гостинной, ожидая, когда закончится поиск. Ольми спроектировал свою ищейку по образцу ментальных программ древней земной породы собак

– короткошерстного терьера, – с некоторыми добавлениями. Это был трудный поиск, требовавший изобретательности; впрочем, он редко терпел неудачи.

По законам Аксиса, бродяги в Памяти Города были законной добычей. Граждане не могли уничтожать бродяг, которых они обнаруживали, но могли загнать их в угол и вызвать соответствующую службу для немедленной деактивации.

Ольми не был заинтересован в деактивации. Он просто хотел постоянно держать бродягу в поле зрения – и продолжать оказывать на него давление, чтобы усилить у того ощущение запрещенной деятельности. Бродяга был очень высококвалифицированным; он пережил десятки дуэлей, некоторые из них затягивались на десятилетия, что фактически означало тысячелетия в Памяти Города. У него не было имени, даже подходящего отличительного признака; он спроектировал свою активную личность эффективной и неуловимой, и сделал ее настолько эгоистичной, насколько это было необходимо, для мотивации дуэлей.

Ищейка настигла бродягу в жилище Патриции, и Ольмискомандовал отступить, чтобы бродяга считал, что ему удался побег.

Ольми хорошо знал таких бродяг. Большинство из них появилось на последних этапах создания Памяти Города – задачи, решение которой потребовало свыше пятисот лет и было начато в Пушинке-городе еще до Пути.

Большое число граждан, в основном молодых, нашло ла-

зейки, позволяющие обойти высшую меру наказания, введенную для предотвращения преступлений – уничтожение тела и деактивацию хранящейся в памяти личности. Наиболее популярным методом стало изготовление незаконного дубля, который оставался в Памяти Города; если гражданин получал высшую меру, незаконный дубль активизировался, гарантируя непрерывность личности.

Эти бродяги тем или иным образом участвовали в криминальных делах, некоторые из них прибегали к насилию, невиданному в Аксисе со времени изгнания ортодоксальных надеритов из Александрии. Многих ловили, судили, приговаривали, и приговоры приводились в исполнение. Со временем агенты Гексамона убедили некоторых бродяг, что лучше всего проводить время, участвуя в дуэлях – находя и уничтожая других бродяг. Это частично решило проблему. Дуэли вошли в моду, и в течение десяти лет половина бродяг была уничтожена собственными собратьями.

Однако многие выжили – самые хитрые, изобретательные и, в конечном счете, самые опасные.

В последние десятилетия одной из наиболее серьезных проблем стало обеспечение полной безопасности Памяти Города. Нексус почти не в состоянии был справиться с этим – упрямые очаги сопротивления продолжали существовать, причиняя вред и порой нарушая жизненно важные функции.

Ольми знал, что нанимать бродягу всегда рискованно. От них нельзя было ожидать полной лояльности – бродяга оста-

вался лояльным, только пока сохранялись его привилегии и интерес.

В связи с этим Ольми щедро вознаградил бродягу доступом к нескольким личным банкам данных и дважды удостоверялся, что никто никогда не узнает, кто его нанял, особенно – сам бродяга.

Глава 53

Свет в библиотеке становился ярче постепенно, давая глазам привыкнуть. Павел Мирский, моргая, стоял в дальнем конце зала с креслами и каплевидными терминалами.

Первым его порывом было взглянуть на повреждения, причиненные Велигорским, но таковых не было. Все терминалы стояли как ни в чем не бывало. Мирский поднес руку к голове, затем к носу и подбородку. Никаких шрамов. Слабый ненавязчивый сигнал в его голове подсказал, что он использует ту часть своего мозга, которая не принадлежит ему от рождения.

Он прошелся вперед и назад, испытывая неприятное чувство какой-то неопытности. Затем, обогнув ряды кресел, он подошел к черной стене, все так же закрытой и лишенной каких-либо обозначений. Нахмурившись, он крикнул:

– Эй!

Никто не ответил.

– Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Видимо, его оставили одного. Возможно, расстреляв его, все ушли из библиотеки. Но был еще белый клубящийся туман – и он помнил троих офицеров с откинутыми назад головами и отвисшими челюстями.

– Погодин! – крикнул он. – Погодин, где вы?

Снова никакого ответа. Генерал пересек угол и подошел

к маленькой двери, которая вела в наблюдательную будку. Дверь была открыта. Он поднялся по лестнице и вошел в будку.

Погодин, размеренно дыша, лежал на трех стульях; он явно спал. Мирский мягко тронул его за плечо.

– Погодин, – сказал он. – Пора уходить.

Погодин открыл глаза и ошарашено уставился на Павла.

– Они вас убили, – прошептал он. – Они снесли вам головы. Я видел.

– Я спал, и мне снились очень странные сны. Вы видели, что случилось с Велигорским... с Белозерским и Языковым?

– Нет, – сказал Погодин. – Меня окутал туман, и больше я ничего не помню. А теперь вы. – Его глаза расширились, и он сел; губы его дрожали. – Я хочу уйти отсюда.

– Хорошая мысль. Давайте выясним, что произошло. – Мирский пошел впереди Погодина вниз по лестнице к черной двери. – Открыть, – приказал он.

Полукруглая дверь медленно раздвинулась.

Спиной к Мирскому у двери неподвижно стоял Анненковский, держа автомат за ствол и уперев его прикладом в землю.

– Простите, майор.

Анненковский напрягся и резко повернулся кругом, поднимая автомат.

– Осторожнее, – предупредил Мирский.

– Товарищ полковник... то есть генерал...

– Где остальные? – спросил Мирский, глядя на стоявших четырехугольником военных.

– Остальные?

– Политработники.

– Они не выходили. Извините, товарищ генерал, но нам сейчас нужно возвращаться в лагерь – мы должны связаться с ними по радио и...

– Как долго меня не было?

– Девять дней, товарищ генерал.

– Кто вместо меня? – спросил Мирский. Погодин шагнул вперед из-за его спины.

– В данный момент – майор Гарабедян и подполковник Плетнев.

– Тогда пойдете к ним. Что делают здесь войска НАТО?

– Товарищ генерал... – Анненковский, казалось, был на грани обморока. – Здесь была очень напряженная обстановка. Никто не знал, что произошло. Что там случилось?

– Хороший вопрос, – усмехнулся Мирский. – Может быть, позже мы это узнаем. Пока что я чувствую себя прекрасно – и Погодин тоже, – и нам нужно в лагерь... в четвертую камеру?

– Да, товарищ генерал.

– Тогда идем. А почему наши люди стоят здесь?

– Ждут вас, товарищ генерал.

– Тогда они возвращаются с нами.

– Есть, товарищ генерал.

В поезде Мирский закрыл глаза и прислонился к стене. «Я мертв, – подумал он. – Я ощущаю, что какие-то части меня отсутствуют, заменены, провалы заделаны. Это означает, что я теперь новый человек; я был мертв и снова ожил. Новый, но обремененный прежней ответственностью».

Он открыл глаза и посмотрел на Анненковского. Майор разглядывал его со смахивающим на ужас выражением, которое тут же сменилось болезненной улыбкой.

Глава 54

– Давайте подведем итоги, – сказал Лэньер. Они снова собрались в квартире Патриции, чтобы выслушать ее рассказ о бродяге и решить, как себя вести. – Мы гости, но не совсем. Нас охраняют, а это означает, что наше положение несколько напоминает положение пленников.

– Доступ к службе информации ограничен, – подсказала Фарли.

– Мы не можем вернуться обратно, – заметил Хайнеман.

– И – если то, что узнала Патриция, правда – нам предстоит стать знаменитостями, – добавила Ленора Кэрролсон.

– Бродяга не говорил, что кто-то ожидал возвращения Камня к Земле? – поинтересовался Лэньер.

– Нет, – ответила Патриция. – И я так не думаю. Если я права, они считали, что он будет просто продолжать двигаться в пространстве, будучи слишком маленьким для того, чтобы кто-то его заметил, и никогда нигде не остановится...

– Так каково будет наше отношение ко всему этому? – спросил Лэньер. – Ларри, Ленора?

– Какая разница, чего мы хотим? Что мы можем сделать? – спросил Хайнеман, разводя руками.

– Подумай, Ларри, – сказала Кэрролсон, кладя руку ему на колено. – Мы знаменитости. Они не могут просто так игнорировать наши желания.

– О, нет! – заявил Хайнеман. – Они могут просто промыть нам мозги. В некоторых из них нет ничего человеческого!

– Они люди, – отрезала Патриция. – То, что они могут выбирать какую форму принять или какими талантами и способностями обладать, не означает, что они не наши потомки.

– О, Господи, – простонал Ларри. – Это выше моего понимания.

– Нет, это не так – если я могу это понять, то и ты сможешь. – Она сжала его колено.

– Если мы выступим единым фронтом, добьемся больших уступок, – сказал Лэньер. – Если мы знаменитости или даже диковины, мы можем как-то влиять на отношение и к нашим людям на Камне.

– Так чего мы намерены потребовать? – спросила Кэрролсон.

– Прежде всего, мы будем настаивать, чтобы были сняты ограничения на информацию, – предложила Патриция.

– Я своей даже не пользовался, – заметил Хайнеман.

– Мы всеми силами пытались получить разрешение на то, чтобы связаться с Камнем. – Лэньер обвел взглядом комнату. – Вы согласны с этим?

Все были согласны.

– Мы должны быть уверены, что всегда будем вместе; нас никогда не должны разделять, – продолжал он. – В противном случае мы будем протестовать...

– Голодовка? – спросила Фарли.

– Все способы. Ясно, что наши хозяева не людоеды, и вряд ли с нами будут дурно обращаться. Да, мы несколько ошеломлены, потрясены увиденным, но... С этим можно справиться. Мы выжили на Камне, выживем и здесь. Верно?

– Верно, – подхватила Карен Фарли, глядя на Лэньера с выражением, означающим нечто большее, чем уважение к его авторитету. Патриция посмотрела на них и весело, дружелюбно улыбнулась.

Кэрролсон пристально наблюдала за всеми.

– Ольми сейчас в холле, – сказала Патриция. – С ним Рам Кикура. Я попросила подождать, пока мы не закончим – но они хотят поговорить с нами.

– Так мы всегда будем вместе? – спросил Лэньер.

– Конечно, – мягко подтвердил Хайнеман.

Ольми и Рам Кикура вошли в квартиру Патриции и устроились посередине, скрестив ноги. Рам Кикура радостно улыбалась; с точки зрения Лэньера, она была ненамного старше Патриции, хотя наверняка это было не так.

Лэньер изложил их требования. К его удивлению, Ольми согласился почти со всем, за исключением связи с Пушилкой.

– Этого я сейчас не могу вам позволить. Возможно, позже. Мы можем разрешить вам неограниченный доступ к информации, но это потребует некоторой подготовки. Полный доступ к данным очень сложен и требует большой ответственности – всегда существует возможность злоупотреблений.

Для начала воспользуйтесь помощью педагога. Рам Кикура может предоставить вам фантома – частичную личность, основанную на ее собственной. Этот педагог будет проводить поиск информации, а также инструктировать вас. Наши младшие граждане постоянно пользуются их услугами.

– И мы сможем изучать все что угодно? – спросила Патриция.

– Это трудновыполнимое требование, – сказала Рам Кикура. – Даже граждане не имеют доступа ко всей Памяти Города. Там есть многое, что может оказаться опасным для неподготовленного...

– Например? – поинтересовался Хайнеман.

– Программы изменения личности или объединения различных личностей. Психические усовершенствования. Различные функции высокого уровня и теоретические программы. Может быть, вы ознакомитесь с этим позже, но пока что педагог будет предохранять вас от того, чтобы вы... скажем так, не перестарались.

– Ну конечно, – сказала Кэрролсон.

– Нас все еще держат в качестве чистых образцов? – спросила Патриция.

– До некоторой степени, – согласился Ольми. – Но тесты уже проведены...

– Проведены? – Хайнеман не в силах был скрыть потрясения.

– Да. Пока вы спали.

– Думаю, нам все же следовало бы знать о том, что происходит, – нахмурился Лэньер.

– Вы знали. Ваши сонные воплощения направляли наши исследования, и мы не делали ничего, с чем они не соглашались.

– Господи, – простонала Кэрролсон. – Что такое сонные воплощения?

Рам Кикура развела руками.

– Наверное, теперь вы понимаете, почему по социальному статусу вы приравнены к детям, в лучшем случае – к подросткам. Вы просто не готовы ко всему, что может предложить вам Аксис. Пожалуйста, не обижайтесь. Я здесь для того, чтобы помочь вам, насколько это в моих силах, а не для того, чтобы мешать или расстраивать ваши планы. Кроме того, я здесь для того, чтобы защищать вас, и я буду делать это, как бы вы ни возражали.

– Именно этим и занимаются адвокаты? – спросил Хайнеман. – А они кто – юристы?

– Адвокат – это одновременно помощник и официальный представитель, – пояснила Рам Кикура. – Мы даем советы, основанные на данных, которые наши дубли находят в Памяти Города или где-либо еще. У нас есть много привилегий – например, доступ к личным собраниям памяти. Хотя мы не можем разглашать их содержание, но, в определенных пределах, можем пользоваться тем, что узнаем из них. Некоторые адвокаты – в том числе и я – предлагают то, что в ва-

ше время могло быть названо психологическими консультациями.

– В сущности, – добавил Ольми, – сер Рам Кикюра предоставляет вам еще одну степень защиты – против злоупотреблений со стороны высших властей. Есть еще вопросы?

– Да, – сказала Кэрролсон, посмотрев на Лэньера. Он кивнул, и она продолжила: – Что будет с нашими людьми на Камне... на Пушинке?

– Мы еще не знаем. – Решение по этому поводу еще не принято.

– Как вы собираетесь с ними поступить? – спросила Фарли. – С американцами и с остальными?

– Я могу гарантировать, что им не будет причинен вред, – сказал Ольми.

– Как вы думаете, когда мы сможем с ними связаться? – спросил Лэньер.

Ольми постучал указательными пальцами друг о друга и ничего не ответил.

– Так когда?

– Как я уже сказал, этот вопрос еще не решен. Я не могу сейчас ответить.

– Мы хотели бы узнать об этом как можно скорее, – сказал Лэньер.

– Узнаете, – заверил Ольми. – Вы были под охраной и в изоляции. Теперь положение изменится, так как ваше появление больше не является тайной. Вы станете популярны;

вам предстоит участие в церемониях и путешествиях. Вероятно, вас даже утомит внимание.

– Не сомневаюсь, – не очень уверенно произнес Гарри. – Теперь, сер Ольми, только между нами семерыми – если вы, как мне кажется, только один человек, и никто не заглядывает через ваше плечо, – чего вы от нас хотите?

– Мистер Лэньер, вы не хуже меня знаете, что сейчас я не могу быть полностью откровенным. Вы просто не поймете, а если я попытаюсь объяснить, это вызовет замешательство. Со временем я все объясню, но сначала вы должны познакомиться с нашим городом, с нашей культурой. Поскольку теперь вы свободно можете пользоваться службой информации...

– Относительно свободно, – подчеркнул Лэньер.

– Да, свободно с некоторыми ограничениями... Вы можете при желании провести следующие сутки за «зубрежкой», если это правильное слово.

– Есть ли еще какие-то ограничения?

– Да, – сказал Ольми. – Вы не можете покидать эту жилую зону, пока не будет составлен план и Нексус не подготовит все для вашего... скажем так, дебюта. Прежде чем это произойдет, мы советуем вам получить полную информацию об Аксисе и хотя бы немного понять наш образ жизни.

Он обвел взглядом их лица, подняв брови в ожидании вопросов, но никто больше ни о чем не спросил. Лэньер заложил руки за голову и откинулся на кушетку.

Рам Кикура программировала пикторы прямо с того места, где стояла.

– Теперь здесь присутствует педагог, основанный на моей личности, – сказала она. – Вы можете пользоваться службой информации из любой вашей квартиры, и педагог вам поможет в этом. Лучше всего начать с описания города и Пути... Согласны?

Все семеро молча смотрели на детальное изображение Аксиса, появившееся перед ними. Казалось, они приближаются к городу с севера, быстро двигаясь вдоль сингулярности и пройдя через несколько темных щитов.

Точка наблюдения затем переместилась почти к самой стене Пути, и они как бы повисли в нескольких сотнях метров над оживленными магистралями. Хайнеман вздрогнул, увидев мчащиеся по многочисленным трассам цилиндры, похожие на цистерны; на передней части каждого выделялся круг из ярких огней, а по бокам – три полосы бегущих огоньков. Впереди четырехкилометровые ворота-терминал принимали тысячи цилиндров со всех направлений. (Визуальное приложение быстро показало внутренность терминала – лабиринт многоуровневых путей, по которым цилиндры направлялись в ангары, где загружались и разгружались. Содержимое распределялось по контейнерам и отправлялось в ворота. Сами ворота были намного шире, чем те, которые они видели раньше – ступенчатое отверстие шириной, по крайней мере, в два километра, напоминающее открытую

шахту, но более правильное по форме и гораздо больше забитое оборудование).

Аксис представлял собой внушительное зрелище с любой точки зрения, но со стороны Пути он просто ошеломлял. Пиктор подсветил самые северные части города и объяснил их функции, затем точка наблюдения переместилась южнее.

В южном районе Аксиса находился широкий мальтийский крест, выступавший из-за двух кубов, расположенных один за другим вдоль потока. Поток уходил в центр креста и затем продолжался, проходя сквозь кубы. Здесь находилось оборудование, которое приводило город в движение по сингулярности. Тот же эффект, который мог перемещать город и приводил в движение трубоход, также обеспечивал большую часть необходимой энергии. Генераторы внутри кубов приводились в движение турбинами, лопасти которых пересекали сингулярность и подвергались пространственному преобразованию.

(«Откуда, в конечном счете, берется энергия?» – спросила Патриция сама себя. Был ли вообще смысл в этом вопросе?)

Между кубами располагался буфер в форме бутылки, широкий конец которого находился на одном уровне с первым вращающимся цилиндром, Аксис Надером, где были их квартиры. Аксис Надер был самой старой секцией. После окончательного выселения ортодоксальных надеритов из Пушинки их поселили в Аксис Надере, который стал чем-то вроде гетто.

Увеличивавшаяся со временем популяция неоморфов перемещалась на север, в Центральный Город и другие вращающиеся цилиндры, более новые и потому более выгодные с точки зрения недвижимости. Вращение Аксис Надера создавало центробежную силу, примерно равную на внешних уровнях силе тяжести на Пути. Его население все еще составляли, в основном, ортодоксальные надериты, которые, само собой разумеется, были почти исключительно гомоморфами.

За Аксис Надером располагался Центральный Город. Геометрия его архитектуры уже сама по себе была головокружительной. Любопытство Лэньера вызвало появление графической схемы города, начиная с куба. Каждая грань куба поддерживала приземистую пирамиду, ступени которой шли под небольшим углом друг к другу, образуя полуспираль. Вся конструкция могла целиком поместиться в сфере диаметром, примерно, в десять километров и скорее напоминала Вавилонскую башню, какой ее спроектировал бы художник двадцатого века Морис Эшер в сотрудничестве с архитектором Паоло Солери; во всех отношениях Центральный Город являлся лицом Аксиса. Мотив «искривленной пирамиды», казалось, был здесь всеобщим; такой же была и форма терминалов перед воротами.

За Центральным Городом находился Аксис Евклид со смешанным населением из неоморфов и гомоморфов, сторонников как гешелей, так и надеритов. Аксис Торо и Ак-

сис Евклид вращались в противоположном направлении, чтобы уравновесить вращение Аксис Надера, который был несколько больше их.

Точка наблюдения вернулась к мальтийскому кресту у южного конца. Они оказались в центре креста, в некотором подобии дока, где снаряжалась значительно большая и значительно более сложная версия их собственного уничтоженного трубохода. Этот корабль имел около ста метров в длину и формой напоминал сжатое посередине веретено. Два сегмента веретена были почти лишены каких-либо черт, один – блестящий серо-черный, другой сине-фиолетовый.

Картина сопровождалась фактами и цифрами. Корабль – флот, насчитывал их больше сотни – мог путешествовать со скоростью пять тысяч километров в секунду. Он мог отделяться от потока, чтобы пропустить другой транспорт – хотя Хайнеман сознался, что не понял, как это делается, поскольку поток проходит через центр корабля – и мог также высылать корабли поменьше для десанта и разведки.

Возле поверхности Пути огромные диски, которые они уже видели раньше, обеспечивали перевозки грузов и пассажиров на более близкие расстояния. Видеопутешествие завершилось вращающимся золотисто-серебряным шаром.

– Сер Ольми, – начал Лэньер.

– Да?

– Мы гости или пленники?

– Собственно, ни то, ни другое, – ответил Ольми. – Все за-

висит от того, кого вы спросите и насколько честно он ответит. Вы либо наш актив, либо пассив. Пожалуйста, помните об этом. У нас запланировано три ваших выступления, – продолжал он. – Одно перед Нексусом Гексамона, другое – на родной планете франтов, Тимбле, где мы сможем встретиться с президентом, а последнее – на отметке три экс девять, где будут открыты новые ворота.

Лэньер медленно встал и потер переносицу.

– Ладно, – сказал он. – Мы стали всеобщим достоянием, и нас будут использовать в пропагандистских целях. Нам потребуются годы, чтобы разобраться в здешних делах, а может, это нам никогда не удастся, поскольку у нас нет имплантов. Но, по крайней мере, вы показали нам больше, чем раньше. Мы уже не безупречные представители гомо сапиенс эпохи до Гибели. – Он остановился, не уверенный в том, к чему ведет. – Но...

– Вы никогда не будете полностью удовлетворены моими объяснениями, – перебил его Ольми. – Хоть вы и воспринимаете многое из того, что мы вам говорим, существует подтекст, который вы не в состоянии понять. И вы правы. Заметьте: я никогда не просил вас доверять мне. Этого я и не мог бы ожидать. Но сейчас должно быть очевидно, что мы в огромной степени можем помочь друг другу. Вы хотите связаться со своими друзьями, а Нексус должен считаться с самим вашим присутствием и всем, что из этого следует. В течение следующих нескольких дней вы узнаете больше о Пу-

ти и о вашей миссии здесь – больше даже, чем может сообщить служба информации. Я буду сопровождать вас, и мы с Сули Рам Кикурой будем делать все, что в наших силах, чтобы выступить в вашу защиту – во-первых, потому что это справедливо, а во-вторых, я считаю, что то, что совершаемое в ваших интересах служит также Нексусу.

Лэньер посмотрел на коллег, задержав взгляд сначала на Фарли, затем – на Патриции. Карен ободряюще улыбнулась; выражение лица Патриции было менее определенным.

– Можете рассчитывать на наше сотрудничество в течение еще семи дней, – сказал Лэньер. – Если для меня не будет очевидно, что наши интересы взаимно удовлетворяются, и если нам не позволят связаться с Пушинкой, сотрудничество прекратится. Не знаю, как велика эта угроза. – Он глубоко вздохнул. – Насколько мне известно, вы можете создать наши компьютерные изображения и заставить их делать все, что вам надо, или даже изготовить полностью идентичных нам андроидов. Но такова наша позиция.

– Согласен, – ответил Ольми. – Семь дней.

Ольми и Рам Кикура ушли. Хайнеман медленно покачал головой, потом посмотрел на Лэньера.

– Итак?

– Будем продолжать знакомство, – решил Лэньер. – И ждать.

Джудит Хоффман стояла перед маленьким зеркалом в

своей комнатке в женском коттедже. Она решила, что выглядит не так уж и плохо. За последние несколько дней ей удалось выспаться.

Количество самоубийств сократилось. Ее люди – Джудит всегда думала о них именно так, и о военных, и об ученых, – казалось, смирились со своей судьбой. Строились планы восстановления челнока и нескольких русских транспортников, чтобы попробовать добраться до Луны. Некоторые даже обсуждали возможность экспедиции на Землю – во главе с Герхардтом и Римская.

Римская удивительно быстро оправился от «провала памяти», как он это называл. Он остро переживал случившееся и, в конце концов, потребовал – как это ни парадоксально, – чтобы по отношению к не перестали проявлять снисходительность.

– Относитесь ко мне так же жестко, как я бы относился к вам, – заявил он.

Хоффман немедленно назначила ученого ответственным за снабжение – ту область, с которой, как она знала, он вполне бы управился. Не помешает иметь жесткого (но очень сообразительного) сукиного сына у хранилищ с продовольствием и оборудованием. Он умел хорошо ладить с русскими и снял с нее это бремя. В свободное время – которого было не слишком много – пусть обсуждает с Герхардтом планы относительно Земли. Хоффман умела быть требовательной. Римская, казалось, просто расцвел под бременем новой

и напряженной работы.

Единственное, что ее по-прежнему беспокоило – судьба экспедиции на трубоходе.

С возвращением Мирского и исчезновением трех замполитов русские стали проявлять все большую склонность к сотрудничеству. Возникали проблемы, связанные с нехваткой женщин: имели место два изнасилования и несколько попыток – но Джудит, честно говоря, ожидала худшего. Многие военные – западные и русские – подарили женщинам пистолеты. Пока что ими еще не пришлось воспользоваться.

Хоффман должна была через час встретиться с Мирским в четвертой камере. Это была вторая их встреча после его возвращения, и разговор предстоял долгий.

Вместе с Берил Уоллес и двумя морскими пехотинцами она проехала на нулевом поезде из первой камеры в четвертую, затем в натовском комплексе пересела на грузовик. За время отсутствия Мирского русский комплекс был разделен на три части; сейчас он занимал длинную полосу вдоль берега и два острова. Из бревен были связаны два больших плота, и шла медленная и кропотливая работа по постройке лодок; инструментов для обработки дерева пока не было – хотя, возможно, они могли бы появиться через несколько месяцев – и кораблям были доступны лишь примитивные вещи.

Поездка стала для Хоффман чистым удовольствием для Хоффман. Главный комплекс русских находился возле де-

вяностоградусной платформы, примерно, в сорока километрах от комплекса НАТО. Пересеченная местность и густой лес окружали построенную камнежителями дорогу. По окнам грузовика даже застучали капли небольшого дождика.

Уоллес говорила о возобновлении научных исследований в шестой и седьмой камерах; Хоффман слушала и кивала, но тема не увлекала ее. Уоллес почувствовала это через несколько минут и позволила Джудит полностью погрузиться в размышления.

Русский комплекс напоминал старинный форт. Оборонительная стена из стволов молодых деревьев, очищенных от веток и коры, окружала высокую земляную насыпь. Русские солдаты широко распахнули ворота при приближении грузовика и тут же закрыли их за ним.

Первым, что увидела Хоффман, была виселица. Она стояла – слава Богу, пустая – в центре четырехугольника, очищенного от травы и листьев и окруженного булыжниками размером с голову.

Бревенчатые здания были еще не достроены; наиболее претенциозное – трехэтажное – возводилось по образцу старинного русского сельского дома.

Солдаты жестами предложили припарковать машину за длинным узким сараем. Мирский принял их без особых формальностей, за столом в восточном его конце. Внутренние перегородки отсутствовали; другие рабочие помещения и спальные гамаки были открыты всеобщему обозрению.

Хоффман и Уоллес обменялись с ним рукопожатиями, и он предложил им парусиновые стулья. Морские пехотинцы остались снаружи, под охраной двух русских десантников.

Мирский предложил им чаю.

– Боюсь, что это поступило с ваших складов, – заметил он, – но чай хороший.

– Ваше строительство идет успешно, – сказала Хоффман.

– Давайте говорить по-английски, – предложил Мирский. – Мне нужна практика.

Он разлил темно-янтарный чай в три пластиковых стаканчика.

– Прекрасно, – похвалила Хоффман.

– Я не могу принять эти успехи на свой счет, – возразил Мирский. – Вы же знаете, что меня не было здесь, когда сделали большую часть работы.

– Всех интересовало... – начала было она.

– Да? Что именно?

Хоффман улыбнулась и покачала головой.

– Неважно.

– Нет, я настаиваю. – Глаза Мирского расширились. – Так что?

– Куда вы исчезли.

Он обвел их взглядом.

– Я был мертв, – объяснил он. – Потом меня привели в порядок. Я ответил на ваш вопрос? – Прежде чем Джудит успела что-нибудь сказать, Мирский продолжил: – Нет, не

думаю. Ну хорошо, я не знаю. Для меня это еще большая тайна, чем для вас.

– Ну что ж, так или иначе, – улыбнулась она, – мы рады, что вы вернулись. У нас очень много работы.

Первым в повестке дня стоял вопрос о разгрузке транспорта с оборудованием и продовольствием. Он оставался в скважине с самой Гибели; экипажу было разрешено эвакуироваться, но еще не было достигнуто соглашение о том, как распорядиться грузом. Через несколько минут Хоффман и Мирский договорились об устраивающем всех варианте. Вооружение должно было остаться в пакгаузе буферной зоны; остальные материалы переправлялись в русский комплекс четвертой камеры.

– Нам нужны материалы для обмена не в меньшей степени, чем продовольствие, – подчеркнул Мирский.

Следующий вопрос касался статуса русской научной команды. Хоффман придерживалась мнения, что русским, пожелавшим остаться с западной командой, необходимо разрешить это; Мирский помолчал, кивнул.

– Мне не нужны люди, отвергающие мои принципы, – сказал он, напряженно глядя на женщин широко открытыми глазами, и дважды быстро моргнул.

Хоффман заглянула в свои заметки.

– На этот раз дела у нас идут лучше, чем в прошлый раз. Мирский наклонился к ней, упершись локтями в колени.

– Я устал от дискуссий, – сказал он. – Я спокоен, как мерт-

вещ. Боюсь, это разочарует некоторых моих товарищей.

– Вы все время говорите, что были убиты. Это бессмыслица, генерал.

– Возможно, что и так. Однако это правда. Я не помню всего. Но я помню, что мне выстрелили в голову. Погодин говорит, что они... – Мирский поднял руки. – Вы можете сами догадаться, кто. Мне снесло полголовы. – Он помахал рукой возле правого уха. – Меня убили, а потом оживили. К счастью, я был безоружен, иначе оказался бы там, где сейчас Белозерский, Велигорский и Языков.

– И где же это?

– Точно не знаю. Возможно, под арестом. Похоже, Пушкинка имеет средства для исполнения своих законов.

– Думаю, что это вполне возможно. Это означает, что Пушкинка-город все еще способен принимать решения, выносить оценки и поступать в соответствии с ними.

– Мы должны следить за своим поведением, верно? – предположил Мирский.

Хоффман кивнула и вернулась к повестке дня. Один за другим в течение сорока пяти минут все пункты были обсуждены и закрыты.

– Мне было очень приятно, – сказал Мирский, вставая и протягивая руку. Хоффман крепко пожала ее, и генерал проводил их к машине.

– Как насчет виселицы? – спросила Уоллес, когда они ехали обратно к нулевому комплексу. – Как это следует пони-

мать?

– Возможно, это лишь предупреждение, – лениво протянула Хоффман.

– Он похож на привидение.

Хоффман согласилась:

– Очень.

Глава 55

Из квартир в Аксис Надере все пятеро в сопровождении Сули Рам Кикур и франта отправились к потоку, вокруг которого вращалась цилиндрическая секция. Транспортном являлась трехкилометровая пустая шахта. Падение напоминало поездку в лифте Пушкинки и потому – к счастью – не было абсолютно неожиданным.

Меньше всего удовольствия это доставило Кэрролслин; она испытывала определенный страх – не перед самой высотой, но перед краями пропасти. Однако ей удалось собраться с помощью Лэньера и Рам Кикур.

– Я же не какая-то проклятая старуха, – возмущенно заявила она, когда они падали.

Поток проходил через Аксис по трубе диаметром в полкилометра с сингулярностью в центре ее. Сотни и тысячи граждан расположились вдоль стен и группами плавали в воздухе на всем их пути. Рам Кикур и франт посоветовались с инженером потока, женщиной-гомоморфом, которая, как и Ольми, была полностью автономной и обходилась без ноздрей.

Затем пятерку представили первому официальному лицу, министру Аксис Надера – седому бодрому ортодоксальному надериту, над левым плечом которого плавало японское восходящее солнце. В нем не чувствовалось ни капли восточной крови, но с другой стороны, его форма могла быть ис-

кусственной – и вероятно, была таковой, – но ни у кого не было времени и особого желания спрашивать.

– Можете называть меня мэром, если хотите, – сказал он на прекрасном английском и китайском.

Эти языки были теперь повальным увлечением во всех четырех секциях, даже среди тех, кто не кичился своим происхождением.

На потоке стояла похожая на жука черная машина, аналогичная той, которая разобрала на части трубоход. Однако она была крупнее и снабжена большой и хорошо оборудованной кабиной, щедро украшенной редкостной (и настоящей) красной материей. Пикторы изобразили очень убедительные фейерверки вокруг машины и потока, пока Рам Кикира, мэр и фронт стояли в стороне, позволяя гостям войти первыми. Они расположились полукругом позади приборов, и их мягко пристегнули чем-то невидимым.

Мэр взялся за управление – черную рукоятку с углублениями для пальцев обеих рук, – и люк бесшумно закрылся.

Они двинулись вдоль потока, окруженные легким красным сиянием. Фейерверки продолжали вспыхивать со всех сторон, иногда без всякого вреда проходя по толпе.

– Им недостаточно просто видеть вас на пикторах, – объяснила Рам Кикира. – Люди не слишком изменились. Думаю, около трети из них – фантомы, изображения с мониторами в центре. Желание на других посмотреть и себя показать.

– Где Алиса? – пробормотал Хайнеман.

– Какая Алиса?

– Просто Алиса. Не могу отделаться от ощущения, что мы в Стране Чудес.

– Кого-то не хватает? – озабочено спросил мэр.

– Нет, – произнес франт своим скрежещущим голосом.

Путешествие заняло полчаса – от окрестностей Аксис Надера до Центрального Города было пятнадцать километров. Здесь толпа была еще более плотной – и более беспорядочной. Местные жители – в основном, неоморфы – пытались заблокировать и без того медленное движение машины, но струившееся впереди нее силовое поле мягко отметало их в сторону.

Патриция терпеливо сидела, почти ничего не говоря и время от времени поглядывая на Лэньера. На лице Гарри застыло полузадаченное выражение. Он слегка приподнял губу при виде некоторых неоморфов – вытянутых змееподобных завитков, поблескивающих хромом; рыб, птиц и раковин – и гуманоидных разновидностей, выходящих за рамки базовой внешности гомоморфов. Фарли зачарованно смотрела на все с отвисшей челюстью.

– Могу поспорить, что выгляжу, как... – сказала она, потом посмотрела на своих спутников. – Какое тут подходящее слово? – спросила она Лэньера.

– Понятия не имею, – ответил он, дружески улыбаясь.

Карен положила свою руку на его. Патриция слегка отодвинулась в сторону.

«Что же это? – спросила она сама себя. – Небольшая ревность? Неверность Полу? Почему Гарри вообще должен обращать на меня внимание? Он пришел, чтобы разыскать меня, из чувства долга».

Она отбросила от себя эти мысли, считая ненужным углубляться в комплексы страданий, неуверенности и вины.

Они вышли из машины вместе с мэром Аксис Наде-ра; теперь их сопровождали министр Центрального Города (неоморф) и сенатор Прешиент Ойю. Ольми приветствовал всех у широкого круглого входа в Палаты Нексуса Гексамо-на. В зале их со всех сторон окружила толпа: гомоморфы, неоморфы, некоторые с изображением американского флага над плечом, а в центре, возле подиума, развевались два больших флага – Китайской Республики и Соединенных Штатов.

Приветствия и музыка. Шум и радость.

Хайнеман заморгал, и Ленора Кэрролсон взяла его за руку, когда Ольми и Рам Кикура подтолкнули их вдоль сило-вого поля. Прешиент Ойю, самая прекрасная и грациозная из всех женщин, каких когда-либо видел Лэньер, взяла за руки его и Патрицию, а министр Центрального Города плыл рядом с Карен Фарли.

Лэньер увидел нескольких сенаторов – или делегатов? – с советским серпом и молотом. А потом они оказались в цен-тре Палат. Сенаторы и делегаты смолкли, и все изображения исчезли.

Председатель Хьюлейн Рам Сейджа вышел на подиум и

сообщил Нексусу, что их гости вскоре отправятся к воротам франтов, чтобы посмотреть, как на Пути ведется торговля. А после этого сенатор Прешиент Ойю доставит их на встречу с ее отцом, который сейчас руководит подготовкой к открытию ворот на отметке один и три экс девять.

Лэньера избрали спикером от группы. Сули Рам Кикюра предложила ему – несмотря на мягкие возражения Ольми – воспользоваться этой возможностью, чтобы изложить свое дело.

Он неуверенно переместился вдоль силового поля на подиум и получил светящиеся ленты.

Гарри посмотрел по сторонам, прежде чем начать.

– Нелегко говорить с собственными потомками, – сказал он. – Правда... у меня никогда не было детей, так что сомневаюсь, что кто-то из вас имеет ко мне даже отдаленное отношение. И, конечно, добавляется проблема разных вселенных. Обсуждение этих вопросов заставляет меня чувствовать себя человеком каменного века, впервые увидевшим самолет – или космический корабль. Мы оказались вне нашей родной стихии, и, хотя нас здесь хорошо принимают, не можем назвать это место своим домом...

Он поймал взгляд Патриции и увидел выражение страха и ожидания на ее лице. Ожидания чего?

– Но единственное место, которое мы называем своим домом, сейчас лежит в руинах. Это трагедия, наша общая трагедия. Для вас история Гибели очень далека, но для нас она

непосредственна и весьма реальна. Мы все еще страдаем от воспоминаний, от ощущений и будем горевать еще много лет – вероятно, до конца жизни.

Вдруг он понял, что должен сказать, словно он думал об этом много дней – возможно, что и думал, но бессознательно.

– Земля наш дом – ваш и мой, ваша и моя колыбель. Сейчас там царят смерть и разрушение, и не в силах моих друзей и коллег это исправить... Но это в ваших силах. Если вы собираетесь прославлять нас и наше необычное появление здесь, то не будет ли естественным помочь нам? Земля отчаянно нуждается в вашей помощи. Может быть, мы сможем переписать историю и исправить ее. Давайте вернемся домой вместе, – закончил он, чувствуя, как у него перехватывает горло.

Ольми, слушавший с первого ряда кресел, кивнул только один раз. Позади него во втором ряду, переплетя пальцы, сидел с бесстрастным лицом Олиганд Толлер, адвокат и представитель президента на этом заседании.

– Вернемся домой, – повторил Лэньер. – Ваши предки нуждаются в вас.

Глава 56

Плетнев резко выдохнул воздух, вонзив топор в пеню, и вытер раскрасневшееся лицо куском полотенца. В нескольких метрах от него лежала груда бревен, предназначенных для строительства хижины. Кроме того, Плетнев сделал лоток для смешивания глины, чтобы заделать щели между бревнами, и расчистил участок леса возле берега.

Рядом с ним стояли Гарабедян и Анненковский, скрестив руки на груди и мрачно уставившись в землю.

– Вы хотите сказать, – начал Плетнев, снова резко выдохнув, – он настолько изменился, что мы больше не можем ему доверять?

– Он не сосредоточен на руководстве, – сказал Анненковский, – и удерживает нас.

– Удерживает вас от чего?

– Во-первых, он относится к последователям Велигорского так, словно это просто искренне заблуждающиеся дети, а не опасные подрывные элементы.

– Что ж, возможно, это разумно. Нас здесь слишком мало, чтобы заниматься чистками.

– Это не единственная проблема, – продолжал Анненковский. – Он часто уходит из комплекса, добирается на поезде или на машине до библиотеки, и просто сидит там с озадаченным видом. Мы думаем, что он несколько повредился в

уме.

Плетнев посмотрел на Гарабедяна.

– Что вы по этому поводу думаете, товарищ майор?

– Это не тот человек, что был прежде, – сказал Виктор. – Он сам согласен с этим и продолжает утверждать, что он умер, а потом воскрес. Это как-то... странно.

– И, тем не менее, это генерал Павел Мирский?

– Зачем спрашивать об этом? Спросите, хороший ли он командир, – парировал Анненковский. – Любой из нас справился бы лучше.

– Он вел переговоры с американцами... они прошли неудачно? – поинтересовался Плетнев.

– Нет, – сказал Гарабедян. – Вполне гладко.

– Тогда я не понимаю, что вам не нравится. Мирский придет в норму. Он перенес травму, причем, весьма загадочную. Не следовало думать, что это никак его не изменит.

Анненковский нахмурился и покачал головой.

– Я не согласен с тем, что он успешно провел переговоры. Он пошел на многие уступки, которых не следовало делать.

– Но, вместе с тем, он добился уступок, весьма полезных для нас, – сказал Плетнев. – Я знаю. Благодаря достигнутым соглашениям мы, возможно, скоро сможем перебраться в города.

– Он не в своем уме! – гневно возразил Анненковский. – Все говорит о том, что он не тот человек – у него нет... манер, обязательных для командующего, генерала!

Плетнев посмотрел на двух майоров, а затем, прищурившись, перевел взгляд на плазменную трубку.

– Что могли бы сделать для нас Велигорский, Языков и Белозерский? Ничего. Могло бы быть еще хуже. Более чем вероятно, что они просто убили бы нас, всех троих. Я хочу сказать, не стоит менять знакомого дьявола на неизвестного. Мирский – дьявол вполне умеренный.

– Он ягненок, а не дьявол, – с сомнением сказал Гарабедян. – Я считаю его своим другом, но... Плетнев вопросительно поднял бровь. – Но сейчас, в критический момент, я не знаю, как он себя поведет.

– Думаю, все кризисы уже позади, – заметил Плетнев. – Теперь забудьте об этом разговоре. Идите. Не раскачивайте лодку. Дайте мне спокойно достроить хижину.

Гарабедян кивнул, сунул руки в карманы и повернулся. Анненковский на мгновение задержался, глядя, как Плетнев делает зарубку на бревне.

– Мы думали о том, чтобы сделать вас нашим командиром, – спокойно сказал Анненковский. – Мы не собираемся причинять какой-либо вред генералу Мирскому.

– Я не согласен, – не оборачиваясь, бросил Плетнев.

– Что если он окончательно свихнется?

– Не свихнется.

– Где вы? – в десятый раз крикнул Мирский.

Он стоял посреди библиотечного зала, среди кресел и ин-

формационных терминалов, подняв вверх кулаки. Лицо его было красным и потным, а горло сжимали гнев и отчаяние.

– Вы мертвы, так же как и я? Они казнили вас?

Ответа не было.

– Вы убили меня!

Он стиснул зубы, изо всех сил стараясь восстановить дыхание. Он знал, что если попытается сказать что-либо еще, слова превратятся в нечленораздельные обрывки. Слабый сигнал в мозгу, короткое, поясняющее предупреждение: «Сейчас вы используете материал, несвойственный вашей личности», – почти довело его до предела. Очень многое из того, о чем он думал и что делал, характеризовалось этим сообщением. Он тщательно исследовал эту область – лежа ночью в своем гамаке, стараясь заснуть и понимая, что он не нуждается в сне.

У него появилось ощущение, что большая часть того, что он помнил, являлось лишь логической реконструкцией. Вся левая сторона его тела казалась свежей и новой, имела, так сказать, другой запах. Он понимал, что новым было не тело, а соответствующая часть мозга.

В первые несколько дней Мирскому казалось, что все идет хорошо. Он считал, что сможет привыкнуть к положению воскресшего Лазаря; он заставлял себя относиться к этому как к шутке, считая, что воскрес из мертвых, дабы мягко дискредитировать заявление Погодина о том, что Велигорский вышиб Мирскому мозги. Но шутка не сработала.

Солдатам библиотека казалась столь же плотно закрытой и угнетающей, как могила. А что можно найти в могиле?..

Шутка превратилась в мрачную оценку реальности. Никто теперь не воспринимал всерьез его руководство. Он был призраком; не полковником, только что получившим повышение и внезапно ставшим генерал-лейтенантом, а странным пришельцем из глубин города третьей камеры.

Суеверие, невероятно развитое среди военных.

После недели бесплодных попыток вновь стать таким, как в прошлом, он вернулся в библиотеку. До этого он боялся приходить сюда, опасаясь, что его могут встретить три замполита и снова расстрелять.

Суеверие.

Он ждал, пока те, кто был внутри, уйдут – сначала китайцы, мужчина и женщина, а потом единственный русский, ефрейтор Родженский. Лишь когда библиотека опустела, он зашел в нее.

И кричал до хрипоты.

Он сел в кресло, нашаривая пульт информационного терминала, подняв и снова уронив крышку. Наконец, он вставил пальцы в пять углублений.

– Законы! – потребовал Мирский. – Законы покинутого города!

Библиотека задала несколько вопросов, сужая поиск до разумных пределов.

– Убийство!.

Материал был обширным и подробным. Убийство было преступлением, наказывавшимся психологической оценкой и перестройкой личности, если это требовалось.

– Что если некому исполнить наказание?

«Это не наказание, – ответил голос автомата, – это искупление вины, исправление недостатков, возвращение в общество».

– Что если нет закона, нет полиции, нет судей или судов, нет психологов?

«Подозреваемый может быть задержан на девятнадцать дней. Если по прошествии этого времени приговор не вынесен или ответственность не установлена, подозреваемый подлежит освобождению и передается под опеку клиники для восстановительного лечения».

– А если нет клиники?

«Подозреваемый подлежит освобождению под его личную ответственность».

– Где происходит освобождение?

«Если не требуется иное, по месту заключения».

– Куда их помещают после того, как схватят?

«Если они захвачены в помещении достаточного размера, чтобы можно было воспользоваться специальной медицинской аппаратурой...»

Он увидел в качестве примера часть библиотеки, за плотно закрытой дверью в северной стене: две маленьких набитых оборудованием комнаты.

«...тогда подозреваемых держат под воздействием снотворного, пока их не затребуют власти или не пройдет девятнадцать дней. Медицинские роботы при необходимости выполняют роль полицейских».

У него было еще два дня.

Мирский вернулся в четвертую камеру и в течение нескольких часов играл роль командира. Он встретился с Хоффман и Римская, чтобы продолжить дискуссию об открытии городов второй и третьей камеры для поселенцев.

Затем он незаметно ушел, взял автомат и вернулся в третью камеру. В библиотеке было пять человек: снова Родженский, а с ним четверо людей НАТО, один из них – морской пехотинец. Мирский дождался, пока они уйдут, и вошел в библиотеку с оружием в руках.

Он дал политработникам шанс. Если они будут освобождены, единственное, что они смогут сделать – это снова прийти за ним. Он останется в библиотеке в течение следующих двух дней и будет терпеливо ждать...

Библиотека была пустой уже несколько часов. За это время он понял, что его план не имеет смысла. Библиотека не будет долго пустовать. Он должен исполнить свой приговор – смерть – тайно, иначе это будет не только бессмысленно, но даже хуже. Если он не уничтожит трех политработников более тщательно, чем они уничтожили его, они воскреснут, а он будет заключен на девятнадцать дней, и все начнется сначала – цикл безумия и жестокости, превосходящий даже

кошмары Гоголя.

Он подошел к стене, за которой без сознания ждали три замполита, и направил автомат в пол массива кресел, быстро моргая.

– Я не тот же самый человек, которого вы убили, – сказал он. – Почему я должен мстить?

Даже если бы он чувствовал себя тем же самым человеком, это могло быть оправданием. Он мог постыдиться так, как подспудно хотел в течение многих лет. Возможно, ясность мыслям придало разрушение некой иррациональной части его сознания, высвободившее истинное и четкое побуждение.

Мирский всегда мечтал о звездах, но не ценой собственной души. А работа в советской системе – даже такой, какую он пытался установить здесь – всегда означала действия вопреки таким людям как Белозерский, Языков и Велигорский. Эти лица появлялись на всем протяжении русской истории: злобные лакеи и способный, но жестокий лидер.

Он должен вырваться из этого круга. Сейчас у него появился шанс. Родина погибла. Долг был выполнен – он уже один раз умирал ради своих людей. Возможно, если бы генерал-майор Сосницкий был жив... Но тогда Мирский не занял бы такого положения. Его занимал бы Сосницкий.

Он вышел из библиотеки и отправился на поезде в форт четвертой камеры. Там он погрузил в грузовик припасы – никто не интересовался его намерениями, даже Плетнев, слег-

ка озадаченно наблюдавший за ним.

«Они будут рады от меня избавиться, – подумал Мирский. – Они смогут продолжать интриги и жестокости. Политический триумvirат вернется, чтобы занять свои места. Я все время был препятствием для них...»

Последним его долгом было написать записку Гарабедяну.

«Виктор!

Три замполита скоро вернутся. Они появятся в библиотеке третьей камеры в течение ближайших сорока часов. Если хотите, можете считать их своим руководством; я больше не стану вам мешать.

Павел».

Он оставил записку в конверте в палатке Гарабедяна.

Мирский вел грузовик через лес, направляясь к до сих пор не исследованной точке на стовосьмидесятом градусе. Здесь он будет один. Можно построить плот и отправиться по неглубокому озеру к поросшему деревьями острову или просто исследовать густые леса, виднеющиеся километрах в пятидесяти отсюда.

И он сможет решить, что делать дальше.

Он не думал, что когда-либо вернется.

Глава 57

Внутренность корабля, заполненного привилегированными гражданами и высокопоставленными сановниками, отличалась еще более свободными формами, чем корабль Ольми. Цвет поверхностей варьировался от жемчужного до серого, и казалось, нигде не было никаких граней или углов – лишь одна обширная длинная кабина, окружающая цилиндр трехметровой ширины, через который проходил поток и где находились реактивные двигатели. Существа самых разнообразных форм перемещались с места на место, обмениваясь пиктограммами или беседуя по-английски и по-китайски. Некоторые потягивали напитки из свободно плавающих шаров с жидкостью, которым каким-то образом удавалось не сталкиваться со случайно оказавшимися рядом людьми. Соуды с изяществом огибали препятствия, словно обладали разумом.

Лэньер с трудом смог разобраться, как маневрировать с помощью силовых полей. Фарли это удавалось несколько лучше – она была прирожденной гимнасткой, что вызывало у Гарри некоторую досаду. Он направил все свои усилия на то, чтобы овладеть этим искусством.

– Это восхитительно, – призналась Карен, медленно вращаясь рядом с ним, потом протянула руку и затормозила, коснувшись мягко светящегося фиолетовым силового поля.

Хайнеман и Кэрролсон поддерживали друг друга среди гомоморфов и неоморфов, напряженно улыбаясь, кивая и надеясь, что – как сказал Ольми – здесь практически невозможно совершить что-либо неприемлемое с точки зрения общества. Что бы они ни сделали, какую бы ошибку ни совершили, это должно казаться лишь забавным. В конце концов, они – «диловины».

Патриция пыталась сосредоточиться, сжимая в руках сумку, с электронным блокнотом, процессором и мультиметром. Однако ей никак не удавалось остаться незамеченной.

Сули Рам Кикура подплыла к Патриции и прервала быстрый поток пиктограмм человека с черной блестящей кожей. Тот несколькими простыми пиктограммами извинился за свое предположение, что Патриция знакома с графоречью высокого уровня. Затем на весьма приличном английском – несомненно, изученном скоростным методом за несколько минут до посадки на корабль – он включился в сложную дискуссию на тему древней земной экономики. Кикура удалилась, чтобы сгладить другую неловкость: Лэньера, хотя и медленно, но явно затягивало в промежуток между двумя стройными симпатичными дамами. Дамы были одеты в облегающие трико, а между их руками и ногами была натянута легкая полупрозрачная ткань. Они напоминали фантастических золотых рыбок; и Гарии, и Карен вряд ли могли что-либо совершить, что-либо обескураживающее их.

Патриция несколько минут слушала рассуждения черно-

кожего, потом сказала:

– Я в этом совершенно не разбираюсь. Моя специальность – физика.

Тот уставился на нее, и она почти услышала, как он переключается на заранее запрограммированную часть своего импланта.

– Да, это замечательно. В ваше время возникло столько новых идей в области физики...

Ольми быстро приблизился и изобразил что-то, чего Патриция не поняла. Чернокожий возмущенно удалился, выстроив вокруг лица тонкий красный круг.

– Возможно, это была не лучшая идея, – заметил Ольми, сопровождая ее к франту, занятому разговором с двумя неоморфами – один имел форму медузы, а в другом она узнала председателя Нексуса Хьюлейна Рам Сейджа.

– Полагаю, нам придется к этому привыкнуть, – сказала Патриция. «А зачем, собственно?» Она не собиралась оставаться здесь навсегда.

– Сер Рам Сейджа, – представил франт, поворачиваясь к ней, – это наш первый гость. – Широко открытые глаза франта, казалось, излучали хорошее настроение и расположение духа. Хотя она сочла слово «гость» не слишком уместным, в устах франта оно не возмущало.

– Я ждал возможности поговорить с вами где-нибудь вне Палат, – сказал Рам Сейджа. – Хотя вряд ли это самый подходящий момент...

Патриция взглянула на лицо, расположенное посреди сферы, служащей телом. У нее появилось ощущение, что она на экскурсии в Диснейленде и видит нечто необычное, чему есть, правда, вполне разумное объяснение. Какое-то время она молчала, а затем внезапно вышла из задумчивости.

– Да, конечно.

– Вам понравится Тимбл, наш мир, – сказал франт. – Мы – давние постоянные партнеры Гексамона. Это очень спокойные, давно открытые ворота.

– Сначала мы отправимся туда, – сообщил Рам Сейджа. – Четырехчасовое путешествие к воротам франтов на отметке четыре экс шесть, а затем двухдневный отдых. Мы надеемся, что президент сможет сделать перерыв в совещании, чтобы встретиться с нами.

«Четыре экс шесть – четыре миллиона километров по коридору – просто прыг, скок и готово, – подумала она. – Каждая тысяча километров – сдвиг на один год вперед во времени; каждая доля миллиметра – переход в альтернативную вселенную...»

Насколько ближе к дому?

– Я буду рада встретиться с ним и посетить Тимбл, – покорно согласилась она.

– Нас зовут на нос, – сказал Лэньер, приближаясь к ней вместе с Фарли. Хайнеман и Кэрролсон уже двигались в нужную сторону. Толпа расступалась перед ними. Патриция никогда не видела столько улыбающихся лиц и не ощущала та-

кого интереса к своей персоне. Она терпеть этого не могла; ей хотелось убежать и спрятаться.

Нащупав через комбинезон письмо от Пола, она последовала за франтом и Ольми в носовую часть корабля.

Там находилась сенатор Ойю вместе с тремя гомоморфами-надеритами из Аксис Торо; все трое были историками. Они улыбнулись и освободили место для прибывших. Капитан корабля, неоморф с мужским туловищем и телом змеи ниже пояса, трехметровой длины, присоединился к ним последним.

– Честь начать наше короткое путешествие принадлежит первому гостю, прибывшему в Аксис, – сказал капитан. Патриция взяла его за руку и переместилась на нос, поближе к потоку.

– Мисс Васкес, не окажете ли честь? Просто попросите корабль стартовать.

– Поехали, – тихо сказала она.

Появился четко очерченный круг диаметром, примерно, в пять метров, открыв Путь. Казалось, они плыли высоко над полосами движения и терминалами у ворот. Сверкающая линия сингулярности ярко сияла прямо перед самым носом. Пока никакого ощущения движения не было.

Патриция повернулась к Ольми, Лэньеру и Фарли. Лэньер улыбнулся ей; она улыбнулась в ответ. Несмотря ни на что, во всем этом было что-то волнующее. Она чувствовала себя избалованным ребенком, попавшим на вечеринку весь-

ма своеобразных взрослых.

«Мы – гусеницы, они – бабочки», – подумала она.

Через полчаса корабль двигался настолько быстро – выше ста четырех километров в секунду, – что стены Пути превратились в непрерывное мелькание черных и золотых полос. Они уже преодолели около девяносто четыре тысячи километров и продолжали ускоряться. Впереди пульсировало красное сияние. Патриция почувствовала руку Карен Фарли на своем плече.

– Удивительно, насколько это напоминает прием на Земле, – заметила Фарли. – Не в Хобэе, а в Лос-Анджелесе или Токио. Я летела через Токио в Лос-Анджелес, и во Флориду... Тогда было устроено несколько приемов. Прием в посольстве... – Она покачала головой и улыбнулась. – Где, черт побери, где мы, Патриция? Я ничего не могу понять.

– Это люди, такие же, как мы.

– Я просто не... не всегда верю в то, что происходит. В мыслях я возвращаюсь в те времена, когда была маленькой девочкой в Хобэе и слушала, чему учил меня отец. Я просто убегаю от действительности.

«Принести Рамону почитать «Тьемпос де Лос-Анджелес»...»

– Любые приемы вскоре становятся утомительными. Я бы лучше поработала, – сказала Патриция, – но это не очень красиво по отношению к хозяевам. Ольми хочет, чтобы мы были общительны.

К ним с озабоченным видом приблизилась Сули Рам Кикира.

– Кто-нибудь вас обидел? – спросила она. – Или сделал неудачное предложение?

– Нет, – ответила Фарли. – Мы с Патрицией просто смотрим.

– Конечно... вы устали. Ольми забывает о необходимости сна и отдыха.

– Я не устала, – возразила Патриция. – Я очень взволнована.

– Я тоже, – согласилась Фарли. – Возможно, более подходящее слово – ошеломлена.

– Вы можете уединиться в любое время, когда пожелаете, – сказала Рам Кикира.

– Мы останемся на носу и будем просто смотреть. – Патриция плавала, скрестив ноги в позе лотоса, так же как и Фарли.

– Мы прекрасно себя чувствуем, – сказала Фарли, – и скоро присоединимся к остальным.

Рам Кикира поплыла на корму, к группе неоморфов, обменивавшихся сложными и загадочными пиктограммами.

– Не так уж здесь и плохо, – заговорила Фарли после нескольких минут молчания. – Эти люди не жестоки.

– О, да, – Патриция согласно качая головой. – Ольми очень любезен, и Кикира мне нравится.

– Прежде чем мы ушли, она разговаривала с Гарри и со

мною о наших правах на продажу исторической информации. Или обмен на привилегии, как она это назвала. Очевидно, мы можем получить доступ к любой ценной информации в обмен на то, что есть в нашей памяти.

– Это я тоже слышала, – сказала Патриция.

Через час Патриция, Хайнеман и Кэрролсон уединились в задней части кабины. Пока они спали, фронт отгонял любопытных, пока они спали. Лэньер и Фарли были слишком увлечены, чтобы отдыхать; они остались на носу, наблюдая за проносющимся мимо коридором. В середине путешествия корабль двигался со скоростью около четырехсот шестнадцати километров в секунду; затем началось торможение.

Еще через два часа корабль замедлился до скорости, кажущейся черепашьей – всего несколько десятков километров в час. Внизу торжественно летело над трассами множество широких серебристо-серых дисков. На расстоянии были отчетливо видны четыре больших искривленных пирамиды – терминалы перед четырьмя воротами, ведущими в Тимбл.

К ним присоединились два гомоморфа – чуть более радикальные модели того же типа, что и Ольми, автономные и, в большей степени, искусственные. Они были одеты в бело-голубые костюмы, раздувавшиеся вокруг голеней и предплечий. Один из них явно был женщиной, хотя ее волосы были подстрижены так же, как и у Ольми. Пол второго был неясен. Они улыбнулись Патриции и Фарли и обменялись простыми

пиктограммами. Патриция коснулась своего ожерелья и ответила; Фарли изобразила какую-то глупость, вызвав добродушный смех. Гомоморф неопределенного пола шагнул вперед, и над его левым плечом внезапно появилось изображение китайского флага.

– Мы незнакомы, – начал он или она. – Я Сама Ула Риксор, специальный помощник президента. Мои предки были китайцами. Мы обсуждали морфологию тех времен. Мисс Фарли, вы редкий экземпляр, не так ли? Китайка, но с чертами белой женщины. Значит ли это, что вы сделали... то, что называлось пластической операцией – это было возможно тогда?

– Нет... – с некоторым смущением ответила Фарли. – Я родилась в Китае, но мои родители были европейцами...

Патриция поплыла на нос к Лэньеру, Кэрролсон и Хайнеману. Рам Кикура скользнула к ним и сообщила, что скоро они покинут корабль; диск-челнок для очень важных персон уже выходил из терминала, чтобы принять их на борт.

Хайнеман расспрашивал Ольми о личности франта, который их сопровождал, подозревая, что тот мог поменяться местами с одним из девяти других франтов, летевших на корабле.

– Он выглядит иначе. Вы уверены, что это тот же самый франт?

– Во взрослом состоянии они все выглядят одинаково, – заметил Ольми. – Какое это имеет значение?

– Я просто хочу знать, с кем стою рядом, – покраснев, ответил Хайнеман.

– Это действительно не имеет значения, – повторил Ольми. – Они передают друг другу свою память, и когда один уходит, другой может полностью его заменить.

Хайнемана это не убедило, но он решил, что настаивать не стоит.

Диаметр транспортного диска был равен длине корабля. Он поднялся к оси, остановившись в тридцати метрах от нее; по его поверхности бегали молнии заряда, полученного от плазменного поля. Затем сияние соскользнуло с верхней поверхности диска, словно фосфоресцирующая морская пена, и в центре его появилось круглое отверстие.

Затем открылись люки корабля, и гости выпрыгнули наружу, поддерживаемые силовым полем. По очереди, парами и тройками, держась друг за друга, они плавно опускались в отверстие диска. Ольми поддерживал Фарли и Лэньера, а Лэньер помогал Патриции; Рам Кикура держала за руки Кэрролсон и Хайнемана. Сгруппировавшись, они летели следом за остальными.

Диск был по форме не более, чем увеличенным куполом, закрывшим ворота за седьмой камерой. Внизу у него не было ничего, кроме паутины светящихся линий и, к ужасу Хайнемана, никакой платформы или пола, на котором можно было бы стоять. Все просто плавали под диском, поддерживаемые невидимым и всеобъемлющим силовым полем, которое,

в свою очередь, создавалось меньшими полями. Все, что отделяло их от вакуума, все, что находилось между ними и стенами Пути в двадцати пяти километрах внизу, было неуловимым энергетическим барьером.

Лэньер увидел у краев диска нескольких пилотов-гоморфов и значительно больше неоморфов и роботов. Он наблюдал, как похожий на веретено неоморф пронизывает пурпурное силовое поле, а за ним следуют ящики из другой секции корабля. С противоположной стороны восемь франтов тоже ждали своей очереди на посадку. Их собственный фронт вернулся к своим товарищам и уже обменялся с ними памятью, сделав вопрос Хайнемана чисто академическим.

Лэньер взялся за тонкую пурпурную силовую линию и, развернувшись, посмотрел на Хайнемана.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Паршиво.

– Неженка, – хмыкнула Ленора, сама немного бледная.

– А я-то думал, тебе понравится, – заметил Лэньер. – Ты же всегда был влюблен во всякие машины.

– Ха, машины! – прорычал Хайнеман. – Покажите мне хоть какие-нибудь машины! Они работают без всяких движущихся частей. Это противоестественно.

Пока они разговаривали, диск начал снижаться. Группы пассажиров возбужденно обменивались пиктограммами; Патриция плавала, раскинув руки и ноги и держась за ту же силовую линию, что и Лэньер.

Она посмотрела вниз на терминал, наблюдая за дисками, которые входили и выходили через ворота у основания пирамиды по всем четырем направлениям. Значительно большее число дисков ожидало своей очереди; они были составлены в стопки, словно блины, или летали по спирали вокруг колонны.

Диск медленно опускался, давая пассажирам возможность наблюдать за движением вокруг терминала. Большинство трасс было заполнено машинами-контейнерами самых разнообразных форм: сферами, яйцами, пирамидами, каплями, состоящими из множества сложных кривых.

Лэньер пытался найти во всем этом какой-то смысл, пользуясь информацией, полученной в библиотеке, но не смог – смысл явно был, но оставался неясным. Патриция подплыла к Гарри.

– Вам понятно все это? – спросил он.

Она покачала головой.

– Не все.

Рам Кикура отделилась от группы ярко одетых гомоморфов и приблизилась к ним.

– Мы пройдем ворота через несколько минут, – сказала она. – Вам следует знать, что я могу сделать вас очень богатыми людьми – если позволят Ольми и Нексус.

– Богатство все так же много значит? – с сомнением спросила Кэрролсон.

– Информация – да, – ответила Рам Кикура. – Я уже пе-

реговорила с четырьмя из пяти могущественных распределителей информации.

– Посылаете нас в турне, словно каких-то цирковых уродцев, – проворчал Хайнеман.

– О, поверьте мне хотя бы немного, Ларри. – Рам Кикура коснулась его плеча. – Вам не будет плохо. Я этого не потерплю, и даже если я окажусь – как вы это называете? – дерьмом, вас защитит Ольми. Вы это знаете.

– Знаем ли? – вполголоса сказал Хайнеман, когда она удалилась.

– Не будь брюзгой, – нахмурилась Ленора Кэрролсон.

– Я просто сохраняю бдительность, – раздраженно бросил инженер. – Будучи в Риме, остерегайся общественных уборных.

Лэньер рассмеялся и покачал головой.

– Черт побери, я даже не знаю, что он имеет в виду, – признался он Патриции. – Но я восхищаюсь его осторожностью.

Диск находился теперь на одном уровне с широкими низкими воротами восточной части терминала. Поверхность здания была покрыта материалом, напоминающим молочное стекло, с полосами медно-оранжевого металла, расположенными на кажущихся случайными расстояниях друг от друга.

– Чудесно, – восхитилась Фарли. Патриция согласилась и вдруг почувствовала теплую влагу в глазах; она не могла с уверенностью сказать, из-за чего, но у нее перехватило горло, и она вытерла капли, побежавшие по щекам.

– Что случилось? – спросил Лэньер, придвинувшись к ней поближе.

– Действительно чудесно, – сказала она, подавляя рыдания. Лэньер почувствовал, что и его глаза невольно увлажнились.

– Мы не можем забыть их, верно? – спросил он. – Где бы мы ни были, что бы ни видели – они всегда с нами. Все четыре миллиарда.

Она быстро кивнула. Ольми подплыл к ним сзади и протянул Патриции архаичный и неожиданный носовой платок. Она удивленно взяла его и поблагодарила.

– Если вы будете продолжать в том же духе, – шепотом предупредил он, – вас может в течение нескольких минут окружить толпа. Мы не привыкли видеть плачущих.

– О, Господи, – простонала Кэрролсон.

– Не судите нас строго, – сказал Ольми. – Наши люди могут испытывать столь же сильные чувства, но мы по-другому выражаем их.

– Со мной все в порядке. – Патриция безуспешно пыталась вытереть глаза. – Вы принесли это на случай, если мы?..

Ольми улыбнулся.

– На случай крайней необходимости.

Лэньер отобрал платок и сам вытер ей лицо, потом помахал платком в воздухе, словив несколько случайных капель.

– Спасибо, – поблагодарил он, возвращая платок Ольми.

– Не за что.

Они вошли в терминал. Внутри прозрачного сооружения лучи света прочерчивали пути для транспорта. В центре, примерно, в километре под ними, находились сами ворота – широкое, с расплывчатыми краями, отверстие, ведущее в лишенную каких-либо черт синеву.

– Это наши вторые большие ворота, диаметром пять километров, – пояснил Ольми. – Самые большие имеют ширину семь километров и ведут в мир Тальзита на отметке три экс семь.

– Мы направляемся туда? – спросил Хайнеман. Диск уже возобновил снижение.

– Да. Это безопасно.

– За исключением моего душевного здоровья, – пробурчал Хайнеман. – Гарри, хотел бы я быть маляром.

Теперь они находились прямо над воротами, но за синевой не было видно никаких деталей. Группа из пяти дисков поменьше расчищала им дорогу вниз. У края ворот сотни цилиндров и других машин каскадом летели в величественном управляемом падении.

Яркие путеводные линии, перестроившись, колонной окружили диск. Когда они оказались примерно на одном уровне с краем ворот, Лэньер внезапно различил детали. Мир франтов виднелся сквозь синеву, искаженный, словно старинная картина, нарисованная на цилиндре. Он мог различить океаны, отдаленные горы, чернеющие на фоне ультрамаринового неба, вытянутый сверкающий овал солнца.

– Господи, – прошептала Кэрролсон. – Посмотрите туда.

– Я был бы рад, если бы мне не пришлось этого делать, – заявил Хайнеман. – Как ты думаешь, у Ольми есть немного драмамина?

Плавающие группы гомоморфов и неоморфов испускали яркие круги и вспышки света, оценивая увиденное. Диск завибрировал, и ландшафт плавно приобрел в нормальную перспективу. Направляющая колонна из световых лучей исчезла, и они закончили проход через ворота, внезапно промчавшись на небольшой высоте над ошеломляюще белой поверхностью.

Лэньер, Ленора Кэрролсон и Патриция перебрались в нижнюю часть диска, к самой границе паутинообразных силовых линий, откуда был виден горизонт мира франтов. Со всех сторон между парящими дисками тянулись ряды цилиндров и других транспортов, сбрасывающих свой груз. Лэньер развернулся на триста шестьдесят градусов, разглядывая горы и море за белой приемной зоной. Он никогда не видел столь ярко-голубого неба.

Словно паяльная лампа, описывающая в небе дугу, к морю пронесся метеор. Прежде чем он упал, из-за горизонта вырвались пульсирующие оранжевые лучи и разнесли метеор в куски. Другие лучи уничтожили падающие обломки. Поверхности океана и земли достигла лишь пыль.

– Это история их жизни – в ореховой скорлупе, – сказала Рам Кикура, показывая туда, где нашел свой конец метеор. –

Вот почему франты – это франты. – Она взяла за руку Лэньера и протянула другую руку Патриции. Ольми собрал вокруг себя остальных троих. – Идем. Мы скоро высаживаемся. Здесь сила тяжести несколько выше; для начала вам потребуются ремни.

Диск подлетел к выделенной посадочной площадке. Прозрачные поля под ними перестроились, когда они приблизились к белому покрытию, и паутина ярких линий превратилась в воронку.

– Адвокат президента и председатель Нексуса спустятся первыми, – скомандовала Рам Кикура. – Мы пойдем следом, затем франты, затем остальные.

Олиганд Толлер, Хьюлейн Рам Сейджа и их помощники – два рыбообразных неоморфа и три гомоморфа – проплыли к центру воронки и мягко опустились на панель под диском. Ольми поторопил свою группу, и они двинулись тем же путем, опустившись на землю в нескольких метрах от группы президента.

После Пушинки и Пути притяжение Тимбла стало некоторым потрясением, словно на них внезапно навьючили тяжелые кирпичи. Колени Патриции подогнулись, и мускулы ног выразили протест. Хайнеман застонал, а лицо Леноры Кэрролсон стало напряженным.

Подкатились длинные машины размером с автобус на больших белых колесах. Когда гость входил, франты надевали на него компенсационный пояс, дабы снизить эффект гра-

витаии. Неоморфы, неспособные двигаться без силовых полей, получили специальные антигравитационные пояса, которые легко подгонялись под любую форму.

– Вам это понравится, – пообещала Рам Кикира, когда автобус выехал на широкую цвета кирпича дорогу. – Мы едем на пляж.

Мир франтов, как она объяснила, служил курортом для людей и некоторых других дышащих кислородом обитателей Пути. Поскольку уровень ультрафиолетового излучения яркой звезды – желтого карлика превышал тот, к которому привыкли люди, был сооружен атмосферный щит площадью в несколько тысяч квадратных километров. Курорт находился в тени этого щита.

– В океане имеются крупные хищники, но немного – впрочем, вряд ли кто-то из них захочет сожрать человека, – а окружающая среда здесь чиста. Идеальное место отдыха для каждого, кто может позволить себе это – в сущности, для любого воплощенного гражданина.

Длинное низкое главное здание курорта располагалось в идеальном месте: у широкого пляжа, покрытого белым кварцевым песком, на оконечности полукруглой бухты. У каждой комнаты был внутренний дворик и прозрачные двери, предоставлявшие возможность наблюдать неприкрашенную действительность или различные иллюзорные картины. Мебель, выдержанная в курортном Старой Земли, была настоящей.

Они съели ленч – первый в мире франтов – в ресторане, оформленном в стиле конца двадцатого века, где их обслуживали гомоморфы. Роботов видно не было. После обеда Рам Кикюра тщательно осмотрела номера, прежде чем позвать гостей войти. На них все еще были пояса, хотя Лэньер чувствовал, что сможет обойтись без своего. Однако он хотел снять пояс одновременно с Хайнеманом, а инженер, похоже, не собирался этого делать.

Патриция осмотрела свою комнату, затем присоединилась к остальным во дворике у Лэньера. Рам Кикюра предложила им отдохнуть несколько часов и поплавать, а она и Ольми будут недалеко – на случай, если они понадобятся.

– Они занимают комнату на верхнем этаже, – понизив голос, сообщила Кэрролсон, когда она ушла. – Я думаю, они любовники.

Патриция открыла металлическую калитку дворика.

– Пойду прогуляюсь. – Она посмотрела на Лэньера. – Если только вы не считаете, что мы должны постоянно торчать все вместе.

– Нет. Вероятно, мы здесь в достаточной безопасности. Идите.

Лэньер смотрел, как она шагает на негнущихся ногах по песку мимо гомоморфов и даже нескольких неоморфов в поясах. Никто не обращал на Патрицию особого внимания. Он с улыбкой покачал головой.

– Это вполне может сойти за Акапулько. С несколькими

плавающими странными воздушными шарами.

Фарли обняла его.

– Я никогда не была в Акапулько, но не думаю, что небо там такого цвета.

– Воркующие голубки, – фыркнула Кэрролсон, укоризненно взглянув на Хайнемана. – Ты никогда ко мне так не относился.

– Я инженер, – заметил Ларри. – Я никого не балую, я просто делаю так, чтобы дела шли как надо.

– Действительно делаешь, – хмыкнула Ленора.

– Господи, послушайте: нам просто весело, – простонал Лэньер.

– Патриции не слишком весело, – сказала Кэрролсон. – Я видела, каким суровым становится ее взгляд, когда она видит вас вдвоем. Думаю, она ревнует, Гарри.

– О, Боже. – Лэньер сел в кресло и уставился на ослепительный пляж, и яркое зелено-голубое море и четко очерченный горизонт. – Она была загадкой для меня с самого начала.

– Только не для меня. – Все повернулись к Фарли. – По крайней мере, в чем-то я ее понимаю, – продолжала она. – Я была похожа на нее – не такая умная, но замкнутая. Упрямая. Моя жизнь была убогой, пока мне не исполнилось двадцать пять или двадцать шесть лет и я решила быть более нормальной – во всяком случае, внешне нормальной.

– Завтра ей исполнится двадцать четыре, – пробормотала Кэрролсон.

– У нее день рождения? – спросила Фарли.

Кэрролсон кивнула.

– Я сказала об этом Ольми и объяснила, как празднуют день рождения. Он думает, что это неплохая идея. Видимо, у них нет дней рождения – ведь здесь фактически не бывает биологических рождений. Есть именины, праздники зрелости – в основном, в Аксис Надере. Полагаю, что возраст не значит для них так много, как для нас.

– Так праздник будет?

– Я предложила провести его в узком кругу – мы, Ольми, Рам Кикура. Он согласился.

– Ленора, вы просто чудо, – сказал Лэньер, невольно перенимая тон Джудит Хоффман. Кэрролсон сделала реверанс и прижала указательные пальцы к щекам.

– Нам не просто весело, – пробурчал Хайнеман, глядя на нее. – Мы полные дураки.

Пройдя с полкилометра вдоль пляжа, Патриция увидела впереди Олиганда Толлера. На нем были шорты, открывавшие покрытые светлыми волосами стройные ноги, и кричащей раскраски гавайка.

– Вам нравится? – спросил он, поворачиваясь.

Патриция смутилась, не зная, что сказать.

– И все же, – огорчился Толлер. – Я хотел бы поговорить с вами, если не возражаете.

– Я не уверена...

– Это, возможно, очень важно. Для всех вас.

Она остановилась, слегка наклонив голову и глядя на него, но ничего не ответила.

– Мы можем побродить вместе, – предложил он. – Я бы хотел кое-что объяснить вам до встречи с президентом – если он сможет найти для нас время.

– Что ж, давайте поговорим.

Патриция прошла мимо, Толлер большими шагами догнал ее.

– Мы не враги вам, Патриция, – убеждал он. – Что бы там ни говорил Ольми...

– Ольми ни о ком не говорил ничего плохого, – сказала Патриция. – Просто это мои личные проблемы. Мы... я в эти дни была не слишком счастлива, что вполне естественно.

– Полностью согласен. – Адвокат шел рядом с ней. Никто из купальщиков, казалось, не находил ничего необычного в том, что адвокат президента и женщина из отстоящего на века от их времени прошлого гуляют вместе. На них просто никто не обращал внимания. – Я нахожу здешний курорт великолепным – я часто приезжаю сюда. Он напоминает мне, что значит быть человеком... Вы понимаете?

– Видеть реальность, – подсказала Патриция.

– Да. И хотя бы ненадолго забыть о проблемах. Что ж, это, очевидно, рабочие каникулы, и к тому же короткие – мы не можем задержаться здесь дольше, чем на два местных дня. Но мы решили, что необходимо показать вам, как работа-

ет наша система. Мы пытаемся заручиться вашей поддержкой... Патриция! Можно мне вас так называть?

Она кивнула.

– В сложившейся ситуации вы, люди, способны оказать весьма существенное влияние. Мы не можем силой воздействовать на ваш образ мыслей или мнение – наше правительство не использует такие методы. В конечном счете, оно смоделировано по образцу вашего.

Они остановились возле естественного базальтового волнореза, уходящего в море. Патриция обернулась и увидела маленький яркий метеор, пролетевший низко над горизонтом. Никакие лучи его не уничтожили – он был достаточно мал для того, чтобы разрушиться самостоятельно, не причинив никакого вреда.

– Мы помогли франтам создать Небесный Щит, – сказал Толлер. – Когда мы открыли ворота, здесь все еще была эпоха раннего атома. Мы обменялись с ними кое-какой информацией, установили над ними покровительство и предоставили все необходимое, чтобы защититься от комет и метеоров, разрушавших их мир в течение тысячелетий.

– Что вы получили взамен?

– О, за то, что они дали нам, они получили значительно больше, чем Небесный Щит. Мы открыли им Путь. Теперь они – наши полноправные партнеры в трех воротах, включая торговлю с тремя мирами. Взамен мы получили сырье и право на информацию. Но наибольшую ценность представляют

сами франты. Вы знакомы с партнером Ольми? Мы считаем их идеальными партнерами – находчивыми, надежными, верными, дружелюбными. И, насколько можно судить, они испытывают подлинную радость от совместной работы с нами.

– Это звучит так, словно они – домашние любимцы, – сказала Патриция.

– Да, такая точка зрения бытует, – согласился Толлер. – Но они, по крайней мере, столь же разумны, как и мы – конечно, без каких-либо усовершенствований, – и никто не относится к ним, как к гражданам второго класса или домашним животным. Вы должны избавиться от некоторых своих предрассудков, чтобы отчетливо видеть нашу ситуацию, Патриция.

– Я избавилась от предрассудков, – ответила она. – Я просто... – Она подняла руки и покачала головой. Ни разу с момента их встречи она не взглянула прямо в лицо Толлеру.

– До того, как мы пришли сюда, Тимбл каждую тысячу лет проходил через поток древних комет. Франты регулярно теряли более половины населения. Их океан – это кометная вода, собравшаяся за миллиарды лет. Видимо, примерно миллион лет назад наступило временное затишье; за это время франты эволюционировали до их нынешнего внешнего вида и заложили основы культуры. Затем падение комет возобновилось. Постепенно франты становились все более и более похожими друг на друга, передавая информацию

и черты личности сначала с помощью химических реакций, затем – культурными средствами. Они стали голографическим обществом, которое почти безболезненно могло принять на себя метеоритный удар. Но они никогда не реализовали свои возможности и не были даже близки к этому, пока не открылись ворота. Теперь они разработали собственные технологии: использование высокоскоростных пикторов для пополнения друг друга информацией и даже обмен частями личностей. Так или иначе, я не знаю, кому повезло больше – франтам или нам. Мы могли пасть жертвой джартов много веков назад, если бы франты не помогли нам.

Патриция внимательно слушала, дополняя уже известные сведения тем, на что у нее не хватило времени а Аксисе.

– Почему вы не смогли установить нормальные отношения с джартами?

– О, джарты – это совсем другая история. Вы, конечно, знаете, что мы обнаружили их на Пути, когда впервые соединили его с седьмой камерой.

– Это я слышала, – Патриция вспомнила рассказ бродяги.

– К несчастью, Инженер открыл экспериментальные ворота в родной мир джартов. Время Пути еще не соответствовало нашему собственному времени. Джарты провели около трех столетий в незавершенном Пути, сделав его своим домом, даже научившись открывать грубо сделанные ворота. Когда Путь был присоединен и открыт, они уже были там – примерно такие же, какие и сейчас. Сильные, умные,

агрессивные, абсолютно убежденные в том, что их предназначение – заполнить все вселенные. Мы вели с ними жестокую войну и в течение первых десятилетий заставили их отступить. Затем мы открыли намеченные ворота и заполнили первый отрезок Пути – до отметки один экс пять – почвой и воздухом. Все время, пока мы строили Аксис, у нас то и дело возникали с ними стычки, в результате которых мы оттесняли джартов все дальше и дальше, закрывая их ворота. В конце концов они отступили до отметки два экс девять, и мы установили в этом месте барьер. Мы пытались убедать их, вести переговоры. Они никак не реагировали. Мы знали, что не сможем освободить от них Путь – для этого мы недостаточно сильны.

Патриция присела на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей на гребень волнореза.

– Как же мы можем вам помочь?

– Это сложный вопрос, – сказал Толлер. – Лучшая помощь – ваша поддержка. Или – лояльность.

– Вы можете отправиться домой, на Землю, – предложила Патриция. – Таковую, какая она есть.

Толлер на мгновение замолчал, ошеломленный неожиданностью идеи.

– Вот именно. – Он сел рядом с ней, и она отодвинулась на несколько сантиметров. – Таковую, какая она есть. Лично я, несмотря на самые искренние просьбы сера Лэньера, не вижу никаких причин для возвращения на Землю.

– Вы могли бы помочь оставшимся в живых.

– Патриция, они – вы – стали нами. Я не вижу ничего несправедливого в том, чтобы дать миру возможность исцелиться самому. То, что мы совершили причинно-следственную петлю – что мы можем вернуться в наихудшую точку на нашей исторической линии, – не тот случай, которым стоит воспользоваться. В данный момент это лишь помеха. Ольми объяснил, каким образом мы собираемся изгнать джартов с Пути? По-настоящему?

Патриция покачала головой.

– Это честолюбивый план. Вы слышали слухи о расколе – о том, что Аксис должен разделиться надвое?

Она решила прикинуться ничего не понимающей и снова покачала головой.

– Наша группа, занимавшаяся исследованием потока, обнаружила несколько лет назад, что движение Аксиса может быть ускорено почти до скорости света. Это никак не должно повредить самому городу и доставит лишь минимальные неудобства его жителям...

– Я полагаю, мы все должны об этом услышать, – внезапно решила Патриция, вставая. – Я имею в виду всю нашу группу.

– Они сами могут узнать все, что захотят. Вы подскажите им, когда они вернутся в Аксис – все это легко найти в Памяти Города или спросить у Ольми.

– Почему он не говорил об этом?

– Патриция, наш мир невероятно сложен, и вы, вероятно, знаете это лучше меня. Сомневаюсь, что у Ольми была возможность объяснить вам хотя бы тысячную часть наиболее важных вещей, которые следует о нас знать.

– Хорошо, – сказала Патриция, опускаясь на песок и поворачиваясь к Толлеру. – Я вас слушаю.

– Чтобы достичь этой скорости, потребуется день, движения с ускорением около трехсот же – что очень близко к теоретическому пределу для инерциальных систем и для столь массивного объекта как Аксис, движущийся вдоль потока. Поток находится под сильным напряжением, создавая жесткое излучение и тяжелые частицы... Но в пределах Пути даже скорость в одну треть световой создаст пространственно-временную ударную волну. Мы достигнем этой скорости примерно на отметке один и семь экс девять. Мы пройдем через территории, занятые джартами, разрушая их. Релятивистские искажения в пределах Пути будут невероятно сильны. Сама форма Пути будет меняться по мере нашего движения, и где бы джарты ни открывали ворота, они будут просто стерты из действительности, словно кусок ткани, разглаживаемый утюгом в одной из прачечных вашего мира.

Взгляд Патриции стал отрешенным. Ее разум пытался сейчас воспринять идею релятивистского объекта внутри Пути – и осознать то, что внутри Пути объект, движущийся со скоростью всего лишь в одну треть световой, будет релятивистским.

– Это грандиозный план, вам не кажется?

Она задумчиво кивнула.

– Как далеко вы намерены отправиться?

– Это все еще обсуждается.

– А каковы альтернативы?

– Конференция рассматривает альтернативы даже сейчас – и это продолжается уже более трех недель. Мы считаем, что джарты могут пробиться через наши барьеры за нескольких лет, может быть, месяцев. Они могут прорваться через наши самые дальние ворота – мы, конечно, постараемся закрыть их – и, возможно, к концу десятилетия оттеснят нас обратно на Пушкинку. Нам придется эвакуироваться, и, чтобы не дать джартам последовать за нами, нам придется уничтожить Путь. Невероятное бедствие.

– Вы в этом уверены?

Толлер кивнул.

– Мы не можем долго их сдерживать. Они достаточно сильны, и пользуются поддержкой других миров – открывая для них ворота вдоль всего их отрезка Пути.

– Не можете ли вы сделать то же самое?

– Как я уже сказал, они населяют Путь на несколько столетий дольше, чем мы. В некоторых отношениях они лучше знакомы с ним, несмотря на то, что его создали мы.

Толлер ничего не сказал о варианте, упомянутом бродягой – отстрелить Пушкинку от конца Пути и «запаять» его, замкнуть. Тогда он продолжит существование независимо от

оборудования шестой камеры. Она решила не говорить о подобной возможности.

– Это очень интересно, – сказала она. – Есть о чем подумать.

– Ну что ж, я уверен, что нарушил все правила этикета, Патриция. Я очень рад, что вы меня выслушали. Наше время весьма ограничено, как видите, и вы добавили в уравнение дополнительный член...

– Я в этом уверена, – улыбнулась Патриция. «Возможно, в большей степени, чем вы полагаете...» – Сейчас я хотела бы вернуться назад.

– Конечно. Я вас провожу.

Она улыбнулась еще раз, все еще с отрешенным взглядом. Толлер почти ничего не говорил на обратном пути, и это устраивало Патрицию.

Она уже погружалась в напряженную мыслительную работу, вызывая в воображении собственную кодовую систему. Быстро пройдя через комнату Лэньера, она извинилась и ушла к себе, легла на кровать и плотно закрыла глаза.

Толлер поздоровался с остальными и поговорил с ними несколько минут, объяснив, что у него был интересный разговор с Патрицией на тему, важную для всех. Когда он ушел, Лэньер постучал в дверь Патриции, но не получил ответа.

– Патриция? – позвал он.

– Да, – тихо сказала она.

– С вами все в порядке?

– Я отдыхаю. – Встретимся за обедом.

Гарри посмотрел на часы; через час начнется ужин. Он вернулся в свою комнату.

– Как она? – спросила Кэрролсон.

– Говорит, все в порядке. Она спит.

– Не уверена, – протянула Фарли. – Интересно, что сказал ей Толлер?

Глава 58

Встреча троих, которым предстояло продолжать дело Мирского, заняла полчаса. Она проходила в доме Плетнева, пока Анненковский сторожил снаружи, чтобы их никто не подслушал.

Темой совещания была записка Мирского Гарабедяну. Решение проблемы, с которой они столкнулись, как утверждал Плетнев, было простым.

Сначала Гарабедян и Погодин колебались. Плетнев, однако, настаивал на том, что у них нет другого выхода.

– Смотрите: они пытались убить Мирского и были изолированы, – сказал он. – Теперь их освободят. Разве это не очевидно? Это именно то, что имела в виду та американка. Для меня это вполне понятно.

– Так что будем делать?

Плетнев взвесил в руках свой «калашников». Энергетический заряд в лазерном оружии уже давно исчерпался, и, кроме того, он всегда предпочитал пули.

– А нас не изолируют? – забеспокоился Гарабедян.

– Разве кого-нибудь изолировали после всей этой драки? – спросил Плетнев. Погодин покачал головой.

– Тогда мы просто убьем их.

– Мне не нравится мысль об убийстве без суда.

– У нас нет другого выхода, – отрезал Плетнев. – Черт по-

Бери, Мирский оставил записку вам, но именно я понимаю, что он имел в виду. У Велигорского все еще есть сторонники. Без Мирского, мы сможем втроем разумно руководить, но если вернутся замполиты, нас всех расстреляют. Мы встретимся с ними и сделаем то, что должны сделать. Согласны?

Погодин и Гарабедян согласились.

– Тогда идем, – сказал Плетнев. – Будем ждать, когда они выйдут. Лучше прийти раньше, чем пропустить их.

Оставив машину на берегу, Мирский направился вглубь с рюкзаком, набитым пакетами с сухим пайком. В этой части четвертой камеры имелось много небольших озер, и везде была прекрасная рыбалка. Он не сомневался в том, что сможет здесь прожить. Природные условия в этих лесах не были слишком тяжелыми. Примерно, на одной четверти территории, в зоне, внешняя граница которой проходила по линии стовосьмидесятого градуса, бвал небольшой снег, а дождь шел достаточно часто для того, чтобы поддерживать растительность.

Ему вряд ли придется терпеть лишения.

Первые несколько дней он провел вполне мирно, ничем почти не занимаясь, кроме изготовления подходящей удочки. Он читал отчеты американских биологов о четвертой камере и знал, что там есть земляные черви и гусеницы, которых можно использовать в качестве приманки. Его беспокойство постепенно проходило, и он удивлялся, почему не

ушел раньше.

Мирский редко теперь наталкивался на пограничные знаки своего нового интеллекта. Либо они постепенно исчезали, либо он научился их игнорировать.

На пятый день пребывания в лесу он обнаружил признаки того, что находится здесь не один. Упаковка от русского пайка и американский пластиковый контейнер говорили о том, что один или несколько русских солдат нашли сюда дорогу. Это открытие не взволновало его. Здесь было достаточно места для всех, причем каждый мог уединиться.

На седьмой день он встретил на краю поляны русского. Он не узнал его, но солдат, видимо, знал генерала и быстро скрылся в лесу.

На восьмой день они снова увидели друг друга через широкий луг, и на этот раз солдат не убежал.

– Вы один, верно? – спросил он.

– Пока да, – ответил Мирский.

– Но вы же командир, – возмутился солдат.

– Больше нет. Как здесь рыбалка?

– Не особенно. Вы заметили, что здесь везде комары и мухи, но они не кусаются?

– Да, заметил.

– Интересно, почему?

– Хорошо спроектированы, – предположил Мирский.

– Интересно, идет ли здесь когда-нибудь снег?

– Думаю, да, раз в год или около того. Но здесь не бывает

очень холодно. Не как в Москве.

– Хочется, чтобы пошел снег, – сказал солдат. Мирский согласился.

Они встретились на берегу и пошли через лес вместе в поисках лучшего места для рыбалки.

– Американцы сказали бы, что мы, словно Гекльберри Финн и Том Сойер, – заметил солдат, когда они забросили лески в ручей. – Знаете, американцы здесь не такие плохие, как на Земле. Я подумывал сбежать еще до того, как решил уйти в лес.

– Почему?

– Я хотел остаться один. Но мне не жаль, что вы здесь, товарищ генерал. – Солдат покачал концом удочки, надеясь подманить форель. – Я снова начинаю обретать веру в человечество. Если даже генерал хочет сбежать от всего этого...

Солдат, имя которого он так никогда и не узнал, ушел из лагеря несколько недель назад, до «гибели» Мирского в библиотеке. Он ничего не знал о том, что произошло, а Мирский не стал рассказывать.

Он начинал снова чувствовать себя нормальным человеком, а не уродом или призраком. Так чудесно было сидеть и любоваться каплей росы на листочке или всплесками рыбы, выскакивавшей из воды за насекомыми. Больше не имело значения, кем он был – важно, что он просто был.

Прошло еще два дня, и Мирский начал подумывать о том, не будут ли их искать. Мощные телескопы легко могли их

обнаружить, а для инфракрасных датчиков вообще не имело значения, они скрыты деревьями или нет. Сейчас, как он подзревал, замполиты были снова на свободе, объединяясь в своем стремлении к власти – если Плетнев и другие отвергли его предупреждение.

Его лишь слегка интересовало происходящее.

Больше всего Мирскому не хватало ночей. Он бы все отдал ради того, чтобы провести несколько часов в полной темноте, иметь возможность закрыть глаза и ничего не видеть, даже легкий коричневый отблеск тенистого лесного света сквозь веки. Кроме того, ему не хватало звезд и луны.

– Как вы думаете, кто-нибудь из тех, кого мы знали на Земле, остался жив? – спросил солдат однажды утром, когда они жарили на небольшом костре форель.

– Нет, – сказал Мирский.

Солдат удивленно покачал головой.

– Вы так думаете?

– Это крайне маловероятно.

– Даже для высшего руководства?

– Может быть. Но я не был знаком ни с кем из них.

– Гм. – Солдат помолчал, потом, словно это относилось к делу, добавил: – Вы знали Сосницкого?

– Почти не знал.

– Я думаю, он был хороший человек, – сказал солдат, снимая форель с огня и ловко разделявая ее ножом. Он протянул половину Мирскому и бросил голову и кости в кусты.

Мирский кивнул и стал есть рыбу – с кожей и всем прочим, – задумчиво жуя, пока не заметил серебристый отблеск между деревьями позади солдата. Он замер. Солдат заметил его взгляд и повернул голову.

Между деревьями проплыл длинный металлический предмет и остановился в нескольких метрах от них. Глаза Мирского расширились; предмет напоминал хромированный русский православный крест с тяжелой каплей в нижней части. На пересечении перекладин располагалось ярко светящееся красное пятно.

Солдат встал.

– Это американцы? – спросил он.

– Не думаю. – Мирский тоже встал.

– Джентльмены, – произнес по-английски женский голос. – Не беспокойтесь. Мы не причиним вам вреда. Детекторы сообщают, что здесь находится воплощенный индивидум, подвергшийся восстановительной операции.

– Это американцы, – констатировал солдат, отступая и готовясь бежать.

– Кто вы? – спросил Мирский тоже по-английски.

– Вы тот, кто подвергся восстановительной операции?

– Думаю, да. Да.

Солдат издал своеобразный горловой звук и бросился бежать, ломая кусты.

– Это я, не беспокойтесь о нем.

Из-за деревьев медленно вышла женщина, одетая в чер-

ное. На мгновение Мирскому показалось, что это американка – из-за формы, – но потом он заметил, что стиль ее одежды совершенно другой. И прическа – волосы, подстриженные ежиком по бокам и волной спускающиеся сзади – явно не американская. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы обнаружить отсутствие ноздрей и увидеть уши, маленькие и округлые. Она остановилась рядом с блестящим крестом и протянула руку.

– Вы не гражданин Аксиса, верно? Не ортодоксальный надерит?

– Нет, – сказал Мирский. – Я русский. Кто вы?

Она коснулась перекладины креста, и между ними в воздухе замигали вспышки света.

– Не последуете ли вы за мной? Мы собираем всех обитателей этих камер. Вам никто не причинит вреда.

– У меня есть выбор? – все так же спокойно спросил он. Может ли человек, который уже один раз умер, испытывать страх?

– К сожалению, нет, – с любезной улыбкой ответила женщина.

Джудит Хоффман только что завершила девятичасовой марафон по перераспределению функций между членами персонала НАТО на Камне. Берил Уоллес настояла на том, чтобы после этого она вернулась в женский коттедж. Хоффман мгновенно заснула, настолько измотанная, что ей по-

требовалось некоторое время, чтобы прийти в себя, и еще несколько секунд для того, чтобы понять, что ее разбудило. Слышался непрекращающийся звонок интеркома. Она нажала кнопку.

– Хоффман, – сказала она плохо слушающимся языком.

– Это Джозеф Римская из четвертой камеры. Джудит, тут целое нашествие буджумов – я сам видел двоих.

– Вот как?

– Они металлические, крестообразной формы, носятся над нашим комплексом и над русскими территориями тоже. Мы пытаемся проследить за некоторыми. Только в этой камере их, наверное, двадцать или тридцать. Они везде.

Хоффман заскрежетала зубами и протерла глаза, прежде чем посмотреть на часы. Она спала меньше часа.

– Вы сейчас в нулевом комплексе?

– Да.

– Сейчас буду.

Она отключилась, и тут же раздался новый звонок. На этот раз в линию включилась Энн, споря с голосом на другом ее конце, пока Хоффман отвечала.

– Извините, Джудит, – поспешно сказала Энн. – Берил сказала, чтобы я позволила вам поспать, а я только на минутку отлучилась...

– Мисс Хоффман, это полковник Беренсон из седьмой камеры...

– Прошу вас, полковник... – вмешалась Энн.

– Это срочно...

– Энн, дайте ему сказать, – попросила Хоффман.

– Мисс Хоффман, наши радары засекают десятки, может быть, сотни объектов, больших и маленьких. Некоторые почти наверняка проникли в скважину и сейчас находятся в шестой камере...

– По крайней мере, в четвертой они уже есть, – сказала Хоффман. – Полковник, свяжитесь с Римская. Он тоже ведет наблюдение. Я приеду в четвертую камеру следующим поездом.

Она собрала свой маленький чемоданчик и побежала вниз в холл, споткнувшись и чуть не упав с лестницы. Она схватилась за перила, пока не прошло головокружение, затем помчалась вниз со всей скоростью, на какую была способна, рискуя сломать шею. Энн встретила Джудит со стаканом воды и таблетками.

– Что это, черт побери? – спросила Хоффман, останавливаясь.

– Гипер-кофеин. Лэньер все время им пользовался.

Хоффман проглотила две таблетки и запила их водой.

– Что на этот раз? – спросила Энн, лицо ее было бледным. – Очередное нападение?

– Не извне, дорогая, – сказала Хоффман. – Где Уоллес и Полк?

– Во второй камере.

– Сообщите им, чтобы они ехали в четвертую камеру, в

нулевой комплекс; встретимся там или на нулевом поезде.

Хоффман выбежала из коттеджа, крича, что ей нужна машина до второй камеры. Из кафетерия с рацией в руке выскочил генерал Герхардт, вызывая морских пехотинцев, и призывно помахал Джудит. Дорин Каннингэм встретила ее у ограждения и молча показала на два грузовика, стоявших там.

Они забирались в ближайшую машину, когда взвыла сирена тревоги в научном комплексе. Хоффман отшатнулась и инстинктивно отдернула голову. Над головой изящно парил серебряный крест. Тяжелая капля на конце придавала ему одновременно зловещий и забавный вид. Он напоминал Хоффман какое-то восточное оружие из фильмов восьмидесятих годов о боевых искусствах.

– Это не русские, верно? – спросила она, все еще слегка ошеломленная после прерванного сна.

– Ни в коей мере, мэм, – подтвердил Герхардт, рукой прикрывая глаза от света плазменной трубки. Крест совершил круг над комплексом, затем поднялся к плазменной трубке, превратившись в пятнышко величиной с булавоочную головку, и исчез. – Это настоящий. Буджум.

После захода солнца небо потемнело, став синим. Когда последний сплюснутый краешек солнца погрузился в океан, появилась темно-коричневая линия облаков, извивавшаяся от горизонта до зенита, где она распадалась на пенистые

пряди; края каждой светились пурпурным сиянием. Фарли и Кэрролсон легли спать час назад; сутки в мире франтов составляли около сорока часов. Лэньер был занят своими мыслями, спать ему не хотелось. Он наблюдал с террасы за закатом вместе с Хайнеманом. Патриция еще не выходила из своей комнаты после разговора с Толлером.

В нескольких метрах от них брел по песку Ольми, босой, одетый в шорты и голубую рубашку с длинными рукавами; он заметил их и подошел.

– Мистер Хайнеман, мистер Лэньер. – Они приветствовали его кивком головы, совсем как джентльмены из высших слоев общества; для полноты картины не хватало только трубок, вечерних костюмов и выпивки. – Вам здесь нравится?

– Очень, – ответил Лэньер. – Первая настоящая хорошая погода, за несколько месяцев.

– За год, – уточнил Хайнеман.

– Значительно дольше – для меня, – сказал Ольми. – Я не бывал на внешних мирах уже... – он задумался, – пятнадцать лет. А на этой планете – пятьдесят лет.

– Вы так заняты, мистер Ольми? – прищурившись, спросил инженер.

– Очень. Как себя чувствует Патриция? Как я понял, с ней беседовал сер Толлер, и с тех пор она не выходит из комнаты.

– Да, – подтвердил Лэньер. – Я собираюсь заглянуть к ней через несколько минут. Узнаю, не хочет ли она поесть.

– Она какое-то время пребывала в сильном напряжении,

верно?

– Все время с тех пор, как она прилетела на Камень... Пушкинку, – сказал Гарри. – Мы взвалили на ее плечи громадную ответственность – в самом деле, громадную.

– Вы думали, что она сможет разгадать тайну Пушкинки?

– Мы думали, что она сможет выяснить, является ли информация библиотек, истинной и для нашего мира. Как оказалось...

– И да, и нет, – закончил Ольми за него.

Лэньер уставился на него, потом снова кивнул, глядя на опускающиеся сумерки.

– Она вела себя странно – даже если учитывать все обстоятельства.

Ольми облокотился о барьер террасы.

– После приезда в Аксис у нас был длинный и интересный разговор. Ей очень хотелось узнать побольше о городе, о нас и очень хотелось приспособиться к здешней жизни. Особенно ее интересовало открытие ворот. Это одна из причин, по которой мы намереваемся в ближайшее время побывать на открытии ворот. Она говорила вам о своих последних планах?

– Не думаю, – ответил Лэньер. Хайнеман подался вперед, глядя Ольми прямо в глаза.

– До встречи со мной она направлялась в библиотеку, чтобы завершить работу. У нее была гипотеза, что, двигаясь вдоль Пути, можно найти место между воротами, то, что

мы называем зонами геометрического сосредоточения. Меня потрясло, что она знала об этих зонах, вычислила их существование, потому что для того, чтобы разобраться в элементах теории Пути, не обязательно понять ее полностью. Она считала, что можно сконструировать устройство для открытия ворот и прозондировать геометрические сосредоточения.

– Что это такое – геометрические сосредоточения? – сдавленным голосом спросил Хайнеман. Он откашлялся и посмотрел на Лэньера.

– Зоны ворот расположены в строгом порядке вдоль Пути. Они открываются в строго определенные точки вселенных, слегка отличных от той, откуда родом мы. Каждое открытие ворот, если двигаться вдоль Пути, создает сдвиг во времени, примерно, на полгода в каждой вселенной. Патриция поняла это очень давно, судя по тому, что она мне говорила. Но ей потребовалось некоторое время, чтобы понять, что бесконечное количество альтернативных миров должно быть связано между собой четко обозначенными зонами ворот. Это происходит в зонах геометрического сосредоточения, и вызванные ими искажения приводят к большим смещениям в некоторых вселенных – как в гиперпространстве, так и во времени Пути.

– Я за вами не поспеваю, – тихо сказал Лэньер.

– Она считала, что сможет открыть ворота в альтернативную Вселенную, на альтернативную Землю, на которой не

было Гибели, но которая очень мало отличается от ее собственного мира. Она поняла, что устройства для открытия ворот в некоторых пределах поддаются настройке. По ее теории, с помощью одного из наших устройств она сможет открыть точный путь к альтернативной и гостеприимной Земле.

– Сможет ли? – спросил Лэньер.

Ольми некоторое время молчал.

– Мы проконсультируемся с двумя зрителями ворот. Один из них здесь, на Тимбле, второй – Главный Смотритель, сер Рю Ойю, отец Прешиент. Он ждет нас на отметке один и три экс девять.

– Это еще одна причина, по которой нас увезли из Аксиса?

Ольми улыбнулся и кивнул.

– Причины, по которым я забрал Патрицию, еще можно было обосновать, но ваше появление добавило проблем. Наличие одного гостя мы могли скрыть – хотя сейчас это кажется сомнительным, – но с пятью это невозможно. Президент надеется, что вы, скорее, помощь, чем помеха.

– Прошло тринадцать столетий, а люди остаются людьми, – пробормотал с горечью Хайнеман. – Все ссорятся из-за пустяков.

– Верно, но не совсем, – возразил Ольми. – В ваше время многие люди столь серьезно страдали расстройствами личности и нарушениями мыслительного процесса, что часто действовали вопреки собственным интересам. Если они и

могли четко определить свои цели, то не в состоянии были предложить или хотя бы вообразить четкие пути их достижения. Часто соперники с очень близкими системами верований, преследуя одни и те же цели, жестоко ненавидели друг друга. Сейчас никто не сможет оправдаться невежеством, или душевным нездоровьем, или даже отсутствием способностей. Некомпетентность непростительна, поскольку она может быть излечена. Одна из задач сер Сули Рам Кикюры – оказывать помощь людям в выборе работы, соответствующей их склонностям. Они могут воспользоваться необходимыми дополнениями, будь то набор блоков памяти или даже усовершенствование личности.

– Так почему же они до сих пор не соглашаются на это? – спросил Хайнеман.

Ольми покачал головой.

– Узнайте это – и вы поймете истинные корни всех конфликтов в мире Звезды, Судьбы и Силы Духа. Во всех доступных нам вселенных.

– Значит, это непознаваемо, – вздохнул Лэньер.

– Наоборот, все ясно, даже слишком. Может быть много целей и много равноценных путей достижения этих целей. К несчастью, ресурсы ограничены, и не каждый может следовать по тому пути, который он желает. Это верно даже для нас. Наши граждане большей частью добросердечны, способны и во многом отличаются друг от друга. Я говорю – большей частью, поскольку система Аксиса никоим образом

не совершенна.

– Судя по тому, что вы говорите, боги тоже будут воевать друг с другом...

Ольми согласился.

– Интересно понаблюдать, как грубые мифы нашей юности возвращаются в качестве вечных истин, верно?

Лэньер постучал в дверь Патриции и позвал ее. Спустя минуты, после еще нескольких обращений, Патриция открыла дверь и жестом пригласила его войти. Волосы ее были спутаны и взъерошены. На ней была та же одежда, что и на пляже.

– Я просто хотел узнать, как вы себя чувствуете, – сказал Лэньер, неловко стоя посреди комнаты и не зная, куда девать руки.

– Конечно, – прошептала Патриция, поворачиваясь к нему. В глазах ее застыло жалобное выражение. – Сколько прошло времени?

– С тех пор как вы ушли с пляжа?

– Да. Сколько?

– Двенадцать часов. Сейчас уже темно.

– Я знаю. Я включила свет, прежде чем впустить вас. Здесь совсем как в номере отеля. Наверное, таким и должно быть это место – странным, необычным. Назад к основам. Так сказал Президент.

– Вы не совсем правы, – сказал Лэньер. – Кое-что не со-

всем так.

– Я не могу перестать думать. Я была в состоянии... которое называю глубокой задумчивостью, и пробыла в нем двенадцать часов. Я и сейчас думаю. Знаете, я едва могу разговаривать.

– О чем вы думаете?

– О том, как вернуться домой. Все сводится к этому.

– Ольми сказал...

– Гарри, я теряю контроль над собой. Я могу кончить, как тот бродяга – искаженной и нереальной. Я не могу перестать думать. Адвокат президента сказал... Гарри, мне нужна помощь. Мне нужно как-то отвлечься.

– Как? – спросил Лэньер.

Патриция вытянула руку и растопырила пальцы, жестикулируя ими. Он взял ее за руку.

– Я человек, верно? Я настоящая. Я не какая-то игрушка или программа.

– Вы настоящая, – подтвердил Лэньер. – Я же прикасаюсь к вам.

– Я сейчас в этом совсем не уверена. Вы даже не представляете, что творится у меня в голове. Я вижу... Это не искусственное, не помощник или что-то в этом роде. Это внутри меня – все расчеты, теории. Я вижу вселенные, связанные, словно страницы Библии, и я знаю номера этих страниц. Ольми мне поверил не до конца. Но мне все еще кажется, что я права. У них есть устройства для открытия ворот, одни

больше, другие меньше. Если бы я могла получить одно из них, то вытащила бы всех нас домой прямо сейчас. Назад, туда, где все в порядке. Я знаю номер страницы.

– Патриция...

– Дайте мне сказать! – яростно сказала она. – Назад, туда, где нет ядерной войны. Где мой отец читает «Тьемпос де Лос-Анджелес». Где меня ждет Пол. Но я думаю не только об этом. Президент сказал, что они могут заставить Аксис двигаться вдоль коридора, вдоль Пути, с релятивистской скоростью. Релятивистской. Чтобы уничтожить врагов. Это должно сработать. Но...

– Помедленнее, Патриция.

– Я не могу, Гарри. Мне нужен кто-нибудь. Мне нужен Пол, но он мертв, пока я не найду его. – Она сильнее сжала руку Лэнъера. – Помогите мне. Пожалуйста.

– Как?

Она прищурила глаза, словно стояла лицом к ветру, и с трудом заставила себя улыбнуться.

– Путь может расширяться. Если там окажется большой релятивистский объект, движущийся вдоль сингулярности. Он будет раздуваться. Он закроет ворота, просто заткнет их.

– Как я могу помочь вам? Я позову Кэрролсон...

– Нет, пожалуйста. Только вы. Я делала записи. – Патриция взяла свой электронный блокнот. Экран был покрыт символами, которые не имели для Лэнъера абсолютно никакого смысла. – У меня есть доказательство. Дайте мне воз-

возможность отправиться к точке геометрического сосредоточения... и я смогу вытащить нас отсюда. Я не могу отказаться от этой мысли.

– Патриция, вы сказали, что я могу помочь.

– Полюбите меня, – внезапно попросила она.

Лэньер замер, потрясенный.

– Сейчас я состою из одних мыслей. Дайте мне тело.

– Не будьте смешной, – бросил он со злостью – с двойной злостью, ибо почувствовал неясную симпатию.

Патриция вздрогнула.

– Пол мертв. Это не будет предательством по отношению к нему. Когда я открою ворота, он снова будет жить, но сейчас его нигде нет. Я знаю, что вы живете с Фарли... И Хоффман...

Это были не те слова. Она вроде бы ставила вопрос о его ответственности перед ней, и оба почувствовали это.

– Я и ревную, и нет, – объяснила она. – Я люблю Карен. Я люблю всех вас. Я чувствую, что я не такая, как все, другая, но я хочу быть... вместе со всеми вами. Я хочу, чтобы вы полюбили меня.

– Я не могу воспользоваться своим преимуществом, когда вы так уязвимы, – сказал Лэньер.

– Преимуществом? Я нуждаюсь в вас. Это у меня преимущество перед вами, я знаю, но... я просто знаю, что это должно помочь. Я не маленькая девочка. Сейчас у меня в голове такие мысли, до которых не дошли даже эти люди. Ольми это

знает. Но если я буду продолжать думать, то могу потерять все. Сломаться.

Она щелкнула пальцами.

– Я, наверное, не очень хороша в постели.

– Патриция, – сказал Лэньер, пытаясь вытащить руку из ее руки, но внутренне не желая этого.

Она подошла ближе и положила руку ему на живот.

– Я буду пристрастной, если придется. Тело – тигр, разум – дракон. Накормите одного, чтобы сохранить другого.

– Вы тоже доводите меня до предела, – спокойно сказал Лэньер.

Она опустила руку ниже.

– Я не просто неуклюжий маленький гений.

– Нет, – подтвердил он.

Патриция откинула голову назад, лаская его, и в экстазе улыбнулась, закрыв глаза. Лэньер больше не в силах был сопротивляться. Освободив руку он начал расстегивать ее блузку.

Раздевшись, они крепко обняли друг друга. Лэньер присел, чтобы поцеловать ее грудь. Его глаза увлажнились, когда он ощутил между губами соски. Ее груди были средней величины, чуть-чуть отвисшие, одна заметно больше другой; кожа между ними была покрыта темными веснушками. Но их размер и форма не имели значения. Лэньер внезапно ощутил чистый порыв страсти, унесший прочь все эмоции. Патриция повела его в спальню и легла рядом с ним. Они цело-

вали друг друга. Он взял ее бедра, раздвинул их и скользнул глубоко внутрь; мускулы его живота и ягодиц напряглись. Затем сверху оказалась Патриция. Она прижалась к Гарри, закрыв глаза и расслабившись, отдавая свою нежность. Она приподнялась, и Лэньер наблюдал за их взаимосвязанными движениями как бы со стороны, словно это был просто долг, совместная работа. Так у него бывало и с другими.

А теперь он лежал в постели с маленьким гением Джудит Хоффман. Только теперь Лэньер осознал ту тревогу, которую испытал, увидев ее впервые; его уважение к мнению Хоффман затенило первоначальную реакцию на внешнюю хрупкость Патриции. Теперь он был внутри этой хрупкости, получая от нее удовольствие – во имя долга, – и это было смешно.

Частью его тревоги было влечение.

Патриция по собственной воле двигалась к ожидаемой кульминации. Еще с Полом она обнаружила, что вполне естественна в постели. Она чувствовала, что напряжение проходит, мысли становятся ясными. Этого она и добивалась.

Она кончила и после короткой передышки продолжила. Бедра Лэньера выгнулись дугой, затем он упал на спину, а потом поднялся выше, и застонал возле ее плеча, а потом у щеки, и раскрыл рот в сдавленном коротком хриплом крике. С облегчением он почувствовал, как в нем высвободилось все, накопившееся за годы напряжения, чего он даже не осознавал.

Они молча лежали рядом долгие томительные минуты, слушая шум моря за стеклянной дверью.

– Спасибо, – сказала Патриция.

– Господи! – Лэньер улыбнулся ей. – Теперь лучше?

Она кивнула и уткнулась носом ему в плечо.

– Это было очень опасно. Извините.

Лэньер приподнял ее голову и зажал ее между плечом и щекой.

– Мы оба люди со странностями, – сказал он. – Вы это знаете?

– Гм. – Патриция снова уткнулась ему в плечо, зажмурив глаза. – Вам не следует сегодня спать здесь. Со мной все будет нормально. Вы должны спать с Карен.

Он внимательно посмотрел на нее.

– Хорошо.

Она открыла глаза – большие и круглые – и уставилась на Лэньера. Теперь она походила на кошку меньше, чем некоторые странные разновидности неоморфов, с которыми они сталкивались в последние дни. Внутренне они были людьми, но со странной внешностью.

В Патриции Луизы Васкес было – возможно, было всегда – нечто не совсем человеческое.

«Только боги или инопланетяне».

– Вы как-то странно на меня смотрите, – сказала она.

– Извините. Я просто думал о том, насколько все встало с ног на голову.

– Вы не жалеете? – спросила она, потягиваясь и сузив глаза.

– Не жалею.

Когда Лэньер ушел от нее, он почувствовал, как у него по коже побежали мурашки. Глядя на свои руки, он вдруг понял, что ничто из увиденного за последние дни, не заставило его покрываться гусиной кожей...

До сих пор.

Глава 59

Еще до наступления дня, Ольми повел всех пятерых к автобусу. Ленора Кэрролсон называла эти автобусы игрушечными из-за больших белых шин. Воздух был спокойным и прохладным, и на фоне сине-черного неба ярко сияли неподвижные звезды.

Патриция молчала, ничем не выдавая того, что произошло между ней и Лэньером ночью. Ничего не заметила и Фарли; когда Лэньер вернулся в их комнату, она спала. Ему с большим трудом удалось заснуть; ни разу со времен юности он не оказывался в подобной ситуации.

Через несколько минут Рам Кикира перебежала островок голубовато-зеленой травы и вошла в автобус.

– Президент не сможет к нам присоединиться, – сказала она.

– Как жаль, – тон Кэрролсон был не слишком искренним. – Какие-то проблемы?

– Не знаю. Сер Толлер, президент и дубль премьер-министра сейчас проводят переговоры. Поезжайте, а я останусь здесь и буду поступать по ситуации.

Франт, водитель автобуса, обернулся и посмотрел на Ольми. Тот кивнул, и они мягко покатали через лужайку к дороге, вымощенной мелким гравием, затем к автостраде с белым покрытием, которая окружала курорт и устремлялась

в сторону ярко-красного восхода. Патриция ощутила сладковатый запах, не совсем похожий на острый свежий запах тимблского океана; легкий ветерок дул над полями, поросшими травой с невысокими желтыми толстыми стеблями. В полях уже трудились фермеры-франты в красных передниках со множеством карманов, сопровождаемые маленькими автоматическими тракторами.

– Они собирают урожай биологических элементов личности, – пояснил Ольми. – Специально выведенные плантимали воспроизводят сложные биологические структуры, готовые к помещению в память. Похоже на вашу индустрию стройматериалов. Это приносит большую пользу.

– Людям или франтам? – спросил Лэньер.

– Плантимали подходят к большей части органики. Установка генетического кода для форм, основанных на углероде, не представляет сложности.

Лэньера интересовало, кому это приносит большую пользу – людям или франтам, – но он решил не переспрашивать. Автобус проехал через поле и пересек густонаселенную прибрежную равнину. На десятки километров вдоль побережья и, по крайней мере, настолько же в глубь суши, она была покрыта селениями франтов.

Не меньше десяти селений располагалось на участке площадью около трех квадратных километров. Каждое селение состояло из нескольких вложенных один другой кругов, вдоль которых стояли прямоугольные дома с низкими кры-

шами. В центре находилось сооружение, напоминающее ступу, высотой около пятидесяти метров, украшенное разноцветными флагами. Когда солнце поднялось выше, флаги на ступах, обращенные в сторону суши, изменили цвет и медленно покачивались на слабом ветру подобно унылой радуге.

– Насколько развиты франты по сравнению с людьми? – спросила Кэрролсон.

– Их уровень несколько ниже, но они не примитивны, – сказал Ольми. – Их способность к пониманию технологии и науки – полагаю, именно это вы имеете в виду – удивительна. Пусть вас не вводит в заблуждение стиль их философии и даже их доброта. Франты весьма изобретательны. Мы очень им доверяем.

За полями и селениями дорога пошла по спирали вокруг невысокой горы, увенчанной вытянутыми к небу призмами из полупрозрачного серого камня. На вершине горы, на плато, образованном призмами, находился невысокий, покрытый белыми и медными полосами купол высотой в шестьдесят метров, расширяющийся у основания в широкий павильон. Автобус подъехал к павильону и остановился.

Ольми повел гостей к хорошо сохранившимся, но явно древним бронзовым, чугунным и эмалированным устройствам под прозрачным куполом. Возле сооружения пятиметровой ширины в форме подковы стоял обнаженный по пояс мускулистый человек среднего возраста. На широком пояском ремне висела сумка с инструментами. Кожа его бы-

ла темно-коричневого цвета с легким радужным отблеском. Вокруг стояли, негромко переговариваясь, трое франтов и протирали оборудование кусками ткани. Над всем этим возвышалась огромная клетка из чугунных стержней, словно оказавшийся не на своем месте мост Виктории.

– Это телескоп, – догадался Хайнеман. – Он великолепен!

– Это действительно телескоп, – улыбаясь, сказал темнокожий человек. – Последний, который построили франты, прежде чем открылись ворота.

– Это сер Реннслер Йетс, второй смотритель ворот, – представил его Ольми. – Он будет сопровождать нас к отметке один и три экс девять.

Йетс отцепил от пояса сумку с инструментами.

– Эту встречу мы давно ждали. Сер Ольми любезно предоставил информацию о всех вас. Франты спокойно позволяют мне возиться с их историческими сокровищами. – Он показал на телескоп, купол и павильон, затем надел голубую рубашку и застегнул ее, приложив края друг к другу. – Сейчас нет особой нужды в смотрителях ворот. Первый может прекрасно выполнить большую часть работы и без нас. – Он подошел к Патриции. – Ольми много рассказывал мне о вас. Вы совершили какое-то потрясающее открытие.

Патриция улыбнулась, но ничего не ответила. Ее глаза, однако, были яркими и круглыми; кошка, владеющая тайной. Лэньер ощутил волну... Гордости? Чего-то еще? Он понял, насколько лучше она стала выглядеть с прошедшей ночи.

– Обожаю возиться с подобными штуками, – задумчиво сказал Хайнеман.

– Наверное, когда-нибудь у вас появится такая возможность. Франты, боюсь, не слишком преуспели в сохранении своего прошлого. – Йетс похлопал по основанию телескопа. – Меня какое-то время здесь не будет, – грустно сказал он и признался Хайнеману и Кэрролсон: – Я бы попросил их продолжать работу, но они все равно разбредутся, как это часто делают франты, и все опять начнет разваливаться. В свое время этот инструмент и четырнадцать таких же работали от заката до восхода, в поисках кометных потоков. – Он помахал рукой, приглашая всех следовать за ним.

Подойдя к краю глубокой пропасти они взглянули на равнину и лежащее за ней море.

– Франты уже вышли в космос, когда мы появились здесь. Они создали тысячи снарядов с ядерными боеголовками. Фантастическая, остроумная и очень запутанная технология – вы бы назвали их сделанными на скорую руку. Прошло более девяти веков со времени последних крупных ударов, но они продолжали ждать. Если этот или другой прибор обнаруживал кометы, их траектории рассчитывались тысячами франтов, объединивших свои разумы. Это могло занять годы, но, с другой стороны, их компьютеры были примитивны. Селения нужно было перемещать в более безопасные места. Каждое селение на планете находилось в движении! Тем не менее, это, – Йетс показал на купол, – был благородный ин-

струмент. – Он покачал головой. – Сер Ольми! Ведите. Я свое сделал.

Он обнял каждого франта и коснулся их рук жестом, которым они соединяли свои разумы, хотя для человека это было чистой формальностью.

Они уже собирались сесть в машину, когда один из франтов, стоявший в лучах солнца у края павильона, свистнул и показал на берег. К телескопу приближались три крошечных белых точки. Ольми нахмурился.

– Мистер Лэньер, пожалуйста, отведите своих людей назад к телескопу. Сер Йетс, не могли бы вы пойти с ними? – Йетс кивнул и повел всех обратно в центр павильона.

– Что случилось?

– Не знаю, – сказал Ольми. – Мы не рассчитывали, что нас встретит полиция.

Три белых точки быстро выросли до размеров большого тупоносого корабля. Он облетел вокруг телескопа и сел на северной площадке. Носовой люк корабля открылся, и оттуда вышли Олиганд Толлер, четыре представителя зоны ворот и фронт с зеленой лентой дипломатического корпуса. Толлер быстро подошел к Ольми, глядя ему в глаза.

– Ситуация в Аксисе осложнилась, – сказал он. – Мне поручено прервать ваш визит и немедленно вернуть всех в Аксис.

– Пожалуйста, объясните, – потребовал Ольми. – Что случилось?

– Члены фракции Корженевского и ортодоксальные надериты незаконно захватили власть и прервали связь между секциями. Президент отложил совещание по проблемам джартов и покинул Тимбл. Сейчас он на пути в Аксис. Нам нужно уходить.

– Не лучше ли всем остаться здесь? – спросил Ольми. – Пока ситуация не прояснится?

– Все и так ясно. Сторонники раскола пытаются ускорить процесс. – Толлер перешел на компактные пиктограммы взволнованного пурпурно-красного цвета. – Наши гости – ключевые фигуры в этом споре. Вы знаете это, сер Ольми.

Ольми не воспользовался графоречью.

– Я понимаю, сер Толлер. Но вы не поняли мою мысль. Сер Йетс сейчас – первый человек на Тимбле, в отсутствие президента.

Толлер быстро оценил ситуацию.

– Вы отказываетесь отпустить их? Я действую в рамках полномочий, данных мне президентом.

– Я отказываюсь отпустить всех, – подчеркнул Ольми. – С нами останутся двое. Остальных вы можете забрать.

Лэньер начал протестовать, но Ольми взглядом, потребовал молчания.

Толлер отступил на шаг.

– Я мог бы приказать властям ворот арестовать всех вас.

– Не надо блефовать, сер адвокат, – предупредил Йетс. – Даже недействующий смотритель ворот обладает здесь вла-

стью. Кто останется вторым? – спросил он у Ольми.

– Мистер Лэньер.

– Вы что, согласны с сепаратистами? – возмутился Толлер.

Ольми не ответил.

– Мы оставим Патрицию Луизу Васкес и Гарри Лэньера, – сказал он. – Остальных вы можете забрать.

– Мы отказываемся разделяться, – заявил Лэньер, делая шаг вперед и не обращая внимания на руку Хайнемена на своем плече.

– У вас нет выбора, – ответил Ольми. – Время эвфемизмов и дипломатических игр прошло, мистер Лэньер. Я выбрал вас потому, что вы и мисс Васкес можете помочь нам. Остальные будут в безопасности.

– Мы гарантируем безопасность всем, – подчеркнул Толлер. – Кроме тех, кто останется с вами, сер Ольми.

– Сер Рам Кикура – их адвокат. Она будет сопровождать этих троих, куда бы вы их ни отвезли – и охранять их, – приказал Ольми.

Из корабля появились роботы и окружили Фарли, Кэрролсон и Хайнемана.

– Гарри, – сказала Фарли сдавленным голосом.

– Им не будет причинено никакого вреда, – повторил Ольми. – Это не подлежит обсуждению.

– Сейчас Пушинку освобождают от людей, – сообщил Толлер. – Представитель Розен Гарднер отвечает за кампа-

нию по эвакуации астероида.

Ольми кивнул, словно это было само собой разумеющимся.

– Как вы поступите с Васкес и Лэньером? – спросил Толлер.

– Пожалуйста, заберите остальных, – сказал Ольми. – Вы за них отвечаете.

– Это невыносимо. Как только будет дана команда, ворота будут закрыты, дороги освобождены...

– Именно это так или иначе планировали гешели, верно? Промчаться по Пути, очищая его от джартов. Это то решение, которое готово было принять совещание с подачи Президента, или я ошибаюсь?

Толлер бросил нервный взгляд в сторону второго смотрящего ворот.

– Вы сотрудничаете с этим... сепаратистом?

Йетс лишь улыбнулся, достал из сумки свое ожерелье и изобразил символ, представлявший Землю, окруженную спиралью ДНК.

Покачав головой, адвокат дал сигнал роботам, которые повели Фарли, Кэрролсон и Хайнемана к кораблю. Ленора побагровела от злости.

– Мы что, должны с этим согласиться? – крикнула она.

– Не думаю, что у нас есть выбор, – мрачно сказал Хайнеман. – Вот тебе и день рождения Патриции. Будь осторожен, Гарри!

Фарли посмотрела через плечо на Лэньера; по щекам ее текли слезы.

– Гарри! – позвала она.

– Сукины дети, – сказал Лэньер Ольми и Толлеру. – Патриция была права. Мы всего лишь пешки.

– Не недооценивайте себя, – посоветовал Толлер. Он вернулся в корабль, следом за ним ушли представители. Франт-дипломат остался. Корабль взлетел, направляясь к приемной зоне ворот.

– Прошу прощения за причиненные вам неприятности, – сказал Ольми. – А теперь мы должны немедленно отправляться к отметке один и три экс девять. События разворачиваются значительно быстрее, чем предполагалось.

Ву Чжи Ми и Цзян И Син с помощью солдат Беренсона выносили ящики с оборудованием и бумаги из палатки, загружая их в кузов грузовика. От южного купола дул холодный ветер, шевеля ткань палатки. За исключением тяжелого дыхания и шагов людей, а также раздававшихся время от времени гортанных возгласов Беренсона, эвакуация проходила в полной тишине.

В трех метрах над дорогой парили шесть металлических двойных крестов; их красные огни, казалось, наблюдали за каждым движением солдат и ученых. Далеко вверху, у центра плазменной трубки, вдоль сингулярности вытянулось нечто длинное и черное. Оно замерло в пятидесяти метрах

от отверстия скважины. Разглядывая его в бинокль, Ву оценил длину, примерно, в сто пятьдесят метров. Оно появилось менее десяти минут назад, что и побудило Беренсона отдать приказ об эвакуации.

Когда грузовик был заполнен и палатка опустела, солдаты забрались наверх, а китайцы заняли два оставшихся места впереди. Беренсон схватился за поручень, шедший вдоль крыши, и встал на подножку. Грузовик дернулся, трогаясь с места, и, развернувшись, двинулся из лагеря.

Когда камера опустела, кресты выстроились по углам воображаемого куба и улетели.

Дубль делегата Розена Гарднера наблюдал за происходящим с корабля, находившегося на двадцатипятикилометровой высоте, передавая информацию по прямому лучу вдоль Пути в Аксис.

В самом Аксисе связь между тремя вращающимися цилиндрами и Центральным Городом прервалась. Аксис Надер был полностью отрезан от транспортной системы. Главные секции Памяти Города – обычно активные круглые сутки – были теперь изолированы и тихи. События приняли иной оборот: радикальные гешели попали в ловушку собственной поспешности, стремясь извлечь преимущества из новостей Ольми и появления пяти гостей.

Делегат Розен Гарднер перебрался в Палаты Нексуса несколько часов назад, рискуя оказаться в самом центре событий. Он создал четырех дублей, чтобы следить за подроб-

ностями переворота.

Никто из членов его фракции или сторонников не называл это переворотом; для них это был необходимый маневр, чтобы защитить их права от наступления радикальных гешеллей. Как бы это ни называлось, все было ужасно сложно.

Сообщения из Пушкинки были неполными, но сейчас это беспокоило Гарднера меньше всего.

Его дубли находились в трех цилиндрах Аксиса и в помещениях Торгового Комитета Пути у отметки девять эксшесть. Воинствующие фракционеры держали в своих руках все стратегические транспортные пути внутри Аксиса и в его ближайших окрестностях вдоль Пути. В Памяти Города и глубоко внутри инфраструктуры Аксиса ортодоксальные надериты и члены фракции Корженовского – его люди – объединяли достигнутое за последние несколько часов. Сочувствующие личности в Памяти Города, включая его отца, проникали в закрытые коммуникационные сети.

Все шло в соответствии с планом. Однако делегат Гарднер был сейчас несчастнее, чем когда-либо за два столетия своей жизни. Его мало беспокоили обвинения премьер-министра или президента. Достаточно часто приходилось противостоять им в прошлом, и он в полной мере успел почувствовать силу их власти, чтобы получать удовольствие от того, что они испытывали сейчас.

Его угнетала мысль, что данная акция противоречит тому, что лично он поддерживал в Нексусе, и тому, сторонни-

ком чего он был еще до избрания представителем новых ортодоксальных надеритов. Он чувствовал себя странно уязвимым, словно один из его собственных дублей мог наказать его за утрату чести и доверия.

Его фракционеры уже готовились к тому, чтобы передвинуть город на юг к Пушинке. При движении они должны были убирать барьеры; это требовало времени.

В центре пустых Палат Нексуса, окруженный информационными кольцами, он ожидал возвращения президента, сенаторов и делегатов, собравшихся сейчас для обсуждения проблемы джартов. Когда они попытаются вернуться в Аксис и не будут допущены туда, то, что Гарднер называл акцией, не будет иметь значения.

Тогда переворот начнется по-настоящему.

Рядом с ним появился дубль президента, ожидая, когда на него обратят внимание. Гарднер не спешил. Наконец, убедившись, что все идет хорошо и что расчленение Памяти Города прошло особенно успешно, Гарднер позволил дублю начать.

– У вас есть необходимая поддержка? – спросил тот. – Мой оригинал сейчас в пути. Председатель Хьюлейн Рам Сейджа уже представил суду соответствующие документы. Не стоит и говорить о том, что вы не выполнили обычные процедуры Нексуса.

– Нет. Срочные обстоятельства.

Последняя фраза была выражена большим набором эмо-

ционально заряженных пиктограмм. Сложный надеритский символ, обозначающий родину – Земля, окруженная кольцом ДНК, – вспыхнул огнем, превратившись в опаленный звериный череп. Затем последовали прямые угрозы:

– Сер Рам Сейджа может представить дело в суд после раскола. Заочно. Кроме того, мы работаем сейчас над тем, чтобы осудить его за нарушение процедуры Нексуса.

– Я ничего не слышал об этом, – недоверчиво сказал дубль.

– Вы были заняты, сер президент. – Гарднер пожалел о тоне своего ответа. Президент отдавал все свои силы решению проблемы джартов, и он не хотел стать причиной нарушения долга; достаточно было и того, что его люди воспользовались отсутствием президента. – Это минимальное нарушение, но я не вышел за пределы своих прав. Пока существует проблема суда, все обязанности сера Рам Сейджа приостанавливаются. Его заменяет сенатор Прешиент Ойю – она оставила здесь дубля, выполняющего ее обязанности.

Дубль ван Хамфьюиса изобразил затем, что он протестовал против мятежа и пытался собрать голоса, необходимые для того, чтобы отвергнуть предложение делегата Гарднера. Гарднер уже знал об этом; путем законного маневрирования и по совету дубля Прешиент Ойю, он объявил голосование недействительным – ввиду отсутствия кворума воплощенных сенаторов и представителей.

Борьба была далека от завершения. Воплощенный Теес

ван Хамфьюис должен был оказаться в окрестностях Аксиса уже через несколько часов.

Глава 60

Стреловидный корабль патрулировал первые четыре камеры вдоль границы плазменной трубки. Другой – побольше – летал ближе к поверхности, а кресты с двойными перекладинами были везде.

В нулевом комплексе четвертой камеры Джудит Хоффман поняла, что любая попытка защищаться лишена смысла. Технология и сила, противостоящие им, непреодолимы.

– Нет никаких сомнений в том, что они пришли из коридора? – спросила она Беренсона, когда они стояли посреди комплекса возле грузовика, готовясь к эвакуации.

– Никаких, – ответил Беренсон хриплым от нервного напряжения голосом.

– Тогда можно надеяться на лучшее.

– На что именно? – поинтересовалась Полк. Ее волосы были в диком беспорядке, что для безупречной Дженис Полк было явным признаком издерганных нервов.

– На то, что это люди. Наши потомки.

Не желая ненароком вызвать всеобщую бойню, Джудит велела Герхардту приказать своим солдатам стрелять только в случае непосредственного нападения. Она, конечно, не могла ничего приказывать русским – те должны были оценить ситуацию сами.

Уоллес и Полк помогали поддерживать связь. Они погово-

рили с несколькими русскими по радио, но те отказались сообщить что-либо о своем положении – хотя, честно говоря, женщинам не удалось переговорить с командиром. Римская предложил доставить сообщение русскому руководству – если нужно, пешком. Это был галантный поступок, но Хоффман отказалась. К тому времени, когда русские получают сообщение, ситуация вполне может измениться.

Три креста, выстроившись треугольником, пролетели над комплексом. Один у южного купола отделился и, вернувшись, завис прямо над центром и над Хоффман. Между ней и Беренсоном замелькали яркие вспышки света. Хоффман отшатнулась, натолкнувшись на Римская; Беренсон застыл на месте, широко открыв глаза и раздув ноздри.

Затем крест заговорил женским голосом.

– Вам не грозит опасность. Ни при каких обстоятельствах вам не может быть причинен вред. Вам также не будет позволено причинять вред друг другу. Все камеры находятся под юрисдикцией Аксиса.

– Так что мы должны делать? Низко поклониться? – проворчала Берил Уоллес.

К ним медленно подошел Герхардт, искоса поглядывая на парящий крест.

– Господи, какая жуть, – шепотом сказал он Джудит. – Мои люди не знают, обмочиться ли им со страху или покорно склонить голову.

– К сожалению, ничем не могу их успокоить.

– Что такое, черт побери, этот Аксис?

– Рискну предположить, – сказала Хоффман, – что это то место в коридоре, где все живут – на оси.

Римская энергично кивнул.

– Тогда поговорите с ними, – предложил он.

Хоффман посмотрела вверх и прищурилась.

– Мы не намерены никому причинять вред. Пожалуйста, назовите себя.

– Вы руководитель этой группы?

– Да. Хоффман показала на Герхардта. – Он тоже.

– Вы руководители всех групп в камерах?

– Нет. Хоффман не стала добровольно давать какую бы ни было информацию, решив занять позицию свидетеля, которому задают вопросы.

Медленно подлетели два больших тупоносых корабля и заняли позиции по краям комплекса, паря примерно в двадцати пяти метрах над поверхностью.

– Вы гарантируете безопасность посреднику? – спросил голос с креста.

Хоффман взглянула на Герхардта.

– Проверьте, – приказала она. Затем более громко сообщила кресту: – Да. Дайте нам немного времени.

Герхардт связался по радио со всеми камерами.

– Вы готовы? – спросил голос.

– Да, – ответила Хоффман в ответ на утвердительный кивок Герхардта.

Корабль, паривший с южной стороны, плавно опустился на землю в десяти-одиннадцати метрах от центра комплекса, выдвинув единственную опору. Люк в его носу раскрылся.

Из люка вышел человек в черном и быстро окинул взглядом комплекс, а затем Хоффман. У него были каштанового цвета волосы, подстриженные тремя прядями с коротким пушком между ними; у него отсутствовали ноздри, а уши были большими и круглыми.

– Меня зовут Сантьяго, – сообщил он, приблизившись, и протянул руку Герхардту, который стоял ближе всех. Герхардт взял ее и пожал, затем отступил назад. Человек подошел к Хоффман и снова протянул руку. Хоффман слегка пожала ее; рукопожатие пришельца было не сильнее, чем ее собственное.

– Прошу извинить за беспокойство, но такова необходимость. Мне поручено сообщить вам, что с этого момента все ваши люди – почетные гости Аксиса. – Боюсь, что в любом случае вы не сможете больше оставаться на Пушкинке.

– Нам так или иначе некуда идти. – Хоффман чувствовала себя даже более беспомощной, чем тогда, когда она покидала Землю.

– Вы находитесь на моем попечении, – сказал Сантьяго. – Мы должны собрать всех вместе – ваших ученых, солдат, людей в скважинах, русских. И должны мы сделать это быстро.

Мирский вышел из корабля и заморгал от яркого све-

та плазменной трубки. Внутри корабля было тихо и темно, и это резко контрастировало с ярким сиянием седьмой камеры. Впервые он бросил взгляд вдоль коридора и ощутил неоспоримую истинность того, о чем до сих пор только слышал. У него было очень мало времени; библиотека отнимала все, что удавалось урвать от исполнения командирских обязанностей...

Следом за ним из корабля вышли еще пятеро русских – дезертиры, скрывавшиеся в лесах четвертой камеры. Они тоже моргали и прикрывали глаза. Они тоже ошеломленно смотрели в глубь коридора, все яснее осознавая, какой дальний путь им предстоит.

В километре к западу возле нулевого туннеля собирались сотни людей. Мирский видел, что по большей части это был эвакуирующийся персонал НАТО. Картошку очищали от людей – вряд ли кого-то в данный момент интересовало, по какой причине.

Русский, которого он встретил в лесу, тронул Мирского за руку и показал на восток. Сотни солдат сидели на корточках, окруженные со всех сторон, по крайней мере, дюжиной крестов; рядом стояли три незнакомца, одетые примерно так же, как и женщина, взявшая его в плен.

С неба спустилось еще несколько тупоносых кораблей и приземлилось возле южного купола, выпустив наружу новых людей. Мирский лениво подумал, не собираются ли их всех убить. Впрочем, имело ли это значение после того, как он

уже однажды умер? Он решил, что имело.

Он все еще мечтал о звездах. Сейчас возможность осуществления этой мечты выглядела отдаленной, но само желание говорило о том, что, в сущности, он все тот же Павел Мирский. Он все еще имел отношение к тому пятилетнему мальчику, который смотрел на звезды над заснеженным Киевом. Собственно, его память была настоящей, не реконструированной, а оригинальной; Велигорскому не удалось вышибить основное содержимое из его головы.

Он лениво подумал о том, были ли Велигорский и другие политработники в толпе пленных. Что они могут теперь ему сделать? Ничего.

Только русский, подумал Мирский, может свободно вздохнуть в подобной ситуации.

Сенатор Прешиент Ойю присоединилась к ним на курорте и сообщила Йетсу и Ольми, что франты планируют закрыть ворота – стандартная процедура при любой временной опасности для Пути.

Ольми действовал быстро. Йетс потребовал, прежде чем ворота будут закрыты, подготовить маленький корабль, чтобы доставить туда второго зрителя ворот и его гостей. Эта просьба была отклонена, но Йетс еще раз подтвердил свой авторитет среди франтов, потребовав один из двух кораблей Аксиса, оставшихся на посадочной площадке. Охрана, состоявшая из людей – большей частью гомоморфов-на-

деритов, – решила придерживаться буквы закона, а не расходящихся с ним распоряжений Толлера и дала второму смотрителю ворот то, что он просил, а также двух охранников и робота.

Проведя свой корабль через ворота и вдоль оси, они обнаружили три корабля, которые были удалены с сингулярности, чтобы обеспечить проход кораблю Толлера. Один был пуст; он прибыл лишь несколько минут назад и был оставлен надеритским экипажем в инспекционной зоне недалеко от оси, привязанный к потоку силовыми полями. Экипаж покинул свой маленький корабль, снова следуя букве закона, для проверки после ста тысяч часов активного дежурства.

Авторитет Йетса легко перевесил двусмысленные инструкции корабля.

Они сели в корабль и вернули его на сингулярность. Проход для потока через центр корабля расширился до внешней обшивки, изменяя профиль носа с круглого на U-образный. Разгоняясь, они двинулись в сторону отметки один и три экс девять.

– Вы пользуетесь большой поддержкой, верно? – спросил Лэньер у Ольми, когда они смотрели на мелькающие черные и золотые полосы.

– Большой, чем я рассчитывал.

– Радикальные гешели в течение десятилетий шли к краю пропасти, – сказала сенатор Ойю. – Они не были плохими лидерами, но не подготовились соответствующим образом к

исполнению своих планов. Они добивались своего рода мести в отношении ортодоксальных надеритов, просто пренебрегая их мнением. Теперь вы видите некоторые результаты.

– Вы все ортодоксальные надериты? – спросила Патриция.

– Нет, – сказал Ольми. – Я давно отказался от этого наследства, а серы Йетс и Ойю воспитаны как гешели.

– Тогда почему вы делаете это?

– Потому что для обеих сторон есть возможность достичь своих целей – если за дело берутся разумные люди, – объяснила сенатор Ойю.

Маленький корабль был рассчитан на большую скорость и быстрый разгон. Они достигли первого поста охраны у отметки пять экс восемь за двадцать восемь часов.

Отсюда до отметки один и трм экс девять было расположено три поста. Каждый представлял собой сплошной пятидесятиметровый черный слой, покрывающий поверхность коридора на протяжении ста километров и усеянный орудийными установками и генераторами поля.

На всех трех постах поинтересовались их миссией и полномочиями. Йетс представлялся, и, поскольку у персонала не было приказа не пропускать корабль, им разрешали двигаться дальше. На протяжении ста тысяч километров после каждого поста механические охранные устройства расчищали для них Путь, а затем возвращались к сингулярности, бдительно следя за кораблями джартов или движущимся по потоку оружием.

Через пятьдесят часов Ольми уменьшил скорость их маленького корабля и приблизился к атмосферному барьеру у отметки один и три экс девять, пройдя через осевую скважину с почти черепашьей скоростью – несколько десятков метров в секунду. То, что лежало по другую сторону барьера, представляло собой неожиданное и захватывающее зрелище.

Насколько хватало взгляда, Путь напоминал четвертую камеру на Пушкинке. Пожалуй, там было даже больше зелени и буйной растительности. Легкие облака плыли вокруг плазменной трубки над покрытыми лесом холмами зеленовато-золотистого оттенка. Реки прорезали сверкающие дорожки между холмами, отражая, словно сверкающее серебро, свет плазменной трубки.

Патриция плавала в носовой части корабля, скрестив руки. Прешиент Ойю объяснила, что этот сегмент Пути был приспособлен для возможного поселения людей. Работу начали те, кто хотел ослабить напряжение, возникающее из-за перенаселения Аксиса. Даже гигантская емкость Памяти Города была почти заполнена и вскоре потребовала бы расширения.

Путь имел и другие, меньшие сегменты, приспособленные для жизни людей, но в целом он был зарезервирован для торговли. Сегмент на отметке один и три экс девять предназначался для гомоморфов и их специфических нужд – короче говоря, для ортодоксальных надеритов.

Год назад заселение этого сегмента было отложено из-за вторжения джартов у отметки два экс девять. Сейчас все затянулось на неопределенное время; джарты и их союзники приобрели силу, и существовала опасность прорыва. Однако люди не отступали. Они не заселяли этот сегмент, но занимались там другими делами включая открытие ворот на отметке один и триста один экс девять.

Зеленая зона сегмента была невелика. Корабль пролетел над зданием терминала, закрывавшего ворота, через которые почва и атмосфера доставлялись на Путь. Они снова ускорялись – над песчаной бесплодной равниной, очень похожей на район, лежавший за седьмой камерой, а затем преодолели еще один атмосферный барьер.

В следующем сегменте торговля не велась. Дальше ворота не открывались. За исключением еще трех постов охраны на протяжении миллиона километров Путь представлял собой лишенную каких-либо черт, цвета темной бронзы, трубу. Патриция размышляла над этой геометрией. Геометрические сосредоточения без ворот должны бы иметь иную конфигурацию, но они должны существовать. Этот сегмент идеально подходил для ее поисков...

– Вы не хотели бы проверить здесь свои идеи? – тихо спросил ее Ольми. Она удивленно обернулась и кивнула.

– Сер Йетс и я обсуждали ваши теории. Нам кажется, вы должны изложить их серу Рю Ойю...

Патриция подозрительно прищурилась.

– Это имеет какое-то отношение к Корженовскому? – спросила она, решив, что сейчас самое время прозондировать секреты Ольми.

Но он таинственно приложил палец к губам.

– Если вы хотите проверить свои идеи... пожалуй. Но больше ни слова об этом до аудиенции.

На отметке один и триста один экс девять они пересекли еще один барьер, за которым лежал сегмент длиной примерно в шестьдесят километров, покрытый бархатистой зеленью и толстым слоем тумана. Четыре небольших терминала, размером не более ста метров, были расположены вокруг пока еще не открытого кольца в середине сегмента.

Диск втрое меньшего диаметра, чем тот, который доставил их на Тимбл, взлетел с белой посадочной площадки возле нулевого терминала, поднимаясь к кораблю.

У Патриции заболела челюсть. Она поняла, что изо всех сил сжимает зубы, и заставила себя расслабиться. Что замышлял Ольми – и чего хотели от нее он и зрители ворот? Что могла она дать в обмен на благоприятную возможность?

Они опустились на поверхность. Этот диск был явно более утилитарен по конструкции; его нижняя половина была непрозрачной, а единственным освещением было постоянное сияние силовых полей.

Сегмент диска скользнул в сторону, и силовые поля мягко опустили их на посадочную площадку. Ольми спустился

последним. Прешидент Ойю повела их к терминалу.

– Мы можем пройтись пешком, – сказала она. – Думаю, лучше всего сразу же встретиться с сером Рю Ойю.

Они пересекли белую площадку и ступили в высокую густую траву. На равных расстояниях росли дубы и клены, образуя нечто вроде парка; за деревьями возвышалась пирамида терминала, состоявшая из четырех ступеней, каждая из которых была несколько развернута по отношению к другой.

По одну сторону от терминала, прямо над головой, на протяжении нескольких километров тянулись четыре образованных силовым полем туннеля, каждый диаметром около трех метров. Внутри туннелей залитые мягким фиолетовым сиянием двигались фигуры, даже отдаленно не напоминающие людей.

– Это наши клиенты и союзники, – пояснил Ольми. Он показал на одного индивидуума – восьминогий цилиндр с гривой из пушистых придатков, окружавших раздвоенную круглую «голову» – Тальзит. Третьичная форма. Очень древняя раса. Их история уходит в прошлое, по крайней мере, на два миллиарда земных лет. Вы скоро встретитесь с другим тальзитом – помощником Первого Смотрителя Ворот.

Терминал был не более чем оболочкой, примерно сто метров в высоту и сто пятьдесят в ширину. Внутри, над пятидесятиметровым углублением, находился изящный металлический помост.

Под центром помоста, в пересечении силовых полей, ви-

сел предмет, казавшийся отсюда крошечным. Патриции он напомнил старинную японскую подушку с углублением для шеи. Однако внизу подушка раздваивалась, словно велосипедный руль. Она остановилась у края помоста, чтобы внимательно разглядеть загадочный предмет, почти инстинктивно догадываясь, что это и насколько важно это может быть для нее.

Лэньеру это напомнило жезл лозоходца в комплекте с радарной тарелкой.

– Что это? – слабым голосом спросила Патриция.

– Это то, что использует смотритель ворот, чтобы раздвинуть стены Пути.

Она вздрогнула.

– Как это называется?

– Клавикула. Их существует всего три. За эту отвечает Рю Ойю.

– А где ваша? – спросила Патриция Реннслера Йетса.

– В неактивном состоянии, – ответил он. – Каждая клавикула настроена на смотрителя ворот. Когда он не исполняет свои официальные обязанности, прибор деактивируется.

Она неохотно обернулась, посмотрев на висящую в воздухе клавикулу, и последовала за остальными в западный конец терминала. Там, под куполом из черных и золотых линий, рядом с информационной колонкой стоял высокий худой человек с коротко подстриженными рыжими волосами. Патриция посмотрела сначала на человека, потом на купол.

– Друзья, – сказала Прешидент Ойю, – это мой отец, сер Рю Ойю. – Она представила Ольми и Лэньера. Первый Смотритель Ворот кивнул каждому.

– А это Патриция Луиза Васкес. – Йетс положил руку ей на плечо девушки.

– Я изучил древний язык только для того, чтобы поговорить с этой женщиной, – сказал Рю Ойю. – И древнюю культуру, и образ жизни. Но она так странно на меня смотрит!

Патриция выпрямилась и убрала с лица слегка нахмуренное выражение.

– Вы ожидали чего-то более впечатляющего? – спросил Рю Ойю. – Надеюсь, не мудреца из страны Оз? – Он протянул ей руку, весело прищурившись. – Мое глубокое почтение.

Патриция пожала его руку, сдвинув тонкие черные брови.

Рю Ойю по-отечески погладил ее по руке и беспокойно посмотрел на Ольми.

– Ну что ж, эта часть конспираторов в сборе. Мои исследователи сейчас находятся в первой четверти; они присоединятся к нам через несколько часов. Они понятия не имеют, что здесь происходит. Я не уверен в том, что смогу им все объяснить, – в моем положении, вовлеченный в мелкие интриги. Мисс Васкес...

– Я предпочитаю, чтобы меня называли Патрицией, – сказала она все еще слабым голосом.

– Патриция, у вас есть какие-либо мысли по поводу того, зачем вас привезли сюда?

– Кое-какие есть.

– Да? Скажите нам.

– Это касается моей работы по коридору – Пути. И некоторым образом это касается Конрада Корженовского.

– Очень хорошо. Как она до этого додумалась, Ольми?

– Я устроил так, что ей нанес визит бродяга.

Патриция потрясенно уставилась на него, в гневе широко открыв глаза.

– Понятно. И?

– Бродяга сообщил ей некоторые факты.

– Это несколько рискованно, вам не кажется?

– Риск крайне невелик, – сказал Ольми. – В конце концов, она владеет Таинством.

– Теперь – да. – Рю Ойю подошел к Патриции. – Вы знаете, о чем он говорит – о Таинстве?

Патриция покачала головой.

– Нет.

– Вы знаете, насколько важно это может быть для нас? Нет, конечно, нет. Слишком много вопросов... Патриция...

– Ольми знает, где находится полная запись Корженовского, – внезапно выпалила Патриция. Это была совершенно дикая догадка – но ей страшно не хотелось выглядеть абсолютной дурой.

– Я, собственно, в этом сомневаюсь, – заметил сер Ойю. – Полных записей нет – с момента предательского убийства.

Ольми связал вместе обрывки истории Конрада Корже-

новского. Названный Инженером, он спроектировал инерциальные тормозящие системы для Пушинки и наблюдал за текущим ремонтом двигателей Бекмана. Работая над теорией инерциального торможения, он затем спроектировал оборудование шестой камеры, с помощью которого был создан Путь.

На осуществление этого проекта потребовалось тридцать лет, и завершился он постепенным заключением союза между состоявшим, в основном, из гешелей руководством Пушинки и ортодоксальными надеритами, населявшими Александрию во второй камере. Сам Корженовский – так же как и Ольми – был по рождению надеритом и поклялся удовлетворить все желания надеритов. Надериты требовали, чтобы создание Пути не меняло первоначальной цели, которая заключалась в том, чтобы найти планету земного типа, вращавшуюся вокруг далекой звезды Эпсилон Эридана. Надериты считали свою главную миссию по заселению далеких миров во имя Земли священной обязанностью, единственной и истинной причиной рискованных путешествий за пределами Солнечной системы.

Но Корженовский не ожидал ряда проблем. Во-первых, он не знал, что соединение Пути с седьмой камерой Пушинки в результате выбросит корабль-астероид из его родной Вселенной в другую. И он не рассчитывал на ужасно неудачное стечение обстоятельств, в результате которого экспериментальные ворота, открытые перед самым соединением с помощью

дистанционного управления, позволят джартам проникнуть на Путь и в течение нескольких веков закрепить свои позиции.

Корженовский покинул свое тело и ушел в Память Города вскоре после первых войн с джартами, и последовавшего за этим скандала. Но даже там ему не было покоя. Наконец, радикальные гешели, осудив инженера за предательство, стерли запись его личности – фактически, убили его.

– Значит, он мертв? – в замешательстве спросила Патриция.

– Нет, – пояснил Ольми. – Находясь в Памяти Города, он руководил строительством Аксиса. С этой целью он поместил собственные дубли в различных местах, чтобы вести работу более интенсивно. Самые полные дубли были извлечены его коллегами-инженерами и доверены одной женщине, которая спрятала их. Эта женщина погибла во время мятежа в Александрии через сто лет после убийства Корженовского. Она была ортодоксальной надериткой, а ее секта в то время ее секта не допускала импланты, так что смерть была окончательной.

Столетие спустя последние надериты были изгнаны из Александрии, и какое-то время некоторые из них пробыли в Пушинке-городе. Я там родился. И, экспериментируя с заброшенными личными банками памяти нашего дома, я обнаружил спрятанных дублей Корженовского. Тогда я был очень молод. Мне потребовалось несколько лет для того,

чтобы как следует познакомиться с Инженером. Но за это время...

Ольми посмотрел на сера Ойю. Он хранил эту тайну в течение столетий и с неохотой открывал ее даже сейчас, когда пришло время. Сер Ойю ободряюще кивнул.

– За это время я узнал, что Инженер искал способ возместить своему народу тот ущерб, который он причинил, пусть и непреднамеренно. После войн с джартами руководимый гешелями Гексамон решил, что нет необходимости продолжать путь к Эпсилону Эридана; курс Пушинки был не вполне определенным, и, честно говоря, они просто считали, что Путь содержит в себе больше возможностей для заселения и разработки. Они были правы, но это не удовлетворяло ортодоксальных надеритов. Они потеряли не только свою цель, но свою Землю и свою родную Вселенную. Поэтому, прежде чем покинуть свое тело, Корженовский тайно перепрограммировал системы управления Пушинки. Корабль отыскал родную Солнечную систему и начал обратный путь.

– Не понимаю, чем я могу помочь, – сказала Патриция.

– Дубли Корженовского, собранные вместе, почти равны оригиналу, – пояснил сер Ойю. – Нам не хватает лишь последней составляющей – Таинства, – чтобы он снова был с нами. Таким образом мы надеемся отплатить ему за то, что Инженер дал нам. Мы надеемся, что он сможет стать свидетелем своего успеха.

Патриция перевела взгляд с Ольми на Ойю, затем на Йет-

са.

– А что вы дадите нам?

– У ваших коллег будет выбор – вернуться на Землю или отправиться вдоль Пути вместе с гешелями. Вам же лично будут предоставлены средства для того, чтобы вы могли осуществить свою мечту.

– Мою мечту?

Рю Ойю подошел к гладкому черному шкафчику в центре сверкающего купола и достал оттуда маленькую жемчужно-белую коробочку. Вернувшись, он подал коробочку Патриции и предложил ей открыть ее.

Она подняла крышку. Внутри, в углублении из зеленого бархата, лежала миниатюрная версия клавикулы, висевшей под помостом. Йетс посмотрел на нее и вздохнул.

– Мы предлагаем вам обмен, сделку, в которой вы ничего не теряете, – сказал Рю Ойю. – Вы позволяете скопировать ваше Таинство, чтобы завершить запись личности Инженера, а мы позволяем вам искать свой дом.

– Вы хотите сказать, что моя душа и душа Корженовского идентичны? – спросила Патриция.

– «Душа» – не совсем точное слово, – заметил Смотритель Ворот. – «Таинство» более точно выражает суть. Когда выделены все составляющие личности – память, образ мышления, способности, – их сумма все еще не составляет целого. Существует супер-матрица, придающая окраску духовной сущности. Она может быть утрачена, даже когда восста-

новлено подавляющее большинство фрагментов. Это и называется «Таинством». Мы никогда не могли синтезировать его. Его невозможно выразить никакими средствами и его можно перенести лишь путем наложения всех матриц одной личности на собранные вместе фрагменты другой. То, что уже присутствует во второй личности, отбрасывается; то, что отсутствует – Таинство, – сохраняется. Таков дар, который вы можете преподнести нам – Корженовскому.

Патриция сжала руку Лэньера, внезапно испугавшись. Это шло совершенно в разрез с действительностью, казалось мистическим и неубедительным. До сих пор она думала, что ничто не может быть неизвестным потомкам, но тем не менее таковое было, первичное и основное; над ним работали, им манипулировали, но оно оставалось неразгаданным.

– Вы можете отобрать это у меня силой, – сказала она. – Зачем пытаться убедить меня?

– Сила в этих обстоятельствах бесполезна, – сказал Рю Ойю. – Либо вы даете это нам добровольно, либо не даете вообще.

– Для чего он вам нужен? Разве он не выполнил свое предназначение?

– Это дело чести, – улыбнулся Ольми. – Если Рыцари Круглого Стола могли вернуть короля Артура, не должны ли и мы поступить так же? Инженер должен увидеть, что его план принес плоды.

– Но не те, которых он ожидал.

– Не те, – согласился Ольми.

Патриция посмотрела на свои сжатые руки.

– Я что-нибудь потеряю?

– Нет, – спокойно сказал Смотритель.

– А взамен я смогу воспользоваться этим... – Она показала на миниатюрную клавикулу. – Почему она такая маленькая?

– Она деактивирована, – объяснил Йетс.

– Это ваша?

Он кивнул.

– Йетс передаст вам ее силу, и вы научитесь пользоваться ею во время церемонии, – сказал Рю Ойю. – Вы будете стоять рядом со мной.

– Корженовский здесь? Я имею в виду, его фрагменты?

– Он внутри меня. – Ольми показал на свою голову.

Патриция смотрела на Лэньера, как маленькая девочка, не уверенная в том, рассказывают ей чудесную сказку или невероятную истину. Она перевела взгляд на Ольми.

– Он в вашем импланте?

Ольми кивнул.

– В моем теле имеются дополнительные импланты, достаточные для того, чтобы содержать его.

– В вашем городе сейчас происходит нечто грандиозное, верно? – спросила Патриция.

– Да. Ваши товарищи на Пушкинке сейчас наверняка уже знают об этом.

– Именно поэтому президент не мог остаться с нами?

– Да.

– Нам нужно отдохнуть, – вмешался Лэньер. – Мы не спали и не ели много часов...

– Вы собираетесь вывести Аксис на орбиту вокруг Земли? Разрушить Пушинку?

– Не совсем, – сказал Рю Ойю. – Но пока довольно. Мистер Лэньер прав. После того, как вы отдохнете, мы продолжим.

Патриция прищурилась и медленно покачала головой.

– Не знаю, о чем вы хотите со мной говорить. По сравнению с вами я полный дилетант, первобытный человек...

– Если мы не убедили вас в вашей ценности и вашем влиянии, тогда, значит, мы выражались не вполне ясно, – сказал Ольми. – Вы – источник работы Корженовского по созданию Пути. Вы заложили теоретические основы. Вот почему мы верим, что вы можете поделиться с ним Тайнством. Он был вашим величайшим учеником.

Вы были его учителем, Патриция.

Мирский искал в толпе Погодина, Анненковского или Гарабедяна, время от времени поглядывая на пролетавшие над головой кресты. Солдаты, когда-то бывшие его подчиненными, угрюмо разглядывали командира, с обреченным безразличием уступая ему дорогу. Он приподнялся на цыпочки, взглянув в море голов, и заметил красное лицо Плетне-

ва и ежик его коротко подстриженных волос. Пробравшись сквозь толпу, он подошел к бывшему командиру транспортного корабля и положил руку ему на плечо. Плетнев быстро повернулся и сбросил руку, затем наклонил голову набок, разглядывая Мирского.

– Где остальные? – спросил Мирский.

– Кто? Остальные убийцы? Вы заставили нас расхлебывать жуткую кашу, товарищ генерал.

Голос Плетнева был хриплым, прерывистым, испуганным и сердитым одновременно.

– Погодин, Гарабедян, Анненковский, – подсказал Мирский.

– Я не видел их с тех пор, как... что бы это ни было, – сказал Плетнев. – Теперь оставьте меня в покое.

– Вы были с ними, – настаивал Мирский. – Что случилось?

– Что вы имеете в виду?

– С Велигорским и остальными.

Плетнев подозрительно оглядел небо в поисках крестов.

– Они мертвы, товарищ генерал. Меня там не было, но Гарабедян мне рассказал. Их застрелили. – Он отвернулся от Мирского, пробормотав: – Надеюсь на Бога, что небесные псы этого не знают.

Над головой пролетело еще несколько крестов, заставляя головы поворачиваться, словно море колосьев на ветру. Мирский ушел, сунув руки в карманы, сгорбившись и с со-

средоточенно нахмуренным выражением лица прокладывая путь среди людей.

Видимо, так же было и тогда, когда эвакуировались последние камнежителы, подумала Джудит Хоффман. Челноки сновали вперед и назад от тупоносого корабля к скважине и большому трубоходу, который, как сказал Беренсон, брал на борт группы по двадцать человек из каждой камеры. Джудит была рада, что Уоллес и Полк в ее группе; она привыкла на них рассчитывать. Энн не появлялась; видимо, она все еще была в первой камере или уже на борту.

Женщина в черном вела за собой группу из четырехсот человек со всем мастерством пастуха, ведущего стадо. Роль собак играли хромированные кресты, мягко и настойчиво пресекавшие все попытки отделиться от группы. Хоффман смутно подумала о том, не применялись ли здесь устройства, влияющие на настроение; она чувствовала себя спокойно, не испытывая никакой тревоги, с ясной головой и даже отдохнувшей. Так она не чувствовала себя в течение уже нескольких недель.

Почти половину ее группы составляли русские. По какому-то взаимному согласию русские отделились от американцев, хотя в корабле летели их попеременно. Мирского, насколько она могла видеть, среди них не было; не было и офицеров, принявших руководство вместо него.

Женщина предложила сделать шаг вперед, поочередно

показывая на каждого, пока от группы не отделились двадцать человек. Во время отбора приземлился тупоносый корабль.

Она глубоко вздохнула, когда подошла ее очередь. В своем роде, это облегчение. Вся ответственность теперь исчезла. Здесь проходила граница между тем, что случилось раньше. Она обнаружила, что ей удивительно легко идти.

Словно покорная овца, Джудит поднялась на борт вместе с остальными.

Глава 61

Патриция и Лэньер остались одни в маленькой кабине у южного конца терминала; у них было немного времени для сна и для размышлений. Пиктор создал подобие знакомой обстановки, используя тот же базовый набор, что и в жилище Патриции в Аксисе, но Лэньера это вряд ли удовлетворяло; он был сердит и пребывал в некотором замешательстве.

– Ты понятия не имеешь, чего они хотят, – заявил он, когда они уселись на противоположных концах кушетки. – Насколько я понимаю, они собираются похитить твою душу... И меня не волнует, что именно они говорят; так или иначе, все звучит достаточно подозрительно, не так ли?

Патриция, не двигаясь, смотрела на иллюзорное окно с елями и голубым небом над ними.

– Полагаю, они смогли бы это сделать, если бы хотели, – сказала она.

– Могли бы, черт побери!. Мы ничего о них не знаем! Они манипулировали нашим мнением с того самого момента, как мы здесь появились.

– Они пытались учить нас. Мы знаем сейчас намного больше, чем раньше. То, что говорили Ольми и Рам Кикира, вполне объяснимо.

Лэньер протестующе затряс головой. Его мнение было противоположным; гнев медленно тлел внутри него, словно

уголь, и он не в силах был его подавить.

– Они фактически не оставляют тебе выбора...

– Нет, оставляют, – настаивала Патриция. – Они не смогут отобрать у меня то, чего я не отдам добровольно.

– Черт побери! – взорвался Лэньер. Он встал и начал большими шагами ходить по комнате, которая, как он знал, была не более трех метров в ширину. Однако границы не ощущались. Иллюзия была абсолютной – вплоть до расстояний. – Здесь все обман. Похоже, мы вообще не видели ничего реального с тех пор, как оказались здесь. И в этом есть смысл: зачем показывать нам больше, чем следует?

– Они не... – Патриция пыталась найти подходящее слово. – Не плохие люди.

– Ты всерьез воспринимаешь болтовню о том, что ты, якобы, учитель, предтеча?

– Почему бы и нет? – Патриция повернулась к Гарри. Он подошел к кушетке и взял ее за руку. – Я видела некоторые статьи, которые напишу... – Она крепко зажмурилась и покачала головой, приложив другую руку к щеке. – Вероятно, я никогда их не напишу... но другая, которая тоже я, напишет или уже написала. И то, что там говорится, действительно существует в моей голове, не сформировавшись до конца, уже несколько лет. Я почти всегда знала, что я единственная в нашем времени, в нашем мире, кто всерьез думает о подобных вещах. Так что я не могу в это не верить. – Она улыбнулась. – Джудит Хоффман считала, что я единственная, и ты

с этим соглашался.

– Тебе нравится быть их героем? Так?

«Ты слишком жесток к ней, – подумал Лэньер. – Спокойнее. И почему ты, собственно, сердисься?»

– Нет, – мягко произнесла она. – Меня это не волнует. Сейчас меня вообще мало что волнует.

Лэньер отпустил руку Патриции и обошел вокруг стола, потирая подбородок и искоса бросая на нее взгляды.

– Ты просто хочешь домой.

Патриция кивнула.

– Ты не сможешь вернуться.

– Смогу.

– Как?

– Ты знаешь основы, Гарри.

– Я хочу подробностей. Как ты сможешь найти дом?

– Если они научат меня, как пользоваться клавикулой, я вернусь в пустую секцию коридора, через которую мы пролетали, и поищу там геометрическое сосредоточение. Для них геометрические сосредоточения – нечто вроде свалок, бесполезные зоны или даже хуже, чем бесполезные. Но именно там я смогу найти дорогу домой.

– Не слишком четкий план.

– Они научат меня, – сказала она, глядя на Лэньера большими черными глазами, которые были теперь вовсе не круглыми кошачьими, но совершенно спокойными.

– И что они возьмут взамен?

– Ничего! – Патриция откинула голову на подушку. – Они только скопируют, а не возьмут.

– Как ты можешь им доверять?

Она не ответила.

– Тебе правда не нужно времени на размышления?

– Нет, – согласилась она.

– Боже мой!

Она встала и крепко обняла Гарри, прижавшись щекой к его плечу.

– Не знаю, что я значу для тебя, но должна тебя поблагодарить.

Он погладил ее по голове и уставился в угол, моргая и опустив уголки губ.

– Я тоже не знаю.

– Мне начинает казаться, что я не человек.

– Ты...

Лэньер не закончил.

– То, о чем я думаю... некоторым образом делает меня больше похожей на них, чем на тебя. Понимаешь?

– Нет.

– Полагаю, что по этому мое Таинство и подходит Корже-новскому. У него были похожие мысли, и похожие цели. Он хотел вернуть свой народ домой.

Лэньер с сомнением покачал головой.

– Они не причинят мне вреда. Они собираются научить меня. Я должна сказать «да».

– Тебя шантажируют.

Патриция внезапно подняла голову, нахмурившись.

– Нет, – рассеянно ответила она. – Не больше, чем я их.

Гарри, я только что подумала... Почему я не подумала об этом раньше? Зачем они открывают еще одни ворота?

– Не знаю, – бросил Лэньер. Вопрос показался ему совершенно несущественным.

– Я их спрошу.

Он засмеялся.

– Ты серьезно?

– Вот почему нас привезли сюда, чтобы показать церемонию... Ну, наверное, это не главная причина, но это часть целого.

Он на мгновение задумался, все еще обнимая Патрицию. Несмотря на все, несмотря на свои сомнения, страхи и подозрения, он вынужден был согласиться...

В этом что-то было.

– Я думаю, нам нужно поспать, – сказала Патриция.

Он хотел предложить ей любовь, но понял, что сейчас Патриция не испытывает в этом необходимости. Перед ней была ее цель; все остальное, включая обстановку и кровать, на которой они сидели, было лишь фоном.

Из-за этого Лэньер почувствовал себя чем-то малозначительным. Его еще раз удивило, насколько изменилась Патриция с тех пор, как появилась на Камне.

– Я человек? – спросила она, когда они легли рядом.

– Вероятно.

Лэньер старался говорить ровно, что ему не вполне удавалось.

К тому времени, когда корабль ван Хамфьюиса прибыл на то место, где прежде находился Аксис, все ворота впереди и позади него вдоль Пути были закрыты, а трассы между ними пусты. Ситуация не имела прецедентов за всю историю Пути.

Аксис отправился в путешествие. Под руководством делегата Розена Гарднера с силовых станций города были выбиты последние защитники. У убитых, были аккуратно извлечены импланты – пока их было сто восемьдесят три. Количество беспокоило Гарднера, но эта смерть не была необратимой. Взяв под свой контроль движение вдоль потока, он придал Аксису ускорение, двигаясь на юг, к Пушкинке. Путешествие заняло шестнадцать часов; корабль ван Хамфьюиса шел следом, но президент мало что мог сделать.

В шестой камере Пушкинки четыре члена гарднеровской фракции Корженовского совершили самое серьезное преступление – они внесли изменения в механизме Пути. Нарушение было минимальным, но наказанием даже за минимальное вмешательство было лишение тела и полное стирание всех записей личности. Гарднер знал, что с этого момента обратной дороги нет.

Необходимости продлевать поток за северную границу седьмой камеры не было; его отрезок возле скважины слу-

жил лишь для удобства во время последних этапов эвакуации Пушкинки и строительства Аксиса. Сейчас оборудование было настроено так, чтобы сократить длину потока на двадцать километров.

Затем четыре группы, каждая из трех граждан, вышли на поверхность астероида, пользуясь подъемными шахтами, не обнаруженными гостями Пушкинки. Эти шахты выходили прямо к скрытым под поверхностью двигательным установкам Бекмана.

С помощью этих установок вращение астероида было замедлено, а затем сведено к нулю. Сначала результат был почти незаметен во всех камерах, кроме четвертой, где сильные волны выбросили в воздух громадные водяные шары. Сглаживать эффект не было времени – Гарднер работал по плотному графику.

Радикальным гешелям и умеренным, которые никогда не брали на себя никаких обязательств, была предоставлена возможность присоединиться к фракционерам. Для многих выбора не было – в планах Гарднера отводилось мало места радикальным неоморфам. Население было перетасовано между различными секторами настолько быстро, насколько это было возможно, а Память Города была перераспределена и разделена на секции для подготовки к следующему этапу.

Аксис был частично выведен из потока, в первую очередь, Аксис Надер и Центральный Город. Гарднер планировал развернуть город, оставив эти сектора гешелям, которые соби-

рались отправиться вдоль Пути с околосветовой скоростью и уничтожить джартов. Для завершения его плана требовались два вращающихся цилиндра – Аксис Торо и Аксис Евклид.

Перенастройка гравитационного градиента между Пущинкой и Путем – необычайно тонкое дело. У инженеров в шестой камере было полно работы, особенно когда громадная масса Центрального Города и Аксис Надера была переброшена на одну сторону, позволяя вывести из потока оставшиеся сектора.

Вся процедура заняла пять часов. Когда она была закончена, Аксис Надер и Центральный Город поменялись в потоке местами с Аксис Торо и Аксис Евклидом. Две пары секторов и связанные с ними структуры были разделены километровым расстоянием, и оставленные гешелям Центральный Город и Аксис Надер медленно двинулись на север вдоль потока.

Пришельцам предложили возможность выбора. Из двух тысяч пленных лишь четверо решили не связывать свою судьбу с возвращением на Землю.

Отказались Джозеф Римская и Берил Уоллес. Другие двое были русскими: ефрейтор Родженский и генерал-лейтенант Павел Мирский.

Затем астероид снова начал вращение. Некоторые повреждения были неизбежны, но в четвертой камере последствия были катастрофическими. Водяные шары медленно рассыпались над водоемами и сушей; миллиарды галлонов воды

ломали деревья, смывали леса и создавали новые реки по мере возвращения центробежной силы.

Плазменные трубки во всех камерах внезапно погасли. Атмосферные барьеры сохранились, но камеры впервые за двенадцать столетий погрузились в крошечную тьму.

А в седьмой камере, на границе Пути, роботы начали устанавливать мощные заряды, чтобы взрывами отделить северный конец Пути от астероида и закрыть его.

Президент или его сторонники практически ничего не могли сделать. Организация Гарднера обладала достаточной властью, и фракционеры были полностью преданы ему. История человечества еще раз доказала, что худшая из возможных ошибок в политике – недооценка своих противников.

У ван Хамфьюиса не было иного выбора, кроме как принять предложение Гарднера и взять на себя руководство секторами, предназначенными для радикальных гешелей.

В лесу Центрального Города, лишенный веса, в сопровождении охранника – гешеля-неоморфа, Павел Мирский начал сожалеть о своем решении. Ему казалось, что он затерян в кошмаре Босха, и он спросил себя, стоит ли жажда исследований и стремление к новому всех этих странностей и тревоги.

Ему предстояло навсегда забыть свое прошлое и культуру...

Мирский обвинил себя в том, что могло считаться величайшим дезертирством всех времен.

Глава 62

Ольми стоял один возле помоста, глядя на клавикулу. Он был бы рад, если бы Инженер мог взаимодействовать с его мыслями, комментируя его действия либо положительно, либо как-то иначе, но Корженовский находился в неактивном состоянии.

Васкес и Лэньер все еще были в своей комнате. Обычай спать по восемь часов подряд выглядел для Ольми одновременно своеобразным и интересным. Иметь каждый день длинный, ничем не заполненный период жизни, свободный от мыслей и занятый некими потусторонними видениями... Тальзитское очищение было намного более эффективным, но Ольми забавляло, что некая примитивная часть его самого все еще испытывает потребность в простом сне.

Он никогда глубоко не задумывался над различиями между людьми его и их времени, за исключением тех случаев, когда нужно было как-то обеспечить их нужды. Даже при учете всех новшеств его времени, сходство намного перевешивало различия.

Йетс пересек мягкий зеленый ковер лужайки и подошел к помосту. Лицо его было мрачным.

– Наше время ограничено, – сообщил он Ольми по графоречи. – Пост охраны у отметки один и девять экс девять сообщает о чрезмерном излучении на границах потока. Воз-

можно, джарты готовятся открыть новые, очень широкие ворота.

– Ворота к сердцу звезды? – спросил Ольми.

– Таково предположение. Персонал поста готовится к отступлению.

Эта идея обсуждалась в высших кругах обороны в течение десятилетий. Она была столь же проста, сколь и радикальна: Путь во многих точках соприкасался с небесными телами. С тех пор как Путь стал, в сущности, пустым безлюдным туннелем, открытие кольца массивных ворот к ядру звезды должно было отсосать находящуюся под высоким давлением перегретую плазму и распределить ее по всему Пути. Барьеры – хотя и построенные из модифицированного пространства-времени Пути – должны были принять на себя сверхвысокую температуру и в конце концов рухнуть. Сам Путь остался бы нетронутым, но все остальное на протяжении миллиардов километров должно было просто распасться на составляющие частицы.

– Насколько быстро пойдет фронт плазмы? – спросил Ольми.

– Его могут замедлить лишь вихревые эффекты. Конечная скорость составит около шести тысяч километров в секунду.

– Тогда у нас останется около тридцати двух часов на эвакуацию.

– Если они не смогут открыть ворота на расстоянии...

Мысль о том, что джарты могут управлять воротами Пути на расстоянии, уже много лет назад отрезвила тех, кто работал над планами защиты. Джарты никогда не демонстрировали подобную способность в пределах отрезка, контролируемого людьми, но данные о различных нарушениях Пути привели многих исследователей ворот – включая группу Рю Ойю – к убеждению, что они могут поступать так за отметкой два экс девять.

– Я передал информацию сенатору Ойю, – продолжал Йетс. – Ее отец сейчас работает вместе со своими исследователями. Она сообщит ему об всем, когда с ним можно будет связаться.

Ольми заметил Патрицию и Лэньера, появившихся из жилого комплекса.

– Как вы думаете, сер Васкес согласится? – спросил Йетс. – Вы провели значительно больше времени с нашими гостями, чем я.

Ольми изобразил символ неуверенности с чертами подавленного настроения: неполный неоморф, выбирающий форму тела.

– Мне бы ваше спокойствие, – заметил Йетс. – Не откажусь прямо сейчас от тальзит-сеанса.

Патриция заметила Ольми и Йетса и помахала им, затем коснулась руки Лэньера. Оба пересекли лужайку и подошли к помосту.

– Я должна увидеться с сером Ойю, – сказала она Ольми.

У Лэньера был дикий вид, его глаза бегали по сторонам.

– Он на совещании со своими исследователями. Сенатор Ойю передаст ему любую информацию.

– Хорошо. Я полагаю, что мне не обязательно говорить с ним лично. Ольми...

Взгляд Лэньера сосредоточился на Ольми; на его лице застыло несчастное и обиженное выражение.

– Я решила. Я согласна на сделку.

Ольми улыбнулся.

– Когда вам было бы удобно?

Наше время ограничено, – заметил Йетс.

Патриция пожала плечами.

– Полагаю, можно и сейчас. В любое время.

– Я возлагаю на вас личную ответственность, – сказал Лэньер Ольми, выразительно указывая на него пальцем.

– Беру ответственность на себя, – торжественно заверил Ольми. – С ней ничего не случится.

Йетс пошел сообщить сенатору Ойю, что они готовы начать. Ольми повел их к незаконченному куполу, где они впервые встретились с Рю Ойю, и изобразил инструкции для плававшего неподалеку монитора.

– Он вызовет медицинского робота. Я внесу в его систему некоторые модификации и передам ему составные части личности. Затем вы передадите свое Таинство, и матрицы будут объединены вместе. Это совсем просто.

– Если это сработает, случится чудо, – вполголоса сказал

Лэньер, – а вы говорите, что все просто.

– «Восстань, Лазарь», с вашей точки зрения, верно? – спросил Ольми, надеясь развлечь его.

– Не надо нас опекать.

Гнев Лэньера явно нарастал. Ольми понимал его. Теперь, когда Патриция приняла решение, Лэньер был отстранен от происходящего. Он оказался просто придатком. Патриция явно проигнорировала его опасения.

Медицинский робот яйцеобразное устройство высотой около метра, с пурпурными отметками в тех местах, откуда должны были появляться манипуляторы и другие инструменты – приблизился к ним, плывя в нескольких сантиметрах над травой.

Ольми изобразил модифицирующие инструкции, и робот превратился в небольшую чашеобразную конструкцию на конце толстого металлического кабеля. Ольми поместил чашу чуть ниже уха и закрыл глаза. Патриция с широко открытыми глазами наблюдала за происходящим, переплетя пальцы. Ее спокойствие казалось теперь искусственным. Желудок Лэньера завязался в тугой узел.

Прешиент Ойю и ее отец присоединились к ним в тот самый момент, когда Ольми убрал чашу. Они молча остановились в нескольких метрах.

Робот подплыл ближе к Патриции. Перед ним развернулось силовое поле, образовав нечто вроде койки, и Ольми предложил ей лечь. Она подчинилась. Затем робот развер-

нул вокруг головы веер черных кабелей, словно сетку для волос.

Сетка сама подстроилась под размер, охватив ее волосы. Патриция протянула руку, чтобы потрогать ее.

– Я никогда не смогу появиться на публике с этой штукой, – пошутила она.

Лэньер встал на колени рядом с койкой и взял ее за руку.

Патриция поморщилась, потом повернула голову и взглянула на Ольми.

– Я готова.

– Это будет не больно, никаких ощущений, – сказал он.

– Ну, так или иначе, я готова.

Она сжала руку Лэньера и отпустила ее. Он отступил назад.

Сетка натянулась, и Патриция вздрогнула; давление было не болезненным, но, тем не менее, сильным. Лэньер сочувственно кивнул, но не двинулся с места. Прешиент Ойю подошла и положила руку ему на плечо.

– Она несет в себе часть нашей мечты. Не беспокойтесь.

Лэньер, прищурившись, посмотрел на сенатора.

Патриция, казалось, сосредоточилась, зажмурился глаза. Лэньер ощутил странное очарование. Отсутствовали звуки, внешне проявления – просто шла передача чего-то, заимствование, копирование.

Она открыла глаза и повернула к нему голову.

Сетка сама снялась с головы.

– Я в полном порядке. – Патриция села. – Не чувствую никакой разницы.

– Потребуется несколько часов, чтобы комбинация созрела, – сказал Ольми. – Затем Корженовский снова будет с нами.

– У него будет тело? – спросил Лэньер. Патриция встала рядом с ним.

– Он будет находиться внутри робота, пока ему не сделают тело, – сказал Ольми. – Однако он может изобразить свой собственный облик. Это – один из признаков полного восстановления.

Патриция снова взяла Лэньера за руку и крепко сжала ее.

– Спасибо, – сказала она.

– За что спасибо, ради всего святого?

– За смелость.

Лэньер изумленно уставился на нее.

Патриция, Лэньер и Ольми последовали за медицинским роботом в помещение, где они ночевали. Ольми решил, что будет лучше, если первые впечатления Корженовский получит в относительно знакомой обстановке – нормальная комната, небогато обставленная и без большого скопления людей – или нелюдей. Рю Ойю и Йетс согласились.

– Кроме того, – сказал Смотритель Ворот, – вы ждали этого момента пять веков. Это в значительно большей степени, ваш момент, чем наш.

В комнате, помедлив пятнадцать минут, Ольми приказал роботу показать процесс формирования содержавшейся в нем личности. Патриция поднесла руку ко рту, когда перед ними появилось изображение.

Изображение было сильно размытым, одна половина тела была большой и луковицеобразной, другая же совсем крошечной, почти невидимой. Оно не было твердым, некоторые части – сплошные, а другие прозрачные. Цвет его был большей частью голубым. Вытянутая голова, казалось, разглядывала всех, переводя взгляд с лица на лицо.

– Не беспокойтесь, – предупредил Ольми. – Осознание формы тела сформируется последним.

В течение нескольких минут, почти незаметно для глаз, искажения исчезли. Цвет из голубого стал более естественным, а прозрачные участки заполнились.

Когда формирование изображения завершилось, Ольми с удовлетворением отметил, что оно соответствует внешности, которую Инженер когда-то выбрал для официальных портретных миниатюр: стройный темноволосый мужчина среднего роста, с острым длинным носом, пронзительными веселыми черными глазами и кожей цвета светлого кофе.

Ольми все еще искал отклонения. Таинство, наложенное на составляющие личности, хотя и близкое к оригиналу Корженовского, было неточным. Однако этого хватало, чтобы вернуть Инженера в полное сознание, и сознание это должно было состоять из слившихся вместе частичных составляющих,

чтобы близко воспроизвести личность, которая была стерта – убита – еще до рождения Ольми.

– Добро пожаловать, – громко сказал Ольми.

Изображение пристально разглядывало их, затем попыталось заговорить. Его губы двигались, но не было слышно ни звука. Изображение внезапно подернулось рябью, а когда снова стало устойчивым, сказала:

– Я вас знаю. Я чувствую себя значительно лучше – совсем по-другому. Меня восстановили?

– Настолько, насколько смогли, – ответил Ольми.

– Я так мало помню – словно дурные сны. Вы были ребенком... когда мы впервые встретились.

Ольми почувствовал, как в нем нарастает еще одно чувство, которое Рам Кикура могла бы назвать атавизмом.

– Пятилетним мальчиком, – уточнил он.

Он хорошо помнил, как впервые нашел дубля Инженера в памяти их квартиры, помнил, как испугался и поразился, увидев человека, который был столь знаменит – и мертв.

– Как долго я был неполон, мертв или как это называется?

– Пять веков.

Восклицание Инженера могло бы показаться необычайно грубым в его время; для Ольми же оно было архаичным и забавным.

– Зачем меня вернули? Наверняка всем без меня только лучше.

– О, нет. – Ольми был искренен. – Это большая честь для

нас – вернуть вас к жизни.

– Я, должно быть, полностью устарел.

– Мы можем исправить это за несколько часов.

– Я не чувствую себя... завершённым. Почему?

– Вам нужно созреть – восстановление ещё продолжается. У вас нет собственного тела. Вы находитесь внутри медицинского робота.

Снова восклицание, ещё более крепкое.

– Я отстал от времени. Только умственный карлик может поместиться внутри самого совершенного робота... – Изображение наклонило голову, исподлобья вопросительно разглядывая Ольми. – Я был поврежден, верно?

– Да.

– Чего не хватает?

– Таинства. Мы вынуждены были работать только с дублями.

– Чье Таинство его заменило?

Ольми показал на Патрицию.

– Спасибо, – сказал Корженовский после секундной паузы.

– Добро пожаловать. – Тон Патриции был неубедительным.

– Вы мне знакомы... Я видел вас раньше.

– Это Патриция Луиза Васкес, – ответил Ольми.

На лице Корженовского появилось выражение недоверчивости. Изображение протянуло руку Патриции. Она пожала

ее, более не удивляясь твердости и теплоте изображения.

– Та самая Патриция Луиза Васкес?

– Та самая и единственная, – подтвердила она.

Изображение Корженовского с легкой ухмылкой откинуло голову назад.

– Мне чертовски много предстоит еще узнать.

Он отпустил руку Патриции, вполголоса извинившись, затем взял протянутую руку Лэньера и пожал ее коротко, твердо, но не настойчиво.

Лэньер испытывал благоговейный трепет перед человеком, который спроектировал коридор.

– У меня есть маленькая... я не знаю, что это – статуэтка, голограмма, что-то еще, – изображающая вас. У меня в столе. Вы были загадкой для меня многие годы... – Гарри понял, что лепечет какую-то чушь. – Мы с Земли, – внезапно закончил он.

Выражение лица Инженера не поддавалось описанию.

– Где мы? – спросил он.

– На Пути, у отметки один и три экс девять, – ответил Ольми.

– Где Пушинка?

– На орбите около Земли и Луны.

– Какой сейчас год?

– 2005, – сказала Патриция.

– Это год Путешествия? – с надеждой спросил Корженевский.

– От Рождества Христова, – поправил Ольми.

Инженер внезапно показался очень усталым.

– Сколько вам потребуется времени, чтобы полностью обучить меня?

– Мы можем начать прямо сейчас – еще до того, как созреет ваша личность. Хотите?

– Думаю, так будет лучше, верно? – Снова повернувшись к Патриции, Корженовский сказал: – Вы очень молоды. Какую работу вы проделали... сколько статей написали?

– Ни одной из моих важнейших.

– Не этого я ожидал... Не такого результата. Я имею в виду, как я мог все пропустить? А вы должны рассказать мне, как попали сюда... И почему именно вы?

Еще до того, как Ольми смог организовать запись информации, Патриция и Инженер углубились в беседу.

Через четыре часа исследователи, представлявшие семь различных рас, пользовавшихся коридором, собрались вокруг помоста. Каждая из этих рас продемонстрировала патронам-людям свою полезность, но никоим образом не подобострастие. Они были полноправными партнерами на Пути и отличались разнообразными формами – хотя не более разнообразными, чем неоморфы Аксиса, подумал Лэньер.

Среди них были три франта в блестящих серебристых накидках, которые, похоже, были их обычной одеждой за пределами Тимбла. Существо в форме двух перевернутых арок,

соединенных толстой шишковатой веревкой мускулов, без глаз, с кожей блестящей и лишенной каких-либо черт, словно черное стекло, неподвижно стояло на четырех слоновьих ногах в нескольких метрах от франта, окруженное красной карантинной линией. Однако оно явно не испытывало никаких неудобств от местной атмосферы.

Исследователь с Тальзита стоял на своих восьми конечностях рядом с Йетсом на северной стороне помоста, окруженный силовым пузырем, содержащим специальную дыхательную смесь – очень малое количество кислорода со значительно более высоким процентным содержанием углекислоты и достаточно низкой температурой для того, чтобы конденсироваться на гибкой границе поля. Его словно покрытые мхом «рога» находились в постоянном движении. Все остальные исследователи-негуманоиды были также окружены подобными полями. Наиболее ошеломляющее впечатление производило волнообразное змееподобное четырехголовое существо, которое висело, словно заспиртованный образец, свернувшись кольцами в парящей сфере, наполненной зеленой жидкостью.

Судя по всему, гуманоидные формы жизни были не слишком распространены.

Перед собранием между Лэньером и тальзитом состоялся странный разговор – странный своей ясностью и сверхъестественной знакомостью, словно они были не более чужды друг другу, чем новые соседи по подъезду.

Тальзит стоял на северной стороне помоста, беседуя с франтом, в то время как второй франт молча ждал рядом. Несколько часов назад франты объединили свой разум, и у второго не было особой необходимости включаться в разговор, если только не требовалось параллельное мышление. Лэньер и Патриция пообедали за плававшим в воздухе щедрым столом, съев столько, сколько смогли. Затем Патриция ушла вместе с Ольми, чтобы продолжить разговор с Инженером.

Лэньер обнаружил, что разговаривает с тальзитом, совершенно случайно. Тот подошел к Прешидент Ойю, чтобы обсудить дальнейшие планы ее отца после церемонии. Беседа сначала велась с помощью пиктограмм, а затем сенатор перешла на английский, представив тальзита Лэньеру. Тальзит говорил на прекрасном английском, хотя ни одна часть его тела не двигалась, выдавая источник звука.

Лэньеру даже не было любопытно; он уже пресытился чудесами, малыми и большими. Все его внимание занял поиск подходящих слов для того, чтобы объяснить, как они здесь оказались. Беседуя с существом, даже отдаленно не напоминавшим человека, и с неизвестной психологией (если оно могло говорить на прекрасном английском, то наверняка могло и предусмотреть защиту для своих мыслей), он рассказал достаточно много о Гибели, об альтернативных вселенных и вторжениях из космоса. Тальзит, в свою очередь, поделился с ним проблемами собственного народа. Лэньер об-

наружил, что понимающе кивает, слушая рассказ, который был бы непонятен ему всего лишь несколько месяцев назад.

Существа, называвшиеся тальзитами, были боковой ветвью объединенного биолого-механического разума, который населял когда-то четырнадцать планет очень старой звездной системы. Когда-то этот разум полностью находился в банках памяти, без какой-либо явно выраженной физической сущности – примерно, как в Памяти Аксиса. Но постепенно разум разделился на индивидуальности – сосредоточения сознания внутри системы, – а эти индивидуальности создали для себя новые физические формы. Это были предшественники тальзитов. Они все еще существовали, но были обращены внутрь себя и самоизолировались. Они создали тальзитов, чтобы те выступали в качестве коммерческих посредников, консультантов для более молодых цивилизаций. Случилось так, что одно из колец ворот открылось в один из их миров, и они начали торговать – сначала с джартами, открывшими ворота, а затем с людьми, после того как джарты были оттеснены.

Подразумевалось, что тальзиты и их предшественники были, по крайней мере, в сто раз старше человечества.

– Тогда зачем вы вообще с нами связались? – поинтересовался Лэньер.

– Считайте это стариковской причудой, – сказал тальзит без каких-либо признаков снисходительности или лицемерия. – У нас есть свои обязанности, в частности, помощь в

духовном очищении, которое люди и прочие считают неоценимым. Нам нравится приносить пользу, и в свою очередь, мы получаем информацию, очень ценную для нас.

Призыв к началу церемонии прозвучал несколько минут спустя, когда один из франтов зазвонил в мелодичный колокол, висевший на перекладине с южной стороны помоста.

Лэньер стоял, как на параде, заложив руки за спину, рядом с изображением Корженовского и Прешидент Ойю, в то время как Патриция заняла почетное место между Йетсом и Рю Ойю.

Церемониальная одежда Рю Ойю была простой: грубая белая полотняная рубашка, черные брюки, черные кожаные туфли. Йетс был одет в зеленую слегка обветшавшую одежду.

Рю Ойю ступил на лестницу, извивавшуюся над верхушкой круглого помоста. Он постоял там несколько мгновений, наклонив голову, а затем жестом предложил Патриции следовать за ним.

– Вы должны научиться этому, – сказал он Патриции на вершине помоста. – Клавикула может подсказать, где открыть ворота, но лишь отчасти; вы также должны ощутить эту точку и настроить ее на желаемый мир. Это то самое, что вы могли бы назвать интуицией или расчетом.

Он наклонился и взялся за ручки клавикулы, сняв ее с держателя в центре пересечения силовых линий. Патриция посмотрела вниз, и у нее закружилась голова; вершина по-

моста находилась на высоте, по крайней мере, шестидесяти метров.

– Кроме того, существует ритуал. Он настраивает разум, – сказал Смотритель Ворот. – Он подготавливает. Он не является строго обязательным, но я считаю его полезным. Итак. – Он протянул перед собой руки с клавикулой и закрыл глаза. – Сегодня мы являемся свидетелями не вполне обычного события. Я искал эту точку, по крайней мере, пятьдесят лет, и она всегда уходила от меня. – Он приоткрыл один глаз и слегка улыбнулся Патриции. – Вы, наверное, удивляетесь, почему мы все еще здесь, открывая ворота, которые неизбежно должны будем закрыть, когда придут джарты или уйдет Аксис. Удивляетесь?

Патриция кивнула.

– Потому что, каково бы ни было наше отношение к нынешним правителям-гешелям, я остаюсь верным Гексамону. Я буду служить Гексамону, даже если меня будут считать изменником, узнав о роли, которую я играл в расколе. Чтобы искупить свои грехи, я открываю эти ворота.

– Я все еще не понимаю. – Патриция склонила голову набок и глядела на клавикулу.

Рю Ойю отпустил одну руку и, растопырив пальцы, описал в воздухе круг.

– Все ворота были настроены так, чтобы открываться в другие миры – на планеты. Путь проходит через бесконечное множество точек соприкосновения с другими мирами,

и мы должны выбирать, когда производим настройку в каждой оптимальной точке. Вы, возможно, заметили, что расстояние между нашими воротами составляет не менее четырехсот километров. Это связано с ритмом геометрических сосредоточений. Вам понятен этот ритм?

– Да. – Патриция кивнула.

– Мы не вмешиваемся в сами сосредоточения. Они соединяют альтернативные вселенные и временные линии способом, который для нас бесполезен. Мы действуем между ними. – Он рубанул воздух ребром ладони. – Мы действуем в пределах десятиметрового участка, и здесь существует, возможно, миллиард подходящих точек. Мы настраиваемся как можно более точно на местоположение объекта с планетарной массой; клавикула сообщает нам эту массу, передавая ее непосредственно в наш разум, внедряя в нас всю необходимую информацию. Почувствуйте это сами. – Рю Ойю взял ее руку и положил на другую ручку клавикулы. Ее мозг захлестнула волна картин, информации. – Теперь посмотрите на меня.

Она взглянула на Рю Ойю, и он изобразил в ее голове быстрый, непрерывный поток сведений.

– Было бы значительно легче, если бы у вас был имплант, но у вас, по крайней мере, есть склонность – и мотивация – к обучению. Я не могу передать вам все способности, но могу помочь отточить вашу интуицию. – Он передал Патриции очередную порцию инструкций. Все еще держа руку на

клавикуле, она почувствовала нарастающий поток данных.

– Я не могу помочь вам найти дорогу домой. – Он похлопал ее по руке, чтобы она убрала ее с клавикулы. – Меня не будет с вами, так же как и Йетса или Ольми. У нас у всех есть свои дела. Но если ваша теория верна – а я не вижу никаких причин в этом сомневаться, – тогда вы сможете найти соответствующие ворота в пределах геометрического сосредоточения. У вас достаточно знаний, чтобы попытаться. Теперь смотрите внимательно. Мы открываем сегодня ворота в другой мир. Мы открываем ворота в сам Путь.

Патриция нахмурилась.

– Вы видели кривую, Патриция; я уверен, что вы рассчитывали искривление Пути.

– Да, – подтвердила она.

– Вы видели, где он пересекает сам себя?

– Нет.

– Это очень хитроумное пересечение, и точка его весьма удалена. На таком расстоянии характер Пути может быть совсем иным. Аксис, возможно, достигнет этих секторов через миллионы лет, может быть, намного раньше, если гешелям удастся осуществить их планы. Когда мы откроем ворота в этой точке, мы узнаем, что из себя в действительности представляет Путь и, возможно, как далеко он простирается. Мы искупаем свой грех перед Гексамоном, будучи первопроходцами. Теперь вы понимаете, почему мы находимся здесь?

Патриция кивнула.

Рю Ойю повернулся к исследователям и своим коллегам у основания помоста.

– Инженер готов?

– Я здесь.

– Вы можете все четко воспринимать?

– Да. Думаю, да.

Смотритель Ворот глубоко вздохнул и бросил взгляд на Патрицию.

– Сегодня мы все обладаем привилегией, – сказал он ей.

Клавикула загудела, когда он шагнул на силовое поле и жестом пригласил Патрицию следовать за ним. Она стояла на силовых линиях рядом с ним, и поле прогнулось в этом месте вниз, образовав вокруг них чашу. Они были в нескольких метрах от пола, когда спуск прекратился. Рю Ойю встал на колени и поместил клавикулу обратно в держатель.

– Я сузил участок до нескольких сантиметров, – сказал он.

Подняв голову, он, к удивлению Патриции, заговорил нараспев:

– Во имя Звезды, очага нашего бытия, кузницы нашей сущности, величайшего из всех огней! Звезда, дай нам свет, дай нам даже во тьме дар истинного творения.

Он подстроил клавикулу и крепко сжал ее обеими руками, закрыв глаза и подняв лицо к вершине терминала.

– Мы доверяемся Судьбе, Пути Жизни и Света, конечному предназначению, в котором мы не можем сомневаться, что бы мы ни выбрали, как бы свободно мы ни выбира-

ли. Во имя Силы Духа, дыхания нашего разума, ветра наших мыслей, рожденных во плоти или хранящихся в машине, ве-ди нашими руками, дай нам силу самим познать истину.

Лэньер увидел изображение Корженовского, беззвучно вторившего Рю Ойю. Не сам ли Инженер написал слова, которые сейчас произносил Смотритель Ворот?

Гудение клавикулы нарастало. Патриция стиснула руки, понимая, что находится в молитвенной позе. Она не могла заставить себя расцепить пальцы и опустить руки.

– И во имя Старших, некоторые из которых сейчас вместе с нами, рожденные во плоти и воскрешенные благодаря нашим прошлым творениям; во имя тех, кто погиб ради того, чтобы мы могли найти более истинный путь, кто страдал в дни Гибели ради того, чтобы мы могли жить...

И Лэньер, и Патриция почувствовали, как на глазах у них выступают слезы и скатываются по щекам.

– Я поднимаю эту клавикулу к мирам, которым нет числа, и приношу новый свет на Путь, открывая эти ворота ради процветания всех – и тех, кто ведет, и тех, кого ведут, кто создает и кого создают, кто освещает Путь и кто наслаждается в лучах этого света.

Он вынул клавикулу из держателя и поднял ее. Поток пиктограмм, исходивших от клавикулы, ярким светом залил его лицо. Гудение стихло.

– Смотрите. – Я открываю... новый мир.

Бронзовая поверхность Пути под ними, казалось, раство-

рилась в пересечении черных, зеленых и красных линий. Рю Ойю стоял, держа клавикулу горизонтально на вытянутых руках.

Застыв у самого края помоста, исследователи, Йетс, Прешиент Ойю, Лэньер и изображение Корженовского смотрели вниз, на бесшумную бурю, в которой рождались ворота.

Чаша силового поля подняла Смотрителя Ворот и Патрицию на несколько метров. У Патриции снова закружилась голова, когда она посмотрела в насыщенное вихрящееся видение света и безграничных возможностей.

Видение разделилось, в его центре сформировался черный маслянистый круг.

Рю Ойю протянул клавикулу Патриции. Она крепко сжала ее рукоятки.

– Теперь почувствуйте мощь происходящего, – сказал он по-английски. – Познайте ощущение верного открытия.

Клавикула ожила в ее руках, связанная с ней постоянным потоком пиктограмм. Инструкции, которые дал Рю Ойю, были достаточно подробными и зафиксировались в голове.

От ощущения собственной силы Патриция развеселилась. Она почувствовала, что смеется, когда клавикула расширила отверстие в поверхности Пути. Над ее головой незавершенный купол, который прикрывал рабочую зону Рю Ойю, теперь самостоятельно перемещался к центру возмущения.

– Это опасный момент, – предупредил Рю Ойю. – Если процесс выйдет из-под контроля, купол закроет нас и сгла-

дит возмущение. Если это произойдет, мы будем навсегда потеряны для Пути. Мы окажемся там, куда забросят нас эти ворота, и не сможем вернуться назад. Вы ощущаете такую возможность?

Патриция ощущала. Ее веселье сменилось чувством, что она держит за хвост нечто неопишимо отвратительное и недружелюбное. Она сосредоточила свой взгляд на клавикуле.

– Есть, – сказал Смотритель. – Ольми вряд ли мог быть более точным. Вы больше принадлежите нашему времени, чем своему собственному.

Бегущие по куполу линии приняли в знакомый бронзовый цвет, который они видели у других ворот. Водоворот, окружавший черный круг, начал подниматься, и силовое поле уносило их все выше.

– Идем, – сказал Йетс Лэньеру, когда исследователи двинулись вперед. Они снова собрались группой на расстоянии пятидесяти метров от помоста, по краям рабочей зоны Смотрителя Ворот. Земля внизу вспучивалась, создавая холм над поднимающимся склоном ворот.

Помост и силовые линии оставались горизонтальными. Рю Ойю снова взялся за клавикулу.

– Здесь есть сто тысяч возможностей, – пробормотал он. – С помощью клавикулы я могу почувствовать... познать их. Сейчас я узнаю о сотне тысяч миров, но мне нужен лишь один. Я прислушиваюсь к нему... Я знаю его характер... Я

знаю конкретный участок, который он занимает. Клавикула ведет свое собственное зондирование, постоянно отслеживает его положение, но я направляю... И нахожу.

Его голос звучал возвышенно, торжествующе. Маслянистый черный круг расширился и приобрел ярко-лазурно-голубой цвет. Бронзовое вещество Пути вокруг него вновь стало твердым, образовав углубление с гладкими краями и голубизной в центре. Углубление росло; Патриция не удержалась и охарактеризовала процесс как заживление пространства-времени после неестественного вмешательства.

По окружности голубого пятна она рассмотрела искаженные, словно увиденные рыбьим глазом, очертания чего-то длинного, яркого и плывущего в окружении массивных темных объектов.

– Ворота открыты, – сказал Рю Ойю, тяжело опустив плечи. Он поместил клавикулу обратно в держатель и распрямил руки. – Теперь выясним, что находится по ту сторону.

– Мы войдем туда? – спросила Патриция.

– Нет, – с ноткой веселья ответил Смотритель Ворот. – Мы пошлем одного из наших механических друзей. Он сообщит нам о том, что увидит, и мы сможем принять решение без непосредственного риска для жизни.

Чаша силового поля подняла их к вершине помоста. Рю Ойю жестом показал Патриции, чтобы она шла впереди, и они присоединились к остальным возле рабочей зоны.

Кубический монитор размером, примерно, в метр – до-

статочно большой для подобных устройств – подплыл к новому склону и прошел через решетку помоста. Он бесшумно скользнул в углубление и через ворота. Йетс включил пиктор и настроил его на сигналы монитора, передаваемые трансляторами у помоста.

Лэньеру показалось, что Патриция стала выше ростом. Она выглядела более уверенной в себе, более спокойной. Сжав его ладонь обеими руками, она улыбнулась и прошептала:

– Я могу это сделать. Я это чувствую. Я смогу пройти.

Изображение, передаваемое монитором, еще не сфокусировалось. Йетс переводил пиктограммы, содержавшие информацию об условиях по ту сторону.

– Монитор находится в высоком вакууме, – сказал он, – с очень низким уровнем излучения. Если мы действительно в другой секции Пути, поток там, в основном, неактивен и стабилен.

– Там, похоже, вообще нет никакого потока, – заметил Рю Ойю, сосредоточенно нахмурившись.

Изображение прояснилось.

– Потрясающе, – спокойно сказала сенатор Ойю.

В каждой точке, где ворота пересекали Путь, туннелеобразная вселенная расширялась до диаметра, по крайней мере, в пятьдесят тысяч километров.

– Геодезический дрейф, – предположила Патриция.

– Что ж, возможно и так, – сказал Рю Ойю. – Но это может

и не быть чем-то неотъемлемым.

Лэньер даже не стал просить объяснений; он сомневался, что сможет в них разобраться.

Путь был заполнен циклопическими сооружениями, черными кристаллическими массами длиной в тысячи километров. Некоторые из которых свободно плавали, отбрасывая широкие тени на противоположные стены Пути, проходя перед яркой змееподобной плазменной трубкой.

– Притяжение на поверхности составляет около одной десятой земной силы тяжести, – сообщил Йетс. – Параметры существенно отличаются, Рю. Не полагаете ли вы, что это другой Путь, не наш?

– Есть ли у нас основания считать, что кто-то еще мог создать вселенную, подобную этой? – спросил Смотритель Ворот.

– Нет, – согласился Йетс.

– На Путь оказало большое влияние наше собственное наследие. Мы сделали его цилиндрическим, и я сильно сомневаюсь, что другие могли бы его скопировать, если только не располагали безграничными возможностями.

– Тем не менее, такая форма удобна, практична, если предполагается вести торговлю...

Рю Ойю согласился, отрывисто кивнув. Казалось, он был сердит, разглядывая результаты своей работы.

– Очень странно, – пробормотал он. – Здесь нет явно выраженного потока, и плазменная трубка абсолютно непра-

вильной формы. Я бы сказал, что имело место вмешательство.

– Джарты?

– Нет. Эти сооружения нехарактерны для джартов. Я не уверен, что смогу представить себе их практическое применение – это либо геометрические искажения, пространственно-временные возмущения, центры кристаллизации, или... – Он покачал головой. – Или это вне нашего понимания. И, кроме того, я очень сомневаюсь, что джарты смогли продвинуться столь далеко. Это пересечение – если это пересечение – должно быть за отметкой один экс пятнадцать – свыше ста световых лет вдоль Пути.

– Тогда там не может быть никаких ворот, – заявила Патриция.

Йетс поднял брови.

– Почему?

– Потому что это место лежит за нашей Вселенной, во времени. Ворота должны открываться в... – Она подняла руки. – В ничто. В никуда.

– Не обязательно, – возразил Рю Ойю. – Но это интересная мысль. Путь приспособлен к условиям эпохи своего происхождения. Когда он проходит там, где эти условия отсутствуют, он может сам собой приспособиться к другим условиям.

– Может ли Аксис когда-либо оказаться так далеко? – спросила Прешидент Ойю.

– Не знаю. Если там нет потока... это будет сложно. Если,

начиная с определенной точки, поток отсутствует...

– Путь поддерживает сам себя, – закончил Йетс.

– Несомненно. Он не требует оборудования шестой камеры или какой-либо связи с Пушкинкой.

– Он выглядит пустым, – сказал Лэньер, не уверенный, что ему стоит вступать в дискуссию. – Я не вижу там никакого движения.

Йетс дал команду монитору показать окрестности. Изображение увеличилось, демонстрируя циклопические кристаллы во всех подробностях. Путь был заполнен ими; некоторые парили, заполняя пространство в десятки тысяч километров, и плазменная трубка извивалась вокруг них.

Все структуры – даже свободно плавающие – были покрыты куполообразными дисками, каждый из которых защищал ярко выраженный пузырь открытых ворот. Изображение увеличилось еще в несколько раз. Мерцающие полосы света густой сетью соединяли частые проходы. Там было движение – но совершенно иного рода, чем они когда-либо видели.

Снова замелькали пиктограммы.

– Потока определенно нет, – подтвердил Йетс. – Путь в этой точке полностью стабилен и автономен.

Патриция, казалось, была в полусне. Она снова в своем рабочем состоянии, понял Лэньер. Она изо всех сил пыталась понять, что происходит, и это было полностью вне его понимания.

– Здесь есть причинная связь, – хрипло сказала она.

– Что? – спросил Лэньер, вопрошающе глядя на других и поддерживая ее за локоть. Она широко открыла глаза и уставилась на него.

– Если Аксис будет двигаться с околосветовой скоростью вдоль Пути, именно это и произойдет – еще до начала путешествия. Путь лежит, в сущности, вне времени и должен воспринимать любое событие, происходящее в его пределах. Именно это и произойдет – особенно если конец со стороны Пушинки будет закрыт.

– Да? Продолжайте, пожалуйста... – поторопил Йетс.

– Она права, – сказал Корженовский. – Это совершенно очевидно. И есть кто-то – не люди, не джарты, даже не из нашей вселенной, – кто может воспользоваться преимуществом адаптации к местным условиям.

Рю Ойю широко улыбнулся.

– Боюсь, что для нас это не очевидно. Пожалуйста, продолжайте.

Патриция посмотрела на Инженера и почувствовала понимание. Что-то насчет нее самой. Корженовский кивнул.

– Вы прекрасно говорите, – подбодрил он.

– Мы видим пронесенные вдоль суперпространственных векторов результаты того, что должно произойти на Пути, – сказала она. – Я думала об этом до поездки на Тимбл, после беседы с бродягой. Если Аксис будет двигаться со скоростью большей, чем одна треть световой, это приведет к искрив-

лению Пути и создаст пространственно-временную ударную волну, которая превзойдет скорость света, двигаясь впереди него. Ударная волна будет распространяться вне времени, опережая вызвавшую ее причину. Ударная волна уже прошла эту точку – возможно, много веков назад, может быть, даже до того, как был открыт Путь. Что-то движущееся с околосветовой скоростью вдоль сингулярности, потока, растянет его сверх пределов прочности. В результате виртуальные частицы превратятся в энергию излучения, «испарятся». – Она глубоко вздохнула и закрыла глаза, видя перед собой математические уравнения даже тогда, когда говорила. – Путь был вынужден удлиниться, чтобы конфигурация его стала стабильной. Поток исчез.

Ольми молча слушал Корженовского и Патрицию. «Он гордится собой», – подумал Лэньер.

– В течение нескольких световых лет, пока Путь не удлинится и ударная волна не рассеется, все пространство впереди Аксиса станет стерильным. В этих сегментах не будет ничего, кроме города. Все существовавшее там будет уничтожено, все ворота – закрыты. – Она показала на кристаллические структуры. – Очевидно, Путь дошел до этой точки, и релятивистские объекты вдоль него никак ему не мешают.

Лэньер пытался понять, как мог поток исчезнуть еще до создания объекта, который должен был вызвать его «испарение». Он быстро запутался в противоречиях, но они, казалось, не беспокоили ни Корженовского, ни Смотрителей Во-

рот.

– Вы можете быстро подготовить документацию?

– С помощью сера Корженовского, – согласилась она.

– Тогда мы узнаем большую часть того, что требуется, – сказал Рю Ойю. – Мы сможем представить наш отчет президенту. Его фракция может делать с этим все, что пожелает. – Он улыбнулся. – То, что, видимо, им придется сделать.

Перед монитором охраны появились ярко-красные пиктограммы, сигнализируя об экстренном сообщении. Ольми пошел принять его. Он вернулся с торжествующим выражением лица. Это было парадоксально, учитывая то, что он сказал затем.

– Джарты открыли ворота у отметки один экс девять и отрезали последний пост охраны. Нам навстречу движется на максимальной скорости масса плазмы – она, примерно, в семи часах отсюда. Нужно уходить.

Прешиент Ойю посмотрела на отца.

– Гешели не позволят джартам оттеснить их, – сказала она.

– Значит, у президента теперь нет выбора, верно? – заметил Рю Ойю. – Путь сам пишет свою судьбу, так же как и джарты. Он должен взять себе свои сектора, а мы должны взять свои, и следовать каждый своим путем.

Глава 63

Мирскому и трем другим «дезертирам» предоставили небольшие сферические жилища в Лесу Центрального Города. К ним были приставлены три гешеля-неоморфа – две женщины и один неопределенного пола, – чтобы помогать им и руководить их краткосрочным обучением.

Мирский сидел в своей сфере, настроенной на различные каналы пиктографической информации – часть ее переводили дубли-педагоги их кураторов. Он и Родженский согласились на временные импланты, чтобы ускорить обучение. Они смотрели, слушали и мало говорили. Родженский постоянно находился рядом, в то время как Римская – американец с женской фамилией – держался поодаль. Других он почти не замечал. Они были слишком мелкими частями громадной головоломки.

Кураторы пришли к ним в воплощенном виде, чтобы не вызывать тревоги, и дали короткие, крайне насыщенные уроки, во время которых гости поглощали столько информации, сколько были в состоянии воспринять.

В воздухе висело ощущение напряженности; за исключением кураторов, гешели почти не обращали на них внимания. Лес опустел, большая часть его обитателей находилась на новых рабочих местах, готовя сектора к тому, что должно было произойти.

Сообщения дальних постов охраны достигли разделенного Аксиса. Джарты открыли ворота и позволили плазме из глубин звезды вторгнуться в пределы Пути.

Для того, чтобы разрушение достигло конца Пути, требовалось около семидесяти часов, но обитатели гешельских секторов Аксиса должны были принять решение быстро. Если они хотели остаться на Пути и не отдать его джартам, они должны были разогнать свои сектора до скорости, по крайней мере, в одну треть световой, прежде чем их встретит фронт плазмы.

После попадания звездного вещества внутрь Пути температура плазмы должна была опуститься существенно ниже уровня плавления, но все еще оставалась бы в пределах девятисот тысяч градусов. Однако проход гешельских секторов должен был это изменить.

Когда они столкнутся с фронтом, пространственно-временная ударная волна должна размазать сверхгорячую плазму в тонкую пленку. Пленка, температура которой намного выше температуры плавления, должна была затем заполнить Путь еще более мощной плазмой. В результате Путь превратился бы в туннелеобразную новую звезду.

Мирский, пытавшийся следить за публичными дискуссиями, считал эти планы безумным бредом. Погибнет он или нет, не столь важно; он находился в центре грандиозного плана, намного более грандиозного, чем он мог когда-либо представить.

Политики-гешели, которым сепаратисты предоставили свободу, строили сумасшедшие планы. Достаточной защиты спереди и сзади, чтобы предохранить сектора от потока жесткого излучения, не было; это могло бы перегрузить четыре главных генератора потока, которые им оставили, а они и так были достаточно нагружены из-за контакта с потоком на высоких скоростях. Можно ли было создать эту защиту?

Да, решили физики, но лишь в некоторой степени.

Требовалась также защита канала, через который проходил поток. Сам поток должен был излучать очень высокий уровень смертельной радиации. Можно ли обеспечить всю необходимую защиту?

Да, но с еще большими оговорками.

Несмотря на все сомнения, между жителями сектора наблюдалось удивительное согласие. Они не хотели возвращаться на Землю, они смотрели в будущее, а не в прошлое. И, в течение веков сражаясь с джартами, они отнюдь не собирались отдавать им Путь сейчас.

Римская, бродивший по Лесу, избегал всех этих подробностей. Он исступленно молился, не обращая внимания на тех, кто его видел, и на их реакцию. Основное, что его беспокоило – услышит ли Бог молитвы, произносимые вне нормального пространства-времени? Наступит ли момент, когда он полностью будет отрезан от Бога?

Приставленная к нему женщина-гомоморф по его просьбе держалась в отдалении, понимая, что она мало что может

сделать для его успокоения.

Для нее его вопросы относились к мертвым знаниям, будучи столь же бессмысленными, как вопрос о том, сколько ангелов может поместиться на кончике иглы.

Ожидая, когда до них дойдут новости об окончательном решении, Мирский и Родженский плавали в нескольких метрах друг от друга среди зелени. Переплетение светящихся змей освещало обширную трехмерную поляну вокруг их жилищ, отбрасывая на них тень листьев.

Мирский внимательно разглядывал молодого ефрейтора, отмечая румянец на его щеках, восхищенную улыбку, радостный взгляд. «Будущее для него как наркотик», – подумал Мирский. Было ли оно таким же и для него самого?

– Я так мало понимаю, – признался Родженский, подтягиваясь по ветке ближе к Мирскому. – Но я чувствую, что смогу понять – и они так хотят нам помочь! Мы им кажемся странными – вам не кажется? Но они рады нам!

– Мы для них нечто новое, – согласился Мирский. Он не хотел делиться с ефрейтором своими опасениями. Его сердце каждый раз начинало биться быстрее, когда он думал о том, что им предстояло.

К ним подплыла женщина-гомоморф, прикрепленная к мрачному американцу.

– Меня беспокоит ваш друг, – сказала она. – Мы думаем о том, как вернуть его к вашим людям... Он не согласится, но я полагаю, что он принял неверное решение.

– Дайте ему время, – посоветовал Мирский. – Мы все слишком многое оставили позади и все будем очень тосковать по дому. Я поговорю с ним.

– Я тоже, – с энтузиазмом подхватил Родженский.

– Нет, – сказал Мирский, подняв руку. – Только я. Мы беседовали, когда я вел переговоры с американцами, и мы оба согласились на это добровольно.

Родженский смущенно согласился, коротко кивнув.

Мирский постучал по жемчужного цвета полупрозрачной сфере. Изнутри послышался голос Римская, сказавший по-английски:

– Да? Что?

– Это Павел Мирский.

– Больше никаких разговоров, прошу вас.

– У нас мало времени. Или вы сейчас же возвращаетесь обратно, или подчиняетесь нашему решению.

– Оставьте меня в покое.

– Я могу войти?

Дверь сферы раздвинулась, и Мирский вошел внутрь.

– Они скоро уходят, – начал он. – После старта выбора уже не будет – вы останетесь здесь навсегда.

Римская выглядел ужасно – бледный, с торчащими во все стороны рыжими волосами, с четырехдневной щетиной на лице.

– Я остаюсь, – сказал он. – Я уже решил.

– То же я сказал и вашему куратору.

– Вы говорили от моего имени?

– Нет.

– Какое вам, собственно, дело, воскресший из мертвых? Вас совершенно не волнует та ситуация, что ваши же люди пытались вас убить. Что касается меня, я отказался от... от ответственности, лояльности.

– Почему? – спросил Мирский.

– Черт побери, не знаю.

– Может быть, я знаю.

Римская с сомнением посмотрел на него.

– Вы хотите увидеть конечный результат, – объяснил Мирский.

Римская молча смотрел на него, ничего не подтверждая и не отрицая.

– Вы, я, Родженский, может быть, даже эта женщина – мы все плохо приспособлены к жизни. Нам не хватает одной жизни, и мы стремимся дальше. – Он протянул руку. – Я всегда хотел увидеть звезды.

– Вы хотели увидеть звезды и отправились в космос, чтобы воевать! – отрезал Римская. – Мы не знаем, что увидим – и увидим ли вообще что-нибудь, кроме этого унылого коридора. – Он закрыл лицо руками. – Всю жизнь я был твердолобым упрямым. Все считали меня бесстрашной старой... задницей. Математика, социология и университет. Моя жизнь была заключена в четырех стенах. Когда меня послали на Камень – Господи, какие впечатления! А затем

эта возможность...

– Мы знаем, что это будет интересно, намного интереснее, чем могло бы быть на Земле.

– Другие возвращаются, чтобы спасти Землю, – сказал Римская, крепко сжав кулаки.

– Это делает нас безответственными? Возможно. Но не более, чем всех остальных людей в этой части города.

Римская пожал плечами.

– Так или иначе, я принял решение и не изменю его. Не беспокойтесь; со мной все будет в порядке.

– Это все, что я хотел услышать, – сказал Мирский.

– Вы носите имплант, который они вам дали? – поинтересовался Римская.

Мирский оттянул вперед правое ухо и повернул голову, показав имплант.

– Свой я еще не выбросил, – сказал ученый. Он разжал кулак, показывая устройство размером с земляной орех.

– Он вам понадобится.

Мирский мгновение помедлил, и американец медленно поднес имплант к голове, прикрепил его за ухом.

Глава 64

– Здесь мы расстанемся, – сказал Рю Ойю дочери и Йетсу. Он протянул руку, и сенатор сжала ее обеими ладонями. Ольми, Патриция и Корженовский ждали рядом с диском.

– Что он собирается делать? – спросила Патриция.

– Он уходит через ворота, – сказал Ольми. – Его будут сопровождать тальзит и один из франтов. Все остальные пойдут с нами.

– Он не выживет, – прошептал Лэньер. – Они не смогут взять с собой достаточно еды, кислорода – на подготовку нет времени...

– Он не пойдет туда во плоти, – объяснил Ольми. – И никто из них. Они передадут свои личности специальному роботу и смогут заниматься исследованиями столько, сколько пожелают – открывать ворота, ждать, доберется ли сюда Аксис. У них запас энергии на миллионы лет.

Прешиент Ойю медленно покачала головой, глядя на отца.

– Ты многое дал мне, – сказала она. – Это будет нелегко – знать, что мы не сможем с тобой поговорить... никогда.

– Отправляйся вместе с гешельскими секторами. Мы, может быть, снова встретимся очень далеко отсюда. Кто знает, каковы будут их планы, если все получится. И, кроме того, кто-нибудь всегда сможет открыть эти ворота, найти нас...

– Никто никогда не найдет эти ворота, – возразила она. – Только ты мог сделать это.

– Это правда, – поддержал ее Йетс. – Это могли только вы. Рю Ойю кивнул в сторону Патриции.

– Корженовский или женщина с Земли. Они могли бы... но Корженовский возвращается на Землю, а она отправляется на поиски чего-то еще более неуловимого. Что ж, во всяком случае, ничто не окончательно.

– Для меня окончательно, – сказала Прешиент Ойю. – Я возвращаюсь на Землю. Ради этого мы работали.

Она отпустила руку отца.

Смотритель Ворот изобразил символ: Земля, голубая, зеленая и коричневая, живые яркие облака и окружающая планету спираль ДНК, а вокруг упрощенное уравнение, которое Корженовский нашел в одной из старых работ Васкес.

Тальзит в своем холодном пузыре и фронт в белых одеждах, символизирующих расставание навсегда, стояли позади Рю Ойю. Прешиент Ойю подошла и поцеловала отца, затем вернулась к стоявшим возле диска.

Смотритель Ворот и его спутники направились к холму вокруг новых ворот.

– Он исполняет обещание, данное Гексамону, – сказала Прешиент Ойю, когда диск сомкнулся вокруг них. – Он поведет за собой Аксис, если тот последует за ним.

Она протянула руку к Патриции, глаза которой снова были мокрыми, и коснулась ее щеки. Сняв слезинку, Прешиент

Ойю поместила ее на свою щеку.

Ольми направил диск из терминала к ожидавшим их кораблям.

Оба корабля: служебный и патрульный, на котором они прибыли – ушли с потока и висели, поддерживаемые силовыми полями. Это была предосторожность на случай, если с севера пойдут эвакуирующиеся корабли. Ольми быстро сделал выбор: им была необходима скорость, а корабль охраны был меньше и быстрее.

Они должны встретиться с разгоняющимися секторами, прежде чем те достигнут одной трети световой скорости. Далее будет два пути: сектора могут на короткое время убрать генераторы и захваты потока и позволить кораблю пройти; или корабль должен сойти с потока, прижаться к стене и выдержать натиск волны частиц и атомов, движущейся впереди города.

Но до встречи с секторами Ольми должен был выполнить обещание, данное Патриции.

В пустынной части Пути, где она скорее всего могла отыскать нужные ей геометрические сосредоточения, ее нужно было направить с клавикулой к поверхности Пути. Времени было очень мало – фронт плазмы шел прямо позади них.

Йетс отвел Патрицию в изолированную секцию корабля и в последний раз проинструктировал, как пользоваться клавикулой.

– Помните, – закончил он, – у вас есть инстинкт и желание, но не очень много умения. У вас есть знания, но нет опыта. Вы не должны спешить; действовать надо обдуманно и осторожно. – Он сжал ее плечи и посмотрел ей прямо в лицо. – Вы знаете ваши шансы на успех?

Она кивнула.

– Не слишком большие.

– И все же вы готовы рискнуть?

Патриция, не колеблясь, снова кивнула. Йетс отпустил ее и достал из кармана маленькую коробочку.

– Когда я вложу клавикулу в ваши руки и передам ее функции вам, она увеличится до нормальных размеров. Она будет работать только для вас; если вы умрете, она превратиться в пыль. Пока вы живы, она будет служить вам – хотя чем она поможет вам, если ваш план удастся, я не знаю. Она открывает новые ворота только изнутри Пути, не снаружи. Она распознает наличие ворот, даже если они закрыты...

Йетс достал клавикулу, которая сейчас была не более двенадцати сантиметров в длину, и вложил ее в левую руку Патриции.

– Возьмитесь за рукоятки.

Она взялась за них большим и указательным пальцами обеих рук. Клавикула выбросила в направлении Йетса непрерывный поток красных символов.

– Сейчас она не узнает вас, – сказал он. – Она просит инструкций от своего последнего хозяина. Я активирую ее.

Он изобразил инструкции в виде пиктограмм-кодов.

Устройство медленно увеличивалось, пока не достигло того же размера, что и клавикула Рю Ойю.

– Теперь передаю управление вам.

Последовали новые закодированные инструкции, и Патриция ощутила внезапную волну тепла между собой и устройством.

Корженовский наблюдал за ними, стоя чуть поодаль. Лэньер плавал позади него.

– Теперь я могу говорить с ней, – удивленно сказала Патриция. – Я могу напрямую общаться с ней...

– И она может общаться с вами. Она активна, и вы – ее хозяйка, – пояснил Йетс. В голосе его прозвучала грустная нотка.

Корженовский подошел ближе.

– У меня есть некоторые мысли по поводу вашего поиска – некоторые технические предложения.

– Я с удовольствием их выслушаю, – улыбнулась Патриция.

С постоянным ускорением в двадцать же корабль двигался на юг вдоль Пути.

Фронт плазмы достиг шестидесятикилометрового отрезка, зарезервированного для последнего открытия ворот, ударился о барьеры и нарушил их тонкую геометрию. Первый барьер рухнул, и маленький оазис был испепелен; кольцо ко-

лодцев наглухо заплавилось, и поверхность Пути стала девственно гладкой.

Последние сообщения вдоль всей части Пути, контролируемой людьми, говорили об эвакуации. Миллионы граждан предпочли остаться в мирах, лежавших за воротами, а не выбирать между разделенными секциями Аксиса. Последняя торговля на Пути прекратилась, и ворота были наглухо закрыты, готовясь как к проходу гешельских секторов, так и к наступлению фронта плазмы.

Несмотря на близость плазмы, Ольми начал замедление. На корабле было два тупоносых флаера; Прешидент Ойю подготовила один из них для Патриции.

Патриция подошла к Лэньеру и крепко обняла его.

– Спасибо за все.

Лэньер хотел попросить ее не совершать необдуманных поступков, но не стал даже пытаться.

– Ты стала очень много для меня значить, – сказал он.

– Теперь я уже не ребенок, за которым надо присматривать? – спросила она, улыбаясь.

– Намного больше. Я... – Гарри отвернулся, стараясь убрать с лица озабоченное выражение, и покачал головой. – Ты немало значишь для меня, Патриция. – Он внезапно, сквозь слезы, рассмеялся. – Не знаю что именно, но немало.

– Хотите отправиться вместе с ней? – предложил Ольми, отплывая в сторону кормы. В каждой руке его был маленький черный сферический монитор.

– Что? – спросил Лэньер.

– Ей нужна помощь. Я иду с ней.

Прешиент Ойю увидела смущение Лэньера и пояснила:

– Будет создан ваш дубль. Монитор его изобразит. Конечно, он не сможет передавать информацию нам, поскольку мы уйдем дальше, как только отправим Патрицию.

– Дубли погибнут? – спросил Лэньер.

– Они будут уничтожены вместе с мониторами, – сказал Ольми. – Но с нами ничего не случится.

От сверхъестественных мыслей у Лэньера закружилась голова.

Я бы очень этого хотел, – прошептал он.

«Рамон читает «Тьемпос де Лос-Анджелес», Рита готовит обед к моему приходу. Я возвращаюсь домой. Пол ждет меня. Что я скажу Полу? «Ты не согласишься...» Или: «Я изменила тебе, Пол, но...» Или просто улыбнусь ему, и все начнется заново...»

Ольми и Лэньер – вернее, их дубли – сидели позади Патриции в кабине флаера. Она держала на коленях клавикулу. На экране плыла бесплодная, гладкая поверхность Пути. Патриция крепко сжимала рукоятки клавикулы, ощущая через них гиперпространство под поверхностью.

То, что ей было нужно, найти намного труднее, чем конкретную песчинку на пляже. Она искала вселенную без Гибели и без нее самой – ту, где Камень появился, но не вызвал

войну и где не было ее двойника.

Если такую вселенную найти не удастся (она не исключала эту возможность, хотя такое место должно было существовать и должно было отличаться от всех остальных), придется согласиться на вселенную, где Патриций будет две. Она готова была согласиться на все, что помогло бы ей попасть домой. Она посмотрела на фантома Лэнгера, и он улыбнулся ей ободряющей и вместе с тем неуверенной улыбкой.

И внезапно, без какой-либо причины, без какой-либо уверенности в успехе, она почувствовала себя прекрасно. Патриция Луиза Васкес существовала словно в пузыре радости, независимая от всего, что происходило до сих пор, не заботясь о том, что произойдет после. Она никогда не испытывала подобного. Это не было ни самонадеянностью, ни эйфорией – просто оценка всего того, что она испытала, исполнение ее всегдашнего стремления быть не такой, как все. Не жить спокойной жизнью, а всецело отдаваться самым невероятным испытаниям, какие только можно было себе представить. Хотя мир оставался неизменным, она давно решила, что должна создать эти невероятные условия у себя в голове. А потом мир перевернулся вверх ногами. Вселенные каким-то невероятным образом перемешались и дали ей возможность испытать то, что до сих пор было лишь видением в ее голове, ставшее еще более чудесным, странным и преувеличенным благодаря истории, благодаря действиям десятков миллиардов людей, и кто может сказать, скольких нелюдей?

Патриция вовсе не чувствовала себя изолированной или единственной в своем роде. Но она понимала, насколько необычной была ее жизнь. Уже исполнилась ее самая дикая и самая потаенная мечта.

«Все остальное – лишь приложение, – подумала она. – Даже возвращение домой».

Флаер мягко приземлился на поверхность Пути. Клавикула в ее руках издавала мягкое приятное гудение, сообщая, что им следует переместиться на несколько километров к югу. Патриция сказала об этом дублю Ольми, и он снова поднял флаер, чтобы совершить еще один короткий прыжок.

Корабль вновь с ускорением устремился на юг.

Она закрыла глаза, позволяя ощущениям, вызываемым клавикулой, струиться сквозь нее. Казалось, она видела нечто вроде собрания альтернативных вселенных, пробуя их на вкус, будучи их частью, но не могла осознать их. Она не могла ничего сделать, кроме как руководить клавикулой. Никаких детальных сведений о других мирах не передавалось – лишь сам факт их существования и основные характеристики.

Дубли не нуждались в защитном поле, но для нее Ольми подготовил силовой экран и окружающую среду. «Какая его часть присутствует здесь? – подумала она. – Что он почувствует, когда дубль уничтожится?»

Затем она обратила все свое внимание на клавикулу. Носовой люк открылся, и Патриция ступила на поверхность

Пути, окруженная гибким, слегка светящимся силовым полем. Лэньер и Ольми вышли следом, спокойно идя рядом с ней в глубоком вакууме.

– У вас есть примерно полчаса, – сказал Ольми; его голос передавался с монитора на ее ожерелье. – После этого интенсивность излучения достигнет опасного уровня. Вам хватит этого времени?

– Думаю, что да; надеюсь, что да.

Патриция проверила свою сумку и обнаружила, что все на месте: мультиметр, процессор, электронный блокнот и блоки памяти.

Она держала клавикулу перед собой, ведя поиск. В течение десяти минут она ходила вперед и назад, на север и на юг. Клавикула сообщала об огромном количестве альтернативных миров, которые Патриция пересекала с каждым своим шагом. Она отбрасывала почти все, стараясь не нарушить своих ощущений.

В течение следующих десяти минут она обнаружила линию длиной в несколько сантиметров, которая, казалось, отмечала точку, которую она искала. Она опустилась на колени; силовое поле мягко прогнулось. Клавикула сама перемещалась в пределах этого небольшого пространства; руки Патриции лишь завершали причинную связь.

Еще через пять минут она свела поиск к долям миллиметра. Информация из каждой отдельной вселенной была теперь намного более сложной. Патриция действительно была

близка к альтернативной Земле; примерно соответствовал и временной период – в пределах нескольких лет.

– Скорее, – сказал Ольми. – Фронт плазмы уже близко.

Это было очень сложно. Ее теория оказалась не настолько точной, как она надеялась. В пределах даже самых малых сегментов геометрического сосредоточения переплетались существенно различавшиеся миры. Теперь ей было понятно, почему Корженовский и его последователи с самого начала считали геометрические сосредоточения бесполезными.

Клавикула остановилась. Патриция не могла сказать, настроилась ли она достаточно точно на нужную точку, но она могла провести в поисках еще много дней и не приблизиться к цели. Она закрыла глаза и последний раз тронула клавикулу.

– Я готова.

– Тогда в добрый путь, – сказал Лэньер.

Она оглянулась, посмотрев на дубля, и благодарно улыбнулась.

– Спасибо тебе – за все.

Лэньер кивнул.

– Мы были очень рады тебе. Это было захватывающе.

– Да... действительно?

Патриция начала открывать ворота. На севере коридор заполнялся красноватым сиянием. С каждой секундой цвет сияния перемещался в более высокие области спектра – оран-

жевый, устрашающе зеленовато-голубой...

Свист клавикулы стал болезненно громким. Она увидела у своих ног клубящийся круг. Затем круг – чуть более метра в диаметре – начал светлеть, открывая искаженную картину голубого неба, каких-то ярких рыжевато-коричневых очертаний и воды...

У Патриции не было точных координат. Она знала, что должна оказаться на суше, но понятия не имела, где именно на Земле будет эта суша. Так или иначе, силовое поле должно ее защитить.

Дубль Лэньера прошел сквозь силовое поле и на прощание поцеловал ее. Его губы казались мягкими и теплыми.

– Идите! – скомандовал Ольми.

Она шагнула в ворота. Это напоминало скольжение вниз по склону холма. Все вокруг изгибалось и вращалось. Она отпустила клавикулу, но затем снова ухватила ее одной рукой. Слышался шум воды, что-то огромное и белое виднелось невдалеке, ослепительное солнце...

Лэньер и Ольми стояли лицом к надвигающемуся огню.

«Это не похоже на смерть, – подумал Лэньер. – Есть другое полное «я», которое избежит гибели даже сейчас. Но он никогда не испытает этих ощущений. Я никогда не смогу рассказать ему об этом».

Их окружало ослепительное сияние, яркость и жар которого становились невыносимыми. Ольми улыбнулся, наслаждаясь ощущением. Ему уже приходилось посылать дублей

на смерть, и он никогда не знал, что они при этом ощущали. Теперь он должен испытать это сам...

А настоящий Ольми так никогда об этом и не узнает.

– Мониторы смогут продержаться в потоке плазмы лишь долю секунды, – объяснил он Лэньеру. – Мы проведем краткий миг внутри звезды...

Лэньер, не чувствуя боли и не испытывая особого страха, повернулся лицом на север и посмотрел в сердце огненной волны, мчащейся к ним со скоростью шесть тысяч километров в секунду.

На то, чтобы насладиться ощущением, времени уже не было.

На корабле, шедшем в опасной близости от бушующей плазмы, Лэньер закрыл глаза и снова и снова повторял про себя, что он до конца выполнил свой долг и сопровождал свою подопечную до самого последнего мгновения.

Все еще сжимая в руках клавикулу, с сумкой через плечо, Патриция свалилась в воду с высоты пяти-шести метров.

Она даже не промокла. Оглушенная, она лежала на дне плавающего силового пузыря. Вода – река или канал – отнесла ее на несколько десятков метров от ворот. Она посмотрела вбок, чтобы увидеть, где находится.

Это было бесполезно. Яркая голубовато-белая струя ударила из ворот и превратила воду позади нее в пар, закрыв

все вокруг густым белым облаком. К счастью для Патриции и для всего расположенного в радиусе нескольких сотен метров, ворота закрылись навсегда за миллионные доли секунды.

Патриция легла на спину внутри пузыря, частично ослепленная, закрыв глаза рукой, и дрейфовала еще несколько минут, пока ее не прибило к песчаной отмели. К этому времени зрение уже почти восстановилось.

Встав, она с отчаянно бьющимся сердцем осмотрелась.

Она находилась на берегу широкого канала, по которому медленно текла грязно-коричневая илистая вода. На берегах рос высокий зеленый тростник. Небо было ярко-голубым, безоблачным – и очень ярко светило солнце.

После некоторых колебаний Патриция отключила силовой пузырь и глубоко вздохнула. Воздух был свежим, чистым и теплым.

Она стала тяжелее, чем была с тех пор, как покинула Тимбл, но на этот раз поддерживающего пояса не было. Сила тяжести вызывала неприятные ощущения.

Однако это несомненно была Земля, и Патриция оказалась не в послеядерной пустыне. Собственно, местность была удивительно знакомой. Она уже видела все это раньше... на библейских уроках, посещать которые ее в детстве уговорила Рита.

Прикрыв рукой глаза, Патриция посмотрела на запад.

На другом берегу канала, на плато, стояли гипсово-белые

пирамиды. До них было несколько километров, но они четко выделялись в чистом воздухе пустыни. Она ощутила мгновенное волнение.

Это Египет. Она сможет добраться из Египта куда угодно – это элементарно. Она сможет попасть домой.

Патриция обернулась. На шатких мостках, в тростнике, стояла маленькая худенькая темнокожая девочка, на вид десяти-одиннадцати лет, обнаженная, если не считать белой ткани, обернутой вокруг бедер. Ее волосы были заплетены во множество длинных тонких косичек; конец каждой украшал голубой камешек. Девочка разглядывала Патрицию с удивлением, смешанным со страхом.

– Эй! – позвала Патриция, с трудом взбираясь на песчаный берег. – Ты говоришь по-английски? Ты можешь объяснить, где я?

Девочка ловко повернулась кругом и убежала. На какое-то ужасное мгновение Патриции показалось, что она ошиблась во времени на тысячелетия... что оказалась в древнем Египте.

Затем она услышала отдаленный гул и взглянула вверх. Облегчение было настолько велико, что она чуть не вскрикнула. Это был самолет, вероятно, реактивный, летевший на большой высоте над пустыней.

Идя вдоль берега канала, сжимая в руках клавикулу и думая о том, не включить ли снова силовой пузырь – солнце начинало чересчур припекать, – Патриция нашла дорогу

и двинулась по ней. Пройдя через рощу финиковых пальм, она вышла к небольшому городку с белыми кубическими каменными домами, практически одинаковыми. На улице было очень мало людей; был полдень, и все, несомненно, отдыхали, ожидая, когда станет прохладнее.

Что-то беспокоило Пат. Раньше она об этом не думала, но теперь вспомнила...

Положив клавикулу на дорогу и прикрыв глаза от солнца, она снова посмотрела на запад. С этой точки было видно, что пирамиды окружены густыми рощами деревьев, она не могла сказать, каких именно. Что-то было не так. Что? Разве египетские пирамиды находились не в пустыне?

Сколько больших пирамид было в Египте? Три?

Она насчитала восемь пирамид, стоящих в ряд, уходящий к горизонту.

– Ошибка, – тихо прошептала она.

Глава 65

Лэньер плывал в носу корабля, довольный, что может побыть в одиночестве достаточно долго. Мимо проплывали несчетные тысячи километров – черные, золотые, неразличимые.

В конечном счете, он пришел к выводу, что в значительно большей степени обязан Земле, чем Патриции. И он не мог помочь ей завершить путешествие – по крайней мере, увидеть, что она в безопасности, – поскольку это было не его путешествие.

Осталась ли она в живых? Достигла ли своей цели?

Даже если ей все удалось на этом полуфантастическом, полукошмарном Пути из переплетенных вселенных, она теперь была столь же далеко от Лэньера – и столь же недостижима, – будто умерла.

Ольми подплыл к нему и вежливо откашлялся.

– Со мной все в порядке, – раздраженно бросил Лэньер.

– Я в этом никогда не сомневался, – сказал Ольми. – Я думаю, вам интересно будет узнать о той ситуации, в которой мы сейчас находимся. Мы оторвались от фронта плазмы. Излучение вполне терпимое – хотя, когда мы прибудем на место, я предлагаю пройти основательный физический сеанс тальзита.

– Что с секторами Аксиса?

– Мы связались с ними. Как мы и предполагали, они сейчас с ускорением двигаются в нашу сторону. Они согласились отпустить захваты и позволить нам пройти мимо.

– Мы сможем это сделать?

– Если немного повезет, то да, – сказал Ольми. – Они будут двигаться со скоростью, составляющей тридцать один процент световой.

– Полагаю, там будет на что посмотреть.

– Сомневаюсь, что мы многое сможем увидеть, – возразил Ольми.

– Это просто риторическое выражение.

– Да. Если хотите, можете поест. Сер Йетс собирается обедать и будет рад, если вы составите ему компанию.

– Когда мы встретимся с секторами?

– Через двадцать семь минут.

Лэньер сглотнул слюну и повернулся.

– Верно, – сказал он. – Я бы поел.

Однако ел он очень мало, бросая нервные взгляды на негуманоидов, уединившихся в силовых коконах, спящих или, наоборот, чересчур активных (змея с четырьмя головами быстро отрывисто кружилась в зеленоватой жидкости); на Прешидент Ойю, которая ответила ему откровенным взглядом; на Йетса, выглядевшего более человеком, чем кто-либо, наиболее естественного в своем поведении, и, тем не менее, остающегося Смотрителя Ворот.

Ольми молчал и не шевелился. Недалеко от него плавал в

паутине силовых линий робот, содержащий в себе восстановленную личность Корженовского, а также часть Патриции; процесс окончательного созревания продолжался.

Лэньер отодвинул недоеденный обед и сказал, что лучше подождет на носу. Ольми согласился.

Все вместе они двинулись вперед: Лэньер, Ольми, Йетс и странное U-образное существо по другую сторону канала, все еще окруженное своим карантинным полем. Позади отдыхали два франта, свернувшись клубком и выставив лишь шеи и головы.

Впереди черный и золотой цвета начали переходить в более теплые оранжевый и коричневый. Нарушенный движением поток пульсировал мягким розовым сиянием.

– Еще несколько секунд, – сказал Ольми.

Путь, казалось, раздулся во все стороны. Лэньер почувствовал покалывание в руках и тепло в глазах. Поток завибрировал и засветился голубым сиянием. Прозрачная носовая часть корабля начала темнеть, компенсируя яркий свет. Канал посреди корабля, через который проходил поток, вибрировал и дрожал.

«Еще несколько секунд жизни...»

Лэньеру показалось, что они взрываются. Он вскрикнул от боли и удивления и раскинул руки и ноги.

Потом все кончилось. Моргая, он отплыл к сетке силовых линий. Путь снова был черным и золотистым. Поток светился мягким розовым светом.

– Никаких повреждений, – сказал Ольми.

– Не совсем, – заметил Йетс, прижав руку к глазу – Лэньер ударил его локтем.

Гарри извинился.

– Ничего страшного, – сказал Йетс. – В некотором смысле это даже возбуждает. Не хуже тальзит-сеанса.

Позади них, с ускорением в четыреста же, связанные друг с другом Аксис Надер и Центральный город встретили фронт плазмы ударной волной пространства-времени, начав процесс превращения Пути в вытянутую новую звезду.

Уровень излучения за пределами корабля резко возрос.

Заряды по периметру седьмой камеры были уже установлены. Инженеры прошли по всей Пушкинке с последней инспекцией и проверили оборудование шестой камеры. Когда астероид отделится от начала Пути, оборудование шестой камеры испытает страшный удар – закончатся его функции как стабилизатора Пути и внезапно резко возрастет роль сдерживателя разрушительных сил внутри камер.

Сектора Аксис Торо и Аксис Евклид продвинулись на сто тысяч километров на север от седьмой камеры. Внутри цилиндров царило невероятное замешательство. Большинству граждан Аксиса – надеритам всякого толка и неожиданно большому числу гомоморфов-гешелей – были выделены новые жилища. Мало кто был хорошо знаком со своими новыми секторами. Чувствовалось ощущение праздника, триум-

фа, но вместе с тем и тяжкое беспокойство.

Сотни землян заполняли процедурные залы под наблюдением врачей-гешелей и адвокатов.

Мужчина-гомоморф – Хоффман отметила это слово и добавила его к своему быстро растущему словарю – брал анализы у группы из двадцати землян. Она была седьмой в очереди. Для каждого у него была в запасе улыбка и несколько хорошо подобранных ободряющих слов. Он был симпатичным, но не в ее вкусе – слишком отточены манеры, – и не очень отличался от десятка других гомоморфов. Возможно, она просто привыкла к широкому разнообразию физиономий ее времени, когда неизбежные дефекты – искривленный нос, излишняя полнота, неровные зубы – создавали средневековый карнавал черт.

Когда анализы были собраны, он достал из плавающего в воздухе ящичка чашу в форме лица.

– С помощью этого устройства производится ряд медицинских тестов, – сказал он. – Они также проводятся добровольно – но ваше сотрудничество очень нам поможет.

Все согласились, глядя в чашу и наблюдая в течение нескольких секунд смесь сложных изображений.

Во время процедур у Джудит возникало ощущение не грядущих несчастий и рабства, а товарищества. У многих из обслуживающего персонала гордо реяли над плечом изображения флагов – Индии, Австралии, Китая, Соединенных Штатов.

тов, Японии, СССР и других стран. Все хотели – даже страстно желали – говорить со своими подопечными на их родном языке.

Когда медицинское обследование было закончено, их отвели к ряду лифтов, расположенных с одной стороны зала. Энн Блейкли, бывшая секретарша Лэнъера, а ныне секретарша Хоффман, подошла к ней, отделившись от другой группы. С ней была Дорин Каннингэм, бывшая глава службы безопасности научного комплекса.

– Все очень волнуются, – прошептала Каннингэм.

– Только не я, – возразила Джудит. – Я чувствую себя так, словно присутствую на каком-то празднике. Теперь власть переходит к большим людям. О, Господи.

Она только что заглянула в лифт. Там не было пола. Даже после объяснений и демонстраций обслуживающего персонала требовалось некоторое усилие, чтобы заставить себя шагнуть вперед.

Они повисли друг на друге, пока группа из шестидесяти человек опускалась вниз. Каннингэм не открывала глаз. Большинство русских были готовы к самому худшему, сказала она Хоффман, и мрачный пессимизм позволил им сохранить самообладание.

– Кто-то говорил мне, что некоторые из наших людей дезертировали, – сказала Хоффман, не отводя взгляда от спины впереди нее.

Стены лифта были слишком однообразны для того, что-

бы почувствовать движение, и она не испытывала никаких ощущений, неприятных или каких-либо других, но путешествие, тем не менее, ей не нравилось.

– Как я слышала, четверо – двое русских и двое американцев, – подтвердила Энн.

– Кто-нибудь знает, кто именно?

– Римская, – сообщила Каннингэм. – И Берил Уоллес.

– Берил... – Джудит подняла брови и покачала головой. – Я не ожидала от нее... или от Римская. – Было ли у нее ощущение, что они ее предали? Это просто смешно. – Что насчет русских?

– Один из них – Мирский, – сказала Энн. – Я не помню вторую фамилию.

Мирский вовсе не удивил ее. Она очень хорошо понимала чужих, но не людей из своей собственной команды. Нельзя слишком много требовать от главного администратора.

Жилища были разбросаны по секторам. Их встретили другие гомоморфы; группы были разделены и препровождены в квартиры, находившиеся на разных уровнях.

– Вы будете жить по трое, – сообщил сопровождающий. – Места сейчас не хватает.

– Вместе? – спросила Каннингэм у Хоффман и Блейкли.

– Вместе, – ответила Джудит. Блейкли кивнула.

Группа из двенадцати человек быстро уменьшалась по мере того, как служители размещали их по свободным квартирам. Они были последними; их сопровождала женщина-го-

моморф с изображением русского флага над плечом. Жилище находилось в самом конце длинного, плавно изгибающегося цилиндрического коридора. При их приближении зеленые цифры над дверью ярко засветились.

Комнаты были маленькими и почти пустыми. Сопровождающая проинструктировала их, как пользоваться службой информации, затем пожелала всего доброго и удалилась.

– Такая спешка, – покачала головой Блейкли.

– С тех пор как мы отстранены от всех дел, – сказала Хоффман, – мы вынуждены подчиняться; так или иначе, придется приспособливаться.

Некоторое время они оживленно обсуждали с приставленным к ним фантомом из библиотеки интерьер. У них было несколько часов перед Отрывом, как его называли; Хоффман использовала это время, чтобы связаться с остальными, кого поселили в этом секторе.

Блейкли и Каннингэм тем временем решили выбрать обстановку, которая придала бы помещению некоторый цвет и форму и зрительно увеличила бы пространство. Джудит Хоффман присоединилась к ним, чтобы изучить оборудование и попробовать еду, которую выдавала автоматическая кухня в углу.

Граждане и люди с Земли, как проинформировал их фантом, смогут наблюдать Отрыв почти во всей его полноте. Мониторы, размещенные по всей Пушинке, будут передавать подробное изображение всех событий и их результатов; каж-

дый, если хотел, мог занять вращающееся кресло.

Поев и наигравшись с оборудованием квартиры, три женщины сели перед терминалом, наблюдая за происходящим в астероиде и в секторах.

Картины были даже слишком реалистичными. Через несколько минут Каннингэм отвернулась от дисплея и начала бесконтрольно смеяться.

– Это так забавно, – сказала она, сжимая руками щеки и падая на ковер с восточным узором. – Это просто ужасно.

То же началось и с Блейкли.

– У нас истерика, – констатировала она, и это вызвало у обеих новый приступ. – Мы понятия не имеем, что происходит.

– О, я имею, – спокойно сказала Хоффман.

– Что? – спросила Каннингэм, стараясь быть серьезной.

Хоффман сложила пальцы в кольцо и посмотрела сквозь него на подруг.

– Взорвать один конец – конец, который никто никогда не пытался просверлить. Северный полюс.

– О, Господи, – простонала Каннингэм; ее истерический смех прошел так же быстро, как и начался. – Что бы произошло, если бы мы попытались просверлить там скважину? Куда бы мы при этом попали?

– Взорвать Северный полюс, – продолжала Хоффман, игнорируя вопрос, на который не было ответа, – и оторвать Камень от коридора. А после этого...

– Что? – спросила Энн, ошеломленная и тоже очень серьезная.

– Эта половина города покинет коридор. Мы превратимся в космическую станцию.

– А Камень? – поинтересовалась Каннингэм.

– В еще одну луну.

– Мы вернемся на Землю? – спросила Блейкли.

Хоффман кивнула.

– Черт побери, – сказала Элен. – Это... Я не знаю, что это. Волшебная сказка. Может быть, это день воскрешения из мертвых. Как они это назвали? Вознесение. Мертвецы, возносящиеся на небо с автострад. Люди, покидающие свои машины прямо сквозь крышу. – Она в замешательстве вновь повернулась к дисплею. – Это не имеет смысла, верно? Никаких автострад, никаких машин. Только ангелы, спускающиеся с неба.

Хоффман глубоко, судорожно вздохнула.

– Вы правы, – сказала она. – Это волшебная сказка.

Внезапно она разразилась смехом, и не могла остановиться, пока у нее не заболело в груди и лицо не стало мокрым от слез.

За час до запланированного отрыва Розен Гарднер изобразил личное сообщение для Хоффман, прося разрешения нанести визит. Несколько минут спустя он лично появился у дверей квартиры – «воплощенный», вспомнила Хоффман.

Она пригласила его войти. К этому времени женщины снова обрели некоторый контроль над собой.

Политическая деятельность Гарднера на благо разделенного Гексамона и надеритов, как он объяснил, больше не была нужна. Он добровольно согласился представлять в Новом Нексусе интересы людей Земли и выбрал Хоффман как наиболее здравомыслящего человека для переговоров. Он предложил ей постоянно быть в курсе событий, связав ее с его личной памятью и службой информации.

Время отдыха закончилось, не без сожаления подумала Джудит. Она снова кому-то нужна.

– Кроме того, я принес новости, – сказал Гарднер, стоя рядом с ней и заложив руки за спину.

Она начинала понимать ортодоксальных надеритов – почти по-рыцарски преданных, подобно некоторым политикам-консерваторам, с которыми ей приходилось иметь дело на Земле. – У нас есть сведения о Патриции Луизе Васкес и о четверых, которые были посланы на ее поиски.

– Да?

– Трое вернулись в наши сектора. Это Лоренс Хайнеман, Карен Фарли и Ленора Кэрролсон. Мне стыдно признаться, но их некоторое время держали в плену гешели в Аксис Надере и Центральном Городе. Они были освобождены незадолго до того, как гешельские сектора начали разгоняться. Они вскоре присоединятся к вам.

– А остальные?

– Патриции Луизе Васкес была дана возможность найти дорогу домой, – продолжал сер Гарднер. – Я точно не уверен в том, что это означает; известные мне детали весьма отрывочны. Она и Гарри Лэньер были задержаны и отправлены вместе со Смотрителем Ворот и его группой к отметке один и три экс девять; многие из этой группы, включая Лэньера, сейчас двигаются обратно и успешно разминулись с ускоряющимися секторами. Однако они не успеют присоединиться к нам.

Джудит понятия не имела, что такое «смотритель ворот», и не считала возможным спрашивать. Это можно было выяснить позже.

– Они собираются покинуть коридор?

– Не знаю, – сказал Гарднер. – Их лидеру, серу Ольми, было сообщено о наших планах. Он считает, что они смогут опередить закрытие Пути, но их задержали остановки у некоторых ворот, открытых вновь, чтобы отправить через них спутников-негуманоидов.

Хоффман молча воспринимала новости, слегка похлопывая левой рукой по ноге. Она предполагала, что четверо исследователей и Васкес погибли или пропали без вести в царившей суматохе, и на какое-то время заставила себя забыть о них. Теперь ей снова было о ком беспокоиться, мало что зная об опасностях, которым подвергались коллеги, или об их шансах на успех.

– Время «ноль» наступит через сорок три минуты, – ска-

зал делегат Гарднер. – Кстати, думаю, я должен сообщить вам, что к гражданам Гексамона приставала небольшая группа ваших. В кварталах Аксис Торо происходит «дикая вечеринка». Некоторые из ваших женщин обменивают свои сексуальные прелести не знаю, на что именно. Я запретил доступ туда моих людей.

Хоффман удивленно посмотрела на него, не зная, что отвечать.

– Это разумно, – наконец сказала она. – Не знаю, кто кого в большей степени может испортить.

Внутри Камня

От одного конца до другого, по всем семи камерам, темнота и тишина. В первой камере после возобновления вращения собрались облака; в темноте начался дождь.

В скважинах – абсолютная тишина вакуума, и никакой деятельности, кроме пролетавших время от времени маленьких мониторов.

Во второй камере – легкий свист ветра, пока атмосфера восстанавливала свое равновесие. Большая часть окон была разбита, и некоторые здания – включая один мегаблок – рухнули, несмотря на усилия инженеров.

В третьей камере – почти то же самое, хотя ни одно здание не рухнуло. Мерцающее сияние все еще активных иллюзартовых окон в Пушкинке-городе напоминало рой светлячков.

В четвертой камере – затопленные леса и освобожденная

вода наконец примирились друг с другом. Комплексы, где раньше жил персонал восточного и западного блоков, были смыты, их обломки унесены в озера или разбиты о деревья возле берега.

Те, кто погиб, вторгшись на Камень или защищая его, продолжали лежать в своих могилах, ничего не видя. Их матрицы уплыли, личности исчезли, Таинства стали еще более таинственными.

Пятая камера – столь же темная и пустая, как глубокая пещера на Земле; слышался лишь вечный шум водопадов и рек.

Шестая камера – единственная, кроме седьмой, все еще освещенная плазменной трубкой, хотя свет ее был неуверенным и неустойчивым.

Плазменная трубка замигала и погасла. Это уже не имело значения. Подготовка была завершена, и лишь мониторы патрулировали просторы Пушкинки.

Седьмая камера. Ветер мягко дул со стороны купола, лениво шевеля заросли невысокого леса и ткань покинутой палатки. Часть палатки провисла – там, где упал столбик в момент остановки вращения. Все остальное, как ни удивительно, было почти не повреждено.

Детонаторы терпеливо ждали рядом с зарядами.

Объединенные сектора Аксис Торо и Аксис Евклид были слишком далеко, чтобы их можно было увидеть с этой точки без помощи мощного телескопа. Путь казался пустым,

бесконечным, вечным и безмятежным – величайшее, что когда-либо было создано людьми.

За пределами Пушкинки – черный космос, звезды, Луна и несчастная, разрушенная, обожженная, осажденная зимой Земля, где мало кто, если вообще кто-либо, думал об астероиде или о возможности спасения. Какое могло быть спасение после столь ужасающих бедствий и смерти? История прошла мимо них.

Восстановленные двигатели Бекмана готовились к участию в своем акте драмы, накапливая реактивную массу, чтобы выбросить ее наружу и дематериализовать, превращая в смешанное излучение. Они должны были смягчить удар при отделении и вывести Пушкинку на круговую орбиту вокруг Земли на высоте в несколько десятков тысяч километров.

Сектора Аксис Торо и Аксис Евклид начали ускоряться в явно самоубийственном стремлении разбиться о купол седьмой камеры. Внутри них двадцать девять миллионов человек – воплощенных и прочих – занимались различными делами, которыми занимаются люди в ожидании гибели или спасения.

Позади секторов, в полумиллионе километров дальше по Пути, резко замедлялся маленький патрульный кораблик; поток впереди него светился фиолетово-синим сиянием. Он должен был замедлиться до орбитальной скорости Земли к тому времени, когда последует за связанными секторами,

покидающими конец Пути – если он вообще сможет совершить такой подвиг.

Заряды, помещенные в стенах седьмой камеры, синхронизировались.

Захваты Аксис Торо и Аксис Евклида были убраны, и огромные цилиндры двигались на юг к куполу седьмой камеры со скоростью чуть больше сорока тысяч километров в час или одиннадцать километров в секунду.

Наступила микросекунда срабатывания детонаторов.

Шум, раздавшийся в седьмой камере, невозможно было описать. Миллиарды тонн камня и металла обрушились из семи точек, где были помещены заряды, и открылись огромные трещины наружу, в пустоту космоса.

Вокруг северного полюса астероида широким веером разлетелись пыль и обломки, за которым последовала яркая вспышка, более яркая, чем солнце. Сияние потемнело до красно-пурпурного оттенка. Семидесятикилометровая каменная глыба была отброшена от астероида. Астероид значительно медленнее отодвигался от своего отделенного конца, и на короткое мгновение между ними возникла дыра в пространстве, заполненная светом плазменной трубки, показывающим бесконечную перспективу...

Из которой вылетели соединенные сектора Аксис Евклид и Аксис Торо, чуть не пролетев мимо самого астероида и отодвинув обломки в сторону силовым полем. Сквозь угасаю-

щее сияние и вращающиеся осколки камня и металла, сектора вышли из зоны действия двигателей Бекмана. Затем двигатели сманеврировали, выводя Пушинку на орбиту.

Путь был теперь независимой сущностью. Дыра в пространстве начала затягиваться, окутанная тысячей разновидностей темноты – фиолетовой и цвета морской волны, карминовой и индиго, – давая выход ветрам более могучим, чем тысячи ураганов.

Путь закрылся.

Навсегда отрезав себя от этой вселенной.

Ольми сел и закрыл глаза. Йетс оживленно потирал руки. Сенатор Ойю казалась столь же хладнокровной, как всегда, но Лэньер заметил, что глаза ее беспокойно бегают по сторонам.

Если Прешиент Ойю хоть немного взволнована, а Ольми сидит безропотно смирившись с судьбой, то, решил Лэньер, у него есть все основания испугаться.

– Как вы думаете, у нас получится? – спросил он.

– Будем надеяться, – сказал Ольми, не открывая глаз.

Лэньер посмотрел в сторону носа.

Яркая вспышка семи одновременных взрывов уменьшила прозрачность носового купола. Теперь он прояснился и открыл начало Пути. Внутри светящегося кольца расплавленных обломков астероида и замороженных сосуллек водяного пара образовался черный круг.

Круг сжимался, поглощаемый радужным ничто, которое резало глаза: новый конец Пути.

А затем внутри уменьшающегося черного круга Лэньер увидел маленький белый серп. Он заморгал.

Луна.

Корабль завертелся в рвущейся наружу атмосфере. Радужное ничто почти выполнило свою задачу; казалось, им потребуется вечность, чтобы приблизиться к быстро сжимающейся черноте и серпу Луны.

От стен оторвались куски почвы и устремились к новой, перламутровой, границе, которая затмила Луну.

– О Господи, – сказал Лэньер. Он всплеснул руками и закрыл глаза.

Эпилог

Четыре начала.

1. Шестой год после Гибели

«И вся королевская конница, и вся королевская рать...»

Эта фраза часто приходила в голову Хайнеману, когда он пилотировал тупоносый флаер, облетая Землю. То, что не испепелила или не отравила сама Гибель, уничтожила Долгая Зима. Какое-то время казалось, что даже искусство, технология и мощь Нового Гексамона не в состоянии поправить положение.

Однако Ленора, которая уже четыре года была его женой, напомнила ему в один из самых худших, самых отчаянных моментов:

– Они сумели выкарабкаться даже без нашей помощи – наше присутствие должно заставить дела идти быстрее.

Но даже надежда и перспективы более светлого будущего не могли уменьшить горечь того, что он видел в течение одного дня разведки.

Индия, Африка, Австралия и Новая Зеландия и большая часть Южной Америки вышли из Гибели с не очень большим ущербом. Северная Америка, Россия и Европа были практически стерильны. Китай потерял четверть своего населения от ядерных ударов; еще две трети погибли от голода во время Долгой Зимы, которая пошла на убыль лишь сейчас, с помощью находящегося на орбите Аксиса. Юго-Восточная Азия погрузилась в анархию, революции и геноцид; разрушения здесь были тоже тотальные.

Пепелища, бесплодные равнины, покрытые снегом долины и холмы, которым вскоре предстояло стать ледниками; гонимые ветром серые густые тучи, отбрасывавшие черные тени на пустынную землю; континенты, отданные бактериям, тараканам и муравьям, и среди этой новой экологии – небольшое число разбросанных тут и там животных, которые когда-то называли себя людьми, когда-то жили в удобных домах, знали основы электричества, читали газеты, обменивались провинциальными взглядами на действительность...

У которых когда-то было время на такую роскошь как мысли.

От всего этого просто разрывалось сердце. Хайнеман начал думать о подобных себе – инженерах, ученых и техниках Земли – как об орудиях в руках самого Сатаны. Почти утраченная вера вернулась к нему с чувством мщениия. Лоренс знал, что серьезно испытывает терпение Леноры, но в

постоянных видениях Апокалипсиса, ангелов и вознесения он мог, по крайней мере, найти какое-то утешение, смысл. Если он когда-то был агентом Сатаны, то теперь – не меняя рода своей деятельности – стал агентом ангелов, тех, кто должен был сделать Землю раем...

Ленора пыталась снова и снова обратить его внимание на то, что инженеры в такой же степени ответственны за спасение Земли, как и за ее разрушение. Без орбитальных платформ и космической защиты Земля была бы полностью опустошена; западные и советские платформы уничтожили около сорока процентов всех снарядов.

Слишком мало, слишком мало...

И сколько детей, сколько животных, сколько невинных и...

Но, возразила бы Ленора, никто рожденный со ртом и потребностями не невинен...

Конечно, она часто бывает права.

Хозяева, которым он теперь служил, не были ангелами. Они были умными, всесильными, рассудительными; их лидеры были лишены невежественной слепоты лидеров Земли. Но, тем не менее, они отличались друг от друга, и иногда очень сильно.

Так что Хайнеман вместе со своей женой летал в небе Земли, составлял карты разрушений и надеялся, что наступит день, когда снова начнет расти трава и будут цвести цветы, когда растают снега и воздух очистится от радиоактив-

ности. Он тяжело трудился ради этого дня.

И он был предан своим новым хозяевам за то, что родился заново. В первый день после возвращения на Землю с ним случился тяжелый сердечный приступ.

Ларри Хайнеман жил в своем втором теле. Ленора уверяла его, что оно лучше прежнего.

У него были некоторые сомнения на сей счет, но это тело определенно чувствовало себя лучше.

Новозеландские сумерки, еще один эффектный закат на фоне моря. Над головой горел яркий сигнальный огонь Пушинки, а недалеко от него пересекла небо в противоположном направлении быстродвигающаяся точка орбитальных секторов.

Гарри Лэньер вышел из тальзит-палатки и увидел Карен Лэньер, беседующую у ограды с фермерами. Две недели назад фермеры привели в лагерь своих детей для тальзитского очищения; по крайней мере, они не произведут на свет монстров и не будут страдать от долговременных последствий радиоактивного облучения. Но среди взрослых все еще преобладали подозрения и недоверие; слухи об инопланетном вторжении и ордах летающих по небу дьяволов, казалось, странным образом подтвердились. То, что Карен была явно беременна – уже шесть месяцев – убеждало их, что они имеют дело с настоящими людьми.

Лэньер до сих пор не рассказывал их историю никому из

уцелевших землян. Кто смог бы воспринять столь невероятный и сложный рассказ, когда мысли всех были заняты проблемами выживания и здоровья своих детей, или овец, или сограждан?

Он стоял, сунув руки в карманы комбинезона, и смотрел на Карен, спокойно разговаривавшую с пастухами. Они жили и работали вместе с тех пор, как вернулись на Землю, и поженились два года назад. Их жизнь была насыщена делами, и они хорошо подходили друг другу, но...

Он все еще не был удовлетворен, не был свободен от разнообразных невротозов, которые приобрел за последнее десятилетие. Но, по крайней мере, он чувствовал, как стягиваются и заживают края его душевных ран, образуя шрамы, которые, возможно, даже разглядятся.

Лэньер принимал тальзит-сеансы лишь затем, чтобы очистить тело; их требовалось проводить не реже чем раз в шесть месяцев, чтобы предотвратить вредные последствия атмосферного загрязнения. Он не позволял себе удовольствие пройти ментальный тальзит-сеанс, несмотря на все настояния Ольми; в конце концов, он был заклятым индивидуалистом и предпочитал совершенствоваться в этой области самостоятельно.

Через несколько месяцев он и Карен, если удастся, должны присоединиться к Джудит Хоффман и Ольми и, может быть, даже к Ларри и Леноре. Они должны были загрузить свои временные импланты новыми учебными программами

и данными и работать вместе с делегатом от Земли Розеном Гарднером и сенатором от Земли Прешидент Ойю, координируя сложную задачу по очистке атмосферы и переселению уцелевших.

Как ни парадоксально, надеритам вскоре придется иметь дело с порождением их собственного кредо, которое быстро приобретало силу в регионах, еще не затронутых восстановлением.

Лэньер не слишком часто думал теперь о Пути или о пошедшем несколько лет назад. Его мысли были слишком заняты более непосредственными заботами.

Но то и дело он на мгновение закрывал глаза и снова открывал их. Он поворачивался к Карен и, встретив солнечную улыбку, проводил рукой по ее желтым волосам.

Не было смысла беспокоиться о тех, кто был дальше, чем души умерших.

2. Год Путешествия 1181

Ольми стоял в общедоступной обсерватории Аксис Евклида, заложив руки за спину, в ожидании Корженовского. Вместе они должны были попытаться убедить главного адвоката Земли Рам Кикиуру, что законные права уцелевших земель не могут отменить право Нового Гексамона заставить

их при необходимости пройти тальзит-очищение. Он вновь мысленно повторил свои аргументы.

Если люди не пройдут духовное очищение, так же как и физическое, состояние мыслей может стать таким, что раздоры и разногласия могут снова разорвать Землю на части в течение нескольких столетий, если не раньше. Они должны быть душевно здоровыми, чтобы встретить будущее, которое уже готовил для них Новый Гексамон; в нем не было места для каких-либо архаических болезненных мыслей, которые, в первую очередь, и привели к Гибели.

Однако Ольми не был уверен, что ему удастся убедить Рам Кикуру. Она перечитывала «Федералистские труды» и знакомялась с древними юридическими казусами.

Пришел Корженовский, как всегда опоздав, и они вместе несколько минут наблюдали, как под ними проплывают континенты, моря и облака. Горизонт все еще был оранжево-серым от пыли и пепла в стратосфере; сквозь просветы в облаках было видно, что большая часть суши покрыта снегом.

– Ваша женщина собирается устроить нам тяжелые времена? – спросил Инженер.

– Без всякого сомнения, – сказал Ольми.

Корженовский улыбнулся.

– Я хочу кое в чем сознаться. В последнее время мои мысли заняты одной молодой женщиной. О, я знаю, что мы все должны сосредоточиться на восстановительных работах... но, кажется, вы понимаете, почему я думаю о ней.

Ольми кивнул.

– Вероятно, ей не удалось, – заметил Инженер.

– Попасть домой?

– Это очень маловероятно. Я занимался теорией Пути. Частично я продолжаю думать об этих проблемах и сейчас. Мы очень мало знаем о геометрических сосредоточениях. Когда Патриция излагала свои теории, они казались верными... И они были почти верны, но не настолько, чтобы вернуть ее домой.

– Так где же она сейчас?

– Этого я не могу сказать. – Корженовский потер лоб. – Однако эта настойчивость... это стремление продолжать работу над данной проблемой... Я не могу сказать, что у меня есть возражения. Сама теория впечатляет. Размышления об этом доставляют мне самое большое удовольствие, какое только я могу себе представить. И, возможно, когда-нибудь мы сможем попробовать снова.

– С Земли? – спросил Ольми.

– У нас все еще есть шестая камера, – напомнил Инженер. – Это должно быть проще, чем раньше. И мы могли бы сделать это лучше.

Ольми некоторое время молчал.

– Этом может стать неизбежным, – заключил он, – но давайте не будем говорить об этом Нексусу прямо сейчас.

– Конечно, – согласился Корженовский. – После всего, что произошло, мы... я очень терпелив.

Под напряженным острым взглядом Инженера, подобным взгляду готовой к прыжку кошки, у Ольми зашевелились волосы на затылке.

Он не испытывал столь древней реакции уже давно.

– Давайте сразимся с вашим адвокатом, – предложил Корженовский.

Они отвернулись от панорамы Земли и направились к лифту, ведущему в приемную Нексуса, где ждала Сули Рам Кикура.

3. Павел Мирский: личные записи

Если я не ошибаюсь и если не учитывать последствий нашего путешествия, сегодня мне исполняется тридцать два года.

Я привык к жизни в Центральном Городе и участвую вместе с гешелями во всех событиях. Каждую неделю я корректирую копии своей личности и каждый день знакомлюсь с десятками граждан, которые очень хотят пообщаться со мной. И работаю.

Я изучаю историю. Те, кто распределяет здесь работу, считают, что мое восприятие и мои способности делают меня уникальной линзой, через которую можно рассматривать и интерпретировать прошлое. Родженский помогает мне. Он

адаптировался, чем я, и даже собирается в следующем воплощении взять себе сделанное на заказ неоморфное тело.

Я часто встречаюсь с Джозефом Римская, но он все еще мрачен и очень возбудим. Я думаю, что он тоскует по дому и, возможно, ему не стоило уходить отсюда. Он уже давно твердит о тальзит-терапии, но до сих пор не сделал этого. Берил Уоллес мы видим редко. Она включена в группу наблюдателей. Это уникальная и пользующаяся большим спросом работа, в которой, как мне кажется, Берил выполняет, в основном, роль талисмана, но я могу и ошибаться. Импланты способны творить чудеса.

Я никогда не был интеллектуалом. Философия меня утомляла, вопросы о смысле жизни и о сущности реальности казались бессмысленными. У меня не было способностей и достаточно богатого воображения. С появлением импланта все изменилось. Я сделал еще несколько шагов к тому, чтобы стать другим человеком.

Мы проделали значительный путь с тех пор, как достигли околосветовой скорости. Не думаю, что кто-либо ожидал того, что происходит сейчас. Путь очень сложен, и даже его создатели не могли предвидеть всех его возможностей.

Сейчас мы путешествуем вдоль Пути-призрака, локальная природа которого изменилась под воздействием нашего околосветового движения. У него нет диаметра или границ как таковых; объекты, обладающие массой, просто не могут существовать на расстоянии более двадцати тысяч километ-

ров от той линии, по которой мы двигаемся. (Поток, или сингулярность, исчез три месяца назад. Просто испарился, превратившись во вспышку новых частиц, некоторые из которых неизвестны даже гешелям).

Мы вышли за пределы супер-множества внешних вселенных, которое включало в себя все наши разнообразные мировые линии. Даже если бы мы сейчас остановились и открыли ворота «наружу», мы встретили бы миры без материи, может быть, даже без формы или порядка. Весьма сомнительно обнаружить здесь нечто знакомое.

Существует бесконечное множество альтернатив Пути, каждая из которых начинается на альтернативной мировой линии за пределами нашей. До сих пор исследователям Пути не было в точности известно, где расположены альтернативные Пути и можно ли их вообще рассматривать как реальные. Поскольку Путь пересекает большую группу альтернативных мировых линий – возможно, все, – может ли существовать больше одного Пути?

Путешествуя с околосветовой скоростью, мы ответили на эти вопросы. Однако появились новые, требующие ответа. Мы нарушили геометрию Пути более чем в четырех измерениях – мы также сжали пятое измерение, сдвинув альтернативные Пути вместе. Границы Пути стали прозрачными в широком диапазоне частот, и мы можем понять форму других Путей. Мы можем выбрать Путь, который хотим изучить, используя устройства, подобные клавикулам для открыва-

ния ворот. Именно наблюдением этих альтернативных Путей сейчас занимается Берил Уоллес.

Мы можем даже видеть существ, обитающих на других Путиях (и в некоторых случаях пообщаться с ними).

Таким образом, существует бесконечное множество мировых линий, и, следовательно, бесконечное множество связей между ними. Наши исследователи разрабатывают схемы, которые позволили бы нам переходить в другие Пути, другие супер-множества мировых линий, но даже с имплантом я с трудом понимаю то, что они обсуждают.

Это все, что я знаю. Есть Пути, где существа из тысяч самых разнообразных вселенных ведут торговлю, обмениваясь в одних случаях лишь информацией, в других – различными типами пространства-времени. Можно ли представить себе потенциал, который должен существовать между двумя вселенными с различными свойствами? Можно ли этот потенциал назвать энергией?

Римская, оставаясь угрюмым, продолжает работу и даже внес существенный вклад в исследования. Он считает, что нашел определение информации. Это потенциал, существующий между всеми временными измерениями (в частности, самим временем и пятым измерением, разделяющим мировые линии) и пространственными измерениями. Там, где взаимодействуют пространство и время, имеется информация; и там, где информация может быть упорядочена и превращена в знания, а знания могут быть применены, есть

разум.

Чтобы кто-нибудь, читая эти записки первобытного человека, не подумал, что мы проводим время, погружившись в абстракции, стоит добавить, что я открываю богатство, доступное тем, кто желает изменить свои основные характеристики. Разнообразие эмоций, доступное перестроенному человеческому разуму, возможность думать о том, что было недоступно твоим предкам...

Эмоция – *--, которую можно описать лишь как нечто среднее между сексом и радостью познания – любовные игры с мыслями? Или amp ; amp ;, истинная противоположность страданию. Не «удовольствие», но «предупреждение» об исцелении, росте и изменении. Или (+), наиболее сложная эмоция, которую испытывают те, кто постоянно изменяет конфигурацию своего разума и пробует широкий спектр возможностей, присущих мышлению и существованию.

Я едва начал разбираться в разнообразии человеческой любви. Личности здесь не обязательно изолированы; я могу принадлежать к широкому спектру личностных совокупностей и, тем не менее, сохранять свою индивидуальность... Я ничего не теряю и приобретаю тысячи новых ощущений.

Какая польза от попыток измерить расстояние, которое мы прошли? Какая польза личности прежнего Павла Мирского от желания осознать его? Вскоре, как я твердо решил, я наберусь смелости и уйду в Память Города.

И несмотря на занятость я, тем не менее, страдаю. Я все

еще оплакиваю утраченную часть меня самого, все еще ощущаю тоску по Земле, на которую не смогу вернуться, Земле, теперь вдвойне недостижимой. Но эта тоска глубоко похоронена там, куда с трудом проходят даже тальзит-сеансы... Возможно, в некоей зоне, которую запрещено изменять, известной как Таинство. Какая ирония, что таким образом я все еще чувствую себя русским, и пока будет существовать хотя бы часть меня, я буду русским!

Поскольку я обладаю тем же Таинством, что и прежний Павел Мирский, я ощущаю свою непрерывность. Я ощущаю...

Стремление к звездам – да, но не только.

Когда я был маленьким, в Киеве (так говорит некоторая часть моей памяти), я однажды спросил своего отчима, как долго будут жить люди, когда будет построен Рай для Трудящихся. Он был специалистом по компьютерам, с богатым воображением, и он сказал:

– Возможно, так долго, как только пожелают. Может быть, миллиард лет.

– А сколько это – миллиард лет? – спросил я его.

– Это очень долго. Эпоха, вечность, время, достаточное для того, чтобы вся жизнь возникла, и вся жизнь закончилась. Некоторые называют это эоном.

В геологии, как я узнал позже, один эон действительно означает миллиард лет. Но греки, которые создали это слово, не были столь конкретны. Они использовали его как обо-

значение для вечности, времени жизни вселенной, намного большего, чем миллиард лет. Это была также персонификация божественного временного цикла.

Я пережил Рай для Трудящихся. Я пережил конец моей Вселенной, и могу пережить несчетное множество других.

Дорогой мой отчим, похоже, что я смогу пережить самих богов...

Настоящий эон.

Столько еще предстоит узнать и столько изменить. Каждый день я глубоко вздыхаю, подсчитываю мои альтернативы и понимаю, как нам повезло. (Если бы я только мог убедить Римская! Несчастный человек.)

Я свободен.

4. Айгиптос, Год Александра 2323

Молодая царица Клеопатра XXI только что провела четыре долгих и утомительных часа, выслушивая запутанные показания пяти опальных конгрессменов законодательного совета Нома Оксиринхоса. Их жалобы, как решил ее самый доверенный советник, лишены оснований, так что она с суровой улыбкой прогнала их, предупредив, чтобы они не выносили свои жалобы за пределы Айгиптоса в какое-либо другое государство, иначе они будут изгнаны из Александрий-

ской Ойкумены и отправятся на восток, или на запад в земли варваров, или, что еще хуже, в Латиум.

Три раза в неделю Клеопатра выслушивала подобные жалобы, выбранные из тысяч дел ее советниками, хорошо понимая, что это формальность и судьба их предрешена. Ее не очень устраивали эти ограничения, наложенные законодательным советом Ойкумены во времена ее отцов, но альтернативой было лишь изгнание, а опальной восемнадцатилетней царице почти некуда идти за пределами Ойкумены. Многого изменилось за последние пятьсот лет!

Клеопатра взглянула на очередного посетителя. Она слышала много рассказов о главной жрице и ученой Гипатейоне на Родосе, о женщине, которая стала легендой не только из-за того, как она попала в Ойкумену, но и благодаря ее достижениям за последние полвека. Однако царица и жрица никогда раньше не встречались.

Ученая Патрикия прилетела с Родоса два дня назад, приземлившись в аэропорту Рахотис к западу от Александрии, и, ожидая аудиенции, поселилась в привилегированной резиденции в Музейоне. За эти два дня она совершила обязательную, в сущности, экскурсию к пирамидам Александра и Диадохоса, чтобы осмотреть (как это утомительно, подумала Клеопатра) обернутые в золото мумии основателей Александрийской Ойкумены, а затем к окружающим их пирамидам и могилам Наследников. Сообщалось, что ученая хорошо перенесла экскурсии и некоторые ее наблюдения записа-

ны для передачи в восемьдесят пять номов Ойкумены.

Появились глашатаи, объявляя, что ученая прибыла на мыс Лохиас и вскоре будет в царской резиденции. Советники покинули зал, и Клеопатру окружили ее мухи, как она их называла – камергеры и фрейлины, – стирая пот с ее лба, пудря ее щеки и нос, укладывая ее одежды вокруг золотого трона. Поперек зала, наполовину в тени и наполовину на солнце, выстроилась фаланга царской охраны. Когда они разделятся на две линии и встанут по обеим сторонам портала, Клеопатра примет Позу и приветствует Патрикию.

Ряды выстроились, и глашатаи приступили к своим утомительным ритуалам.

Был четвертый день Сотиса по старому стилю, или 27 Архимеда – по новому.

Клеопатра терпеливо сидела на троне, сделанном из кедра, доставленного из причинявшей немалые хлопоты Иудеи, иногда называемой Новой Финикией, потягивая шипучую воду из Галлии из кубка, изготовленного в Метаскифии. Каждый день она старалась пользоваться товарами всех номов, государств и дружественных племен, зная, что для них это почетно и что их народы будут горды тем, что служат древнейшей из империй – Александрийской Ойкумене. Будет хорошо, если ученая увидит Клеопатру исполняющей свои обязанности, поскольку, честно говоря, у юной царицы почти не было других занятий; действительно важные решения теперь принимали законодательный совет и Совет Из-

бранных, примерно так же, как в Афинах.

Большие бронзовые двери Теотокополоса широко распахнулись, и процессия вступила в зал. Клеопатра не обращала внимания на быстро увеличивавшуюся толпу придворных, камергеров и мелких политиков. Она сразу же перевела взгляд на входившую в зал ученую Патрикию, которую поддерживали под руки два ее взрослых сына.

Жрица была одета в платье черного шелка из империи Чин-Чин, простое и элегантное, со звездой над одной грудью и луной над другой. Волосы ее были длинными, все еще роскошно густыми и темными; лицо казалось молодым, несмотря на ее семьдесят четыре года; глаза – черные, большие и пронизательные. Клеопатра с трудом заставила себя посмотреть в эти глаза; они казались опасными, слишком вызывающими.

– Добро пожаловать, – сказала она, преднамеренно избегая всех церемоний. – Садитесь. Мне сказали, что нам есть что обсудить.

– О да, есть, моя прекрасная царица, – ответила ученая, пошла от сыновей и приблизилась к трону, одной рукой поддерживая длинный подол платья. Она действительно была очень сообразительна; несомненно, она удерживала своих сыновей в храме для их собственного блага, а не для своего: в эти дни в Ойкумене не слишком легко найти работу.

Патрикия села на покрытое подушками кресло, стоявшее на один человеческий рост ниже трона царицы, и подняла

лицо к Клеопатре; ее глаза восхищенно сияли.

– Мне также говорили, что вы принесли некоторые из своих чудесных инструментов, чтобы показать их мне и объяснить их назначение, – продолжала Клеопатра.

– Если мне будет позволено...

– Конечно.

Патрикия дала знак, и два студента Гипатейона принесли большой плоский деревянный ящик. Клеопатра узнала древесину: клен из Нового Кархедона за широкой Атлантикой. Интересно, как идет их революция, подумала она; слишком мало новостей просачивалось с заблокированных прибрежных территорий.

Жрица велела поставить ящик на большой круглый стол из кованой бронзы с серебряной гравировкой.

– Вероятно, Ваше Императорское Величество знает мою историю?..

Клеопатра кивнула и улыбнулась.

– Я знаю, что вы свалились с неба, преследуемая разъяренной звездой, и что вы родились не на этой Гее.

– И что у меня с собой были?.. – подсказала Патрикия, совсем как один из наставников Клеопатры.

Царица не возражала; ей нравилось учиться. Большую часть своей жизни она провела в классах, изучая свойства и просторы мира, а также языки.

– У вас с собой были чудесные приборы, у которых нет точного соответствия в нашем мире. Да, да, эта история хо-

рошо известна.

– Тогда я сейчас расскажу вам о том, что знаю только я, – сказала Патрикия. Она окинула взглядом зал и затем снова обратила свой необычный взгляд к юной царице. Клеопатра поняла и кивнула.

– Это будет приватная беседа. Мы сделаем перерыв и встретимся в моих покоях.

Зал быстро очистился, и Клеопатра, бесцеремонно сбросив тяжелые одежды, накинула на плечи легкую накидку из биссосо. В сопровождении лишь двух телохранителей и сыновей Патрикии они направились в покои царицы. Их ждали подносы с перепелами и хрустальные кубки с винами из Коса. Ученая разделила трапезу с царицей, что было очень редкой привилегией.

Когда они закончили, поели сыновья, и Клеопатра с Патрикией удобно устроились на подушках в углу. Камергеры задернули вокруг них занавеси.

Тогда и только тогда Патрикия открыла крышку деревянного ящика. Там, на толстом слое пурпурного фетра – фетр из Приддена и краска из Иудеи – покоились сделанный из серебра и стекла плоский предмет размером с ладонь еще один предмет, поменьше, и нечто в форме седла с выступающими ручками.

Эти вещи были почти столь же знамениты, как сокровищница генерала Птолемея Сотера – особенно среди ученых и философов. Лишь немногие когда-либо видели их, даже ее

мать и отцы.

Клеопатра разглядывала все с нескрываемым любопытством.

– Расскажите мне о них, пожалуйста, – попросила она.

– С помощью этого, – Патрикия показала на небольшой плоский предмет, – я могу измерять свойства пространства и времени. Много лет назад, когда я нашла убежище в Гипатейоне после смерти моего мужа, тамошние техники сделали мне новые батареи, и теперь это устройство снова работает.

– Они заслуживают похвалы, – сказала Клеопатра. Патрикия улыбнулась и махнула рукой, словно речь шла о чем-то несущественном.

– Философия и технология в вашем мире в некоторых отношениях не столь развиты, как в моем, хотя и очень близки. Но у вас замечательные математики и прекрасные астрономы. Моя работа далеко продвинулась.

– Да?

– А этот прибор, – Патрикия достала из ящика предмет с ручками, – говорит мне, где другие пытаются открыть проходы в наш мир, на эту Гею. Он чувствует это и сообщает мне.

– У него есть какое-либо другое предназначение? – спросила Клеопатра, осознавая, что происходящее уже недоступно ее пониманию.

– Нет. Не сейчас и не здесь.

К своему удивлению, царица вдруг поняла, что на глазах

у старой жрицы выступили слезы.

– Я никогда не отказывалась от своей мечты, – сказала Патрикия. – И никогда не теряла надежды. Но я старею, моя царица, и мои чувства уже не столь остры... – Она приподнялась с кресла и вновь с глубоким вздохом опустила в него. – Тем не менее, сейчас я уверена. Я получила верный знак от этого устройства.

– Знак чего?

– Не знаю, каким образом или где, моя царица, но в наш мир открылся проход. Это устройство ощущает его присутствие, и я тоже. Где-то на Гее, моя царица. Прежде чем я умру, я хочу найти этот проход, и увидеть, нет ли хотя бы ничтожного шанса на то, что мне удастся осуществить свою мечту...

– Проход? Что вы имеете в виду?

– Проход туда, откуда я пришла. Возможно, они снова открыли его. Или кто-то создал совершенно новый путь к звездам.

Клеопатра внезапно ощутила беспокойство. Инстинкты ста двадцати поколений Македонской Династии жили в ее крови.

– Люди вашего мира – они мирные и доброжелательные? – спросила она.

Взгляд жрицы внезапно стал далеким и туманным.

– Не знаю. Вероятно, да. Но я прошу вас, царица, помочь мне отыскать этот проход, с помощью всех средств, какие

есть в вашем распоряжении. . .

Клеопатра нахмурилась и наклонилась вперед, чтобы лучше видеть лицо жрицы. Потом она взяла иссохшую руку Патрикии в свои.

– Принесет ли этот проход пользу нашим землям?

– Почти наверняка, – сказала Патрикия. – Я сама – лишь небольшой пример тех чудес, которые могут лежать за подобным проходом.

Клеопатра, нахмурившись, некоторое время размышляла. Ойкумену осаждало множество проблем, некоторые из которых, как уверяли ее советники, были непреодолимы – проблемы древней цивилизации, шедшей к упадку. Она не очень верила в это, но сама мысль ее пугала. Даже в век самолетов и радио должны существовать другие вещи, другие чудеса, которые могут спасти их в их нынешнем положении.

– Это короткий путь к отдаленным территориям, где мы можем расширить нашу торговлю и где можем узнать много нового?

Патрикия улыбнулась.

– Вы очень понятливы, моя царица.

– Тогда мы будем искать. Я прикажу, чтобы дружественные нам государства и империи тоже участвовали в поисках.

– Он может быть скрытым, очень маленьким, – предупредила жрица. – Возможно, это лишь пробный проход, шириной всего в человеческую руку.

– Наши поиски будут тщательными, – заверила Клеопат-

ра. – Под вашим руководством проход будет найден.

Патрикия искоса посмотрела на нее с почти высокомерным подозрением.

– Меня долго считали выжившей из ума старухой, несмотря на эти чудеса. – Она положила руку на ящик. – Вы верите мне?

– Да, клянусь моим титулом Царицы Александрийского Египта и Македонской Династии, – сказала Клеопатра.

Ей хотелось верить. Жизнь во дворце последние несколько лет была очень скучной, а царица действительно обладала способностями, главным образом – в вопросах, касавшихся политики и государственных дел.

– Спасибо, – вздохнула Патрикия. – Мой муж никогда мне по-настоящему не верил. Он был прекрасным человеком, рыбаком... Но он беспокоился и говорил, что я должна жить только этой жизнью, а не мечтой о других...

– Ненавижу ограничения, – страстно воскликнула Клеопатра. – Что вы будете делать, если мы найдем проход?

Глаза Патрикии расширились.

– Я отправлюсь домой, – сказала она. – Наконец, сколь бы несерьезно это ни было, я отправлюсь домой.

– Полагаю, не раньше, чем вы закончите свою работу для нас.

– Нет. Это для меня на первом месте.

– Хорошо. Пусть будет так.

Клеопатра позвала своих советников, строго предупреди-

ла, что императорский декрет не может быть предметом разногласий, и отдала команду начать поиски.

– Спасибо, Ваше Императорское Величество, – сказала жрица, когда они шли назад в зал.

Клеопатра смотрела, как Патрикия уходит через ворота Теотокополоса, возвращаясь в Гипатейон до того времени, когда начнется поиск. Потом царица закрыла глаза и попыталась представить себе...

Родина старой женщины. Откуда могла она явиться? Мир светящихся башен и могучих крепостей, где люди были больше степени богами или дьяволами, чем мужчинами или женщинами, которых она знала. Лишь такой мир мог произвести на свет эту маленькую чувственную ученую.

– Как странно, – пробормотала Клеопатра, садясь на трон. Тяжелые одежды вновь были наброшены на ее плечи. Она ощутила приступ внезапной дрожи. – Как удивительно...

Пока ты не знаешь, где ты находишься, ты не знаешь,
кто ты.

Уэнделл Барри.